

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ВЕДЬМИНА ДОРОГА

НАТАЛЬЯ АВЕРБУХ

Как жить, если ты вампир, который боится крови? Как жить, если ты ведьма, которая не хочет творить зло? Как жить, если в вашу деревню пришла беда? Отступить ли или вступить в борьбу с напастью, а заодно и с невежеством местных жителей? Любовь, дружба, предательство, верность... Враг предложит помощь, а друг... а что друг?..

Наталья Владимировна Авербух

Ведьмина дорога

Посвящается несуществующей деревне Монсильван, в которой такие события были бы невозможны. С благодарностью её жителям.

Предыстория

Домой

— Очнись! Просыпайся!

Вейму трясли за плечо. Болела голова. Болело всё тело. Во рту был отвратительный вкус. Голос был незнаком. Незнакомым было и чужое прикосновение и... запах. Пахло шерстью, землёй, травой и хвоей. Человеком не пахло, хотя рука и голос принадлежали мужчине. *Мужчине*. Но не человеку.

— Очнись!

Её встряхнули сильнее. Девушка открыла глаза. Над ней участливо склонился незнакомый мужчина. Незнакомый?! Она видела его лицо! Тогда, в толпе. Но где... как... почему?..

— Кто вы? — тихо спросила она. — Что вам от меня нужно?

— Ничего, — прозвучал спокойный ответ. — Я слышал, в деревне собираются сжечь ведьму.

Вейма сжала зубы, сдерживая стон злости. Воспоминание о собственной беспомощности жгло её как огнём. Как огнём... наверное, всё-таки не так.

— Ты пыталась вырваться, — напомнил мужчина. Девушка зажмурилась, пытаясь забыть жуткие картины. — Почти порвала верёвки, оттолкнула одного, укусила другого...

Вейма застонала.

— Ты прокусила ему руку, — безжалостно продолжал её собеседник. — А потом тебя вырвало и ты потеряла сознание.

— У тебя есть вода? — спросила она. Мужчина протянул ей наполовину пустую — слышно по бульканью воды — фляжку. Девушка протянула руку и коснулась его руки. Она была тёплой и немного шершавой. Вейма посмотрела своему спасителю в глаза. Серые глаза. Серые волосы. Обычное лицо. Человек, которого невозможно запомнить. Но он... он был там.

Вода оказалась холодной и вкусной. Девушка прополоскала рот и сплюнула. Потом жадно напилась.

— Оставь мне, — попросил мужчина, с интересом за ней наблюдая. Вейма молча протянула ему фляжку обратно, он взял, но пить не стал.

— Это ты меня оттуда унёс? — спросила девушка. — Зачем?

— Тебя приняли за ведьму, потому что ты носишь мужскую одежду, — вместо ответа произнёс мужчина. Вейма окинула его ещё одним внимательным взглядом. Потёртые кожаные штаны, кожаная куртка с меховой оторочкой, надетая на голое тело. Тканной одежды он, похоже, не носил. Девушка пожалала плечами.

— Я слышал в толпе, что ты притворялась мужчиной, — не отставал спаситель. — Зачем?

— Какая разница? — устало вздохнула Вейма. Дело шло к вечеру, хотелось есть. До ближайшего человеческого жилья... девушка вздрогнула. Она понятия не имела, как далеко хотя бы маленькая деревенька. Сколько она сможет продержаться без еды?

— Ты называла себя школяром, [□](#) — продолжил спаситель. — Говорила, что идёшь в университет в Раноге.

— Говорила, — согласилась девушка.

— Зачем?

— Может быть, потому, что я иду в университет в Раноге? — задумчиво предположила Вейма. В подвале её продержали три дня. Точно не больше. Кто знает, может быть, когда стемнеет, у неё хватит сил докуда-нибудь добраться.

— В мужской одежде?

— Я хочу учиться.

— В университет принимают женщин.

— Учиться свободным искусствам^[2]? — презрительно хмыкнула девушка.

Мужчина выжидательно смотрел на неё и она тяжело вздохнула.

— Чтобы овладеть юриспруденцией, медициной или богословием, надо быть мужчиной, — пояснила она.

— А зачем? — спросил мужчина.

Вейма пожала плечами.

— Если бы тебя убили, тебе не пригодились бы твои знания. Ни прошлые, ни будущие.

— Я изучала риторику, — горько усмехнулась девушка. — Но они не стали меня слушать.

— Я слышал, в округе перестали доиться коровы, когда ты там появилась.

— Столько шума на пустом месте!

— Почему-то именно те, которых тебе показывали... хотя твои советы по их лечению были очень разумны и ты не брала платы.

— Молоко у них было прекрасное, — вздохнула Вейма. — Чего ты хочешь?

— Улыбнись.

— Что?!

— Я спас тебе жизнь, — напомнил мужчина.

Вейма медленно, неохотно улыбнулась. Улыбка вышла кривая и некрасивая, но мужчина удовлетворённо кивнул.

— А ты оборотень, — сказала девушка. — Как ты это сделал?

— В суматохе подхватил тебя на руки и удрал. Я быстро бегаю. Ничего героического, если ты об этом.

— Но зачем?

— Хочешь, отнесу тебя обратно? — предложил мужчина.

Вейма покачала головой. Его слова походили на шутку... или издевательство. Но не были ни тем, ни другим. Он просто предложил ей выбор. Темнело. Где всё-таки ближайшая деревня? Девушке страшно хотелось есть.

— Ты не пьёшь человеческой крови? — спросил мужчина.

— Никакой не пью, — скривилась Вейма. — Как тебя зовут?

— Вир.

Вейма протянула руку. Оборотень её пожал. Сильно, не собираясь её щадить, и ослабил хват только когда она побледнела.

— У тебя сила двух человек, — сделал вывод он. — Вместо десяти. Неудивительно, что тебя сумели схватить.

— Быть сильнее двоих тоже неплохо, — возразила девушка.

— Ты не назвала мне своего имени.

— А ты его спрашивал? Вейма.

Оборотень кивнул.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — растерялась девушка. — А где мы?

Оборотень назвал место, но Вейме оно ни о чём не говорила.

— Вампир, который питается молоком вместо крови, — улыбнулся Вир. — Прокормить тебя будет непросто.

— А кто сказал, что тебе надо меня кормить? — обиделась девушка. Но мужчина уже поднялся во весь рост, подпрыгнул и перекувыркнулся в воздухе. На землю опустился волк. Вейма попятилась, но он не собирался нападать. Просто сидел и выжидательно смотрел на неё. Девушка вздохнула. Синяки от побоев почти зажили, но она не ела вот уже три дня... нет, четыре, ведь ещё был день перед тем, как её схватили. Они не оставили ей плаща. Жаль. С плащом было бы удобнее.

На Вейме были мужские штаны, рубашка и куртка с широкими, по последней моде, рукавами. Девушка раскинула в стороны руки и завертелась на месте, пронзительно вереща. Краем глаза она заметила, как оборотень смешно сморщил нос, но вскоре ей стало не до этого. Вращение становилось всё быстрее и быстрее, визг всё пронзительнее и пронзительнее, Вейма вскинула руки вверх, словно прося небеса о милости, затем обхватила себя, а потом...

В воздухе висела, натужно хлопая крыльями, огромная летучая мышь.

Волк одобрительно кашлянул. Будь это собака, она бы, наверное, тявкнула, но это была не собака. А после сорвался с места и побежал, предоставляя вампирше выбирать дорогу среди густых ветвей. Вейма поднялась выше деревьев и полетела следом за оборотнем. Что бы он ни задумал, ей очень хотелось есть.

* * *

— С кровью ты бы смотрелась страшнее, — усмехнулся оборотень. Девушка оскалила зубы, но он только рассмеялся. Она стояла на коленях, с безумным огнём в глазах, и молоко струйкой стекало по подбородку. Корова мирно спала и даже не подозревала, что кто-то выдоил её досуха.

— Наелась? — заботливо спросил Вир. Вейма помотала головой. Понимать человеческую речь всё ещё было сложно. Голод загуманил её разум, и примерно с середины пути она летела, не раздумывая, повторяя все метания волка по лесу. Когда он превратился в человека, она упала рядом. Обратное превращение совершилось само собой, а дальше... кажется, он что-то сказал и втолкнул её в коровник. Приглашение. Приглашение в собственный дом. Но...

— Это твоя корова?! — ахнула вампирша.

— Добро пожаловать домой, — улыбнулся оборотень.

— Но я...

— Ты уже засыпаешь, — оборвал её Вир и потащил за собой. Девушка не сопротивлялась. После трехдневного голода пища оказала обычное действие на вампиршу: она начала проваливаться в глубокий сон. Куда её ведут и откуда у оборотня не только дом, но и домашняя скотина, её уже не интересовало. Это можно было узнать и завтра...

Завтра началось только когда зашло солнце. Вейма открыла глаза и присвистнула. Комнатка, где она спала, была маленькой, почти всё пространство на полу занимала волчья шкура, а стены шли под углом. Дом оборотня был двухэтажный. Самого мужчины не было здесь уже несколько часов, возможно, весь день, и это было страннее всего.

— Добро пожаловать — куда?! — с ужасом вспомнила девушка и бросилась к окну. Ночь уже вступила в свои права, вампирша была сыта и полна сил и без труда обернулась стружкой тумана, которая потекла в сторону маленького окошка под самой крышей... почему-то этот трюк срабатывал только в помещении и только в отношении окон и дверей... обычно срабатывал.

Девушка упала обратно на шкуру в своём человеческом облике. Грязно выругалась. Ей, вампиру, было слишком хорошо известно, что это может означать. Вейма с ненавистью оглядела комнатку. Пушистая шкура, косые стены обшиты досками — кто-то не поленился отделять это жилище. Пахло деревом, зверем и запустением. До сегодняшнего дня здесь спал только сам хозяин дома, но чаще комната пустовала. Отдышавшись после падения, девушка бросилась к двери, толкнула её... дверь не поддавалась. Вампирша обезумела от страха и ненависти и ударила со всей силы. Треск косяка заставил её ненадолго опомниться. Проклятая дверь открывалась внутрь. Вейма рванула её на себя, выскочила и тут же почувствовала, как летит вниз. Превращаться на лету она не умела. Падение было недолгим. Вейма оказалась посреди просторной комнаты. В центре очаг, в стороне от него — дыра в потолке, рядом лежала лестница.

— Ага, — процедила вампирша. Огляделась по сторонам. Комната была противоестественно уютная. В таком доме попросту не мог жить оборотень... но он жил. А иногда сюда приходили и другие люди... земля, корова, сено, навоз, душный человеческий запах... крестьяне. Ну, да, надо же кому-то присматривать за скотиной. Вейму охватила паника. Сюда ещё и в любое мгновение мог кто-то войти!

Вейма заметалась. Рванулась к двери. Она не была заперта, но... девушка пришла в себя на полу. Невидимая граница отбросила её обратно в комнату. Вампирша попробовала другую дверь, выбежала в кухню... лазейки не было. В кухне вампирша заставила себя успокоиться и принюхаться, а затем и оглядеться. Иногда здесь готовили. А из посуды в буфете даже ели. Вейма тщательней принюхалась. Чутьё, которое используют вампиры, отличается от естественного обоняния оборотней, оно скорее позволяет улавливать нечто вроде запаха дел и настроений. Обычный нюх у вампиров немногим лучше, чем у людей, да и тот они частенько притупляют, иначе могли бы не справиться с брезгливостью на охоте. Зато вампирское чутьё помогало определять многие вещи с убийственной точностью. Готовил и ел тут только Вир. И не только мясо. Рыба, хлеб, фрукты, молоко... ну, да, иначе зачем держать корову?..

С каких пор оборотни живут такой жизнью? Кто он вообще такой?

Продуктов в кухне не было, только мука в ларе у стены, да богатый набор пряностей в отдельном ящике. Зато посуде, ситам, решёткам, черпакам, лопаткам и прочему позавидовала бы любая хозяйка, даже в очень богатых домах. Вейма оскалилась. Не будь она вампиром, о назначении большей части предметов ей было бы не догадаться. Когда она жила дома... когда она была человеком... когда-то она была человеком...

Её отец был аптекарем, и поэтому в доме никогда ничего не готовили, кроме снадобий, чтобы запах еды не мешал работе мастера. Отец говорил, что способен по изменению аромата угадать ошибку, превращающую лекарство в смертельный яд... отец был добрым человеком и любил свою единственную дочь. Отец был слишком добрым человеком. Он был человеком. Когда-то она тоже. Была.

На кухне хватало утвари, но вот двери наружу там не было. Вейма вернулась в комнату. Человек мог начать метаться в поисках выхода. Для вампира это не имело смысла. *Добро пожаловать домой.* Наверняка этот... этот пёс добавил что-то, когда уходил. Вампир может войти в дом только после приглашения хозяина. Только проклятые — ведьмы, оборотни и тёмные маги — знают, что вампира можно удержать в доме просто... запретив ему выходить наружу. Просто потому что среди проклятых все знают друг о друге что-нибудь... эдакое. Полезное, если вдруг пути пересекутся не в добрый час. *Добро пожаловать домой.* Домой?!

* * *

Когда незадолго до рассвета дверь отворилась. Вошедший в дом мужчина уклонился от летящей ему в голову скамьи и восхищённо оглядел произведённый девушкой хаос. Повёл носом и заметил:

— Я очень тебе благодарен, что ты ограничилась этой комнатой.

Вейма издала яростное рычание и бросилась к нему. Оборотень бросил в сторону принесённый с собой мешок, отступил на шаг и перехватил девушку за запястья.

— Если ты меня поцарапаешь, опять свалишься в обморок, — серьёзно произнёс он, глядя в её пытающие ненавистью тёмные глаза. Вампирша только глухо рычала и бесполезно дёргалась в тщетных стараниях дотянуться до новоявленного тюремщика. Наконец ей это надоело.

— Что тебе нужно? — устало спросила она. — Да пусти уже. Хватит.

Оборотень пожал плечами.

— Куда ты собралась идти? В мужской одежде, не зная местности, одна, без всякой защиты?

— Мне не нужна защита! — взвилась девушка.

— Я заметил, — сухо произнёс оборотень. С явным огорчением оглядел разгромленную комнату и уселся на пол.

— Кресла не предлагаю, — едко произнёс он.

— Больно надо, — проворчала девушка, тоже разглядывая дело своих рук. — Зачем ты меня здесь запер?

— А куда ты хотела идти? — напомнил свой вопрос оборотень.

— В Раног, — мрачно ответила Вейма.

— И ты знаешь, где он находится? — вкрадчиво уточнил мужчина.

— Нет. Какая разница?

— Что ты делала в той деревне?

— Отдыхала, — буркнула вампирша. — Какая тебе разница?

— Это земли, принадлежащие союзу баронов^[3], - сообщил Вир.

— То-то все такие богатые, — проворчала вампирша. — И из-за нескольких капель молока...

— Из-за тебя молоко потеряли коровы у четырёх самых богатых хозяев в деревне, — напомнил оборотень. Девушка обескураженно поглядела на него.

— Тебе-то какая разница?!

— Поверь, очень большая. Зачем ты это делала?

— Да всё с ними в порядке будет, с этими коровами! — начала заводиться девушка. — Небошь уже в себя пришли! Жадные какие люди стали! Можно подумать, я у них последнее отбираю! Я ведь всё-таки не...

— Не пьёшь крови, — согласился оборотень. — И не отбираешь последнее у бедняков. Но зачем тебе столько молока?

— А ты думаешь, в природе человека превращаться в летучую мышь?! — вскинулась Вейма.

— Я превращаюсь в волка, — напомнил оборотень. Разговор его, похоже, забавлял.

— Ты не человек, — скривилась вампирша. — И никогда им не был. Ты просто такой, какой есть. А я родилась человеком. Превращение, да ещё и в летучую тварь меня опустошает.

— Тогда почему ты не идёшь в человеческом облике?

— *В мужской одежде, не зная местности, одна, без всякой защиты?* — передразнила его девушка. — Далеко бы я ушла. Потом, знаешь... Ты мог не заметить... Тебе ведь не надо... но в придорожных трактирах не держат коров. Вообще. Ни одной. И коз там тоже не держат. А уж как там не держат овец, я даже рассказать не могу.

— Там всегда можно купить сыра или простокваши, — не обратил оборотень на издёвку девушки внимания.

— Но мне надо живое! — возмутилась Вейма.

— Да-да... и как ты собралась учиться в университете?

— В городах обязательно держат скот, — пожала плечами девушка. — Разжилась бы где-нибудь.

— Ты собралась несколько лет прожить в Ранге под мужским именем, в одежде, которая никого не обманывает, охотясь на городских коров? — уточнил оборотень. Вейма нахмурилась. В таком изложении её планы звучали как-то... не очень разумно.

— Тебе-то какое дело?

— Ты на моей земле, — сообщил оборотень.

Девушка ошарашенно уставилась на него.

— Ты же не... ты же не барон?!

— Разумеется, нет. Но я их шателен^[4]. Поэтому не могу позволить тебе грабить моих людей только потому, что ты проголодалась.

— Что же ты не живёшь в замке? — недоверчиво спросила девушка. О шателенах она имела представление ещё более смутное, чем об оборотнях или приготовлении еды. Но, кажется, основной их обязанностью было хранить замок сеньора и отвечать за укрепления и что-то такое же. А земли только потом. Кажется. Но оборотень, живущий в замке и руководящий обороной...

— У союза баронов нет общего замка, — терпеливо разъяснил Вир. — Они собираются в городах. А здесь земли, которые когда-то принадлежали Дюку^[5], а теперь перешли к союзу. А замок разрушен. Доход с них идёт на совместные нужды союза. Здесь и в ещё нескольких местах. Я управляю здесь.

— А в других местах — другие из твоей стаи.

— Нет, — покачал головой оборотень. — Остальные — обычные люди. Но что нам делать с тобой?

— Отпусти, — без особой надежды попросила вампирша. Этого ещё не хватало! Оборотень, служащий союзу баронов! Только ей могло так повезти!

Вир покачал головой.

— Ты творила зло на моей земле, — медленно произнёс он.

Вейма похолодела.

— Я не...

— На *моей* земле, — с нажимом повторил оборотень. — Я могу потребовать у *клана* возмещения.

Кланом называли союз вампиров. Вейма знала — *сородичи* не заплатят за неё ни гроша и выдадут её жалобщику головой.

— Чего ты хочешь? — устала спросила она. *Добро пожаловать домой.*

— Мне не повезло с писарем, — вместо ответа сообщил шателен союза баронов. — Проворовался. Думал, я не замечу.

— Ну и что? — грубо спросила девушка.

— Ты же грамотная. Займёшь его место.

— Но я не...

— До зимы. А потом я тебя сам отведу в город. Если не передумаешь. Согласна?

Оборотень не глядя протянул руку. Вейма её пожалала.

— По рукам.

Вир поднялся на ноги и подобрал брошенный у порога мешок. Швырнул вампирше.

— Переоденься. Нельзя, чтобы тебя узнали.

Вампирша брезгливо поморщилась, рассматривая неожиданный подарок. Грубая сорочка, домотканное платье, деревянные башмаки, головной платок.

— Я это не...

— Наденешь, — отрезал оборотень. — Если хочешь жить.

Вейма покрутила в руках платок. Он скроет её стриженные волосы, но... незамужние девушки ходили с непокрытой головой.

— Для здешних людей ты — моя женщина, — пояснил Вир. — Так будет проще.

Вампирша поперхнулась.

— А ты не...

Трудность в общении с оборотнями в том, что они по запаху, мельчайшим движениям лица и тела всегда точно угадывают ваше состояние и настроение, чего вы хотите и чего боитесь. Это... выводит из равновесия.

Мужчина с усмешкой обвёл рукой разгромленную комнату.

— Мне не нравятся такие развлечения, *моя козочка.*

Трудность в общении с вампирами в том, что они... просто знают. Чего вы хотите и чего боитесь, о чём думаете, на что намекаете и что пытаетесь скрыть. Это... заставляет чувствовать себя беззащитным.

Вейма схватила что пришлось под руку — кажется, это была ножка парадного кресла — и швырнула в оборотня. Он уклонился, отвесил издевательский поклон и вышел вон.

— Не больно-то и хотелось, — пробурчала девушка себе под нос.

Трудность в общении с проклятыми любых видов в том, что они сделают всё, чтобы испортить себе жизнь.

Тем же вечером Вейма узнала, что отдельной комнаты для сна ей не полагается. Собственно, в доме шателена и не было ещё одной комнаты, только устланный шкурами чердак, просторное помещение, которое девушка разгромила, и кухня в одноэтажной пристройке. Вампирша чуяла, что *изначально* Вир хотел предложить разделить с ним спальню. Это больше, чем предложение переспать. Для оборотней впустить кого-то в свой дом, в своё логово... Вир оказал девушке наивысшее доверие. *Добро пожаловать домой...* Вампирша этого не оценила, и доверие было отозвано назад. Частично, потому что в хлев Вейму всё-таки не выгнали. Беда в том, что вампиры — самые проклятые из всех. Чужое доверие для них или приглашение к обеду или смертельная ловушка.

Разломанную мебель Вир починил собственными руками. В тот же вечер. Вейма сидела рядом, послушно подавая инструменты, и страшно завидовала. Было не так много вещей, которые она умела делать собственными руками. Мать умерла рано, отец не счёл нужным приглашать в дом женщину, чтобы учила дочь ткать и пряхть. Он мог бы показать Вейме, как смешиваются лекарства, но...

«Ни к чему это тебе, доченька, — вспомнила девушка ласковый голос отца. — Женщин, которые готовят лекарства, считают или ведьмами или отравительницами. Себе же на горе научись. Иди, погуляй, милая. Или книжку почитай, не подглядывай за моей работой».

— Можно подумать, это мне так уж помогло, — пробормотала себе под нос вампирша.

— А? — повёл ухом оборотень. Вейма вздрогнула. К тому, что твой собеседник — не человек, надо ещё привыкнуть.

— Я ничему не училась, — пояснила она. — Полезному. Отец считал, что я должна изучать свободные искусства... ну, в крайнем случае, юриспруденцию. Пусть не в университете, но можно же нанять учителя. Хорошая, чистая работа. Не то что составлять лекарства... из вина, чеснока и желчи... или из лисьих внутренностей...

— Писать, читать и считать — в деревне уже полезно, — ободряюще проговорил оборотень.

— А ты, что, не умеешь? — опешила Вейма.

— Умею, — засмеялся оборотень. — Но управлять и записывать — разная работа. Сама убедишься.

— Угу, — уныло отозвалась вампирша. Предстоящий труд её не прельщал.

— А где сейчас твой отец? — осторожно спросил Вир. — Он... жив?

— Жив, — вздохнула девушка. — Наверное. Я не знаю, что с ним. Я ушла из дома. После того, как...

Она сделала выразительный жест поперёк шеи, и оборотень кивнул.

— Ты знаешь, — неожиданно для себя проговорила девушка, — *он* был моим учителем. Ну, тот, кто...

Вир снова кивнул.

— Готовил меня к университету. Отец ему платил... много. Я не оставила записки. Просто... ушла. Не могла там оставаться... запахи... ты не поймёшь... мы это иначе чувствуем... любовь очень сильно пахнет... надежды... ожидания... они меня душили. Когда понимаешь, что ты сама... так не пахнешь... теперь... что старые запахи в комнате остались... а новых... когда вообще понимаешь, что твой запах изменился... и старый

воспринимаешь как чужой... а там им всё пропитано... *Он* только смеялся. Говорил, так и должно быть... ведь я... я больше не человек... у таких, как я, нет дома... семьи... необязательно жить в склепе. Главное, ни к чему не привязываться... есть учитель, клан... и бесконечное проклятие...

Оборотень отложил инструменты и осторожно, стараясь не спугнуть, коснулся плеча девушки. Она не отстранилась, тогда он так же бережно заключил её в свои объятия. Провёл рукой по коротко стриженным волосам, которые девушка так и не спрятала под платком.

— Добро пожаловать домой, — проговорил он.

Глава первая

Угроза

— А почему богословие? — спросила ведьма, медленно помешивая варево. *Два круга посолонь, два круга противосолонь, три круга посолонь, три противусолонь...*

— Что, медицина полезней? — усмехнулась вампирша.

— К чему мне соперники? — в тон ей ответила ведьма.

Она была невысокая, полненькая, с длинными светлыми волосами и россыпью конопушек на носу — полная противоположность худой темноволосой вампирше. Голос у ведьмы был густой, бархатный, тягучий, как её варево. Она носила деревенскую одежду и заплетала волосы в косу, распуская их только во время колдовства. Первое время, когда она только поселилась в этих краях, на неё частенько приходили поглазеть, но теперь у ворот был привязан цепной пёс, здоровый, чем-то похожий на волка, но пегой масти. Дурной немного, но зевак отпугивал прекрасно. Вейму, прибывшую в эти края уже после смерти старой ведьмы, у которой училась нынешняя, первое время принимали за её любовника, а не подругу.

— Необязательно же мне было селиться именно здесь, — засмеялась вампирша.

— Да нет, — задумчиво покачала головой ведьма. *Девять кругов посолонь, девять противусолонь, десять посолонь, девять противусолонь...* — Но, согласись, странный выбор.

— Мне отказали в докторской мантии, — вместо ответа напомнила Вейма. — Спасибо, хоть доучиться дали... по рекомендации Совета баронов...

— Но почему богословие?

— Хотела понять, — хмыкнула девушка. — Ты ведь знаешь... Тебе никогда не казалось фальшивым называться «прозревшей», а не «проклятой»?

— Не все зовут себя прозревшими, — усмехнулась ведьма. — Зачем врать? Как будто это что-то изменит.

— Нет, серьёзно! Говорить, что это во благо, что это источник силы, сулить свободу за гробом... И при этом учить убивать!

Ведьма покачала головой. В голосе вампирши звучала неподдельная страсть.

— Всё не смиришься, — пробормотала она. *Двенадцать кругов...*

— А ты — смирилась?!

— Я стараюсь не думать. Ты знаешь, следующую *встречу* я не переживу. О чём теперь говорить?

— Но пока мы живы, — сникла вампирша.

Тринадцать кругов...

— Ш-ш-ш!

— *А эта, чернявая, — шёпотом делился рябой Креб, — она ж и не человек вовсе.*

— *Взгляд у неё дурной, — подхватил белобрысый Риг. — И молоко пропадает. Вчерась захожу к корове...*

— *Барону-то^[6], говорят, сообщали, — припомнил Креб. — А он отмахнулся только.*

— *Дык, ещё б ему не отмахнуться! Она ж его дочку тогда спасла. Ну, помнишь, когда кони-то понесли.*

— А где это видано, чтоб щуплая девка коней останавливала? — не унимался Креб. — Смогла остановить, может, и погнать могла. Нечисто там дело, ой, нечисто!

— Гады, — прошипела сквозь зубы вампирша, с ненавистью глядя в варево.

— Ш-ш-ш! Не мешай!

— Старая-то от чего померла?

— Да кто её знает... Бабы болтали, что она пыталась молоденькую извести, да не вышло... то их дело, ведьминское, бабское.

— Уж лучше не встречать... — поддакнул Риг.

— Вот только скучно жить стали. Старая-то, как луна полная, устраивала так устраивала. Песни, вино, ну, и...

Говорившие обменялись понимающими ухмылками, но сразу же вздрогнули и огляделись по сторонам.

— Показалось... — неуверенно пробормотал Креб. — Так я чего?.. Новая хорошо если раз в год позовёт. И скучно всё. А ведь аппетитная же крошка, вот бы её...

— Ха! А помнишь, как тебе старая ведьма попалась? — со смехом перебил его Риг. — Той весной, когда ещё ручьи поздно вскрылись. И ведь не отвертелся.

Креб выругался и сплюнул.

— Тьфу ты, пропасть! И не напоминай. Я тогда полгода на баб глядеть не мог.

— Вот когда эта постареет, глядишь, тебе опять свезёт, — не унимался Риг.

— Подонки, — прошептала ведьма. — Увидят они у меня. Ой, увидят... Глаз, говорите, дурной? Посмотрим, у кого тут дурнее...

Она не глядя протянула руку к солонке, зачерпнула и густо посолила варево, бормоча какие-то слова, в которые Вейма предпочла не вслушиваться. Затем достала заткнутую за корсаж иглу — ею никогда не шили, но в остальном это была обычная игла — и несколько раз ткнула в отражённых в вареве людей.

— Слово моё крепкое, мысль моя верная, злость моя сильная, — услышала Вейма ведьминское бормотание. — Как я сказала, так и сбудется, тьфу, тьфу, тьфу!

— Стоило ли? — с сомнением протянула вампирша.

Ведьма, уже успокоившись, равнодушно пожала плечами.

— Такое не спускают, — ответила она. — Не могу же я их на поединок вызвать!

— А что, — развеселилась Вейма. — Божий суд с ведьмой — было бы забавно. Но, право же, ради этого городить огород...

— Я тебе объясняла, — досадливо ответила ведьма, хлопая в ладоши. С полки слетела тетрадь в красном переплёте и сама собой открылась. Ведьма осторожно зачерпнула ладонью варево и плеснула на страницы. Тетрадь захлопнулась и сама собой вернулась на место. — Были знаки, что надо сварить это зелье сейчас.

— Ну, если знаки, то верю... — вздохнула Вейма. Она не верила ни в сон, ни в чох, но, общаясь с подругой, быстро поняла: случайности действительно происходят. С кем угодно. Но только не с ведьмами. Им даже выкипевшее молоко что-то предвещает. И они никогда не ошибаются, вот что поразительно.

— Ш-ш-ш!

— Они это, больше никому! — горячилась рыжеволосая всклооченная баба. — Вы хоть раз видели, чтобы эти девки улыбались?!

— Но ведь сам барон... — вяло спорил Креб.

— Да барону до нас дела нет! — не успокаивалась женщина. — Пусть бы все померли, лишь бы его не трогали!

— Тихо ты! — прикрикнул Риг. — А ну как услышат...

— Нет, ты походи со мной, а?! Походи! Видел, что у моего Митна на шее?! А у Роды? У неё уж какие детишки смирненькие! Всю ночь рыдали! Они это, говорю тебе!

— Чирей вскочил, а ты и рада орать, — отмахнулся Креб.

— Два чирья?! Рядышком?! Укус это, говорю вам!

Девушки переглянулись.

— Лети к священнику, — решила ведьма. — Да поскорее, пока она не подняла народ.

— А ты? Магда, я тебя одну не оставлю!

— У меня зелье, — усмехнулась ведьма. Её глаза на мгновение стали ярко-зелёными, а после вернулись к обычному серому цвету. — Не бойся, ты успеешь. Лети!

* * *

Когда огромная летучая мышь, натужно хлопая крыльями, вылетела в окно, ведьма вернулась к котлу. Провела рукой по глади, стирая отражение людей и прошептала:

— А теперь покажи мне моё...

По вареву прошла рябь, которая сменилась отражением дороги. Магда с надеждой всмотрелась в неё, но вскоре лицо девушки разочарованно вытянулось. Она не увидела того, что искала. В который раз. По дороге шёл юноша. Он был в простой одежде, с мечом на поясе, без головного убора и без плаща. По поверхности зелья шла рябь. Ведьма нахмурилась. Рябь означала, что она видит не реальное событие, а некий образ. Кто-то придёт в её жизнь. Скоро придёт. Она всмотрелась в юношу, потом снова вызвала с полки тетрадь и плеснула на неё варевом.

— Алард, — прочитала она. — Алард. Что ты мне сулишь?

* * *

Вейма летела над лесом, держась так, чтобы её не было видно с исчеркавших лес тропинок. Человеческий разум спал в животном теле, и вампирша предавалась тревожным воспоминаниям.

Это всё было... не раз и не два... последний раз — здесь же, в этой деревне...

Набожная семья и умирающий ребёнок. Молитвы. Посты. Снова молитвы. Обеты... ребёнок медленно умирал, пока мать не обезумела от горя. Или не прозрела. Магда, во всяком случае, настаивала на прозрении. Однако... слишком поздно... никакое колдовство не может остановить неизбежное. Никакое, кроме...

Вейма скользнула глубже, в старое, болезненно-яркое воспоминание.

— *Ишь ты!* — говорила подёница подпаску^[7], пригнавшему корову к дому. — *Завёл наш шателен любовницу... Городская... ручки белые... как молоко пить — она первая. А навоз убрать — ни-ни! Грамотная...*

— *Ить всё молоко выпивают!* — поддержал мальчишка. — *Раньше-то шателен больным его посылал. А теперь у Гоззо малец помирает. Так хоть бы глоток послали!*

...Вейма едва дождалась, когда Вир вернётся.

— *Почему,* — встретила она его с порога, — *ты не сказал мне, что молоко нужно для больных?!*

— *Зачем?* — пожал плечами оборотень. — *Ты бы только зря расстроилась.*

— *Но я могла бы...*

— *Голод сводит тебя с ума. Нет никакого смысла тебе мучиться. Ты про того умирающего ребёнка? Я сегодня смотрел на него. Молоко не продлило бы ему жизни. Забудь. А теперь...*

— *И ты так спокоен?!* — взвилась вампириша.

Вир отвёл взгляд.

— *Я ничего не могу поделать...*

— *Зато я могу! А ты... ты даже не сказал! И не спросил! И не...*

— *Что ты можешь?* — устало спросил оборотень. — *Ты же не целительница...*

— *Ты не всё знаешь о вампирах,* — хищно улыбнулась Вейма. — *Не всё...*

Вампириша чуть сбилась с ритма и едва не задела крыльями ветки. Воспоминание мучило до сих пор.

— *Именем союза баронов я разрешаю тебе войти в этот дом. Только на эту ночь,* — прошептал оборотень.

Вампириша улыбнулась и стружкой тумана просочилась в хижину. Гоззо и его жена Лота спали на полу возле очага. Колыбелька с закутанным в тряпки ребёнком стояла рядом. Вейма закрыла глаза...

Пахло отчаянием и болью. Болезнью. Трудом. Умирающей надеждой. Пахло нищетой.

Стучали сердца. Спокойно и размеренно, с уверенной силой. Вир. Бешено, часто и нервно. Она сама. Сонные, сглаженные удары, раздающиеся в унисон. Гоззо и Лота. Слабо, едва заметно... умирающий ребёнок.

— *Сегодня,* — шепнула Вейма чуть слышно. Вир обеспокоенно насторожил уши, но вампириша не стала ничего объяснять. Они двигались и дышали бесшумно, но в любой момент ребёнок заворочается и Лота, даже во сне напряжённая, сосредоточенная на своём малыше, откроет глаза. Нет. Этого не случится.

Вампириша прислушалась сильнее, ловя звук и запах струящейся по жилам крови... ребёнок... такой маленький... беззащитный... уже обречённый... нежная кожа... сладкая кровь... так просто избавить его от страданий...

Вир обеспокоенно повернулся к ней. Вампириша открыла глаза и в его взгляде увидела своё отражение. Бледная кожа, тёмные губы, в полумраке не различить цветов, но ясно, что красные как кровь... кровь, которую так просто испить... сладкая, сладкая кровь... источник силы и жизни... Белые клыки, готовые сделать осторожный, почти ласковый укус... или растерзать каждого, кто попытается помешать... тёмные глаза светятся голодом, силой и злобой...

— Ш-ш-ш... — выдохнула вампириша. — Не шевелись...

Усилие... когда это показывал учитель, оно казалось таким сложным!.. а теперь всё так же естественно, как дыхание...

Замри-замри-замри, дорогой друг, ты привёл меня сюда, ты ничего не изменишь уже, я там, где я должна быть, ты доверился вампиру, ты не слушал в детстве страшных сказок, так замри же, друг, не двигайся и не дыши, вампиры это порождение смерти, и смерть я принесла в эту ночь, одну лишь ночь, ты впустил меня сюда, ты доверился мне, ты вручил мне своё сердце, так смотри, что я могу, дорогой, просто смотри, ты не сможешь пошевелиться, не сейчас, не сегодня, когда меня опьяняет кровь...

Спи-спи-спи, Гоззо, ты ничего не изменишь, спи-спи-спи, ты доверился своему шателену, а он привёл смерть в твой дом, так спи, добрый Гоззо, наслаждайся сном, пока можешь, спи-спи-спи...

Спи-спи-спи, Лота, усни, ты устала, тебе надо поспать... Спи-спи-спи, забудь об всем, твоего ребёнка ничего не спасёт, не думай об этом, расслабь сведённые напряжением члены, спи-спи-спи, забудь в объятиях мужа... Доверься ему, как он доверился шателену, спи, Лота, не шевелись этой ночью, забудь обо всем и спи, отдай мне свои тревоги, ведь я — та, которой ты боялась в детстве, я та, о которой ты пела песни своему ребёнку, Спи-спи-спи, Лота, я возьму твою боль, твои слабости мне известны, твои страхи мне понятны, твой первенец будет и моим... первым человеком, которого я погубила...

Спи-спи-спи, малыш, тебя не коснётся никакая беда, уйдёт боль и страх, спи, малыш, пусть тебе приснятся добрые сны...

Вампириша шагнула к колыбельке и вытащила ребёнка. Зачарованный, он не проснулся. Вейма склонилась над ним и осторожно поцеловала маленькие губки. Дыхание младенца стало едва слышимым даже для острого слуха вампира. Девушка перевела горящий взгляд на оборотня. Он стоял, парализованный, и неверие в его взгляде боролось с отчаянием и гневом.

— Я — смерть, — объявила вампириша низким и страшным, не своим голосом. — Я пришла за этим ребёнком, чтобы выпить его жизнь и душу. Но ты видишь меня... Рискнёшь ли ты его выкупить? Говори!

Что-то мелькнуло в глазах оборотня.

— Верни ему жизнь и я дам тебе всё, что пожелаешь.

— Когда бы я этого не попросила?

— Да.

— Быть посему, — торжественно провозгласила вампириша и снова коснулась губами маленьких губ. Ребёнок вздохнул и открыл глаза.

— Ш-ш-ш, — ласково прошептала девушка, неуклюже укачивая младенца. — Спи...

Спи-спи-спи, малыш, пусть приснятся тебе сладкие сны...

Спи-спи-спи, добрый Гоззо, ты не зря доверяешь своему шателену, он привёл в твой дом спасение, но ты никогда не узнаешь об этом...

Спи-спи-спи, Лота, спи в объятиях своего мужа, да не коснётся твоего сердца страх. Спи, сейчас ты можешь поспать, беда отступила и уже не вернётся, спи, Лота, ничего не бойся в мире, боль отступит, ты будешь сильной, страхи разгонит рассветный луч, твой первенец будет и моим... первым человеком, которого я исцелила...

Вейма закрыла глаза, покачнулась... Наваждение с оборотня спало. Ребёнок зашевелился во сне и Лота немедленно проснулась, сбрасывая наведённый сон, Вир еле успел

выскочить за дверь, ухватив девушку за шиворот. Сердце мужчины отмерило три удара. Сердце девушки — девять.

— Заступник! — услышали они вопль. — Гоззо, проснись! Смотри! Наш ребёнок!..

— Умер?! — подскочил крестьянин.

— Нет! Он здоров!

— Ты устала... тебе показалось...

— Нет, смотри!

— Заступник! — вскричал Гоззо.

Судя по звукам, крестьяне повалились на колени.

Вир медленно повернулся к еле стоящей на ногах девушке.

— Не бей меня! — вскинула вампириша тонкие руки.

— Это твоё желание? — жёстко усмехнулся Вир.

Вейма замешкалась. Оборотень шагнул к ней и крепко обнял.

— Может, и стоило бы. Ты меня напугала.

— Так было нужно, — упрямо пробормотала девушка.

— Верю. И... Спасибо тебе. Гоззо... Он был моим другом.

Вейма уткнулась оборотню в плечо. Ноги её не держали. От недавнего состояния мутило, чудился запах крови и смерти. Силы не то чтобы закончились, казалось, их никогда даже и не было.

...после этого случая она три дня пролежала, неспособная даже поесть... но ребёнок Гоззо выжил.

Вейса спустилась в тринадцать шагах от дома священника, медленно возвращая себе человеческий облик. Оглянулась по сторонам. Принюхалась. Момент превращения — самый опасный, можно потерять нюх и бдительность. Но на сей раз повезло. Рядом никого не было и она решительно постучалась в дверь. Только бы Керт был на месте! Дверь открыла женщина. Увидев гостью, она испуганно вскрикнула и попятилась.

— Мир тебе, Эрма, — приветливо поздоровалась вампириша. — Мне нужен отец Керт. Где он?

— Он... — ещё глубже в дом попятилась женщина, — он ушёл в деревню... Там... ты знаешь... говорят...

Она стала закрывать дверь. Медленно, чтобы не оскорбить, но решительно, не желая иметь ничего общего с гостьей. Вейма вздохнула. Дверь закрылась.

— Уходи, — попросила Эрма из-за двери. — Я... ты знаешь, я благодарна за то, что вы сделали для моей малютки... Уходи. Прощу тебя.

— Я уйду, — пожала плечами девушка. — Не бойся. Я не причиню вреда ни тебе, ни твоему ребёнку.

Было очень страшно. Куда теперь? В деревню? К барону? Вернуться к Магде? Удирать, пока ещё цела? Кто бы мог подумать... история повторяется. Опять. Снова.

Нет. Нельзя, чтобы ещё раз...

* * *

— Вот она! — закричал мельник Ленз, когда девушка подошла к площади. Во всех

скандалах он всегда был впереди всех — шумный, требовательный... А вот на помол его подчас не дозваться... — Ишь! Сама пришла!

— Люди добрые, — спокойно произнесла девушка. Сердце, казалось, колотилось у самого горла. Так много людей. И все её ненавидят. Опять. Снова. Заступник, за что?! — Почему так неласково встречаете?

— Ах ты, нежить проклятая! — завопила рыжеволосая Мета. — Явилась, горем нашим полюбоваться! Да ещё и спрашивает! Вяжите её!

Толпа угрожающе заворчала.

— Дети мои! — вскричал отец Керт. Его глаза встретились со взглядом девушки.

«Если он сейчас скажет «Одумайтесь!» — мне конец!» — с отчаянием подумала вампирша.

— Помолимся! — предложил священник. Вампирша облегчённо выдохнула и одна из первых опустилась на колени. Отца Керта в деревне уважали. Он читал слова молитвы ясно, громко, каждую строчку переводя на привычный крестьянам язык. В его устах святые слова брали за душу и трогали сердце. Вейма, стараясь не слушать, беззвучно шевелила губами. Она была почти что уверена, что молитва не заставит её испариться в клубах едкого дыма, но рисковать не хотела.

Отец Керт был уже третьим священником во владениях барона Фирмина. Первый, старый отец Кейсер, умер вскоре после того как в деревне появились Магда и Вейма. Он был дряхлый, больной, едва мог ходить, и смерть его никогда не удивила. Он был из *белых*^[8], из тех, кто может вступать в брак, но пережил уже и жену, и детей. Когда-то он боролся с наставницей Магды, такой же старой, как и он, ведьмой Вереной, но азарт давно угас у них обоих.

На смену Кейсеру пришёл Гайдин. Из *чёрных*^[9], притом самых страшных из них, нищих братьев-заступников, тех, которые по всем землям союза призывают отрешиться от мирских благ и приблизить победу своего небесного покровителя. Он прожил в деревне год... может, чуть меньше... а потом ребёнок Одилы провалился под лёд... Одила была вдова... кроме ребёнка у неё ничего в жизни не осталось. Ребёнка... и веры.

Магду позвали, когда всё было кончено. Почти. Но спасти ребёнка не могло даже чудо. Счёт шёл не на дни. На часы. И... Вейма ведь рассказывала о себе. Много.

— *Я могу спасти твоего ребёнка, — тихо произнесла ведьма, стоя посреди дома. Большой, его ставил ещё дед одилиного мужа, с пустующим загонем для скота, резко пахнущий бедностью и немного козами. — Если ты хочешь этого. Ты правда этого хочешь?*

— *Да! Да! — рыдала несчастная женщина. — Возьми всё, что хочешь, возьми мою жизнь, только спаси его! Диди ещё так мал!.. так мал...*

— *Мне не нужно твоё имущество, — так же тихо ответила ведьма. — И ни к чему твоя жизнь. Я ничего не возьму. Но... тебе это может стоить бессмертной души, ведь мне придётся обратиться к силам, которые отвергнуты церковью. Ты готова?*

Одила замерла, поражённая.

— *Я... Я...*

— *Я не настаиваю, — отвернулась Магда. — Но другого выхода нет. Прощай.*

— *Стой!!! Я согласна! Скажи, что надо делать! Всё сделаю, ведьма, только спаси моего ребёнка. Скажешь украсть — украду, скажешь убить — убью, скажешь плюнуть в лицо отцу Гайдину — плюну, скажешь...*

— Не надо, — покачала головой Магда. — Ничего этого не надо. Я тебя испытывала. Принеси Диди ко мне в дом в эту полночь и ничего не бойся. Но помни. Никто, ни Диди, ни священник, ни друг, ни брат, никто, слышишь, не должен знать об этом! Ни сейчас, никогда! Даже на исповеди ты не расскажешь о сегодняшней ночи. Слышишь? Исполнишь?!

— Исполню, — кивнула женщина. В её глазах горел фанатичный огонь.

Вейма помнила ту страшную ночь. Они закутали её в чёрное платье, голову укрыли покрывалом. В хижине ведьмы — тогда Магда жила ещё в хижине, доставшейся ей от старой Верены — мерцали волшебные огни да разными голосами ухало по углам.

— Я — смерть, — не своим, страшным низким голосом сказала вампириша, держа на руках ребёнка. — Я пришла за этим ребёнком, чтобы выпить его жизнь и душу. Но ты видишь меня... Рискнёшь ли ты его выкупить? Говори!

— Отпусти его, проклятая! — вскинулась женщина и рванулась вперёд.

— Не смей! — отчаянно закричала ведьма. — Не переступай черты! Отвечай ей! Пока не поздно!

Вейма чувствовала, что время уходит, что надо спешить. Жизнь едва теплилась в ребёнке, когда она над ним склонилась. У неё есть... сколько... тридцать ударов сердца, не больше. И десять из них уже прошли.

— Отвечай! — потребовала она снова.

— Выкуплю! — повалилась на колени Одила. — Заступником, Создателем клянусь — выкуплю! Проси, чего хочешь! Душу... душу отдам...

— Быть посему, — торжественно проговорила вампириша. — За стойкость твою — возвращаю тебе твоё дитя. Но помни. Проговоришься — твой сын не проживёт и часа. Клянёшься ли ты молчать?

— Клянусь! Клянусь! Заступник! Создатель! Святые! Да благословит тебя Заступник ты спасла его!

Одила, бормоча благодарности, прижала к сердцу своего Диди и выскочила за дверь. Вейма тяжело осела на пол.

— Я потрясена, — проговорила Магда, протягивая стакан молока. — Я могу исцелить, но человек останется слабым. Нескоро к нему вернуться силы и бодрость. Ты же сделала ребёнка таким здоровым и сильным, каким он никогда не был.

Вейма обхватила стакан обеими ладонями. Сделала глоток. Руки у неё тряслись.

— Знаешь, истории про женщину, которая по ночам убивает детей — это чистая правда, — сказала она. Голос тоже дрожал. — Я это она и есть. Я прихожу в темноте, я склоняюсь над колыбелями, я пою свои песни, я пью их кровь, я насылаю кошмары... Я ведь проклятая... Нежить. Я нежить... Я прихожу по ночам... Моя походка легка... шаги неслышны... от меня нет спасения...

Можно промолчать. Можно солгать на исповеди. Но нельзя скрыть, что твой ребёнок чудом исцелился за одну ночь. Наутро Диди весело носился по двору. Это заметили.

Тогда тоже собралась толпа. Крестьяне были угрюмы, прятали глаза. Отец Гайдин кричал, всё больше входя в раж. Вейма после думала, что он уже себя не слышал.

— Взгляните на эту женщину! — надсаживался священник. — Своими руками она

вырвала невинное чадо из чистого воинства Заступника и ввергла его в руки Врага! Умри он этой ночью — ему бы уже пели хвалу на небесах! Но он остался на земле! Он открыт скверне, он вырастет грешником, как его мать, как все вы! Он потерял своё место среди...

Его прервал камень, разбивший губы. Только тут отец Гайдин взглянул в глаза своей пастве.

— Значится, мы все грешники? — угрожающе спросил мельник. — Значится, твоё отпущение грехов не помогает?

— Да где ж это видано! — завопила Мета. — Ворон! Убийца! Вы слышали?! Он сказал что лучше бы дитя умерло! Волк! Душегубец!

Прилетел ещё один камень. За ним ещё.

Отец Гайдин оказался не слишком храбрым человеком. Он не хотел умирать за свои слова. Священник подобрал рясу и бросился бежать прочь от деревни, туда, где на невысоком холме стоял замок барона.

...через неделю он тихо исчез. А в деревне появился отец Керт. Он был из белых и вскоре женился на местной девушке. К счастью, когда его дочь заболела, Магду позвали сразу. Вейме не пришлось участвовать в её исцелении.

— Воззовём к Заступнику, чтобы он просветил наши умы и вложил в сердца понимание! — призвал священник. — Откроем сердца для милосердия людского и будем ждать милосердия божественного!

— Погоди-ка, отец! — вскочила на ноги Мета, оправляя латанную юбку. — Ты что же! Призываешь отпустить эту мерзавку?! А она продолжит пожирать наших детей?! Ты этого хочешь?!

Отец Керт осенил женщину священным знаменем. Крестьянка неуверенно попятилась.

— Истина не на земле, а на небесах, — серьёзно ответил он. — Не слабым человеческим разумением может быть открыта правда. Гнев затуманил твой взор. Молись, дочь моя, моли Заступника избавить тебя от греха!

— Но, отец... — оторопела крестьянка.

— Значится, Мета ошибается? — подошёл к ним мельник. — Почему тогда девка молчит? Другая бы...

«Потому что всё это уже было» — подумала вампирша.

— Не громкостью крика измеряется невинность, — с той же серьёзностью заметил отец Керт. — Мета добрая женщина, но она гневлива и пристрастна. Чего вы хотите, верующие — совершить несправедливость или защитить ваших детей?

— Детей!.. Защитить!.. Пусть отец разберётся!.. Барона зовите! Детей, детей! Гоните её в шею! — раздалось из толпы.

Креб и Риг потихоньку стали оттирать Мету в сторону, но не такой была эта женщина, чтобы оставить за кем-то последнее слово.

— А пусть она улыбнётся! — потребовала она. — Пусть эта тварь покажет зубы!

Вейма вздохнула. Всё это уже было.

— Дочь моя, не думаю...

— Нет, она права! — снова вмешался мельник. — Почему девка никогда не улыбается?!

— Или ты Заступник, чтобы читать в чужих сердцах?! — разгневался отец Керт.

— Прекратим это, — вздохнула Вейма. Если бы вампиров было так легко взять, их бы перебили ещё на заре человечества. — Мета! Ленз! Подойдите ближе, не бойтесь.

— Ишь, какая! — заворчала Мета, но опасливо подошла ближе. Вейма без улыбки оскалила зубы. Клыки были совершенно обычного для человека размера. Люди не знали, что зубы вампира меняются только перед укусом или если необходимы в драке.

— Довольно с вас? — спросила вампирша. Мета разочарованно махнула рукой.

— Надо вторую сюда приволочь, — проворчала она.

— Ну, Магда-то точно улыбается! — возразил Креб. — Сам видел!

— Ага, когда она тебя по лбу половником огрела, чтобы руки не распускал! — поддел его Риг.

— Это всё? — кротко спросила Вейма. Неужели так просто...

— Но дети-то пострадали! — резонно прозвучало в толпе. Все обернулись. Говорил кузнец Вилли, ражий детина, о котором все знали, что он в церковь не ходит и знается по ночам с огненными духами. Кое-кто даже «припоминал», что в детстве-то волос у него не был рыжий. А как к наковальне да горну встал — сразу масть сменил. Кузнец только ухмылялся. Вейма точно знала, что слухи не то чтобы совсем беспочвенны. Кузнец закупал у Магды красную краску. Слухи ему очень нравились.

— Зовите сюда ведьму! — предложил виноградарь Йаган. — Если к нам какая-то нечисть повадилась, кто лучше ведьмы с ней справится?

— Одумайтесь! — потребовал отец Керт. — Не колдовскими ухищрениями, а только священным словом да верой побеждают Врага!

— Вы, отец, прогуляйтесь! — вежливо предложил сын кузнеца Липп. Щуплый и низкорослый, он считался слишком хлипким, чтобы помогать отцу в кузнице. А кроме того, до работы парня было не дозваться. С утра он спал так крепко, что не разбудить, днём купался и перешучивался с пришедшими стирать бельё девушками, а то уходил на весь день в лес собирать малину. Отец давно махнул на него рукой, а крестьяне уговаривали Вилли взять себе подручного, а сына прогнать взащей.

— Не указывай старшим, мальчик! — рассердился священник.

— Прогуляйтесь-прогуляйтесь, — ничуть не смущённый отповедью усмехнулся юноша. — А то один тут уже высказался. Ваш предшественник. И тоже про детей.

Вейма уловила появление нового человека за спиной, но оглядываться не стала. К деревенской площади приближался Менно, фенрих^[10] барона Фирмина, то есть тот человек, который в бою нёс знамя своего господина. В мирное время он являлся выразителем воли барона. На этот раз Менно не стал заговаривать с собравшимися людьми. Он тронул за руку вампиршу и тихо сказал:

— Госпожа Вейма, его милость барон требует, чтобы вы немедленно явились в замок.

Крестьяне недовольно заворчали, и Менно оглядел толпу неприятно-цепким взглядом. Потом посмотрел на священника.

— Отец Керт, барон Фирмин надеется, что вы придёте, чтобы дать ему наставление. Сейчас же.

Вампирша и священник недоуменно переглянулись.

— А вы расходитесь! — потребовал Менно, обращаясь к крестьянам. — Его светлость разберётся, а вы идите работать. Удумали тоже. Расходитесь-расходитесь!

Глава вторая

Решение

Вейма обогнала отца Керта и первой вошла в ворота замка. Во внутреннем дворе было как всегда шумно, звенели клинки тренирующихся рыцарей и оруженосцев, стучал молот в баронской кузнице, гоготали гуси, ржали лошади, люди выкрикивали распоряжения, приказания, жалобы... пахло всё это — для вампира — вполне приемлемо. Деловитостью, занятостью, преданностью своему делу и господину. Барона Фирмина в округе ценили. Любить его было трудно.

Вампирша вошла в дом, стоящий в нескольких шагах от донжона^[11]. Барон, полный и лысоватый, но ещё крепкий мужчина, ждал её в зале, сидя на скамье возле очага. У его ног лежал белый волкодав, который при виде девушки поднялся и, порывивая, ретировался в дальний угол, поближе к Норе, баронской дочери, которая сидела за ткацким станком и сновала нити для будущей церковной занавеси.

— Очень хорошо, что ты пришла первая, — вместо приветствия сообщил барон. — Нора, выйди навстречу отцу Керту и займи его, пока Вейма не выйдет. Я не хочу, чтобы он решил, будто мы им пренебрегаем.

— Но, отец...

— Нора.

Вздыхнув, девушка поднялась на ноги и потянула за ухо волкодава. Пёс поскуливал, проходя мимо вампирши, но покорно следовал за хозяйкой. Барон без улыбки наблюдал за этой сценкой.

— Тебе не помешают наставления в вере, — бросил Фирмин в спину дочери. Нора передёрнула плечами, но не возразила ни словом.

Вейма опустила взгляд. Барон принял её в своём доме как наставницу дочери в свободных искусствах ибо, по его словам, девушка тянется к знаниям, а нанимать учителя-мужчину не позволяет её красота и невинность. Однако в остальном он был строг и не позволял Норе ни в чём выйти из своей воли. Воспитанной совсем иначе вампирше это совершенно не нравилось, но что она могла сделать? Барон платил ей покровительством и продуктами, а воспитание его дочери — не её забота. И всё-таки...

— Я слышал, тебя обвиняют в нападении на детей в деревне, — сказал барон. — Это так?

— Так, ваша милость.

— Ты отрицаешь свою вину?

— Да, ваша милость.

— Могла ли твоя подруга совершить это злодеяние?

— Нет, ваша милость.

— Ты уверена в этом?

— Да, ваша милость.

— И можешь присягнуть на священной книге?

Вейма вздрогнула.

— Нет, ваша милость.

— Очень хорошо, — заключил барон и замолчал.

— Ваша милость?.. — не выдержала тишины вампирша.

— Я сказал: «Очень хорошо». Тебе понятны эти слова?

— Да, ваша милость, но...

— Очень хорошо. Ты знаешь, кто мог совершить такое?

— Я не видела этих детей, ваша милость...

— Я спрашивал не об этом.

— Вампиры, ваша милость.

— Ты уверена в этом?

— Да, ваша милость.

— Сколько нужно вампиров, чтобы это устроить?

— Ваша милость?..

— Ты слышала, что творится в деревне, — раздражённо напомнил барон. — Сколько вампиров могли так искушать детей?

— Один, ваша милость, — покорно ответила девушка, не понимая уже, куда барон клонит.

— Очень хорошо. Как с этим бороться?

— Ваша мил...

Барон предупреждающе поднял руку и девушка умолкла.

— Я уверен, — медленно, явно подбирая слова, произнёс он, — что ты не захочешь отвечать на некоторые вопросы. Я их тебе не задаю. За то время, которое ты живёшь на моей земле, я убедился в твоей надёжности. Я разбираюсь в людях. Но я не желаю тратить время на увёртки. На моей земле орудует опасная тварь. Ты или твоя подруга должны знать, как с ней справляться и вы расскажете мне об этом. Иначе вам придётся покинуть мои земли.

— Но, ваша милость!.. — возмутилась вампирша. — Мы ведь не...

— Не спорь. Мне ни к чему ваши смерти. Ты видела? Люди напуганы. Вы им подозрительны. Если дети продолжают страдать, рано или поздно вас убьют. Менно пошёл за твоей подругой. Если вы объявляете мне, что найдёте способ спасти моих людей, я сообщу это в деревню и заставлю их принять все меры. Если такого способа нет, вы уйдёте. Сейчас, пока люди ещё не взвинтили себя до убийства. А теперь я спрошу ещё раз: как бороться с вампирами?

Вейма почувствовала себя ужасно усталой. Наверное, это никогда не закончится...

— Никак, ваша милость, — тихо произнесла она. — Вас не спасёт вера, что бы там не кричал отец Керт. Не спасут запоры. Стены. Не поможет дежурить по очереди. Если вампиру нужно, он просто приходит. И берёт то, что нужно. Если вы его не узнаете днём...

— А если узнать днём, что можно сделать? — немедленно заинтересовался барон.

— Взрослый вампир сильнее десяти человек и двигается быстрее скачущей лошади, — объяснила Вейма. — На младенцев охотится или женщина или недавно обращённый. Женщина не уступает в силе мужчине, недавно обращённый поначалу сильнее только двоих, но постепенно наращивает могущество. Ночью вампир может насыпать сон и отводить взгляд, но днём это такой же человек, как и все. Только очень сильный и быстрый. Если не смотреть ему в глаза и он не нападает...

— А если посмотреть в глаза? — уточнил барон.

— Это знают все проклятые, — на всякий случай пояснила Вейма. Ей хотелось сохранить хотя бы иллюзию своей тайны. Хотя, кого она обманывала...

— Не сомневался, — кивнул барон. — Итак?

— Днём вампир может подчинить себе человека только пока смотрит в глаза.

— То есть отряд стрелков может справиться с вампиром, — заключил барон.

— Да... если вы знаете, кто это такой, — признала Вейма. Сердце её бешено колотилось, но от барона не исходило запаха опасности. Не собирается причинять ей вред или уверен в том, что зло в отношении вампира — это добрый поступок?

— А ты не можешь выявить вампира? — прямо спросил барон. Девушка покачала головой. Вопреки всем легендам, вампир вампира не чуял ни рядом, ни на расстоянии.

— Это плохо, — заключил барон и повернулся на звук шагов к двери. В зал входила Магда. Расстояние от замка до охотничьего домика, который барон выделил ведьме и её подруги за заслуги перед его семьёй, было примерно то же, что от замка до деревни.

— Ваша милость, — присела ведьма в реверансе. Вейма моргнула. Подруга мало рассказывала о себе, о своей жизни до обучения в Бурой башне. Но простые крестьянки никогда ни перед кем не расшаркивались, просто не умели, они всегда кланялись.

— Как выявить вампира? — огорошил её вопросом барон. Взгляд Магды метнулся к подруге и вернулся к невозмутимому лицу сюзерена. — В моей деревне нет чужаков, значит, он где-то прячется. Ты можешь заставить его прийти днём на открытое место? Может, заманить?

— Ваша милость... — ошарашенно начала ведьма. Барон вздохнул.

— Повторю для тебя. Последний раз. Я не желаю слушать увёртки. Если вы обе, сами или с чьей угодно помощью разберётесь с этой напастью, я даю своё слово рыцаря и властителя этих земель, что у меня вы всегда можете рассчитывать на покровительство и поддержку. Если тварь продолжит нападать на моих людей, их детей или скотину, вы покинете мои земли сейчас, пока крестьяне не взяли грех на душу.

Девушки переглянулись. Мысль о том, что их убийство может быть грехом, который камнем ляжет на чью-то душу, была для них... неожиданной. Они были проклятыми. Вместо Заступника преклоняли колена перед тем, кого все, кроме проклятых, называли Врагом. А тут...

— На моей земле царит священный мир, — напомнил барон. — Никто не должен быть убит или наказан без справедливого суда или права оправдаться. Я обещаю защиту сироте, вдове, незамужней девушке без покровителя и священнику. Любому сироте и любой вдове, любой одинокой девушке. Всем, кто нуждается. Когда я принимал священный мир на совете союза баронов, я не уточнял, какой веры должны быть те, кого я клянусь защищать. Но *они* — мои люди. Это их земля в той же мере, что и моя. Поэтому вы уйдёте. Сегодня же, если не знаете средства. Вы всё поняли?

Магда пожала плечами.

— Такого средства нет, ваша милость, — спокойно сказала она. — Я могу провести обряд, который заставит его прийти. В ближайшее полнолуние, глубокой ночью. Выманить вампира днём не под силу ведьме. Но ночью он будет ещё опасней...

— И нет никаких способов его подчинить? Заклинания, травы, символы?.. — настаивал барон.

— Нет, для ведьмы это невозм... — начала говорить Магда и вдруг осеклась. Барон терпеливо ждал. Вейма устала стоять и нервно ждала, когда явится отец Керт. Он был добрым человеком, но считал, что барон зря прислушивается к словам проклятых. Однако сквозь шум, царящий во дворе, шагов священника было не слышно.

— Есть одно средство, — наконец выговорила Магда. — Но мне надо будет подготовиться. Полнолуние будет через три дня. За это время Вейма достанет для меня это

средство, а я буду ворожить у себя дома. Но...

Ведьма бросила вопросительный взгляд на подругу. Вампирша еле заметно покачала головой. Нет. Шагов священника всё ещё не слышно.

— Для обряда нужно участие тех людей, кто пострадал от укусов вампира.

— Младенцев?! — впервые потерял самообладание барон.

— Нет, их родителей. Но обязательно всех.

— Это опасно, — покачал головой барон Фирмин.

— Знаю, — прямо ответила ведьма. — Если хотите, мы уйдём. Это не спасёт от вампира, но мы можем уйти.

— Ты уверена в своём обряде?

Магда помолчала, что-то прикидывая. Потом вскинула на барона прямой взгляд.

— Я уверена, ваша милость. Если люди соберутся.

— Я не могу им приказать участвовать в нечестивых обрядах, — покачал головой барон. — Но я могу помешать священнику вмешиваться.

— Этого достаточно, ваша милость, — кивнула ведьма. Вейма изумлённо уставилась на подругу. Откуда такая уверенность? Магда говорила так, как будто она уже договорилась с вампиром, что он выйдет на площадь и публично покается. Но спрашивать было некогда. Послышались долгожданные шаги отца Керта.

— Мир тебе, сын мой, — приветствовал священник барона и барон, кряхтя, встал, чтобы подойти под благословение.

— Идите, — отпустил Фирмин девушек. — Отец, мне нужно ваше наставление по поводу этих событий. Может ли церковь предоставить убежище тем, кто находится в наибольшей опасности?

Магда дёрнула за рукав подругу и девушки вышли во двор.

— Ты с ума сошла?! — прошипела вампирша на ухо подруге. — Что за средство, за которым я — я! — слетаю?! С чего ты взяла, что они будут тебя слушать?!

— Не меня, — слабо улыбнулась ведьма. Они пересекли двор и стало понятно, почему священник вошёл один. Нора осталась у ворот и сейчас всю любезничала с Липпом. Когда ведьма и её подруга приблизилась, паренёк стащил с головы рваную шапку и склонился в полупоклоне. Нора покраснела и потупилась.

— Всё не уймётся? — хмыкнула вампирша, неодобрительно косясь на свою ученицу. Она не в первый раз заставляла сына кузнеца, околачивающегося возле замка. Теперь понятно, почему. — А говорили, Йаган на днях брата встретил.

Строго говоря, у Йагана было два брата, Пиро и Арно, и обоих в деревне давно никто не видел. С тех пор как большую часть отцовского виноградника побили морозы, и старшие братья подались охотиться на «жёлтого зверя». Но Пиро иной раз подкрадывался тайком: в деревне осталась его жена. Ходили слухи, что возле её дома в отсутствие мужа частенько околачивался несносный мальчишка. А потом жена Пиро умерла и «охотника» в деревне уже ничего не держало.

Если намёк и попал в цель, по Липпу это было незаметно.

— Зачем вы мне это говорите? — ухмыльнулся он, снова стаскивая с головы шапку и кланяйтесь. — Идите, вон, к его милости, он, небось счастлив будет.

Барон действительно грозился поймать обоих братьев и без лишних разговоров вздёрнуть на первом попавшемся суку. Говорили, «охотников» узнали ограбленные ими гонцы, которые везли важное письмо в соседнее графство.

— Смотри лучше, — нахмурилась вампирша.

Они с ведьмой вышли за ворота и принялись спускаться с холма в деревню.

— Так кого они будут слушать? — вспомнила вампирша, когда замок остался далеко позади.

— Тебя, — улыбнулась ведьма. — Ты же изучала риторику.

Вейма поёжилась. Последняя попытка отточить свои навыки на деревенских жителях чуть не закончилась сожжением. Но ведьма с надеждой смотрела на подругу и вампирша сдалась.

— Ладно, попробую. А что за средство, за которым я должна лететь?

— Помнишь Виринею? — вместо ответа спросила Магда.

— Какую Виринею? — не поняла вампиршу.

— Ну, помнишь, когда мы познакомились на Пустоши...

— А-а-а! Та придурковатая белая волшебница, которая чуть не убила меня, когда я собирала разогнанных вами коней!

— Она же извинилась, — напомнила ведьма.

— Если бы её не отвлек тот тощий чёрный маг, извиняться было бы не перед кем, — огрызнулась вампирша.

— Лонгин уже не тощий, — мимоходом заметила ведьма. — Кстати, они поженились.

— Что?!

— А что тебя смущает? Чёрным магам жениться не заказано.

— Они, что, каждый раз такое устраивали? — не унималась Вейма.

— Обычно спасать от неё вампиров не приходилось, — усмехнулась ведьма. — Но вообще да. Мы, я имею в виду учениц Бурой башни, обычно устраивали засады на путников, которые сдуру направлялись через нашу Пустошь. Кстати, чего вас туда понесло?

— Короткий путь, — пояснила вампирша. — Рыбу перевозили, пока не уснула.

— Да, рыба была вкусная, — вспомнила ведьма. Ученицы Бурой башни не только до полусмерти напугали обозников, распрягли и разогнали лошадей, но и украли почти все съедобные товары. Что делать, кормили будущих ведьм и волшебников впроголодь.

— Вы устраивали засады, а белые маги вас разгоняли? — уточнила вампирша. — Тоже ученики?

— Ученики, да. Пытались. Но нас прикрывали чёрные маги, так что обычно мы успевали тихонько стащить всё на общую кухню, пока эти устраивали красивые драки.

— На общую кухню?! Вы там совсем спятили? Кстати, с чего вы вообще поселились в одном месте с белыми магами?

— Ты у меня спрашиваешь? Когда я пришла учиться, всё уже триста лет не менялось. Думаю, дело в Пустоши.

— В Пустоши? — не поняла вампирша.

— Где ты ещё найдёшь отдалённое от людей место, где неудачное колдовство никому не причинит вреда? — терпеливо пояснила ведьма. — Ты думаешь, в Белой башне никто ошибок не делает?

— Можно подумать, в Бурой или Чёрной кому-то есть дело до вреда, который вы можете причинить людям!

— Есть, — возразила ведьма. — Чем меньше вреда, тем меньше людей с факелами и вязанками дров.

Вейма поёжилась.

— Ладно, я тебя поняла. Ну и зачем тебе эта Вириная? Она же меня тогда чуть не убила...

Вампирша осеклась.

— Именно, — хмыкнула ведьма.

— Можно подумать, если она меня убьёт сейчас, это что-то исправит, — проворчала вампирша.

— Она же извинилась! — снова напомнила ведьма. — И тебя наверняка запомнила, так что...

Вампирша махнула рукой.

— Какой вообще смысл так маяться? — продолжала она ворчать. — Проще собрать вещички и убраться отсюда, пока нас ещё не убили. Нет, тебе надо устроить целое представление.

— Ну, уберёмся мы отсюда, — покачала головой ведьма. — А вампир?

— А что вампир? — рассердилась Вейма. — Вампир и вампир. Подумаешь, сожрёт он этих детёнышей. Жизнь, как ты знаешь, страдание, а мир — это тюрьма. У них появится шанс сменить место заключения. Может, оно окажется получше, чем эта занюханная деревня.

Ведьма остановилась и пристально взгляделась в лицо подруги. Лицо её было белым от злости.

— А их матери? — тихо спросила она. — Их страдания?

— Новых народят, — отмахнулась вампирша.

— Это слово *высшей посвящённой*? — процедила ведьма. Вейма тяжело вздохнула.

— Прости. Хорошо, я попробую.

— Родиться в этой деревне — не худшая доля, — утешительно произнесла Магда.

— Особенно если ведьма всегда готова спасти от болезней и вампиров, — поддела Вейма подругу.

— Особенно когда ей есть кому помочь, — серьёзно ответила Магда. — Мы почти дошли. Пора бить в набатный колокол. Будем договариваться.

* * *

Вейма закончила свою речь и, с трудом скрывая беспомощность, покосилась на подругу. По ней, так лучше было в деревне вообще не появляться. Что с того, что у неё не видно клыков? Того и гляди, крестьяне изобретут ещё одно «гениальное» объяснение свалившейся напасти и будет поздно останавливать их словами.

— Ишь! — подбочинилась Мета. — Языком трепать все горазды. Колдовать-то ведьма будет. Чего она молчит? Или сказать нечего?

— Есть чего, — вышла вперёд Магда. Вейму выслушали. Ничего толком не поняли, кроме того, что она пытается оплести их словами. Теперь они достаточно сбиты с толку. Разозлены, правда, но этого было не избежать. — Но сначала предупреждаю. Отец Керт ничего не должен знать.

На деревенской площади загомонили. Вейма удивлённо принялась. После такого предупреждения она ждала бы криков «Проклятые ведьмы!» и града камней. Но вместо этого настроение толпы сделалось выжидательным и даже... полным надежды?..

— Через три дня полнолуние, — продолжала ведьма. Люди кивнули. Полнолуние — одна из немногих вещей, которую они уловили в речах постигшей семь искусств [\[12\]](#) вампириши. — Я проведу обряд. В старом месте. Вы знаете.

Люди снова кивнули.

— Перед обрядом мне никто не должен будет мешать. Я буду готовиться призвать вампира на ваш суд.

— Судили мыши кота! — выкрикнул мельник. — Как бы он нас самих не...

— Я буду готовиться, — с нажимом повторила ведьма. — Он не сможет ничего вам сделать, когда моё колдовство призовет его в круг. Но круг должны держать вы сами. Те, чьи дети пострадали от нечисти. Готовы ли вы на это ради ваших детей?

Мета потупилась. Одила вскинула голову, готовая хоть сейчас дойти до самого ада.

— Нас ждёт проклятие? — спросила она.

— Нет, ваш грех я возьму на себя, — пообещала ведьма. — Вы думаете, что вампир нападёт на вас, пока вы держите круг? Возможно. Но охотней ночные твари нападают на тишине дома, на спящих. На младенцев, на юных девушек. Вползают в сны отрокам, тревожат верных жён нечестивыми образами... Вы не будете в безопасности, если не придёте. Не придя, вы подвергните опасности и себя, и тех, кто придёт. Если их будет слишком мало, они не удержат круг.

— Только родители могут участвовать? — спросил в наступившей тишине Йаган.

— Нет, — благодарно улыбнулась ему ведьма. — Могут все. Но родители — обязательно.

— Что надо делать? — деловито спросил мельник. Вейма удивлённо подняла брови. Вот уж точно, человеку всегда больше всех надо. И камнями побить, и народ на нечестивый обряд собрать — всегда первый!

— Дожить до полнолуния, — хмуро сообщила ведьма. Кто-то в толпе тихонько ахнул. — В день полнолуния дожидаться заката. Снять обувь, оставить любые вещи из металлов, даже нательные знаки. Распоясаться. Прийти простоволосыми туда, где собирались всегда. Дальше моя забота.

— Зачем? — хмуро спросил Виль-батрак. Все вздрогнули. Виль был настолько незаметным человеком, что его замечали только когда он заговаривал. Заговаривал он редко.

— Чтобы колдовать, я обращаюсь к силам природы, — пояснила ведьма. — Металл, обработанный руками человека, нарушает законы природы. Это помешает создать чары. А вы должны к ней приблизиться и не мешать ногам ступать по земле, а телам — овеваться ветрами.

* * *

— Странное дело, — хмыкнула Вейма, когда они, наконец, отправились к себе домой. Чёткие и ясные приказы, помноженные на таинственность колдовства, вернули людям доверие к их ведьме. Ненадолго, до полнолуния. А вот потом всё зависело от неё и от той безумной волшебницы.

— Что? — отозвалась Магда.

— Если мир — это зло, а природа — часть мира, то почему ты обращаешься к природе и чем тебе мешают металлы?

— А мир — это зло?

— Ну, если мы прозревшие, то да, — ухмыльнулась вампирша.

— А если проклятые, то зло — это мы, — нахмурилась ведьма. — Я не знаю. Я не изучала богословия.

Вейма насупилась и путь до дома они проделали в молчании.

* * *

— Ты можешь отводить глаза людям, которых не видишь? — шёпотом спросила Магда, когда они уже ужинали в безопасности собственного дома.

— Ну да, — отозвалась вампирша. — А почему шёпотом?

— На всякий случай, — пояснила ведьма. — С какого расстояния ты можешь почуять незваных гостей?

— Ну уж к дому никто не подобрётся, — хмыкнула Вейма. — И не подслушает. А ты думаешь, собираются?

— А ты думаешь, они нас просто так отпустили? — усмехнулась ведьма. — Сейчас выпьют для храбрости и пойдут сторожить, чтобы до полнолуния никуда не делись.

— Много насторожат... пьяные, — неприязненно отозвалась вампирша. Запах вина для неё неприятно смешивался с запахом пустой бравады. — Как бы им по дороге головы не разбить о пни да коряги.

— Ну, в этом вампиров обвинить будет сложно, — в тон ей отозвалась ведьма.

— Магда, — посерьёзнела Вейма. — Я боюсь оставлять тебя здесь одну. Давай улетим? Сколько-то я тебя на руках потащу, а дальше будут другие земли. Уйдём отсюда, пожалуйста. Я... Я... если, вернувшись, я тебя не застану... Слушай, к Врагу этих крестьян, баронов вампиров и младенцев! Жизнь дороже! Поверь мне. Жить, дышать, чувствовать свой пульс, смотреть на небо, слушать ночные шорохи... Уйдём отсюда, я тебя умоляю!

— Не могу, — покачала головой ведьма. — Я не хочу всю жизнь убегать. Это и не жизнь будет. Если поле битвы — здесь, я приму эту битву.

— Да ты ничего не понимаешь! — разозлилась вампирша. — Это не битва! И не игра! Я бы не справилась со всей деревней, даже если бы я была в полной силе! Что ты сможешь одна?! Ты представляешь, что они с тобой сделают?! Ты думаешь, умирать не больно?! Ты думаешь, это будет тихо и ласково?!

— Я думаю, что они потерпят до полнолуния, — улыбнулась ведьма. — Им же будет интересно, что я собираюсь сделать.

— Мне тоже любопытно, — проворчала вампирша. — Где эта твоя придурочная Виринея?

— Ты легко найдёшь их дом, — отозвалась ведьма. — В Раногe, на краю внутреннего кольца, белый домик с чёрной башенкой и белым шпилем.

— А! — кивнула вампирша. — Знаю его. Там ещё на первом этаже занавески в голубенький цветочек. Всегда удивлялась, пока училась, кто там может жить.

— Вот. Не стучись в дверь, она зачарована. Постарайся сесть на окно башенки и... не удивляйся.

— Я так понимаю, над башней поработал этот... как его... Лонгин?

— Кому же ещё? — развела руками ведьма. — Но чёрная магия для вампиров не

смертельна, в отличие от белой, так что это будет для тебя безопасней. И сразу скажи, что от меня.

— Пока меня не прикончили на месте? — недовольно проворчала вампирша.

— Между прочим, ты приняла высшее посвящение, — напомнила ведьма, — ты не должна бояться смерти.

— Во-первых, не я приняла, а мне его навязали, — раздражённо ответила Вейма. — А во-вторых, мне этот мир ещё не надоел, каким бы злом он ни был.

Ведьма усмехнулась. Проклятые называли себя прозревшими, потому что их вера говорила о том, что мир, в котором они живут — это тюрьма для насильно заточённых туда душ. Посвящение освобождало от оков мира и давало надежду на то, что после смерти душе не придётся возрождаться в смертном облике. По традиции обращение в вампира приравнивалось к высшему посвящению.

— А в-третьих, — продолжала разозлённая вампирша, — некоторые считают, что смерть от белой магии уничтожает и душу. Как и смерть в пламени, кстати.

— Ты только братьям-заступникам этого не говори, — засмеялась ведьма. Опасность её не пугала, а вызывала острое предчувствие каких-то перемен, которые произойдут как только подруга вылетит, наконец, за околицу.

— Ладно, — вздохнула вампирша. — Сохрани себя живой.

* * *

Раног находился недалеко от владений барона Фирмина. Потому-то Вейма первым делом и подалась сюда, когда закончила обучение и поняла, что, прожди она ещё хоть сотню лет, мантии её не видать как своих ушей. Недалеко находилась и проклятая Серая пустошь со своими знаменитыми тремя башнями. Вейма тогда ехала учиться, вместе с везущими свежую рыбу в город крестьянами. Милые шалости юных ведьм изрядно подпортили вампирше настроение. Но не в той мере, в какой его испортила будущая белая волшебница. Обычным людям, хоть проклятым, хоть нет, хоть одарённым, хоть лишённым магических способностей, белая магия почти не может причинить вреда. Это магия постижения мира, понимания, предсказания, исцеления... магия жизни. Вампиры же — самые проклятые из всех. Высшее посвящение, разрывая связь с мирским злом, убивает в них человечность. Убивает саму жизнь, оставляя возможность двигаться и чувствовать. Делает их уязвимыми перед белой магией.

Вейма тенью перелетела через городские стены. Летучие мыши ориентируются в пространстве иначе, чем люди.оборотни, те сохраняют человеческое восприятие в волчьем облике и волчье — в человеческом. Для вампира второй облик является чем-то навязанным, противоестественным, хотя и удобным, поэтому совместить привычное знание города с открывающимся сверху видом было сложно. Но долго искать не потребовалось. Второй облик менял зрение, в человеческом разве что чуть более острое и не так зависящее от источников света. В облике летучей мыши Вейма видела мир... иначе...

Один из домов светился пронзительным белым светом. Этот свет резал глаза, вызывал мучительную боль. Сверху на белом кубе стоял чёрный, как сгусток самой тёмной ночи, цилиндр башенки. Башню венчал даже не шпиль — острый луч такого же белого света.

Вейма заметалась вокруг с пронзительным писком. Прикоснуться к этому белому свету

означало немедленную смерть, а башня была настолько темна, что отличить окно от стены не удавалось. Природные летучие мыши ощупывают мир с помощью голоса, но Вейма покуда плохо освоила это искусство... Сквозь собственный писк она слышала неприятный звук, с каким взводят рычаг самострела, и, сложив крылья, немедленно упала вниз, на дощатую мостовую. Удар она почти не ощутила, сменив облик в тот момент, когда её тело коснулось досок.

— Не стреляй! — торопливо закричала она. — Лонгин? Я от Магды! Мне нужна Вириная! Пожалуйста!

Стрела со свистом рассекла воздух. Вейма отпрыгнула, и стрела вонзилась в доски рядом с её ногой.

— Пожалуйста! Я от Магды! Вы же вместе учились! Не стреляй!

Заскрипела дверь.

— Не ори, — хмуро бросил появившийся в проёме чёрный силуэт. — Проходи в дом.

Вейма шагнула ближе. В человеческом облике она не видела слепящего света стен, но предусмотрительно остановилась у порога, ничего не касаясь.

— А! — тихонько засмеялся мужчина. — Помню тебя. Вы, значит, с Магдой спелись? Входи в мой дом и дом моей жены. На эту ночь я даю тебе разрешение.

Вейма благодарно кивнула, но с места не стронулась. Губы чёрного мага тронула улыбка, он сделал странное движение рукой, а после протянул вампирше возникшую из воздуха белую ленточку.

— Повяжи на запястье, — приказал он, отступая вглубь дома, — и входи. Дверь не забудь запереть.

* * *

— Зачем? — вот были слова, которыми встретила вампиршу белая волшебница. Обращалась Вириная к мужу, а не к неожиданной гостье, но при этом с опаской поглядывала на Вейму. — Зачем ты впустил её — вампира — в наш дом?!

— Здравствуй, Вириная, — вздохнула вампирша, пристально рассматривая стоящую перед ней чету магов. Они изменились. Волшебница была тоненькой девушкой, одетой в развевающиеся белые одежды, и светлые её волосы, помнится, развевались на ветру, сплетаясь с потоками убийственной магии. Лонгин был тощим юношей со впалыми щеками и фанатичным огнём в глазах.

Сейчас перед Веймой стояли взрослые люди, давно пережившие безумства юности. Они потяжелели, Вириная убрала волосы под домашний чепец, Лонгин явно раскормился, и только огонёк в его глазах был прежним.

— У вас тут мило, — продолжила Вейма. Это было правдой. Её впустили в небольшую комнату, где в углу возле лавки стояла прялка, а у окна лежало настоящее зеркало, какое и не ждёшь встретить в небогатом, в общем-то доме. И разноцветные половички. Дальше, за дверью, наверное, жилая комната и где-то там лестница в башню, где творит своё колдовство чёрный маг. Но если не знать, кто перед тобой, никогда не подумаешь, что в таком уютном месте может скрываться такая сильная магическая мощь, что стены дома светятся в темноте.

— Кто ты и что тебе нужно? — резко спросила волшебница.

— Ты меня чуть не убила на Пустоши, — напомнила Вейма, и Вириная вздрогнула. Белые маги очень не любят убивать невиновных. — С тех пор я не изменилась. А вот ты — очень сильно.

— Ты сказала, что прилетела от Магды, — перехватил инициативу волшебник. — Что ей нужно? Говори и проваливай! Ночь на дворе, а ты чуть не переполошила нам всех соседей!

— Вы даже не предложите мне сесть? — притворно удивилась Вейма.

— Может, тебе ещё *поесть* предложить? — вспыхнул Лонгин. — Говори и уматывай!

— Я не пью крови, — сообщила-напомнила вампирша.

— Как трогательно! — хмыкнул маг. — К делу!

Белая волшебница решительно кивнула, соглашаясь со словами мужа.

— Мы подружались с Магдой, — сообщила Вейма, — и поселились во владениях барона Фирмина. Нас хорошо приняли, барон — добрый сюзерен и...

— К делу! — перебил маг.

— И вдруг в деревне кто-то начал нападать на младенцев и маленьких детей. Укусы и кошмары. Как будто... как будто молодой вампир начал учиться. И копить силу.

Она перехватила взгляд Лонгина и добавила:

— И это не я. Я... мы... мы не знаем, кто это может быть. В деревне нет чужаков. Магда сказала, что может провести обряд и призвать вампира в колдовской круг, но... она ничего не сможет с ним поделаться.

— И вы решили... у вас хватило наглости просить *мою жену* идти вместо вас сражаться с вампиром? — процедил Лонгин. — Мою жену?!

— Она — единственный белый маг, которого мы можем попросить о помощи, — тихо сказала Вейма. Ей в голову не приходило, что они откажутся. — Только белая магия может справиться с... с такими, как я.

— Вы и её не можете попросить, — отрезал Лонгин. Он перехватил неуверенный взгляд своей жены и добавил: — Я — твой муж, и я тебе запрещаю! Ты не должна разгуливать по деревням и сражаться со всякой нечистью!

— Там пострадали дети! — выдохнула вампирша, с мольбой вглядываясь в лицо белой волшебницы. — Они могут умереть, если вампир продолжит своё дело!

— Это не наше дело!!!

Волшебница тронула мужа за руку, и он медленно выдохнул, смиряя злость.

— Вейма... — тихо сказала Вириная. — Прости... Но то, о чём ты просишь... Это просто не в моих силах. Прости меня.

— Но ты же меня чуть не убила! Тогда, на Пустоши!

— Извини, — отвела взгляд волшебница. — Я... я не хотела... Просто... ночь... сражение... азарт... Это было случайностью. Я... я никогда не хотела убивать. Даже вампиров. Я не училась этому. Прости.

— Будьте вы прокляты, — с ненавистью выдавила Вейма, чувствуя, как её затапливает отчаяние и гнев. — Будьте вы прокляты! Магду убьют там, в этой деревне, а она так надеялась на вашу помощь!

— Я уже проклят, — криво усмехнулся чёрный маг. — А Виринаю не трожь.

— А то что?! — швырнула ему в лицо Вейма. — Ты же *не можешь* ничего мне сделать! Жалкий трус!

— Замолчи!

— Жалкий трус! Негодяй! Будьте прокляты, вы, оба! Слышите?! Оба!

Вейма оказалась у двери прежде, чем маг успел поднять руки для заклинания, прыжком оказалась на улице, содрала с запястья ленточку и швырнула её в дом.

— Будьте прокляты! — провизжала она, закручиваясь волчком. Заклинание маг всё же выпустил, но на мостовой вампирши уже не было. Тёмное небо обняло крылатую тень. Вейма полетела прочь.

— Может, не стоило... так?.. — услышала Вейма тихий голос волшебницы.

— *Младенцы — естественная добыча новичка, — говорил когда-то наставник. — Младенцы — и представители противоположного пола. Это происходит потому, что природные стремления, связывающие человека с животным, жизненным, началом, при трансформации в высшее существо преобразуются первым делом. Животное стремление продолжить свой род, которое рождает в женщинах пристрастие к маленьким детям, и во всех, в мужчинах и в женщинах — стремление к молодому красивому телу избранницы или избранника — вот главный признак человечности, от которого избавляет посвящение, даруемое через кровь. Младенцы — лёгкая добыча, они легко подчиняются наведённому сновидению и не обладают ещё разумом и волей, чтобы сопротивляться. Вот ещё одна причина, по которой младенца избирать не только приятно, но и разумно. В дальнейшем тебе захочется игры, соблазна, борьбы и победы. Тогда твой рацион пополнится юными отроками. Они смелы, упрямы, но наивны. Ты без труда сломишь их сопротивление, если сначала наберёшь силу, питаясь кровью младенцев. Позже ты обретёшь мудрость. Тебя потянет на зрелых мужей. Одни будут биться с тобой. Тебе будет приятно пробовать на них свои силы. Другие сдадутся без боя и будут скулить у твоих ног, умоляя о милости, которую подарит твоё прикосновение, твой взгляд, прикосновение твоих губ... твой укус заставит забыть их обо всём. А потом... потом тебе наскучит игра. Сотрутся последние следы природной тяги к продолжению человеческого рода. Кровь станет для тебя тем, чем должна быть — священной жидкостью, продлевающей твоё существование в мире, который мы поклялись разрушить. Ты отбросишь все мирские заботы и будешь смотреть не на тела, а на души. Седой мудрец, морщинистый, с трясущимися руками или безумная старуха, чья душа давно потерялась в оковах дряхлеющей плоти — вот кто станет твоей добычей, ибо ты узришь их внутреннюю красоту, которая превыше телесной. Узришь — и захочешь принести им Освобождение, которого так жаждут их души. И вот тогда...*

Вампир, до сих пор, к слову, не достигший желанного уровня просветлённости и предпочитающий в пищу молоденьких юношей и девушек, с неудовольствием посмотрел на непокорную ученицу. Вейма начала как-то странно давиться ещё тогда, когда наставник упомянул разумность выбора младенца в пищу.

— Что с тобой, дитя моё? — с неудовольствием спросил вампир.

Вейма зажала рот руками и выскочила во двор хижины, в которой они с наставником остановились на день. Её вырвало.

Вейма с усилием отогнала от себя болезненные воспоминания. Она так и не смогла заставить себя причинить кому-то вред. Наставник прогнал её, поняв, что от многообещающей ученицы проку не будет. И посулил, что клан расправится с ней при первой же допущенной ею ошибке. Она была проклятой вдвойне. И именно поэтому она не могла сразиться с чужаком-вампиром ни ради крестьянских детей, ни ради подруги, ни

защищая свою «охотничью» территорию. Она сильнее двоих человек и быстрее лошади. Чужак сильнее десяти человек и быстрее стрижа.

Вампирша огляделась. В задумчивости она немного сбилась с пути, направив свой полёт вдоль русла Ранна, реки, проходящей через город Раног. До рассвета до владений барона Фирмина не добраться. В своё время Вир её жестоко обманул. Он управлял Корбинианом, главным владением Старого Дюка. Все его земли перешли под руку союза баронов после того, как бароны казнили Ублюдка, печально известного бастарда, который в погоне за властью убил своего двоюродного брата, сына сестры Старого Дюка. Вейма не знала названия деревни, где так глупо попала, она сбилась с пути, пока летела по стране в облике летучей мыши. Если бы Вир сразу сказал, что принёс её на северо-восточную окраину Корбиниана, она бы поняла, что до Ранога два дня пути с обозом и куда быстрее — собственным лётом. Ранна впадала в Корбин, большое, богатое рыбой озеро, в честь которого владение и получило своё название. Если бы Вир сразу сказал, где она находится, осталась бы она в его доме?..

Иногда Вейма вспоминала это и радовалась, что он ничего ей не сказал. Хотя что это изменило бы?..

Рыбаки обычно ловили рыбу по всему северному берегу озера, доходя до самой восточной точки, после чего им надо было или вернуться назад и двигаться на север или наискось пересечь Серую пустошь. В *тот* раз они торопились и совершили ошибку.

Вейма взяла западнее. Чтобы попасть домой, ей следовало бы лететь прямо на юг, мимо Пустоши с востока и Корбиниана с запада, пролететь над озером и миновать баронские охотничьи угодья. Но она уже последовала за рекой, на запад, туда, где не была много лет. Туда, где поклялась больше не появляться. Зачем? Что это даст? Но восток уже светлел. Вейма не успевала добраться до дома этой ночью и направила полёт в лес, стеной стоящий у берегов реки. Первые лучи коснулись её, и девушка в своём настоящем облике полетела вниз, ломая ветки деревьев. Вампиры могли превращаться и днём, но вот ночное превращение разрушалось с рассветом.

Ободрав лицо и одежду о ветки, девушка скатилась на землю. Тяжело дыша, поднялась сначала на колени, потом на ноги. Лицо-то заживёт, а вот одежда...

Вампирша отряхнулась. Покрутила головой, угадывая стороны света. А потом побежала прямо сквозь подлесок.

* * *

...некоторые вещи надо делать вовремя...

Дом стоял на том же месте, что и раньше. Добротный, хороший дом, который бароны выстроили для того, чтобы управляющему Корбинианом шателену было где жить. Управлять владением из замка мог бы разве что вампир: даже оборотни чувствуют себя неуютно в развалинах. Дом был пуст. Заколочены ставни, заперта единственная дверь. Дом был пуст и пах пустотой. В нём никто не жил вот уже несколько лет. Вообще никто.

Вампирша услышала знакомый звук и шагнула к коровнику. Корова была на месте. На сеновале спал какой-то мальчишка. Наверное, присматривал за коровой. Вейма не задумываясь укрепила его сон и скользнула к корове. *Ей надо было поесть*. Сначала поесть. Потом всё остальное. Этому научил её Вир. Он говорил, что злиться, плакать или

отчаиваться на полный желудок куда приятней, чем на пустой. И что голодный плохо соображает. Вир часто говорил такие вещи... очень простые. Глупые даже. Но всегда оказывался прав. За это Вейма его ненавидела. За это Вейма его любила.

...они прожили вместе год. И Вейма даже не вспоминала о своём желании учиться в университете. А потом Вир сказал, что ему надо объехать свои земли и пропал чуть ли не на месяц. И вернулся как ни в чём ни бывало. И сказал, что у него много дел. И через несколько дней пропал без предупреждения.

Во время пятого исчезновения Вейма сбежала. Когда-то она потребовала у него бумагу, подписанную союзом баронов. Бумагу, в которой университету предписывалось обучить женщину. Этой бумагой она и воспользовалась, добравшись до Раного. Там возмутились... но пустили на все лекции. Вот только докторской мантии девке не дали.

...Вир знал, где её искать. Должен был знать. Не мог не догадаться. Вейма часто думала, что она ему скажет, когда он её всё-таки найдёт... она только не думала, что он не станет её разыскивать...

Вампирша превратилась в струйку тумана и вплыла в запертый дом.

«Добро пожаловать домой...»

Ей всё равно надо было переждать где-то день, её ведь могли бы заметить и спросить, как она тут очутилась.

Ей всё равно надо было проверить...

* * *

...внутри дом был ещё более пуст, чем казался снаружи. Вир забрал оттуда все свои вещи. Мебель, которую она когда-то разломала. Посуду. Даже шкуру из спальни наверху. Осталась только полотняная рубаха, которую Вейма когда-то для него сшила, чтобы он мог хотя бы дома расслабиться. Рубаха и штаны. В этой одежде он принимал крестьян, если не собирался никуда выходить из дома. Это был её подарок. То немного, что она успела ему дать. Вейма подобрала рубаху. Вот эту прореху она собиралась зашить перед тем, как он исчез в пятый, последний раз. Собиралась, но без него не стала брать в руки. А со штанов надо было вывести пятно. Он ел тогда пирог с черникой, а она подошла его поцеловать и пирог упал на колени. Но штаны она тоже не постирала.

Вейма вдруг со всей явственностью осознала, что Вир ушёл из этого дома уже после её побега, ушёл, не собираясь ни искать её, ни хранить её подарки. Она села на пол и разрыдалась в голос.

Глава третья

Деревня

Едва чёрная тень вылетела из старого охотничьего домика, Магда вернулась в дом и заперла дверь. Разожгла очаг, лучиной засветила лампы и свечи. Вейма всегда двигалась совершенно бесшумно, поэтому ведьма не стала пытаться создать впечатление, будто по дому ходят двое. Хотя... Магда осторожно сняла огонёк со свечи. Пламя трепыхнулось и осталось в её ладони. Ведьма стряхнула его, как стряхивают бабочку, и огонёк принялся летать по дому. Если подглядывать сквозь щели в ставнях, покажется, будто кто-то нервно расхаживает по пустым комнатам. Вейма принималась нервно расхаживать как только выдавалась возможность. У дома послышались шаги. Такие тихие, что, не будь чувства Магды обострены до предела, она бы их не услышала. И, конечно, не соскреби она заранее под дом сухих листьев и тоненького хвороста, который ломался даже под ногами Веймы. Шагнули как раз к запертой ставне. Магде вдруг стало жутко, она нашарила на полу кочергу.

— Кто здесь? — резко окликнула она. — Отзовись!

Во дворе молчали. Магда не умела чувствовать людей на расстоянии, но чужое присутствие ощущалось так ярко, что от него хотелось кричать.

Ведьма шагнула к двери, держа наготове кочергу.

— Отзовись, если ты не хочешь моего проклятия! — потребовала она и толкнула дверь. Во дворе стоял Виль-батрак и шурился от льющегося из дома света.

— Что тебе тут надо? — зло спросила ведьма.

Батрак посмотрел на кочергу в её руке. Его лицо странно исказилось, как будто он хотел улыбнуться, но передумал.

— Гуляю, — коротко ответил батрак.

— Ночью?!

— Так погода хорошая, — оглянулся батрак на небо. Магда проследила за его взглядом. Хорошая погода, да... дождя нет, но небо всё затянуто тучами, нет ни луны, ни звёзд. В такую погоду хорошо летать Вейме — её не увидят. Но утром будет ясно, об этом говорили все приметы.

— Хорошая, — процедила ведьма, которой уже стало стыдно своего испуга. От батрака несло вином. Никак и впрямь выпил для храбрости.

— А ты бежать собираешься? — спросил батрак.

— Нет! — разозлилась ведьма. — Не собираюсь!

— Это хорошо, — порадовался Виль. — А то тут мельник на дорогу вышел, которая на север. Риг и Креб по южной дороге прогуливаются. Исвар сказал, травки в лесу пособирает, подумает о своём.

Исвар был здешний знахарь, личность настолько угрюмая, что к нему обращались даже реже, чем к ведьме. Но, как Магда слышала, все, кого он пользовал, обычно выживали и большинство — выздоравливали. Во что знахарь верил, было загадкой для всех: его не видели ни днём в церкви, ни ночью на ведьминских празднествах. Только изредка он выходил — так и тянуло сказать «выползал» — из своей хижины, собирать травы и прочее для своих снадобий.

Магда моргнула.

Южная дорога делала изгиб, расходясь на юго-восток и юго-запад. Северная дорога шла

прямо. Уйти можно было и тайными тропами, если их знать. Любой, кто собирает траву, цветы, корни, кору, мох, ягоды, перья и прочую дрянь для зелий, знает тайные тропы. Батрак пришёл, чтобы её... предупредить? Предостеречь? Или чтобы ей угрожать?

— Так я пойду, стало быть, — сказал он.

— А... Да... иди. И скажи всем, что я никуда бежать не собираюсь. Могут оставить свои... бдения.

Батрак внезапно улыбнулся, из мрачного типа неопределённого возраста сделавшись вдруг молодым парнем.

— Я-то скажу. Да только они не поверят. Ну, бывай, если так.

— Доброй дороги, — мрачно пожелала ведьма.

* * *

Утро началось с громкого стука в дверь.

— Кого ещё Враг несёт?! — разозлилась Магда. Она спала на кухне, поближе к своим травам, горшкам, котелкам и зельям, комнату с кроватью оставив подруге. Стук повторился. Пришлось скатываться с тюфяка, приглаживать волосы и неподпоясанной идти к двери. Полночи ведьма провела, прислушиваясь к каждому шороху. Её мучила не то чтобы тревога, скорее предчувствие каких-то важных событий.

За дверью приплясывал от нетерпения Куно — сын кабатчицы, переехавшей в деревню после того, как родное село её мужа выкосила какая-то загадочная болезнь.

— Что тебе надо? — неприветливо спросила Магда мальчишку.

— Ты спишь! — сообщил Куно, — а Исвар там всё придумал!

— Что придумал?!

— Лекарство! — заявил мальчишка и помчался обратно в деревню.

* * *

Зачем бы знахарь не ходил ночью по лесу — сторожил ли, чтобы подозрительная ведьма не сбежала, или собирал травы, но к утру он составил «противампирый сбор», состав которого «вывел, исходя из свойств растений» и с утра предлагал всем желающим. Желающие толпились у хижины, но пробовать на себе новое лекарство не спешили. Запах был такой, что то у одного, то у другого любопытствующего начинало невыносимо щипать в глазах и они отбегали к колодцу промыть. Ждали вердикта священника и ведьмы. Отец Керт пришёл первым и, держа чистую тряпку у глаз, пытался вслушиваться в рассуждения изобретателя.

— Медвежий лук... — издали услышала Магда, — победный лук... луговой... гусеничник... клопогон... полынь... бешеная травка... дурман... любим-травка... ромашник...

Знахарь подробно разъяснял, каким образом полезные свойства травы должны извратиться, применённые к существу, которое уже умерло, но почему-то ещё ходит, а вредные — добить его окончательно. А вот каким образом он заставил каждый цветок раскрыть свой аромат так, что рядом с хижинкой нельзя было дышать, Исвар объяснять не

спешил. Под взглядами собравшихся ведьма наложила на себя священный знак — жест из детства, вырвавшийся перед грядущим подвигом, — и шагнула в хижину. Под ногой что-то звякнуло. Гвоздь. Ведьма пожала плечами и внимательно осмотрела сбор. Полынь отгоняет нечисть и разрушает колдовство, медвежий лук воняет чесноком, который вампиры обычно не жалуют. Бешеная травка удобна, если нужно научиться летать, но рецепт там ой какой сложный. Ведьмы не затверживают наизусть свойства растений, они просто *знают*, что и когда нужно сорвать. Ведают. Но отпугивать зельем вампира было как-то... как-то...

Вейма говорила в своё время, что после обращения обостряются все органы чувств, в том числе обоняние. С возрастом вампиры учатся его притуплять, чтобы брезгливость не мешала при выборе жертвы. Но на младенцев обычно нападают молодые... Магда подумала, что, если неведомому вампиру втемяшилось в голову охотиться именно в их деревне, ему придётся очень быстро повзрослеть.

— Может помочь, — пожала она плечами в ответ на вопросительные взгляды. — Но вампиры могут подчинять себе волю людей на расстоянии. Что ему мешает заставить родителей вынести ребёнка на двор?

Про себя ведьма подумала, что каждый, кто коснётся руками чудовищного сбора, ещё долго будет отпугивать и вампиров, и насекомых, и любого, у кого есть способность ощущать запахи.

— Соберём детей в церкви, — предложил знахарь, — а родители пусть молятся и охраняют. Если все будут у всех на глазах, успеют остановить того, кого вампир одурманит.

Взгляды обратились на священника. Отец Керт смертельно побледнел. Видать, представил, что его церковь будет смердеть.

— Кошунство, — прошептала набожная Одила.

— В священных книгах не сказано... — выдавил священник и с надеждой посмотрел на ведьму.

— Может сработать, — повторила она. — Если отец Керт не против...

Священник вздохнул.

— В священных книгах ничего такого не описано, но в церкви каждый может найти убежище, — уже решительней произнёс отец Керт. — Я думаю... запах трав, сотворённых Создателем, не оскорбит ни Его, ни Заступника.

«А люди потерпят» — цинично подумала ведьма. Терпеть это было трудно.

— Я дам вам благословение, — пообещал священник. — Надеюсь, это... не продлится очень уж долго. Даже в монастырях немногие решаются на такой духовный подвиг, как еженощные бдения, а ведь им не приходится работать на полях...

— Не продлится, — уверенно заявил знахарь. Священник взгляделся в лицо Магды, которая подтвердила сказанное нерешительным кивком, покачал головой и заторопился к своему дому. Следом за ним потянулись по своим делам люди.

— Это не очень хороший метод, — тихо сказала ведьма. — Один раз, может, вампира и отгонит. Но потом... люди устанут, а вампир будет в ярости.

— Вампиры — хищники, — всё так же уверенно заявил знахарь. — Хищник не будет день за днём сторожить хлев, если он хорошо заперт, хищник пойдёт искать другую добычу.

— Если волка выгонит стая, — возразила ведьма, — и ему некуда будет пойти, он начнёт резать скот, даже если его отгонять от деревни.

Сказала — и осеклась. Вампиры уважают чужую территорию. Здесь жила Вейма, почему же неизвестный явился сюда? Или решил её прогнать? Или...

— На кого-то напали этой ночью? — торопливо спросила она.

— Да, на сынишку Меты, — охотно отозвался Куно, который так и крутился поблизости. — Второй раз. Не жить ему, похоже.

— Я... я посмотрю! — вскинулась ведьма. — А больше ни на кого?

— Не-а.

Ведьма перехватила неласковый взгляд знахаря и заторопилась скорее навестить Мету. Рассказывали, что знахарь способен ударить ножом любого здорового человека, который без дела задержится у его порога. Проверять слухи ведьме не хотелось.

* * *

Ведьма устало вышла из дома Меты. Ребёнка ещё можно спасти — если на него больше никто не нападёт. Укрепляющие травы, молоко с мёдом, немного покоя, а через несколько дней — много движения. Магда чувствовала, что ей самой не помешали бы укрепляющие травы и немного покоя. Мета вцепилась в неё мёртвой хваткой, пытаясь заставить признаться, откуда взялся вампир, что затеяла Магда и поможет ли наверняка лечение знахаря. Ни на один вопрос ведьма отвечать не желала. Однако... Если всё пойдёт так, как должно, то к обряду нужно подготовиться... Ведьма пошла — вернее, поплелась — искать Виля-батрака. Но его не было ни на поле мужа Меты, ни у Креба, ни на мельнице... Расспрашивать людей, куда задевался этот человек, ведьме совершенно не хотелось, да к тому же его как-то редко замечали. Сделав круг, Магда обнаружила пропажу у дома Меты: тот поправлял плетень, выдёргивая гнилые прутья и заменяя их новыми. Глядя на ведьму, батрак откровенно ухмылялся.

— Гуляешь? — дружелюбно спросил он. — Погодка неплохая.

— Гуляю, — подтвердила Магда, покосившись на небо. Приметы её обманули, что вообще бывало редко. Небо всё ещё было затянуто тучами, но дождь даже не собирался. — Помочь можешь?

— Отчего бы и не помочь, — согласился батрак. — Что нужно?

— Для полнолуния, — тихо выговорила ведьма. Батрак немедленно посерьёзnel. — Жертва нужна.

— Мальчик, девочка? — деловито спросил Виль. — Или постарше кто?

— Ты спятил?! — возмутилась Магда. — Мы собираемся их спасти, а не убивать!

— Одного зарежешь, остальные спасутся, — совершенно хладнокровно предположил батрак. Магда топнула ногой. — Не хочешь, не надо. А что надо-то?

— Чёрный козлёнок, — попросила ведьма. — Новорожденный или хотя бы сосунок.

— А, это. Это достанем. К полнолунию?

— Да.

Ведьма взгляделась в лицо батрака. Что-то вынудило её добавить:

— И чтобы ни хозяева, ни пастухи, ни вообще никто не пострадал, слышишь?

— Можно и так, — согласился батрак с видом человека, которому без весомой причины решили усложнить задание.

Ведьма вздохнула. Станный он всё-таки человек. И почему его никто никогда не замечает?

Виноградник располагался в стороне от деревни, на пологом склоне холма баронского замка. Он был небольшой: тот сильный мороз несколько лет назад побил почти всё. Старая Верена тогда простудилась и, несмотря на всё лечение Магды, тихо угасла к весне. Молодая ведьма лечила наставницу добросовестно, несмотря на то, что старуха под конец пыталась вытянуть из ученицы силы, надеясь отдалить неизбежное. Ей это почти удалось...

А весной, после того, как Верену закопали за оградой церкви (никто, кроме Виля-батрака не согласился долбить ещё мёрзлую землю), к Магде пришёл Йаган. И вот тогда Магда в полной мере поняла, что такое — обязанности ведьмы. Люди напрасно думают, что быть проклятым — это сидеть и делать пакости окружающим. Люди правильно думают, что проклятые стремятся распространить своё проклятие на всех...

Йаган и прежде был добрым работающим человеком. Теперь его вне виноградника видели только когда в деревне что-то случалось. Он делал такое вино, что барон освободил его от всех податей, велел только поставлять в замок бочонок с каждого урожая. Вейма как-то говорила, что из этого бочонка наливают только самым дорогим гостям. По просьбе Йагана от податей освободили ещё нескольких человек. Вино того стоило.

А ещё с тех пор беднее виноградаря в деревне был только батрак. Люди старались об этом не задумываться. Иногда Магде было перед ним стыдно, но другого пути всё равно не было.

— Йаган, — заглянула она в виноградник. — Ты мне поможешь? Народу много соберётся.

Виноградарь кивнул.

— Как обычно?

— Нет, знаешь, у тебя осталось ещё с *той* лозы? Вот его всё, что есть. И просто твоего хорошего, чтобы люди не скучали.

— Осталось, — улыбнулся виноградарь. Ведьма облегчённо выдохнула. Хороший обряд, как и хороший пир, требовал *хорошего* вина больше, чем подходящей жертвы.

Магда сама не знала, почему поплелась к себе через деревню, а не напрямик. Может быть, оттого, что дома её никто не ждал. За всё то время, которое встреченная когда-то на Пустоши вампирша прожила с ведьмой под одной крышей, Магда как-то привыкла, что она не одна. Даже если Вейма весь день пропадала в замке, вечером барон аккуратнo выставлял её за ворота. Очень вежливо, но никогда не забывая сделать это до заката. Девушки подозревали, что он обо всём догадывается, но почему-то не желает это обсуждать. Его воля. А в пустом доме было очень неуютно, хоть сейчас и царил ясный день. День, впрочем, был пасмурный.

Рамону, кабатчицу, Магда встретила у колодца.

— Зачем тебе два коромысла? — ляпнула ведьма прежде, чем сообразила поздороваться. Рамона никогда не являлась на ночные обряды. Она не была такой уж набожной, как Одила, хотя неукоснительно соблюдала все заповеди. Просто она была

исключительно мирским человеком. Во всём. С ведьмой, однако, всегда приветливо здоровалась.

— Думала Куно отыскать, — отозвалась кабатчица. — Мальчишка большой, помогать должен, так нет ведь — всё бегают. А воды в кабаке много надо, каждый раз не находишься.

— Я помогу, — предложила Магда.

— Помоги, — улыбнулась женщина. Ведьма неожиданно почувствовала себя... успокоившейся. После всех колдовских дел и бесед поговорить с... *мирянкой*... было неожиданно приятно.

Дома Магда нечасто ходила за водой, всё-таки хватало кого послать к колодцу и без неё. Здесь — за водой ходила Вейма, которая шутя поднимала всё коромысло одной рукой. Поэтому путь до кабака проделали молча. Куно быстро вырастет в очень сильного юношу, если матери удастся его приставить к делу. Вёдра в кабаке были большие, прямое коромысло ужасно давило на плечи.

— Ну, вот, — выговорила ведьма, ставя коромысло, куда показала Рамона. В кабаке было пусто: люди подтянутся к вечеру. — Послать тебе Куно? Он, наверное, всё у знахаря вертится, а, может, опять к пастухам убежал.

— погоди, — остановила её кабатчица и пристально взгляделась в лицо девушки. Магда забеспокоилась, но тут Рамона спросила:

— Ты осунулась. Ела сегодня? У меня с утра каша осталась, ещё не остыла.

Ведьма удивилась, но отнекиваться не стала.

— Спасибо, не откажусь. Я... ну, вчера днём, кажется, что-то ела. У меня кусок хлеба оставался.

Рамона покачала головой и поставила на стол тарелку с кашей.

— Так чего ж не пришла? Кабак разве для господ поставлен?

— Не подумала, — призналась Магда и уселась на лавку. Мало где в деревне женщина могла поесть за настоящим столом, обычно столы и лавки оставались для мужчин, а их жёны и дочери присаживались с мисками у очага. Но в кабаке всё было иначе. В доме у Магды — тоже, поэтому она благодарно кивнула и взялась за ложку.

— Ты что — вообще не готовишь? — неодобрительно спросила кабатчица.

— Нет, — покачала головой ведьма, облизывая ложку. Каша была что надо — в меру разварившаяся, с пряными травами, с растаявшим уже в тарелке куском сала. — Просто сейчас нельзя. Нельзя готовить на одном очаге еду и зелья.

— И часто ты варишь зелья? — не отставала женщина.

— Случается, — неопределённо пожала плечами Магда. Интерес женщины её настораживал.

— Вот что, — решительно заявила Рамона, накладывая вторую порцию каши. — Я не могу за тобой бегать каждый раз, а случайно мы редко сталкиваемся. Не глупи, приходи сюда. Поешь, с людьми пообщаешься, ко мне и с утра заходят. Подругу-то твою, небось, в замке кормят, а ты сидишь весь день над своими травами.

— Ну, если не помешаю, — благодарно улыбнулась Магда. За несколько лет, проведённых в деревне, она знала всех её жителей и... никого не знала. Они просто были... людьми. Неодарёнными. Не прозревшими. «Слепыми», как их называли проклятые. Задачей Магды было знать о них всё, смягчать тяготы их жизни и пытаться открыть им глаза. Сейчас ведьма вдруг задумалась, не была ли она слепой в большей степени, чем преданная оковам мира Рамона. Магда *знала*, ведала, но не *видела*. Просто не видела окружающих её людей.

Проклятой, вроде бы, было и не положено к ним присматриваться, ведь все они обмануты *Надзирателем*, которого называют Заступником и которому молятся, умоляя усилить оковы.

— А ты вовсе не страшная, — вдруг сказала Рамона, которая пристально разглядывала лицо девушки. — Зачем прячешься в лесу?

— Так безопасней, — нехотя пробурчала Магда. — К тому же...

Ведьмы отличались от чёрных волшебников. Те грубо вскрывали законы мира, заставляя его повиноваться своей воле. Ведьмы же, как и колдуны, старались почувствовать, договориться, приладиться и понять. Понимать мир можно было только вдали от людей, там, где суэта повседневных занятий и желаний не отвлекали от пения птиц и шелеста листвы. Иногда Магда думала — зачем же всё это, если мир был сотворён Создателем на горе свободным душам, насильно заточённым в ловушке плоти? Но ни учителя в Бурой башне, ни старая Верена ничего ей не отвечали.

— Красиво, — оценила Рамона, когда Магда постаралась донести до неё то, что любая ведьма чувствует, оставшись наедине с природой. — Да, в лесу хорошо. Я туда и сама хожу, если время выдаётся. А ты добрее, чем Верена.

— Она была очень старой, — заступилась за наставницу Магда.

— Когда я выходила замуж, ей было столько же, сколько мне сейчас, — возразила Рамона. — Я была девочкой, когда она впервые появилась. Старую ведьму уже и не помню, она померла, потом несколько лет никого из *ваших* не было, а потом пришла Верена. Красивая была, наглая. И уже тогда — очень злая. Без mzды и говорить-то откажется. А уж на свадьбу не позовут или на праздник какой — уж как ярилась! Состарилась быстро, как будто год за два жила. Видать, злоба её тяготила.

Магда пожала плечами.

— Надеюсь, со мной так не будет, — предположила она.

— Магда... а почему?.. Ты молодая, красивая, работающая... любой бы в жёны взял. А людям помогать и так можно. Зачем?

Ведьма вздохнула.

— Отец выгнал меня из дома, — сказала она. Рамона подтолкнула к ней лопоту хлеба и Магда, круто посолив, стала отщипывать по кусочку. — Сначала сестру выгнал, за то, что с пришлым путалась. А меня до полных лет дорастил и сказал — или в монастырь или за ворота. Братик у меня маленький, отец всё ему хотел оставить. А если бы мне приданное выделил — брату пришлось бы под руку к... к кому-нибудь идти.

— А ты не из простых, — отметила кабатчица. Магда, чуть помедлив, кивнула.

— Это уже неважно, — сказала она. — Все, кто по дорогам скитается, все они без роду-племени. А потом у меня дар открылся. Слишком много у меня злости было, чтобы белой магии учиться.

— Ищешь сестру? — тихо спросила Рамона. Магда подивилась пронизательности этой *простой* женщины. Всё-таки, что-то они теряют в своих башнях, какое-то человеческое понимание. Стоит ли оно того?

— Ищу, — созналась она. — Только... Я думала, дар мне поможет. Но мы же проклятые. Для одного только нельзя дар использовать — что больше всего на свете хочешь. Если и попытаешься — не выйдет ничего.

Кабатчица молча подвинула стакан разбавленного вина. Магда благодарно кивнула.

— Знаешь... последние дни у меня предчувствие. Как будто скоро решится что-то, да

только вот что — не знаю. Может, и сестра моя отыщется. Не верю я, что она просто так сгинула. Не верю.

— И не верь, — поддержала Рамона. — Сердцу своему верь. Если ищешь, если любишь — обязательно найдётся.

В кабаке распахнулась дверь и в неё ввалились младший пастух Натес и Куно. Натес был пьян, Куно трезв, но веселился не меньше приятеля.

— Бездельники! — заругалась Рамона и схватила полотенце. — Дармоеды!

Куно увернулся и удар пришёлся на пьяного Натеса. Тот запоздало отшатнулся и схлопотал второй удар.

— Я полы собралась мыть! — сердилась Рамона, — А воду кто натаскает? Столы кто поставит? А ну, живо за работу!

Натес подхватил вёдра и попытался шмыгнуть за дверь, но был изловлен разгневанной кабатчицей за ухо.

— Ку-уда?! Ищи-свищи тебя по всей деревне! Куно! Бегом немедленно. А ты столы поставь!

Потирая ухо, Натес принялся снимать столешницы с козел и ставить их вдоль стены.

— Отрабатывает, — усмехнулась Рамона, перехватив ошарашенный взгляд ведьмы. Хоть и молод был Натес, но всё же не мальчишка, чтобы терпеть такое обращение. Хотя характером младший пастух был на диво покладист. Бывают такие люди, толку от них никакого, но и вреда обычно не бывает. — С тех пор как у Рига корову волки заели, а у Меты воры двух коз увели прямо с пастбища, Натесу ничего за работу не полагается, а есть-то надо ему.

— И пить, — поморщилась Магда. От пастуха разило так, что чувствовалось даже в кабаке. Само по себе достижение.

— И пить, — кивнула Рамона. — Эй, не спи! Или пока дров накопи, я полы вымою, обратно столы поставишь.

— Спасибо, — поклонилась от порога Магда.

— Вечером приходи, — улыбнулась кабатчица. — Не забудь, смотри!

* * *

Вечером в кабаке было людно. Магда сама не знала, зачем пришла. Возможно, хотела посмотреть, как люди живут... на самом деле. Люди же наверняка собрались посмотреть как ведьма ест. Судя по их заинтригованным лицам, они ждали, что Рамона поставит сейчас перед Магдой тарелку свежевыкопанных червей. Судя по спокойному лицу кабатчицы, она бы безо всякой брезгливости накопила бы и червяков, если бы считала, что кто-то без них жить не может. Но вместо этого перед ведьмой на стол был поставлен хлебный горшок^[13] с густым супом. Магда благодарно кивнула. Она полдня варила зелье предвидения у себя дома (его нельзя готовить больше, чем три раза подряд, иначе будет беда). Зачем — она не знала, но чувствовала, что это нужно сделать. Сейчас. Скорее. Оно понадобится. Скоро. Оставив котёл над тлеющими углями в очаге, ведьма пошла выполнять своё обещание и сытный ужин был очень кстати.

Бездельник Натес поставил столы криво, нарушив их обычный порядок. Рядом со столом, который облюбовала себе ведьма (который стоял в стороне и за которым никого не

было) кидали кости на тавлею^[14] Риг и Креб, большими глотками вина сопровождая каждый удачный ход. Чуть подальше пристроились Липп, Натес и Виль-батрак. Перед батраком стоял стакан с тёмным как кровь вином, Натес всю уплетал кашу, а Липп завистливо наблюдал за ними обоими.

— И не проси, — отрезала Рамона, пробегая мимо. — Пусть тебя отец кормит, дармоеда! Как только земля носит? Здоровый парень, а весь день незнамо где шатается!

Насчёт здорового кабатчица погорячилась: Липп был такой низенький и худенький, что без труда сошёл бы за ребёнка или переодетую девушку.

Виль поднял на Рамону мутные глаза.

— Эй! — окликнул он, рывком переставляя стакан к юноше. — Мне ещё раз того же самого. Жрать хочешь, парень?

— Да с чего ты взял, что я буду... — начала кабатчица и осеклась. На столе перед батраком кругами каталась золотая монета.

— Держи, — кивнул на монету батрак. — Так ты жрать хочешь, парень?

— Не, — помотал головой Липп и жадно схватил стакан. — Дома поел.

— Украл небось, — неодобрительно проворчала кабатчица, но деньги взяла.

— Не у тебя же, — отмахнулся батрак. — Неси вина. И брату неси.

Только сейчас Магда вспомнила, что где-то слышала, будто бездельник и пьяница Натес приходился трудолюбивому батраку братом. Похоже, пьянство у них было семейное.

За столом подальше сидел Вилли-кузнец и наблюдал за сыном с большим неодобрением, однако разговор с мельником прерывать не стал. Ведьма прислушалась. Разговор был вечерний, *жуткий*, о том, что случается по ночам, когда кузница и мельница стоят без внимания и кто приходит из темноты, чтобы помочь мастеру своего дела. Истории лились с двух сторон. Магда доподлинно знала, что все они — выдумки. В кузнечном деле, как и в мельничном, хватало и настоящих чудес, но о них вслух говорить было не принято. Рядом пристроился Куно, жадно внимая рассказам старших.

В глубине кабака устроились Мета и Врени, жена Рига, а с ними Эрма, сестра Крета которую он никак не мог пристроить замуж. Остальных Магда знала только в лицо. Кабак был построен давно, когда деревни ещё не было, а был большой перекрёсток между дорогой с севера и дорогой с запада. После смерти Старого Дюка дорога с запада захирела, а деревня, напротив, разрослась. Но и сейчас места в кабаке хватало для того, чтобы за большими столами сидело по двое-трое едоков. Сложен кабак был из камня и полы были каменные. Чистоплотная Рамона мыла их раз в три дня и всё ругалась на это большое неуклюжее строение. Зато зимой со всей деревни сносили дрова, протапливали кабак, раздвигали столы и устраивали пляски до упаду. Места хватало.

Пока Магда ела, разглядывая собравшихся, Липп умудрился облиться вином. Вроде бы он схватил стакан, потом отхлебнул, потом поставил, потом опять схватил, потом решил залезть на стол и произнести благодарственную речь... А потом наевшийся Натес вытащил его, мокрого, из-под стола и, смеясь, высказался в том духе, что парню пора спать, а не сидеть за столом со взрослыми. Юноша обхватил шею младшего пастуха и радостно кивал. Все дружно покосились на кузнеца, но тот демонстративно повернулся к мельнику и начал рассказ о том, как по ночам у него пропадают готовые гвозди.

— Так проводи его, дурень, — буркнул Виль-батрак, и Натес поволок Липпа к выходу.

Глава четвёртая

Колдовской напиток

Магда успела доесть суп, отказаться от добавки и медленно, с удовольствием ела хлебный горшок. Все в кабаке дружно делали вид, будто в визите ведьмы нет ничего особенного. А, может, ничего особенного и правда не было, и жадные взгляды ей почудились с непривычки. Рамона поставила перед ведьмой подогретое вино. Магда успела выпить больше половины, когда распахнулась дверь, впустив в кабак свежий ночной воздух и запах перегара.

— Проводил! — радостно доложил младший пастух. — Спать уложил! Вилли, должен будешь.

— Спасибо, — саркастически ответил кузнец. — Куда бы мы без твоей помощи?

— Да не переживай, — с той же радостной улыбкой заявил младший пастух. — Помнишь, у тебя над дверью была баклажка припрятана? Так нет её теперь там, твоей баклажки! В расчёте будем. Липп сейчас свою долю допивает.

Кузнец поспешно выскочил за дверь.

— Вы бы не напивались лучше, — бросила Магда в воздух. — Вам ведь вампира сторожить, а вы без всяких чар с ног валитесь.

— Мы? Мы бодры как никогда! — возразил Натес и рухнул на лавку. Виль молча подвинул ему стакан.

Магда не сразу обнаружила, что в кабаке стало очень тихо. Все бросили свои разговоры, Риг и Креб оставили игру и все молча смотрели на неё.

— А что думаешь, устережём? — выразил общее мнение мельник.

— Молитесь Заступнику, — вместо ответа посоветовала Магда. — Молитесь, вдумываясь в свои слова, и смотрите по сторонам. Тогда он не сможет вас усыпить. И, конечно, вам надо собраться вместе.

— Станный совет от ведьмы, — хмыкнул мельник.

— Ты спросил, как устеречь вампира, а не как тебе жить, — в тон ему ответила Магда.

— Легко устережём! — выкрикнул за своим столом Натес и со стуком поставил стакан на стол. Рука его обвисла и всё с той же улыбкой он повалился на пол. Собравшиеся, оглянувшиеся было на стук и крик, отвернулись. Обычное дело: Натес напился. Магда вскочила на ноги. Что-то было не так в этом падении.

— Виль! Помоги! — тихо окликнула она, распахивая на пастухе рубашку. На грязной шее юноши выделялось пятно чистой кожи, которую украшали две алые точки. Виль грязно выругался, поминая и Врага, и Заступника, и Создателя в самых гнусных выражениях.

— Брезгливый... — передёрнуло Магду. Почему-то сам тот факт, что вампир аккуратно вытер место предполагаемого укуса, разозлил больше всего. Виль выругался ещё грязнее.

— Тише! — шепнула ведьма, оглядываясь по сторонам. На них никто не смотрел, никто ещё не понял, что произошло. Виль кивнул и вытащил брата из-под стола. Натес мирно спал. Ведьма поспешила запахнуть рубашку. Вейма говорила, что от укуса вампира не умирают, если выпито не слишком много крови. Пастух казался ничуть не бледнее, чем обычно. Может, и правда свалился от вина, а не от слабости.

В нос ударил чудовищный запах трав. Неясный свет масляных ламп заслонила чья-то тень и тонкая рука протянулась отогнуть ворот. Ведьма обернулась и увидела знахаря.

— Молчи! Пожалуйста! — взмолилась ведьма. Она боялась оказаться запертой в кабаке с толпой взбудораженных крестьян. Людей, конечно, надо предупредить, но...

— Сегодня вампира можно не стеречь, — ни к кому не обращаясь, заявил Исвар. Говорил он очень тихо. — Небось лежит точно также в каком-нибудь овраге.

— Он очень мало выпил, — возразила Магда, но знахарь не стал отвечать и отошёл к столу, где сидели над тавлеей Риг и Креб. Достал из-за пазухи тряпицу, бросил на тавлею, развернул, показывая мазь. Крестьяне кивнули, тогда знахарь сел и кинул кости. Очки выпали хорошие и знахарь передвинул фишку по расчерченной тавлее. Креб поморщился и тоже кинул кости. Магда тихонько подошла к Рамоне, которая несла к тому столу ещё вина.

— Чего это они? — тихо спросила ведьма.

— А они каждый вечер так играют, — ответила кабатчица. — Если выиграют, знахарь отдаст им лекарство, если проиграют — оплатят его ужин.

— И как?

— Пока каждый вечер оплачивают.

— Не понимаю, почему бы им тогда не обратиться ко мне? — удивилась ведьма. — Чем так ходить-то всё время.

— Так болезни-то разные бывают, — хихикнула кабатчица.

— Что, у обоих?!

— А где, ты думаешь, они подружались?

Игра закончилась довольно быстро. Знахарь покачал головой и убрал тряпицу за пазуху. Перехватил взгляд ведьмы и неожиданно заинтересовался.

— Сыграем? — предложил он.

— Нам нельзя делать ставки, — покачала головой ведьма. — И у меня нет почечуя^[15].

— Это как раз необязательно, — улыбнулся знахарь. Улыбка преображала его обычно угрюмое лицо и ведьма села за стол. Риг и Креб, ругаясь, отсели к своим женщинам. Магда не обратила на это внимания. Ей надо было подумать.

Когда-то давно, когда у неё было другое имя, когда она была любимой дочерью своего отца, она часто играла с отцом на тавлее. Даже сама вырезала фишки, этому неподобающему девушке умению её обучил дядька, который должен был пестовать младшего сына её отца. Все ведь думали, что уж второй-то раз родится мальчик...

Магда взяла в руки кости, нагретые руками игроков, и бросила на тавлею. Когда-то она действительно неплохо играла.

— Исвар... — робко окликнула Врени. — А как же... травы?..

— Оставил у входа, — бросил через плечо знахарь, скептически глядя, как Магда передвигает фишку в очевидную ловушку. — Хотел бы я видеть, кто на них позарится.

— А они точно помогут? — спросила Эрма.

— Когда поймаете вампира, скажу, — тем же тоном отмахнулся Исвар, сдвигая фишку в выигрышное положение.

— Вам пора, — сказала Магда, когда игра закончилась её поражением. — Уже темнеет, а ночью вампиры опаснее.

То, о чём ведьма молчала, жгло ей горло. Людей надо предупредить, но как? Если все испугаются и запрутся в кабаке, кто будет сторожить детей? Сейчас ещё не зашло солнце, сейчас вампир напал на пьяного, который и без него-то не слишком соображал. А что с Липпом? Что с его отцом? А с женщинами, оставшимися дома? С другой стороны, вампир ведь не бешеная собака, он не кидается на кого ни попадя. Если он напал на детей и на

пьяницу, значит, выбирает лёгкую жертву. Или... нарочно притворяется. Для чего?

— Сыграем ещё, — предложил знахарь, — и пойдём.

— Вот уж игрок, спаси Заступник! — проворчала Рамона, ставя на стол перед знахарем хлебный горшок и стакан вина. — С Врагом на душу сыграть не откажется!

— Главное — игра, а не ставка, — возразил знахарь и подтолкнул к ведьме кости.

— Ну, если ты настаиваешь... — улыбнулась Магда и поднесла кости к губам. На самом деле не обязательно зашёптывать кости, главное — вспомнить, что ты ведьма и дать своей природе действовать помимо сознания. Разумом ей было с Исваром не тягаться, но есть и *другое* понимание.

Знахарь хмыкнул и сделал ответный ход. Главное — не следить за происходящим на тавлее, тогда можно и выиграть.

— Исвар, — тихо позвала ведьма, вслепую передвигая фишку. — А если не шутить... Ты согласился бы играть с Врагом?

— С тобой же играю, — хмыкнул знахарь.

— Со мной и придётся. Только... не так. И не здесь.

— Говори, — предложил Исвар.

— Пока всё не скажу... может, и не придётся... но, если у Веймы не выйдет достать то, что мне нужно... Можно провести другой обряд.

— Ты вызовешь Врага и мы сыграем? — деловито уточнил знахарь. — Или он вселится в твоё тело?

— Нет, — ужаснулась Магда. — Что ты! Я выступлю от его имени. Если ты выиграешь — он приструнит вампира. Но если проиграешь, ему достанется твоя душа.

— Сразу после игры?

— Нет... это... это делается... иначе... ты будешь жить... почти как прежде. Но кое-что изменится. То, как ты будешь смотреть на мир... как должен будешь относиться к людям... И ты станешь очень беден.

Про себя Магда подумала, что для знахаря клятва, приносимая Освободителю, которого *слепые* зовут Врагом, мало что изменит.

— А после смерти моя душа будет принадлежать Врагу? — осведомился знахарь. — Я попаду в преисподнюю?

— Нет... мы верим... иначе... Я пока не могу тебе всего открыть сейчас.

— Тогда потом и поговорим, — предложил знахарь, отвоёвывая пространство на тавлее. — Может быть, я и соглашусь.

Они в тишине обменялись несколькими ходами и вдруг знахарь с любопытством спросил:

— А что будет с тобой, если ты проиграешь?

— Я умру, — просто ответила ведьма и передвинула последнюю фишку. — Кстати, я выиграла.

— Это было интересно, — заявил знахарь, тщательно изучив расположение фишек на тавлее. — Приходи ещё поиграть.

— Только если согласишься, — улыбнулась ведьма.

— Подумаю, — пообещал знахарь.

— Эй, вставай! — потрясла Рамона Натеса. Скрипнула дверь, и ведьма подскочила как ужаленная. Но это вошёл Йаган и приветливо поклонился сначала хозяйке, а потом всем собравшимся. — Хорош спать, ещё солнце не зашло, а ты...

Натес что-то пробурчал и снова свалился с лавки. В падении рубашка на нём распахнулась.

— Заступник и все святые! — ахнула Рамона. — Смотрите, что с человеком сделали! Натес! Натес, проснись!

— Я отработаю, — пробурчал пастух и свернулся прямо на полу. — Завтра отработаю. Дай поспать!

— Он пьян, — веско сказала Магда, глядя на разом побелевшие лица собравшихся. Не надо было быть вампиром или оборотнем, чтобы почувствовать запах страха, окутавший кабака. — Он просто пьян и спит.

— Но его покусали, — возразил мельник. — Среди бела дня!

— Уже вечер, — поправила ведьма. — Вампиру не нужна темнота, чтобы нападать, просто ночью он обретает особую власть.

Это были неудачные слова. В кабаке как будто стало темнее и холоднее. Особенно когда виноградарь заметил:

— А солнце уже к закату клонится...

— Он просто пьян! — с отчаянием заявила ведьма. — И вампир небось тоже пьян! Натес весь день пьёт, от одного его запаха захмелеть можно. А он ещё баклажку у кузнеца распробовал.

— А что в той баклажке? — тут же спросил мельник.

— Ты знаешь что, — глядя на него в упор ответила ведьма. В деревне не было смысла припрятывать вино, благодаря Йагану его всегда было вдоволь. Только урожая с *той* лозы на всех не хватало. Всякий, кто выходил за границу *повседневного*, выпрашивал у Йагана *хорошее* вино, остальным оно почти не доставалось.

— Значит, кровопийца теперь пьяный? — выкрикнул Риг.

— Значит, пьяный, — подтвердила ведьма. Она не знала, как действует на вампиров кровь пьяниц, засыпают ли они или становятся буйными и до чего может дойти буйный вампир. Хотя про такие случаи никто никогда не слышал, так что, даст Заступ... Освободитель, всё и обойдётся.

— Там же Липп остался! — спохватилась Рамона. — А вдруг с ним...

— Судя по Натесу, ему сейчас хорошо, — предположил знахарь. О ком он говорит, Магда предпочла не спрашивать.

— Если вампир нападает на пьяных, значит, ему недостаёт сил подчинить здорового человека, — сказала ведьма. Она чувствовала, что ей пора спешить домой, но внезапное бегство из кабака может привлечь ненужное внимание. Надо было сначала успокоить людей. — Держитесь вместе и старайтесь не спать. Не разбредайтесь по одному. И больше не пейте.

— Если Натес сначала выпил *хорошего* вина, вампир сейчас так же лежит и улыбается, — высказался виноградарь. — Я вам не рассказывал, как перепутал бочки и доставил в кабака в Раного то, что я всегда здесь оставляю?

— Нет, — благодарно улыбнулась Магда. — Расскажи.

Люди в кабаке были растеряны и злы и не очень-то настроены слушать истории, но и что делать — не знали. Обвинить ведьму? Вот она, стоит рядом, и, хоть и храбрится, но видно, что и ей страшно. Кричать? Но о чём? Нечего было требовать и делать тоже было нечего. Оставалось только набрать вонючей травы у порога да молиться, чтобы знахарь не ошибался. Выходить наружу никому не хотелось. Йаган в полной тишине вышел на середину

зала и уселся на стол. Рамона скривилась, но промолчала. Магда с преувеличенно внимательным видом уставилась на виноградаря.

— Договорился я с кабаком «Весёлая вдовушка», который стоит у южных ворот, что буду к ним вино возить. И вот привожу. Расплатились со мной, честь по чести, поехал я домой. Смотрю — у меня осталось не то вино! Что делать? Я опять к ним еду, а сразу-то не случилось, денька два пропустил. Приезжаю, а они мне говорят: выпито уже твоё вино. Я за голову схватился. Как так — выпито?! Такое вино не всякому барону наливают, а его кабацкая пьянь выпила! А сам-то думаю — добра-то от моего вина не будет, кто ж его просто так пьёт? Они мне и рассказывают. Живут в Раногe три кумушки. Жена судьи, жена ювелира и жена каменщика. И вот собрались они как-то повеселиться. Дома — мужья запрещают. В кабак идти — засмеют. И вот пошли они на самую окраину и добрались до моего кабака. У них же в Раногe народу — полно. Если подальше от дома отойти, не признает никто.

Это заявление было встречено недоверчивым гулом. Такого, чтобы люди за одними стенами жили и не знали друг друга, в деревне не представляли. История постепенно захватывала внимание людей, хотя женщины нет-нет да оглядывались, словно ждали видеть, как из угла потянется к ним чёрная тень. Да и мужчины придвинулись поближе друг к другу.

— Правда-правда. Наша деревня там десять раз поместится и ещё место останется.

— И они повеселились? — уточнила Врени. Не все пробовали *хорошее* вино, но все примерно представляли, что будет, если выпить его без надлежащего обряда.

— Ещё как! Всё вино в кабаке перепробовали, только моё им по вкусу пришлось. И давай его пить. Пили-пили, все деньги пропили и под стол, как вот он, свалились. Их за дверь и выкинули. Лежат они в канаве как мёртвые.

Натес, на которого обратились взоры присутствующих, забормотал что-то радостное и прижался к опоре лавки. Было непохоже, чтобы он как-то особенно мучился. Если вампир на него и напал, вреда он пастуху не причинил никакого.

— Мимо школяры шли, медики, — продолжил рассказ виноградарь. — Тоже пьяные. Хотели в кабак зайти, да на трёх кумушек наткнулись. Смотрят — три женщины мёртвые лежат! А кто они, откуда — неизвестно. Они их на руки подхватили, да и снесли на кладбище. Пусть-де похоронят из милости. И пошли дальше кутить, школяры-то.

— Какой ужас! — ахнула Эрма. Собравшиеся дружно закачали головами. Больше всего крестьян поразило бездушие школяров. Бросить мёртвое тело без присмотра, без молитв и обрядов... Как будто это мусор, который оттащили к выгребной яме.

— Просыпаются кумушки... ночь, темно... камни надгробные... и ну вопить. Сторож перепугался и у себя заперся в хижине. Сидит, молится, на крики не отвечает. Шутка ли — покойницы воскресли! А как утро началось, они одумались и побрели опять в кабак. И нашли опять «Весёлую вдовушку». Денег у них уже не было, стали они наряды и украшения пропивать. До нательных рубашек разделись и опять под лавки свалились. Тут их снова в канаву и выкинули. И тут идут мимо снова школяры. Медики.

— Пьяные, — хихикнул Куно, от души наслаждающийся рассказом.

— Ага. Видят — женщины мёртвые! Те же самые! И такой их страх взял... ноги отнялись. Стоят они над трупами в канаве и думают — то ли бежать, то ли священника звать, то ли головы им отрубить, чтобы больше-то не вставали. Пока они гадали, жена каменщика-то проснулась и говорит: «Ещё хочу! Того же самого!». Тут уж их расспросили и по домам развели. Уж что им мужья сказали — об этом не знаю. А школяры бросились то

самое вино допивать. Так всё и выпили.

Конец рассказа потонул в дружном хохоте. Ведьме показалось, что смехом люди пытаются хоть на миг избыть свой страх, сбросить сковывающее их напряжение.

— Да уж, твоё вино любого с ног свалит, — улыбнулась виноградарю кабатчица. Именно её кабак и был освобождён бароном от податей (если только в нём не останавливались путники, с тех платить приходилось), так что они с Йаганом были давние друзья.

— Мне пора, люди добрые, — воспользовалась моментом Магда.

— А ты с нами в церковь-то не пойдёшь?! — воинственно спросила Мета.

— Я?! В церковь?! Вы отца Керта наперёд бы спросили, — засмеялась Магда. — Идите без меня, держитесь вместе и ничего не бойтесь.

Её слова не слишком убедили крестьян, но она поторопилась шмыгнуть за дверь и побежала к лесу. Надо было спешить... время уже поджимало... она почти вошла под сень деревьев, когда хрустнувший сучок выдал преследование. Ведьма резко оглянулась.

— А! — облегчённо вздохнула она при виде виноградаря. — Это ты.

— Провожу тебя, — предложил Йаган.

— Это вовсе ненужно, — пожала плечами ведьма. — Но проводи, если хочешь. Домой-то потом не боишься идти?

— Дойду, — решил виноградарь и пошёл рядом. — Ты сама-то в это веришь?

— Во что? — рассеянно отозвалась Магда. Мыслями она уже была в ближайшем будущем, гадая, что приготовила ей судьба.

— Что вампир сегодня не нападёт.

— Не знаю, — вздохнула Магда. — Я ничего не знаю. Мне ещё не приходилось справляться с такими напастями. Но если только он не притворяется... пока он слаб. Если не будешь спать, не будешь пьян — ты в безопасности. А потом... *хорошее* вино... оно даст большую силу. Скоро вампир сделается сильнее.

— Значит, нам надо дождаться полнолуния, — заключил виноградарь.

— И Вейму, — кивнула Магда. Оставалось надеяться, что подруга вернётся этим утром.

* * *

Едва ведьма переступила порог своего дома, как хлынул дождь. Капли барабанили по черепице, по листьям обступивших дом деревьев, глухо шлёпались на землю, звонко падали в лужи. Дождь так шумел, что прислушиваться к звукам леса было невозможно. Магда с сочувствием подумала про виноградаря, пробирающемся сейчас по лесу домой. Надо было дать ему светлячок, но думать об этом уже было поздно. И каково-то Вейме, которая сейчас, хочется верить, уже летит домой. Вампиры, по словам подруги, ненавидели дождь. Во-первых, холодно и мокро, а вампиры легко замерзают. А во-вторых, можно отвести глаза людям, но никуда нельзя деть отпечатки подошв в грязи и воду, непременно натекающую с одежды. Опять-таки, ещё один повод спать спокойно и не волноваться за других людей, хотя Вейму, конечно, жалко. За себя Магда не боялась... ну, почти не боялась. Проклятые не нападают на проклятых... почти никогда не нападают. Это «почти» вынуждало прислушиваться к звукам за стенами, но оттуда доносился только навязчивые перестук капель. Вздохнув, Магда раздула теплившийся очаг и принялась разогреть зелье

предвидения. Внутренний голос уже не говорил, а прямо-таки кричал, что скоро ей оно понадобится. Ведьма тихо помешивала зелье при тусклом свете очага. Свечи она зажигать не стала. Шум дождя перестал отвлекать и стал, напротив, настраивать разум на нужное состояние. Два круга посолонь, два противосолонь... три круга посолонь, три противосолонь... четыре... пять... двенадцать... Магда как раз отсчитывала тринадцать кругов противосолонь, когда тихий незнакомый голос произнёс:

— Хозяйка-хозяйюшка, позволь в твой дом войти, позволь голову преклонить, позволь выспаться. Я не трону твоего очага, не испорчу стен, не открою окон. Хозяйка-хозяйюшка, позволь...

Магда обомлела. Кто-то под дождём произносил заговор, положенный при входе в пустующее лесное жилище. Даже хозяйева, навещая после долгого перерыва охотничий домик, произносили его. Но почему её дом приняли за пустующий?!

Ведьма машинально осенила себя священным знаком, потом спохватилась и опустила руку. Незнакомый произносил заговор третий раз. Сейчас он попытается войти...

Закусив губу — эта часть колдовства ей давалась из рук вон плохо, и так-то доступная ведьме только в обжитом ею доме, — Магда заставила щеколду откинуться, а дверь раствориться. Взмах — и искорки из очага подлетели поближе, так, чтобы ведьма могла разглядеть незваного гостя, а он был ослеплён светом. Взглядом Магда нашла кочергу. Если что, придётся отбиваться...

Ведьма взгляделась в незнакомца — и обомлела. Именно он явился ей в предсказании. Как же его звали...

— Алард, — позвала девушка. — Я ждала тебя. Заходи.

Гость моргнул. Искорки осыпались на землю, только из-за дождя не поджигая ломкий хворост.

— Входи же, — нарочно смягчая голос, снова позвала ведьма. — Тебя привела судьба.

Алард шагнул, переступил порог, чуть пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку. Он был одет очень просто, в серый дорожный плащ, скрывающий остальную одежду, сапоги — такие носят люди, много ходившие пешком, — и мягкую бесформенную шляпу. Его сословие по одежде угадать было невозможно. Ещё шаг — и ведьма смогла разглядеть лицо путника, не искажённое рябью зелья. Короткие волосы немного темнее, чем у самой ведьмы, светлые — в полумраке не разобрать — глаза, волевое лицо. Пожалуй, он даже красив...

— Кто ты? — спросил он. — Что ты тут делаешь?

— Ты промок и устал, — не стала отвечать ведьма. У неё было ощущение, что нить её судьбы натянулась и звенит так, что можно расслышать тайную музыку. Что в ткань мироздания вплетается новый узор. — Отдохни у моего очага.

Алард, взглядываясь в лицо ведьмы, сделал ещё шаг. По лесу пронёсся порыв ветра и захлопнул дверь. Щеколда с лязгом упала на своё место. Гость вздрогнул.

Ведьма крутанулась, подхватила ковш, зачерпнула из маленького котелка, стоящего на столе и протянула Аларду. Напиток пах мёдом и травами.

— Пей, — шепнула она. — Пей, ты устал...

Как во сне, Алард протянул руки и принял ковш. Он сделал глоток, и напиток, сладкий и горький одновременно, ударил в голову. Второй глоток — и в доме как будто стало светлее. Третий — и только сейчас он разглядел женщину, стоящую перед ним, её фигуру, от которой исходило ощущение покоя, нежное лицо, пшеничного цвета волосы, серые, немного наивные глаза, алые губы... высокая грудь плавно вздымалась, выдавая волнение девушки.

Алард сглотнул.

— Ты... ты ведьма?..

— Узнал... — озарило лицо девушки загадочная улыбка. — Будь моим гостем, Алард, потому что я ждала тебя. Было предсказано, что мы встретимся. У тебя... у тебя особая судьба... Я здесь, чтобы предсказать её.

Алард не глядя поставил опустивший ковщ, провёл рукой по лбу.

— Ты меня приворожила? — спросил он встревоженно. — Почему я... почему я... так...

— О, нет, — снова улыбнулась ведьма. Она как будто играла давно выученную роль в непонятном ей самой спектакле. Теперь стало ясно, почему нужно было отослать подругу, зачем она отделалась от крестьян... чего она ждала... ждала все эти дни... Судьба... его привела судьба... их жизни связаны... связываются прямо сейчас... — Смотри!

Магда хлопнула в ладоши. Когда она их развела, между её руками повис огонёк, такой же, как и тот, который она вчера ночью сняла со свечи.

— Вглядишься в него, — тихо потребовала она и шагнула к ночному гостю. Алард с трудом отвёл взгляд от её груди и послушно взгляделся в огонёк, повисший на пол-ладони выше. Ещё шаг. Магда положила руки гостю на плечи и позволила своему сознанию слиться с пляшущим пламенем. — Смотри внимательней!

Она мерно дышала, вглядываясь в ясные голубые глаза. Пламя между ними мерцало в такт.

— Но я ничего там не вижу... — растерянно пожаловался гость.

— Не ищи ничего, для этого придёт время, — приказала она. — Просто смотри. Смотри...

Прошла, наверное, вечность, наполненная колдовством и потаённой страстью. А потом гость сомкнул руки у девушки на плечах и рванул на себя, впиваясь губами ей в губы.

— Да... — прошептала ведьма, когда у них одновременно закончился воздух, и им пришлось оторваться друг от друга. У поцелуя был вкус тайны. — Ты пришёл ко мне потому, что тебя привела судьба. А теперь смотри сюда!

Она высвободилась из объятий с неожиданной силой и толкнула гостя к котлу с зельем предвидения.

— Вглядишься! — снова потребовала она, заставляя гостя склониться над варевом. Плащ размотался и под ним мелькнуло что-то жёлтое. Ведьма удивилась. Жёлтыми были одежды проклятых, раскаявшихся в своих убеждениях и вернувшихся в лоно официальной религии. Неужели Алард — из этих?..

Алард послушно взгляделся в тёмное варево. Ведьма рядом — тёплая, мягкая, дышащая с ним в одном ритме — отвлекала, путала мысли, мешала сосредоточиться. Его тень над поверхностью жидкости колыхнулась, заколебалась, а потом вдруг варево приобрело глубину и вот уже не на тень он смотрит, а на знакомый ему холм, увенчанный развалинами старинного замка. Он вздохнул, и увидел вооружённый отряд, себя во главе, а после тень стала шатром, его собственным шатром, и он как будто шагнул внутрь, увидел походное ложе, а на нём...

Он повернулся, слепо протянул руки, сомкнул их, снова прижимая к себе податливое женское тело. Второй поцелуй был со вкусом надежды. Мелькнуло слово — обманной — а после стало не до того.

Вейма вернулась домой незадолго до рассвета. К её возвращению Магда уже давно мирно спала на своём тюфяке на кухне и даже не проснулась, когда возле неё из тумана соткалась фигура подруги.

— Вставай! — потрясла ведьму вампирша. Голос у неё был встревоженный, если не сказать хуже. — Магда! Проснись! Беда!

Ведьма открыла глаза и поняла, что да, беда наверняка случилась. Думать об этом, сосредотачиваться было сложно. Вчерашнее колдовство отняло все силы, к тому же Магда была непростительно для проклятой счастлива.

— Что с тобой? — спросила ведьма, касаясь изодранного в клочья наряда подруги.

— Это? — слегка удивилась вампирша. — Заступник, Магда, как ты можешь говорить о такой ерунде?! Собирайся немедленно, мы уходим!

— Куда уходим? — не поняла ведьма. — Что случилось, скажи толком. Садись и рассказывай.

Вампирша послушно присела на край лавки и снова вскочила.

— А почему тюфяк на полу?! — вскрикнула она. — Ты же всегда на лавке спишь.

Вампирша принялась и её лицо приняло непередаваемое выражение.

— Кто здесь был?! Давно он ушёл?! Магда! Почему я его не знаю?!

— Успокойся, — осторожно попросила ведьма и поднялась, опираясь на себе сорочку. — Ты же не мой отец. Это всё не имеет значения.

Вейма втянула воздух ещё раз и поморщилась.

— Прости. Ты права. Ты уверена, что он для тебя безопасен?

— Он не донесёт, если ты об этом, — успокоила подругу ведьма. — А если бы и донёс... Братьев-заступников здесь всё равно не привечают.

— Прости, — повторила вампирша. — Собирайся, надо убраться до рассвета. Время дорого.

— Зачем убраться? — не поняла ведьма.

— Как — зачем?! Да затем, что твоя хваленая волшебница мне отказала! А уж как ругался её муженёк, я и рассказывать не буду! Когда полнолуние пройдёт и ты ничего — ничего! — не сможешь сделать, нас убьют!

— А что она сказала? — поинтересовалась ведьма.

— Что это не в её силах, что *тогда*, на Пустоши, был азарт, а тут она не может помочь. Просила простить.

— А ты что?

— А я сказала, что тебя убьют, если они не помогут, и прокляла их, — хмуро призналась Вейма, не глядя на подругу. Она скорее почувствовала, чем увидела, что ведьма удовлетворённо кивает. — Что?!

— Вириная страшно не уверена в себе, — пояснила ведьма. — Она всегда отказывается. А Лонгин так за неё переживает, что всякий раз поддерживает. Думаю, она уже в пути.

— Что?!

— Она увидела, что ты в отчаянии, — усмехнулась Магда. — Если честно... я так и думала, что так будет.

— Да ты... ты... ты!.. Ты могла бы меня предупредить!!!

— Тогда ты не впала бы в отчаяние, — возразила ведьма. — Не переживай, клянусь Освободителем, что вскоре она явится сюда. А что всё-таки случилось с твоей одеждой?

— Да... — махнула рукой вампирша. Ярость её улеглась, когда она поняла, что подруга в самом деле уверена в исходе, и взгляд девушки потух. — Пробежалась по лесу. Порвала. Я спать пойду, если ты уверена в Виринее.

— Приятных снов, — пожелала ведьма, но подруга не стала отвечать. Что же с ней случилось такого?.. Что-то там было кроме ссоры с волшебниками. Но расспрашивать ведьма сочла бестактным.

Вампирша ушла спать, а ведьма одна потащила котёл с зельем к двери. Возле дома росли травы, срывать и заваривать она никому бы не посоветовала, потому что именно на них выливались все отработанные зелья. Рассказывали, что у опытной ведьмы такие травы по приказу могут оплести дом целиком, скрывая его от докучливых глаз, а у очень опытной — задушить нежеланного гостя. Из кое-как сколоченного укрытия у забора высунулась собачья морда. Понятно, почему он пропустил вчерашнего гостя. Дурной-дурной, а дождя пёс не любил ещё больше, чем Вейма. А вот почему он даже не облаял батрака прошлой ночью...

Мысли Магды словно на что-то наткнулись и метнулись в сторону.

В зыбкой предутренней полутьме плохо видны цвета, но это сочетание Магда узнала бы где угодно. На ночном госте была рыцарская рубашка^[16] — узкая, без рукавов, стянутая по бокам шнуровкой, такие поверх обычной, широкой, надевали только рыцари... но её цвет... Жёлтая, золотистая скорее рубашка... Ярко-алый пояс валялся рядом. Магда ахнула, опускаясь на колено... гость не стал её поднимать, и она взяла его руки в свои. На пальце Аларда красовался перстень с выбитой на нём змеей. Ночью она его не разглядела... Не вставая с колен, девушка взяла пояс и сама опоясала рыцаря.

— Ваше высочество, — прошептала она. Это было похоже на сон, на сказку.

Алый пояс на золотом фоне, на алом поясе — золотая же змея... это был герб Старого Дюка, его дома, правившего Тафелоном^[17] много сотен лет. Ночной гость носил под скромным плащом герцогские цвета и на пальце — родовой перстень. И судьба привела его в её дом. Судьба...

— Как твоё имя? — мягко спросил Алард Корбининан, поднимая девушку с колен.

— Бертильда, ваше высочество, — ответила она. — Мой отец — рыцарь Крипп, что держит владение Лотарин к востоку отсюда.

— Говори мне «ты», — приказал Дюк и поцеловал девушку в губы. — Ты из достойного рода, твои предки всегда честно служили моим. Клянусь, когда я верну себе трон, ты будешь сидеть от меня по левую руку.

— Ваше высоч...

— Алард, — напомнил Дюк. — Я помню, ты предсказала мне великую судьбу. Я тебя не забуду.

Ведьма предсказывала необычную, потому что её способностей предсказателя не хватало на то, чтобы сказать, какой именно эта судьба будет. Но момент показался неподходящим для объяснений.

Ещё раз поцеловав свою теперь уже невесту, Дюк завернулся в плащ и шагнул в насквозь промокий лес. Пёс у ворот даже не гавкнул вслед.

Глава пятая

Волшебники

Едва рассвело, как к Магде примчался Куно, распираемый от желания поделиться впечатлениями и размахивая каким-то узелком. От мальчика страшно пахло собранным знахарем букетом, так что пёс у ворот завыл как по покойнику.

— Зря ты ко мне повадился, — заметила девушка, вручая гостю плошку с ягодами в меду. — Случись что — вместе со мной побьют.

— Не, — отмахнулся мальчишка, уплетая гостинец. — Матушка сказала, ты человек хороший, а матушке в селе верят.

— Это сейчас верят, — покачала головой ведьма. — Рассказывай, устерегли вампира?

— Не-а! — разочарованно потянул мальчишка. — Он так и не появился! Даже не подошёл!

— Если бы подошёл, вы бы его не увидели, — наставительно заметила Магда.

— Ага, — не стал спорить мальчик и вдруг хихикнул. — Ох, и вонь в церкви стояла! Отец Керт стоял-стоял, молился, и вдруг ка-а-ак чихнёт! И слёзы так и брызнули, красный весь. Риг опять же, Мета... Натесу совсем худо стало, его Виль выволок, сказал, что ему всё равно уже ничего не сделают. Там почти все к утру чихали, половине так плохо стало! Хотели уже Исвара бить, но он меня с ребятами за водой послал, велел всем обливаться и каких-то травок заварил. Вроде пока живые. Ты их посмотришь?..

— Нельзя, чтобы два лекаря одного и того же человека пользовали, — наставительно произнесла Магда. — Если им хуже станет, тогда конечно.

— Ну ладно, — великодушно согласился мальчишка. — А ты чего сбежала тогда? Тебя уже хотели ловить, да не решили, кто первым за дверь сунется.

— Представляю, что там творилось, — поёжилась Магда. Как ей теперь восстановить и без того хрупкое доверие крестьян, она не представляла.

— Не-а! — замотал головой Куно. — Ничего там не творилось. Пошумели-пошумели, а потом Виль выругался страшно, матушка велела мне уши закрыть на третьем слове, и сказал, чтобы все топали в церковь, а на тебя не возводили... напраслину. И *посмотрел*.

— Как посмотрел? — не поняла ведьма.

— Страшно! Все сразу об...

— Куно! — прикрикнула девушка.

— Сразу успокоились, — засмеялся мальчишка. — Я тоже чуть не...

— *Куно*, — с нажимом повторила Магда.

— Ну, правда же! Так посмотрел! Как будто убьёт и не почешется! И плевать, что нас больше! Так всех рядком и положит, вот Заступник свидетель — положит там же! Всем и спорить расхотелось. Потом только, когда дверь открыли и вонь учуяли, опять заартачились.

— И Виль опять посмотрел? — уточнила Магда, пытаясь размышлять о странностях батрака. Мысли, как назло, ускользали. Может, он и есть вампир? Но тогда зачем ему помогать? И всё же нечисто с ним что-то, ой, нечисто!..

— Так зачем ты домой ушла? — напомнил мальчишка.

— Всё тебе расскажи! — засмеялась девушка и дёрнула собеседника за вихор. — Это колдовские дела, они вас не касаются. Я и так чуть было не опоздала.

— У-у-у! — потянул Куно. — А Вейма нашла тебе твоё средство?

— Нашла. Теперь только полнолуния дожждаться, через ночь всё исправим. А, кстати! Как там Липп? И Вилли?

— Да всё с ними в порядке! — отмахнулся Куно. — Только Липп с похмелья страдает, а Вилли его в погребе запер за то, что баклажку с Натесом распил. Он это вино на ночь в кузнице оставлял на блюдечке. А так — не. Никого не покусали.

— Видать, и впрямь напился вампир, — подумала вслух ведьма. Хорошая была бы идея — снова напоить Натеса или Липпа *хорошим* вином и выгнать вечером под открытое небо. Но укреплять вампира всё же опасно. А то Магда бы и спрашивать не стала бы. Тем более, что эти два дурака поначалу не откажутся, а потом уже и не отвертятся..

— А ты к нам придёшь? — подёргал её за рукав Куно.

— Вряд ли, — отмахнулась ведьма. — Дел много.

— Матушка так и сказала, — засмеялся мальчишка, протягивая узелок. — Вот, держи, это тебе. Но велела сказать, чтобы завтра сама пришла. Завтра все уже успокоятся.

— Ну, если так твоя матушка сказала... — хмыкнула ведьма. Развязала полученный узелок — в нём была коврига хлеба и кусок мяса. Рамона позаботилась о том, чтобы ведьма не голодала.

* * *

День прошёл совершенно спокойно, в повседневных трудах и сладких мечтаниях. А ещё Магда размышляла, не стоит ли ей запутать лесные тропки или хоть завести пса посерьёзнее. А то как по пустякам лаять — так он первый, а тут который день молчит. Накормив собаку обедками, ведьма спустила пса с цепи, пусть побегает, может, поймает себе кого-нибудь в лесу, кролика, куропатку там или хоть мышку. Мета, правда, поговаривала что-то о пегом волке, заевшем у неё курицу, но ведьма предпочла пропустить её слова мимо ушей. Если поймают, тогда что-нибудь придумается. Магда отправилась прибираться в домике. Дружба дружбой, но Виринея девушка привередливая, ведьминский дом с паутиной по углам приведёт её в ужас. Помогать, конечно, не откажется, но...

Магда как раз выплёскивала грязную воду за ворота, как на неё налетел взбудораженный Куно.

— Пойдём!.. Скорее!.. Там!.. Там!.. Приехал!.. Ой, мамочки!..

— Кто приехал, вампир, что ли?

— Нет! Хуже! Чёрный такой! И конь! А смотрит!.. Пойдём! Пожалуйста!

До деревни они добирались бегом. Магда примерно сообразила, кто такой чёрный мог приехать в деревню и так напугать мальчишку. Наверное, и не его одного...

* * *

...предчувствие ведьму не обмануло. По деревне расхаживал закутанный в чёрный плащ Лонгин. На площади гарцевал, то и дело вставая на дыбы, чёрный же конь. Вид у обоих был, не предвещающий ничего доброго.

— А! — выкрикнул маг, увидев старую знакомую в конце деревенской улицы. — Вот ты где! Значит, это ты всё устроила?!

— Привет и тебе, — сдержанно ответила девушка. За полнолуние можно было уже не опасаться. Лонгин мог приехать только в одном случае: если его жена не послушалась совета и отправилась спасать людей в их деревню. Теперь только надо было до полнолуния дожить. Получится ли это сделать в обществе разъярённого чёрного мага, оставалось загадкой.

— Ты не юли! — прикрикнул волшебник. — Где моя жена, отвечай?!

— Я не знаю, где твоя жена, — ровно ответила девушка.

— Думаешь, я не понял?! Это твоих рук дело! Прислала ко мне эту... эту... эту...

— Лонгин! — предостерегающе крикнула ведьма. Какие бы ни были у них счёты, выносить их на обозрение прислушивающихся людей не стоило. Даже в ярости чёрный маг должен был это понимать.

— Мерзавку! — выкрутился волшебник. — И на рассвете моей жены как ни бывало! Ты нарочно, да?! Думала, я не догадаюсь?!

— Я не знаю, где твоя жена, — сохраняя сдержанный тон, ответила девушка. Это её владения, и Лонгин не имеет права нападать первым. Другое дело, что чёрный волшебник всегда найдёт, к чему придраться. — Вириная — не твоя собственность. Если она хотела уйти — она ушла. Я тут не при чём.

— Да вы!.. Тут!.. Сговорились!.. Только тебе могла прийти в голову мысль заманить мою жену в эту вонючую деревню! Да тут на подъезде начинаешь задыхаться! Какие вампиры, у вас тут даже комары перемерут!

— Это кто? — подёргал девушку за рукав Куно. Остальные, увидев, что между ведьмой и пришельцем завязалась беседа, начали подтягиваться поближе.

— Чёрный маг, — хмуро представила Магда. — Лучший в своём поколении. Человека в лягушку ему превратить — как нечего делать.

— Ух ты! — восхитилась мальчишка и с восторгом уставился на незваного гостя. Под его взглядом Лонгин почувствовал себя неуютно и несколько смягчил тон.

— Я этим не занимаюсь, — проворчал он. — Это ярмарочные фокусы. Толпу скелетов оживить, разума лишить, проклятье там неснимаемое... Это могу. А до лягушек ещё не опустился.

— А покажите, а! — немедленно попросил Куно, и Лонгин смутился окончательно.

— Хочешь расстаться с разумом? Или тебя устроит проклятье? — с сарказмом, которого мальчик всё равно не понял, спросил он.

— Вот ты где! — воскликнула высунувшаяся из кабака Рамона. — Ишь, что удумал! А ну иди домой! Нечего весь день по деревне бегать! Проклятье ему!..

— Это у вас кабак? — осведомился чёрный маг, всё более неуверенно чувствуя себя под открытым небом. За годы семейной жизни он как-то отвык от людей и, хоть и оставался лучшим в выпуске, магией занимался исключительно умозрительной: чтобы не расстраивать жену. Ему действительно не составило бы труда превратить хоть всю деревню в лягушек или, скажем, в живые скелеты, другое дело, что он малость подзабыл, как за это братья. Когда первый приступ ярости прошёл, Лонгин почувствовал себя очень глупо. Не тащить же ему жену домой насильно! Годы ученичества, когда любое разногласие между ними вызывало живописную битву магов, давно остались в прошлом и вспоминать их не так-то уж и хотелось.

— Кабак, — подтвердила ведьма, видя, что давний приятель успокаивается.

— В этом вонючем селении может кто-то позаботиться о моей лошади? — брезгливо спросил маг, озираясь по сторонам.

— Это, случайно, не тот конь, на котором ты проводил опыты? — невинно поинтересовалась ведьма. Она хорошо помнила, что Лонгин сделал из коня исчадие преисподней: необыкновенно быстрый и выносливый, он скакал чуть ли не по воздуху, но «взамен» и без того крутой норов животного превратился почти в бешенство.

— Тот, а что?! — немедленно возмутился маг. — Он проделал большой путь галопом, ему нужен отдых, чтобы обтёрли, вода и овёс! Или, ты думаешь, у меня не хватит денег расплатиться?!

— Нашими жизнями, — уточнила ведьма. Лонгин хмыкнул, развёл руки и воздух между ними потемнел.

— Если у вас не уважают законы гостеприимства, — с угрозой произнёс он. — Я всего-то прошу позаботиться о лошади.

— Не вздумайте к нему приближаться! — предупредила ведьма, хотя желающих и так не было.

— А я бы посоветовал приблизиться, — зло произнёс маг, снова чувствуя себя в своей стихии.

— Липп здорово с лошадьми управляется, — неуверенно произнёс Куно и пояснил для гостя: — Кузнецов сын. Только его отец в погребе запер.

— Пусть придёт, — потребовал маг.

— Позови его, — неуверенно попросила ведьма и мальчишка умчался. Как Липп обходится с лошадьми, она не знала, но звать Вейму, способную усмирить любое животное, было бы не самой лучшей идеей. К тому же Магда терпеть не могла пьяниц и пожертвовать одним из них могла бы без колебаний.

— Это чья тут лошадь посреди деревни?! — произнёс зычный голос мельника и дюжий детина попытался схватить коня за повод. Конь гневно заржал и бросился на обидчика.

— Останови его! — потребовала Магда, глядя, как мельник с неожиданным проворством уворачивается от копыт.

— И не подумаю, — довольный, возразил маг. Он всегда чувствовал себя куда увереннее, когда его боялись. — Твой мельник, ты его и спасай. Или пусть сам выкручивается.

— Лонгин, ну, пожалуйста!

Маг, ухмыляясь, демонстративно сложил руки на груди.

— А что ты Виринее скажешь?!

— Дрянь! — разозлился маг и щёлкнул пальцами. Огромная чёрная зверюга замерла, как стояла, на задних ногах. Под взглядом хозяина конь опустился на все четыре и подошёл к магу, дрожа мелкой дрожью. Лонгин успокаивающе потрепал его по шее. — Такое развлечение испортила!

— Это, стало быть, твой приятель? — тяжело дыша, уточнил мельник, не рискуя подходить ближе.

— Ещё чего! — возмутился маг.

— Это злой чёрный волшебник, — совершенно серьёзно ещё раз представила гостя ведьма, сама подходя ближе к мельнику. — Он здесь... проездом.

— Ха! — по-мальчишески задрал нос маг.

— А нельзя ли его проезд... ускорить? — уточнил мельник зычным шёпотом.

— Я всё слышу! — возмутился маг. — Отдайте мне жену, и я уйду по-хорошему!

— Девку, что ли, требует? — не понял мельник.

— Да на что сдались мне ваши малохольные девки?! Мою жену отдайте мне, поняли?!

— Сбежала у него жена, — пояснила ведьма, молясь про себя, чтобы никому в голову не пришло раскрывать тему подробнее. Вампир же где-то здесь, только прячется. Не хватало ещё, чтобы он заранее узнал, что ему приготовили! Или ей... — Вот теперь ездит, ищет.

— Ну, Заступник в помощь, — пробормотал мельник, не то проникаясь к магу мужской солидарностью, не то сочувствуя его сбежавшей жене.

— Да ты в уме ли?! — снова закипятился волшебник, но тут в конце улицы показался Куно, ведущий за собой ещё похмельного Липпа. Сын кузнеца пошатывался, то и дело утирая слезящиеся глаза.

— Этот, что ли?! Да он и кошку не сможет в стойло загнать!

— Сможет поди, — неуверенно возразила Магда. В деревне действительно пахло антивампирским сбором, но что-то сыну кузнеца от него совсем плохо.

Маг смерил взглядом юношу, потом покосился на кабак, и ведьма поняла, что Лонгин устал с дороги, устал волноваться и злиться, пожалуй, тоже устал.

— Пойди с ним, — коротко приказал он коню и животное безропотно позволило схватить себя за повод.

* * *

— Вина! — так же коротко приказал маг, шагнув в кабак. — И жаркого. И суп с травами. И сладостей. И свежих фруктов. И...

— Да где ж я тебе всё это возьму?! — возмутилась Рамона, упирая руки в бока. — Может, тебе ещё олений окорок приготовить?!

— Можно, — согласился маг и уселся за стол. Кабатчица перевела взгляд на ведьму.

— Неси что есть, — зашептала Магда. — Он даже не заметит. Он вообще не замечает, чем его кормят.

— Я всё слышу! — вяло возмутился волшебник, бессильно уронив голову на руки. В кабак потихоньку сходил народ, с любопытством поглядывая на чёрного мага. Таким, усталым и даже, пожалуй, несчастным, они его не боялись. — Что я вам, чучело?! А ну все вон! Нечего на меня глазеть!

— Придержи язык! — потребовала Рамона. — Хочешь, чтобы тебя накормили, обращайся с нами по-человечески! Кабак не твой, чтоб ты отсюда кого-то выгонял.

— Магда, — почти жалобно обратился к старой приятельнице волшебник. — Чего она от меня хочет? Я голодный, я устал с дороги. Заступник дёрнул Виринею уехать именно сейчас! У меня только-только опыт начал получаться! Представь, если разложить пространство по семи планетам, можно... а-а-а, всё равно не поймёшь! Вот просыпаюсь я утром, а мне ни завтрака, ни свежей одежды! У неё, видите ли, дела! Я почти загнал Одо, но нигде её не встретил! Меня кормить вообще будут в этом кабаке?! Или мне развалить его по камушку?!

— Покорми его, — тихо попросила Магда. — Если он не найдёт предлога, к чему придраться, он нам ничего не сделает. А если найдёт... он и правда может тут всё разрушить.

— Он платить-то собирается? — сухо осведомилась Рамона, вытирая руки полотенцем. — Откуда он вообще взялся? Вы знакомы?

— Ой! — замахала на неё руками Магда. — Не вздумай у него деньги брать! Три года удачи не будет! Это же чёрный маг!

— Вымогатель, — пробурчала женщина и поставила перед гостем тарелку каши. Несмотря на свои изысканные запросы, маг просиял и принялся за еду с таким восторгом, будто и правда получил желаемое жаркое.

— Поверь, его приезд — это большая удача, — тихонько сказала ведьма. — Только не спрашивай пока ни о чём.

Рамона одарила Магду пристальным взглядом и пожала плечами.

— Вина не дам, — предупредила она. — Не хватало только, чтобы он тут спьяну всё разломал.

— Его занять бы чем-нибудь, — задумалась Магда. Лонгин бывал совершенно невыносим, когда решал показать окружающим, за что надо бояться чёрных магов.

— Это уж не моё дело, — отрезала кабатчица. — У меня своих дел по горло.

— Дай ему вторую порцию, — попросила ведьма. — С одной небось не насытится.

— Ещё один дармоед на мою голову, — проворчала кабатчица, но выставила на стол вторую тарелку.

Лонгин увлечённо ел, не глядя по сторонам на настороженно наблюдающих за ним людей. Он вообще всё делал очень увлечённо: ел, злился, учился, колдовал, сражался или влюблялся. Эта способность сделала его лучшим магом поколения и, что вообще очень редко встречается — мужем белой волшебницы. Магда не сомневалась, что в этот самый момент он скорее всего обдумывает эту свою развёртку по семи планетам и совершенно не интересуется возможными последствиями.

В это время в кабак вошёл знахарь и привычно направился к соседнему столу, за которым сидели Креб и Риг, ещё даже не расставившие фишки на тавлее.

— Это ещё кто?! — отвлёкся от каши чёрный маг и демонстративно наморщил нос. — Ну, ты и деревеньку выбрала! Чем у вас так воняет?!

Знахарь, не обращая внимания на незнакомца, расставлял фишки своими тонкими, не привычными к тяжёлому труду пальцами. Маг, уже открывший рот для очередного оскорбления, замер, наблюдая за соседним столом.

— Ишь ты! — хмыкнул Лонгин. — А я думал, у вас тут деревня! А у вас тут изысканное общество!

Магда вздохнула. Лучше бы он и дальше ел свою кашу, право слово. Однако волшебник перестал сыпать оскорблениями и молча следил за игрой. Когда знахарь предсказуемо победил, маг одобрительно хмыкнул и поднялся с места.

— А в это сыграешь? — предложил он, доставая из-за пазухи коробочку с разноцветными шариками. Магда вздохнула. Кажется, эти двое нашли друг друга. Лонгин обернулся через плечо и неожиданно подмигнул девушке. А после спокойно продолжил объяснять правила игры, характерной тем, что в неё невозможно жульничать даже волшебникам.

Предчувствие опять не обмануло ведьму. Дома её ждал сюрприз. Даже два, если учесть, что донельзя разозлённая изливающейся из гостыи светлой силой Вейма заперла двери и сейчас по-кошачьи шипела с чердака.

Очень расстроенная приёмом Виринея бросилась к бывшей противнице и давней приятельнице.

— Магда! — вскрикнула она, обнимая ведьму. — Ты... А... Я... Уйми свою подругу! Я только пришла, а она...

— Вейма! — окликнула ведьма.

— Вы там с ума посходили, что ли?! — разозлённо отозвалась вампирша с чердака. — Эта твоя... ты бы сама посмотрела! Она светится так, что глазам больно! Да коснись она меня, от меня горстка пепла останется! Ха! Азарт у неё был на Пустоши! Такой тихий мирный азарт... она, небось, одни только добрые дела творила, по пять штук на дню...

— Десять, — смущённо поправила волшебница. Вампирша зашипела в бессильной ярости.

— Вейма! — взмолилась Магда. — Будь же благоразумна! Не оставлять же гостью в лесу!

— Ну, знаешь! — фыркнула вампирша.

— Ну, Вейма!

Вместо ответа раздался такой мягкий звук, как будто кто-то прыгнул с крыши на траву, а после — невыносимый, бьющий по ушам пронзительный визг. Пёс, который как раз вернулся со своих лесных прогулок, отозвался протяжным воем.

— Что она... — начала Виринея, но тут над домом сделала круг огромная летучая мышь.

— Думаю, мы можем войти, — вздохнула Магда. Подруга, похоже, решила ночевать в лесу — подальше от режущей глаз белой магии.

— Но она же изнутри заперлась, — не поняла волшебница.

— Но это же мой дом, — мягко возразила Магда и толкнула дверь.

Вообще-то дом был подарен Вейме — за то, что она спасла баронскую дочь. Но вампиры считаются высшими посвящёнными и, значит, не могут владеть ничем, что нельзя унести с собой. Впрочем, барон Фирмин, когда предлагал Вейме лесное убежище, предполагал, что в нём поселится и ведьма.

Глава шестая

Полнолуние

Полнолуние — особое время, даже в пасмурную погоду. В этот раз, правда, небо было чистым и луна утвердилась над небосводом ещё до наступления темноты. Огромная, жёлтая как голова сыра. Зовущая. Пробуждающая. В «старое место» все шли с завязанными глазами, ступая по траве, расчищенной, как всегда, с помощью колдовства. Ведьма о многом могла попросить лес... в полнолуние. Будет обряд, будет жертва, будут усилия, которые люди отдадут земле. Трава и деревья расступались перед людьми. Кусты тоже, но настырнее придвигались к краю. То и дело разносились слабые вскрики. Лес брал своё — через царапины от колючек, через рвущуюся одежду. Когда настанет утро, деревья сомкнутся, непрямая трава вернётся на место. Никто не сможет отыскать дорогу туда, где проходил обряд.

Магда шла первая, спиной вперёд, и позвякивала привязанным к рукам колокольчиками. В эту ночь невозможно споткнуться. В эту ночь не может произойти ничего плохого... если сделать всё как надо. Если же нет... говорят, если нарушить обряд, можно и не выйти из леса.

Магда поёжилась, вспоминая, как она собирается сломать вековые традиции. Это опасно, но... но... Ведьма сама не знала, почему так рискует.

Раздался глухой удар и сдавленный возглас. Ведьма вздохнула. Конечно, хотя бы кто-то обязательно попробует... показать себя самым умным. Кто упал, видно не было, но люди остановились.

— В старое место можно попасть, только отказавшись от зрения, — с торжественностью, которой не ощущала, произнесла Магда. — Не ищи знаний. То, что нужно, будет тебе сообщено.

Поскольку после её слов ничего не изменилось, она рявкнула уже без иносказаний:

— Глаза завяжи! Живо! Или никто никуда не пойдёт!

Люди нервно рассмеялись. Ведьма глубоко вздохнула. Злиться — неправильно. Надо настроиться на красоту ночи, надо слить сознание с лесом...

Она сделала шаг назад. Звякнули колокольчики. Значит, всё в порядке. Ещё шаг. Третий...

Ход восстановился. Магда пыталась унять отчаянно бьющееся сердце. Надо плавно дышать. Надо слиться с колдовством, с лунным светом, с ветерком...

* * *

«Старое место», древний алтарь, которому ведьмы поклонялись задолго до того, как в их леса пришли вести о Заступнике и Враге или, иначе, о Надзирателе и Освободителе, был скрыт плотным туманом. Таким плотным, что его можно было коснуться рукой. Магда вздохнула ещё раз. Всё шло не так, неправильно. Она была не в том настроении, люди были не в том настроении... даже лунный свет, казалось, чем-то искажался.

— Ждите, — коротко приказала она, зная, что её голос донесётся только до тех, кому надо. — Стойте. Ничего не трогайте. Глаза не открывайте.

— Магда, а что?.. — робко начала Эрма, но на неё тут же цыкнула Мета.

— Ничего, — также коротко ответила ведьма. — Молчите. Вы во власти леса. Откройте ему сердца и души. Прислушайтесь к его дыханию. Думайте о своей просьбе.

— А... — вякнул кто-то, и остальные зашикали ещё громче.

— Просто молчите, — попросила ведьма. — Если не можете открыться, просто молчите.

Она вошла в туман. Он был плотнее воды и мертвенно-белым. В нём было трудно дышать. На неё была только нательная сорочка, но сейчас лишней была даже она. Ведьма сбросила одежду.

Ноги ступают по земле. Тело овеивает ветер. Глаза видят небо. Я и природа едины. Я сливаюсь с ветром. Он кружится — и я кружусь как опавший лист. Я сливаюсь с землёй, прикасаясь к ней всем телом. Я сливаюсь с деревьями. Я — это лес, а лес — это я. Я здесь по праву.

Странный танец продолжался в полной тишине. Его не должен был видеть никто, это был танец только для старого места. Это даже не был танец, это было объединение тела и разума ведьмы с чем-то очень древним, царившим тут. О таком не рассказывали в Бурой башне. Этому учила старая Верена и учила хорошо. Однажды она просто завела в лес ученицу и оставила там одну, без тропинки, без знания местности... пока Магда не научилась сливаться с миром, она бродила вокруг старого места в плотном тумане... Но сейчас она могла прийти сюда даже с завязанными глазами, тем более, что зрение действительно не нужно было тому, кто ступил на этот путь...

Туман редел, открывая старый алтарь. Магда нашла успевшую запачкаться сорочку и набросила на себя. Хлопнула в ладоши.

— Откройте глаза с весельем в сердце! — призвала она. — Вам дозволено видеть и слышать, вам откроются тайны леса!

Жалобно заблеял козлёнок. Ведьма усмехнулась. Да. Будет жертва. Будет жертва и будет *хорошее* вино.

Виль-батрак подтащил козлёнка к алтарю, Магда опустилась на колени рядом, пошарила и достала древний, каменный ещё нож для жертвоприношений и глубокую чашу. Батрак сноровисто повалил жертву на алтарь и тут ведьма замерла. С тех пор, как умерла Верена, девушка никогда не проводила полного обряда. А раньше это делала старуха. Теперь же... Магде впервые предстояло убить живое существо. Собственной рукой. Ведьма в ужасе уставилась на нож. На свои руки. На чашу и алтарь, куда должна была пролиться кровь. Она даже кур не резала, а покупала в деревне уже убитых. Время шло — томительные бесконечные мгновения. Надо было на что-то решаться. Туман густел, как будто недовольный нерешительностью ведьмы. Магда сглотнула.

Ситуацию спас Виль-батрак. Он вынул нож из ослабевшей руки девушки, отпихнул её локтем и, бормоча что-то ругательное, умело заколол козлёнка. Старая Верена тоже так умела — каменный нож в её руках был не хуже наточенного железного. Магда всем своим существом ощутила приход смерти и содрогнулась. Лицо её в свете луны было такое же белое, как и сорочка. Она пересилила себя и поспешно подставила чашу. Кровь смочила дно, Магда отдернула руку, чтобы всё остальное пролилось на алтарь. Распростёрлась рядом и взмолилась не зная сама толком, кому:

— Услышь меня! Открой глаза для меня! Дозволь нам быть здесь этой ночью! Прими нашу жертву! Раздели нашу радость!

Ответа, как и всегда не было, только деревья закачались как от сильного ветра, да диск луны на мгновение затмился проплывающим по небу облачком.

— Хороший знак, — пробормотала ведьма, поднимаясь на ноги. Кто-то придержал её за локоть и, повернувшись, она увидела Йагана с бурдюком. Ах, да. *Хорошее* вино. Ведьма кивнула и Йаган, развязав бурдюк, наполнил чашу. Магда даже дышать перестала. Важно, чтобы вино не расплескалось, не пролилось мимо... но Йаган не первый раз наполнял чашу во время обряда.

— Встаньте вокруг алтаря, — приказала Магда. Она с трудом узнала свой голос, так слабо и измотанно он прозвучал.

— В круг! — резче крикнула она. Её послушались. Магда глубоко вздохнула. Всё получится. Лес ответил. Она всё делает правильно. Всё получится. Надо просто продолжать... Ещё бы не колотилось так бешено сердце.

— Разделите со мной эту чашу, — произнесла она ритуальные слова и повернулась к ближайшему человеку. Мета.

Магда омочила губы в вине. Вкус был... соли, горечи, сладости... жизни и смерти...

— Будь моей сестрой этой ночью, — произнесла она следующие ритуальные слова и протянула чашу женщине. Та послушно взяла и сделала глоток.

— Будь моей сестрой этой ночью, — ответила она и вернула чашу. Магда почувствовала, как её сознание, сознание ведьмы, уже настроенное, несмотря на все сомнения и страхи, на ритм леса, на дыхание леса, на жизнь леса, расширяется, чтобы включать в себя и разум стоящей перед ней женщины.

Шаг в сторону. Риг.

— Будь моим братом этой ночью, — попросила она.

— Будь моей сестрой этой ночью, — серьёзно ответил мужчина. Выпитое вино связывало всех.

Шаг в сторону. Постепенно уходили страхи и сомнения. Креб. Шаг. Врени. Шаг. Ещё шаг. И ещё.

Внезапно в ровный ход обряда что-то ворвалось, как резкий рёв трубы в чинную игру лютни. Магда вышла из транса и увидела перед собой наблюдающие глаза знахаря. Магия леса протестовала, отказываясь связывать его в единую сеть. Вопреки условию, Исвар пришёл подпоясанным.

— Повернись, — коротко приказала она.

Знахарь повиновался. За спину у него был заткнут железный прут. *Оберегается от колдовства*, догадалась ведьма и вдруг поняла, зачем у него возле порога лежат гвозди. И даже возможно где он их берёт...

— Выйди из круга, — потребовала ведьма, и Исвар снова повиновался. Как только лес пропустил его, несущего на себе враждебное железо... Ведьма вспомнила, что знахарь только и делал, что пропадал в самой чаще, разыскивая целебные травы. Возможно, у леса с ним более сложные отношения, чем ей казалось. Но это всё не её дело.

Ещё шаг. Мельник. Шаг. Кузнец. Магда снова впала в то особое, почти пьяное состояние, в котором она могла замыкать круг, чтобы сила людей сплелась с древнейшими силами природы. И вдруг...

Виль-батрак взял у неё чашу, не дав омочить губы. Сделал большой глоток.

— Жду *Освобождения*, сестра, — тихо, только для неё одной, произнёс он. Магда охнула. Таким словами приветствовали других прозревших высшие посвящённые. Не все из

них были вампирами, некоторые — обычные люди, давшие обет оберегаться от соблазнов мира, не иметь привязанностей и не участвовать в череде рождений. Проще сказать, отрёкшиеся от родителей, не вступающие в брак, не порождающие детей и не имеющие никакого имущества, кроме самой необходимой одежды. По странному выверту обычаев проклятых, им разрешалось поддерживать связи с братьями и сёстрами. Магда иногда думала, что дети одних родителей воспринимались их вероучителями как соседи по темнице.

Глядя на её ошарашенное лицо, прозревший сделал ещё один большой глоток и силой пихнул чашу ей в руки.

— Мы приблизим *Освобождение*, брат, — нашлась с ответом Магда. Ей стало понятно, почему он всегда приходил на помощь в нужные минуты и почему она никогда не сомневалась в его согласии с её просьбами, тогда, например, в кабаке. По традиции высшие посвящённые подчинялись одарённым, тем, кому доступна магия, колдовство или превращение тела, хотя одарённых ждало только малое посвящение, перед смертью. В некоторых вопросах подчинялись.

Шаг.

Снова чужие руки берут у неё чашу.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — приветливо произнёс Йаган.

— Мы приблизим его, брат, — ответила Магда. Всё правильно. Йаган был неодарённым прозревшим, человеком, принявшим веру проклятых, но не получившим ни посвящения, ни дара. Именно поэтому ожили замёрзшие лозы. Именно поэтому он делал *хорошее* вино. И именно поэтому он был так беден.

Ведьма встала в кругу. Её сознание охватывало весь круг, разумы всех, разделивших с ней чашу. Она сделала глубокий вдох и скрестила руки на груди. *Всё получится.*

— Откройтесь этой ночи, — нараспев приказала она. — Откройтесь таинству, в котором участвуете. Впустите в свои души лунный свет. Потянитесь мыслями к земле, на которой стоите. Это священная земля. Подумайте о полях, которые вы возделываете. Слейтесь мыслями с природой. Думайте о своей беде. Просите у ночи помощи.

Она сама подняла взгляд на луну и запела — тяжёлым гортанным голосом, без слов, вплетая в пение звуки и запахи леса. Где-то заухал филин. Высоким задорным голоском запела ночная птица. Далеко-далеко протяжно, с переливами завывали волки.

Магда перевела дыхание и продолжила петь — о том зле, которое оскверняет эту землю, губит детей, нападает на беззащитных... голос её был так тяжёл, что сам воздух, казалось, уплотнялся под действием её колдовства. Вокруг алтаря он сбился в плотный туман. Ведьма закончила пение леденящим кровь воплем и закричала:

— Волей своей призываю тебя! Землёй и небом, огнём и водой, лесом и полем, луной и звёздами призываю тебя! Жизнью и смертью, весельем и грустью, счастьем и горем призываю тебя! Явись! Явись! Явись!

Туман стал ещё гуще и потемнел, а после как будто сбился в центре. По нему пошла рябь, как по поверхности провидческого зелья, и вот...

На алтаре, прямо над останками жертвенного козлёнка, стояла невысокая гибкая фигурка... Несколько томительных мгновений и в лунном свете все увидели...

— Липп!

Юноша сорвал с головы шапку и картинно поклонился. Он широко улыбался и было хорошо видно, что клыки у него длиннее, чем все привыкли думать.

— Сильна ты, ведьма, — насмешливо произнёс сын кузнеца. Речь его неумовимо изменилась, стала твёрже, чётче. Он не проглатывал звуки и не растягивал слова. Так говорили в городе, а не в деревне.

— Не отводите от него взгляда! Не двигайтесь с места! — поспешно приказала ведьма. Вампир засмеялся.

— Да как вам будет угодно. Вы устанете раньше меня.

Да... А ещё, когда скроется луна, их власть над вызванным в круг вампиром закончится. Но...

Ведьма резко, повелительным жестом вытянула руки перед собой.

— Откройся! Открой свой облик! — потребовала она.

Рябь, скрывающая вампира, усилилась, а после медленно растаяла вместе с туманом... широкий крестьянский плащ, просто кусок ткани, накинутый на плечи, превратился в сшитый, из тех, что надевают через голову, с широкими причудливыми рукавами, какие носят только в городах. Шапка-колпак с мягкими полями сделалась бархатным беретом, украшенным медной пряжкой. Крестьянские обмотки превратились в узкие чулки, а деревянные башмаки — в остроносые туфли. Лицо совершенно не изменилось.

И в этот момент все с ужасающей ясностью вспомнили, что у кузнеца нет и никогда не было никакого сына!

— Ты тоже силён, — с уважением отозвалась ведьма. Она начала понимать, что произошло: вампир пришёл в их края и внушил всей деревне ложные воспоминания. Как давно это произошло? Этого она сообразить не могла. Была ли она жертвой наваждения вместе со всеми или, редко появляясь в деревне, приняла на веру всё, что ей говорили? Она ведь редко приглядывалась к людям...

— Ну, как, может, на этом разойдёмся? — предложил вампир. — Вы ничего мне сделать не сможете, так зачем же время тратить? Хотите, пообещаю, что этой ночью никого не съем?

Он снова жутковато улыбнулся.

— Ты ошибаешься, — раздался из темноты женский голос и озарённая белым светом фигура шагнула к кругу. Волшебница была немного выше Магды, такая же светловолосая и светлоглазая, как и она и тоже облачена была в лёгкие белые одежды. Но, в отличие от старой приятельницы, Виринея испускала белое сияние, на этот раз видимое даже обычным людям.

Кто-то зашептал слова молитвы. Магда мельком увидела, как одна из женщин опускается на колени.

Виринея мягко коснулась ближайшего к ней человека — это был Виль-батрак — заставляя его посторониться, и вошла в круг. Белое сияние, окружающее её, потекло на землю и превратилось в светящийся обруч, замкнувший в себе алтарь со стоящим на нём вампиром. Волшебница плавно повела рукой — и кольцо света начало сжиматься. Вампир зашипел от боли, заслоняя глаза рукой.

— Ты в моей полной власти, мальчик, — мягко произнесла волшебница. — Ты больше не сможешь причинить людям вреда.

— Убей меня! — потребовал Липп, содрогаясь от невыносимой боли, которую причинял ему свет. — Убей быстро! Неужели тебе нравится смотреть на предсмертные муки?!

— Я никогда никого не убиваю, — возразила волшебница. Она очертила в воздухе

маленький круг, сделала вращающее движение пальцами и протянула ленточку. — Это защитит тебя.

Магда услышала, нет, скорее даже почувствовала, как в людях, до того благоговейно молчащих, пробуждается недовольство, и шагнула к волшебнице, пытаясь что-то возразить. Виринея повернулась к ней и протянула ленточку ей.

— Надень ему на запястье, — попросила она. — Моё прикосновение сожжёт его в прах.

— Туда ему и дорога! — пробурчал кто-то в кругу, но волшебница не обратила на это внимание.

— Надень! — повторила она. Магда со вздохом повиновалась, гадая, что ей теперь скажут в общине. Она привела белую волшебницу на обряд. Она использовала белую магию против собрата-проклятого. И она лично, своей рукой сейчас... А что она сейчас делает?

— Ты больше не сможешь творить зло! — торжественно произнесла волшебница и, отстранив ведьму, своими руками затянула узелок.

Магда могла бы поспорить на что угодно — ни один проклятый теперь ленточки снять не сможет.

— Радуйтесь, люди! — объявила волшебница. — Вы свободны! Больше он не сможет являться к вашим детям!

...и ножи о ленточку затупятся...

Вейма рассказывала о такой же ленточке, которая позволила ей войти в дом Виринеи и Лонгина в Раногге. Но вампиршу интересовало только одно: как не сгореть в убийственном огне белой магии. Магда достаточно разбиралась в волшебстве, чтобы понять, как действует этот «подарок». Вид вампира заметно изменился, как только узелок был затянут. Для знающего глаза изменился. Принцип сродства. Чтобы белая магия не губила вампира, вампиру добавили чего-то общего с ней. Но «общность» не пустые слова, а ведь белый маг не может творить зло... «Принявший» его дар, видимо, тоже. Волшебница поступила с Липпом откровенно жестоко.

Виринея со светлой улыбкой оглядела собравшихся. Окружающее её сияние постепенно гасло. Магда знала — оно никуда не делось, даже усилилось, просто разглядеть его сможет разве что вампир... возможно, только сменив облик. Сила белой магии, видимая окружающим светлым сиянием, увеличивалась от совершённых волшебником добрых дел и слабела от бездействия. Зла белые волшебники в принципе не способны были совершить... или, возможно, они никогда не признавали свои поступки злом...

Магда покосилась на алтарь. Вампир с него исчез. Сбежал, наверное, воспользовавшись всеобщим замешательством. Пусть бежит. Теперь он был безопасен. Безопасен и... обречён. Останки зарезанного козлёнка оставались. Ими распорядится лес... по своему усмотрению. Люди, держащие круг, постепенно расслаблялись, начинали двигаться, нарушая прежний порядок. Нежданная гостья уже не казалась сверхъестественным существом. Магда не успела никого предупредить, да и могла ли она признаться, *кого* притащила на ведьминский обряд? Один из крестьян подобрался и шлёпнул волшебницу пониже пояса. Виринея резко обернулась. Волосы хлестнули мужчину по лицу. Магда тяжело вздохнула. Ну, конечно, Креб. Кто ещё-то... Стало очень тихо, когда Виринея устремила на обидчика тяжёлый гневный взгляд. Она смотрела так разъярённо, что самый воздух перед ней, казалось, был раскалён добела. У Креба подогнулись колени. Виринея смерила его взглядом, а после чуть приподняла подол своего одеяния и легонько пнула мужчину в причинное место. Магда могла бы поклясться, что носок её туфельки слабо светился. Раздался болезненный вой,

Креб, прижав руки к животу, повалился наземь.

— Ты наказан, — холодно произнесла волшебница. — Отныне и до конца жизни ты не сможешь воцелеть никого, кроме собственной жены.

— Но... ваша милость... — взмолилась Эрма, сестра несчастного охотника до чужих женщин. Её тёзка, жена священника, осталась дома, даже не зная о проводимом обряде. — Брат не женат! Как же...

— Так пусть женится, — равнодушно посоветовала волшебница. Она подняла руки к небу и её снова залило белое сияние. Собравшиеся поневоле заслонили глаза, а когда открыли — волшебницы уже не было. Женщины опустились на колени, шепча слова молитвы. Теперь, небось, разговоров будет, что ведьма смогла призвать... угадать бы, на кого они подумают...

— Что это было? — тихо спросил ведьму подошедший к ней Йаган.

— Белая магия, — вздохнула Магда. — Ему ещё повезло.

— Повезло?

— А ты думаешь, какую жену вчера искал чёрный волшебник? — вместо ответа спросила Магда. Чёрная магия, в отличие от белой, усиливалась от той обиды, которую волшебник испытывал к миру. Поэтому все выпускники Чёрной башни славились очень дурным характером. — Лонгин бы всю деревню спалил, если бы Вириная пожаловалась. Ты знаешь... носи вино. Будем праздновать.

После обряда полагалось выпить простого вина, а последней чашей непременно *хорошего*. После него люди не вспомнят, как выберутся из леса и доберутся до дома. Наутро эта ночь покажется им сном.

Виноградарь кивнул и пошёл за вторым бурдюком. Ведьма успокоилась. В этой части праздника от неё уже ничего не требовалось.

— Зря, — сообщил ей знахарь, бесцеремонно дёрнув девушку за рукав. — Я надеялся свои травы проверить на вампире.

То есть зря отпустили вампира, догадалась ведьма. Видимо, затем он и пришёл на обряд, раньше-то никогда не являлся. И сейчас с ними сюда не пошёл, сидел в кабаке до последнего, играл с Лонгином, нарочно или случайно отвлекая его от поисков жены. А, может, Лонгин намеренно задержался. *Очень злой чёрный волшебник, конечно же, всех убьёт, но сначала отвлечётся на свою прихоть, а там и забудет. На встрече его будет не в чём упрекнуть.* Ведьма принялась. Запах того кошмарного букета ещё чувствовался от одежды и волос знахаря, но не в полную силу.

— Где ж ты травы бы взял прямо во время обряда?

— А я рядом припрятал заранее, — отозвался Исвар.

— ЧТО?! Откуда ты...

— Я давно это место нашёл, — пояснил знахарь. — Алтарь посреди чащи, со следами крови, иногда и кости оставались. Сразу понятно.

И лес его пропустил... Магда не могла понять, молить ли ей о наказании святотатца или поклониться благословенному. Найти место, лежащее в стороне от дорог и тропинок, место, ревниво укрываемое самой природой... на это её разума не хватало.

— Я тебе так могу сказать, что подействовали бы, — наконец ответила ведьма. — Думаешь, почему Липп позавчера ушёл из кабака а на следующий день будто бы похмельем маялся? У вампиров не бывает похмелья. Он просто схитрил, чтобы не нюхать твоего «букета».

— Это догадки, — нетерпеливо отозвался знахарь. — Я хотел выяснить доподлинно.

На самом деле Магда говорила совершенно точно, потому что вчера решившая прогуляться в деревню Вейма вернулась в совершенно ужасном состоянии, с распухшим носом, слезящимися глазами, почти ослепшая и на чём свет стоит ругала «этого деревенского алхимика». Но объяснять этого ведьма не стала.

— Лови сам, — предложила она и повернулась, потому что её опять дёргали за рукав.

— Маглеин! — возмущённо позвали её, и девушка сперва не поняла даже, к кому так обращаются. В те времена, когда она носила уменьшительное имя, её звали иначе. — Ты соображаешь, что натворила?!

Виль-батрак.

Ведьма посмотрела на него и внезапно ей стало ясно, почему его никто никогда не замечал, даже собака. Прозревшие дали ему бесценный для таких как он дар — незаметность. Его можно было увидеть только если он сам того хотел, но... прикосновение белой волшебницы, одетой как в броню в свою сияющую магию, развеяло этот дар с той же лёгкостью, с какой солнце разгоняет ночную тьму.

— Предупредил бы заранее, — огрызнулась Магда. Всё, теперь ей конец. На первой же встрече общины её не просто убьют, её будут убивать медленно и мучительно. Может, сам Виль и убьёт, среди ведьм палачей не было. Впрочем, была участь и похуже этой.

— Не твоего ума дело, — отозвался батрак и непотребно выругался.

— Ночь ещё не закончилась и луна ещё полная, — не выдержала Магда. — Не пытайся меня задеть.

— И не думал даже, — отмахнулся Виль-батрак. — Удружила ты мне, Маглеин, дальше некуда.

К ним подошёл Йаган с полной чашей. Магда с благодарностью отпила вино. Не то, *хорошее*, но и простое вино с виноградника Йагана было самым лучшим, наверное, во всей стране. Пилось оно легко и как-то само собой утешало все горести. Ведьма сделала ещё один глоток. Утешение ей понадобится.

История вторая
Семейные узы

Глава первая

Урок

Урок всегда проходил в зале. У барона в доме был свой таблиний [\[18\]](#), не открытый, как в домах древности, а отдельный чуланчик, где в тяжёлых сундуках хранился архив баронства. В запертых — то, что следовало надёжно хранить, в открытых — текущие записи. Вейма видела такой же, когда жила в Корбинiane. В таблиний же стояло большое, выполненное по древним образцам, кресло, на котором сидел барон, когда занимался делами, и стояли две небольшие скамьи для его собеседников. Ещё там стоял высокий стол с непомерно толстой столешницей, закрытой узорным покрывалом. Пускать в свой таблиний дочь барон не стал, отгораживать ей уголок — тоже. Зал был большой, там в углу стоял ткацкий станок Норы и пылилась прялка. Там же Вейма поставила большую, в два локтя шириной и два высотой, аспидную доску [\[19\]](#).

Барон подошёл посмотреть, как идёт обучение дочери. На этот раз аспидная доска была исписана закорючками, смысла которых барон не понимал, хотя умел и читать, и писать. Нора сидела в лёгком кресле и смотрела на учительницу с недовольным видом. Вейма, по привычке одетая в мужской городской костюм, сидела на скамейке у её ног и держала в руках богато отделанную виуэлу. [\[20\]](#)

— Музыка — это гармоническое выражение арифметики, — говорила Вейма. — Каждая нота соответствует своему числу, а число — небесной сфере, принадлежащей своей планете. Что такое планета, Нора?

— Планета — эта движущаяся звезда, — заученно ответила баронская дочь.

— Правильно, — скупой похвалила наставница. — Всего мы знаем семь планет, и точно так же есть семь нот.

— Я помню, — уныло ответила Нора.

Вейма зацепила ногтем струну.

— Назови планету, чья нота сейчас прозвучала.

— Повтори, пожалуйста, — попросила Нора, недовольно косясь на отца.

Вейма повторила. Обычно на виуэле играли, цепляя струны пёрышком, но вампирша всегда обходилась ногтями. У таких, как она, ногти всегда крепче, толще и острее, чем обычно бывает у человека. Она не задумывалась, что это могло её выдать.

— Это нота красной планеты, — отозвалась ученица.

— Правильно. А что ты можешь сказать про красную планету?

— Красная планета у древних управляла войной, — всё с тем же недовольным видом ответила Нора. — Её появление в... в... ну... замке на небе...

— В пятом Доме, — подсказала Вейма.

— Да, в пятом Доме, предвещало неисчислимы бедствия.

— Совершенно верно, — одобрительно кивнула вампирша. От ученицы исходил неприятный запах недовольства, страха перед отцом и скуки. Но урок надо было продолжать. — Теперь слушай, я сыграю музыку в тональности красной планеты.

Вейма подтянула пару колков и заиграла, то быстро, то медленно перебирая пальцами. Барон покачал головой. Ему приходилось слышать игру дочери — в отсутствие наставницы она играла охотно — неумелую, сбивчивую, полную смазанных или слишком резких звуков. И всё же музыка Норы была живой, в ней чувствовалось настроение девушки. Игра же

Веймы была исключительно точной, не допускающей никаких огрехов. И удивительно... мёртвой.

— Обрати внимание, — сказала Вейма, закончив игру, — что каждый звук гармонирует с красной планетой. Ты должна добиться того же самого.

— Эта песня не показалась мне воинственной, — заметил барон.

— Да, ваша милость, — улыбнулась молодая наставница. — Планеты не определяют звучания музыки, они лишь обозначают тональности. Но они помогают запомнить.

Вейма встала и протянула инструмент Норе.

— Теперь ты, — приказала она. — И следи за гармонией.

Нора послушно обхватила виуэлу и уставилась на аспидную доску.

— Читать знаки ты умеешь, — раздражённо напомнила Вейма, перехватив вопросительный взгляд барона. Нора заиграла медленно, но ровно. Несколько раз она сбилась и Вейма морщилась как от зубной боли.

— Ты делаешь успехи, — тем не менее похвалила она. — Теперь повтори вторую и третьи фразы.

Нора начала играть и Вейма совсем скривилась.

— Нора! Ты, что, играешь по памяти?!

— Разве так не лучше? — запутался барон. — Когда у нас гостили странствующие музыканты, они всегда играли по памяти. Они помнили наизусть сотни песен и все восхищались их мастерством.

— Да, ваша милость, — с трудом сдерживаясь, чтобы не заскрежетать зубами, кивнула Вейма. — Для бродячего певца это хорошее качество. Но когда вас учили читать, ваш учитель не порадовался бы, если бы вы пересказывали ему тексты, не глядя в книгу. Знать наизусть — песню, речь великого человека или закон — похвально. Но непохвально не уметь прочесть незнакомый текст. Я учу Нору науке о гармонии, а не просто перебирать струны. Вы ведь просили развить её разум, а не сделать из неё бродячего певца.

Барон согласно кивнул.

— Нора! — ткнула вампирша в доску. — Начало второй фразы вот здесь. А ты начала играть с середины третьей! Хорошо, ты не успеваешь прочесть знаки. Но попробуй почувствовать музыку. Ты подобна человеку, который заучил звуки чужой речи и не понимает ни единого слова. Ты должна была понять, что играешь с середины!. Ещё раз — вторую и третью фразу.

Нора заиграла и робко посмотрела на наставницу.

— Да, да, отсюда. Сыграй сначала вторую фразу, потом выдержи паузу и перейди к третьей. Постарайся увидеть, услышать, пальцами почувствовать гармонию.

На этот раз ученица вроде бы разобралась и Вейма отошла в сторону. Нора играла неуклюже, но вампирша знала: из девочки будет толк. Если бы она не была такой ленивой! Невозможно пытаться развить разум девушки, которая думает только о прогулках и развлечениях! Ум баронской дочки был тёмн и смутен. Вейма, впрочем, подозревала, что она не такой уж хороший наставник. Подняв глаза, она перехватила взгляд барон.

— У вашей дочери хорошие задатки, — сказала она.

— Я думал, ты недовольна тем, как она играет, — удивился барон.

Вейма покачала головой.

— Она очень талантлива, но ей не хватает терпения, чтобы усвоить все правила и законы. Половины её ошибок уже сейчас можно было бы избежать при должном

прилежании.

— Зато у тебя терпения хватает, — заметил барон. — Ты играешь без ошибок.

Девушка со смехом покачала головой.

— О, нет, ваша милость! Терпения у меня никогда не было. А игра... Я просто помню все правила. В руках Норы виуэла будет *петь*.

— Тем более достойно похвалы твоё усердие.

— Вы мне за это платите, — сухо вато напомнила девушка. Строго говоря, платил-то барон ей мало. Он позволил им с Магдой жить в охотничьем домике, отправлял дичь во время сезона, отдал распоряжение, чтобы часть вина, молока и хлеба несли к девушкам на двор и приказывал замковым слугам шить на Вейму одежду так же, как они шили для него, его дочери и немногочисленного двора. Время от времени Вейме заносили производимые для барона свечи, кузнец бесплатно чинил разную утварь. А вот свободных денег в Фирмине — так назывались владения и по ним же барон носил своё имя — было мало. Другое дело, что Вейме немного было надо.

— Ты не хуже меня знаешь, что верность не продаётся, — неожиданно серьёзно возразил барон. — Она либо есть, либо нет. Я рад, что могу на тебя положиться.

Вампирша отчаянно смутилась и поспешила отвернуться. Она не чувствовала себя заслужившей эту похвалу. Тем временем Нора прекратила играть.

— Очень хорошо! — похвалила вампирша. — А теперь всю песню сначала, но между фразами делай паузу в два такта. Когда закончишь — сыграй всё без остановок.

Нора вздохнула и повиновалась.

Вейма напряжённо прошлась по залу. Вот уже несколько дней как в деревне было тихо. Липп пропал, как в воду канул. Люди страшно жалели кузнеца, в одночасье лишившегося сына и выставившего себя на посмешище перед всей деревней. Пересуды не умолкали ни на мгновение. Магда ходила с полубезумной улыбкой, и пахло от неё тогда таким счастьем, что Вейма начинала задыхаться. А то вдруг ведьма принималась тревожиться. И было от чего! Белая волшебница убила, своими руками — и руками Магды — убила несчастного вампирёныша так же верно, как если бы испепелила его своим страшным огнём. *Клан* не любил отступников. Если ты не можешь охотиться, не можешь пить кровь, не можешь противопоставить себя миру людей — на что ты такой нужен? Отступников *клан* убивал. Скоро, очень скоро состоится *встреча* проклятых. Если Вейма или Магда попадут на эту встречу — их убьют, Вейму *клан*, а Магду — ведьминская община. Теперь вампирша могла назвать ещё одну обязательную жертву.

Дверь внезапно распахнулась, и в зал влетел вихрь. Вейма не успела даже вскрикнуть, как этот вихрь превратился...

— Заступник и все святые! — вырвалось у Веймы. — Липп! Что ты здесь делаешь?!

— Ваша милость! — выпалил вампирёныш, не обращая на девушку внимания. — Отряд всадников! Их фенрих в красном, на флаге веник!

Вейма поперхнулась. Новость слегка отвлекла её от вопиющего появления сородича — вампира! — в замке. Красный цвет был цветом союза баронов, да и веник, вернее, пучок прутьев, был их символом. В старину пучок прутьев означал власть, его несли перед теми, кому все должны подчиняться, как указание на право наказывать. Сегодня этот же символ отсылал к тому же к старой сказке про пруттики, которые можно переломать поодиночке, но нельзя сломить вместе.

— Сколько их? — спросил барон, кивнув, как будто не было ничего необычного в

появлении разоблачённого вампира в его зале. Вейма почувствовала, как у неё удлиняются клыки, и отвернулась. Из горла рвалось гневное рычание. Вампиры совершенно не переносили друг друга. Только наставник терпел учеников, а ученики — наставника, да ещё «дети» одного и того же «родителя» могли жить на общей территории. И, конечно, заранее обговоренные сборы *клана*. Там они кое-как сдерживались и могли вести общие дела. В остальном же два вампира под одной крышей означали драку так же верно, как пучок прутьев — отряд, подчиняющийся союзу баронов.

— Две дюжины с оружием, да ещё фенрих, — отчитался юноша. — И ещё двое едут с трубами.

— Очень хорошо, — кивнул барон. — Иди, передай Менно, пусть выедет навстречу... скажем, с десятком людей.

— Да, ваша милость, — поклонился вампир и вихрем вылетел за дверь.

С трудом подавляемое рычание Веймы вырвалось воплем:

— Ваша милость!!!

— Я тебя слушаю, — с серьёзным видом повернулся к ней барон.

— Как вы можете?! Вы же знаете, *что* он такое! И вы впускаете его в свой дом?!

— Только днём, — усмехаясь, объяснил Фирмин. — Он поселился наверху донжона.

Заодно осматривает окрестности.

— Но он же вампир!!!

— Меня самым серьёзным образом заверили, что после проведённого ведьмой обряда он совершенно безопасен.

— Но... но... но...

От негодования Вейма могла только хватать воздух ртом.

— Он умный паренёк, — задумчиво произнёс барон. — Он пришёл ко мне рано утром и попросил... покровительства. Он никого не убил на моей земле. Я дал ему то, что он просит.

— Вы не понимаете! Он же вампир! Проклятый! Вы никогда не сможете ему доверять! Его верность принадлежит не вам!

Под изучающим взглядом барона девушка осеклась.

— Он отличный гонец. Я могу передавать сообщения в десятки раз быстрее, чем другие бароны. Что до верности... Пока меня этот вопрос не волнует. И тебя не должен волновать. Твоя забота сидит вот там.

— Да, ваша милость, — сникла вампирша.

— К тому же я предпочитаю знать, чем занимается этот юноша, — понизил голос барон. — Мне не нравится, что он увивается вокруг моей дочери.

— Вы могли бы прогнать его! — снова возмутилась девушка.

— Его бы убили его сородичи, — возразил барон.

— Вам-то какое дело?!

— Никакого, — пожал плечами барон. — Но пока он живой и служит мне. Удобно, правда?

Вейма передёрнула плечами и вернулась к своей ученице.

— От гармонии слышимой перейдём к гармонии неосязаемой, — предложила она. Нора со вздохом оставила виуэлу в сторону. — Всё на свете измеряется числами. Если мы и не можем посчитать каждую песчинку или каплю воды, мы можем взвесить или измерить объём. Числа пронизывают мир. Музыка также состоит из чисел, исчисляющих не только громкость, но и высоту звука. Понимать числа — важнейшее искусство. Тебе предстоит

унаследовать земли отца, и ты должна это понимать лучше, чем кто бы то ни было ещё. Подати, которые ты будешь взимать — это не количество хлеба и мяса, которое ты прикажешь доставить на двор, но часть собранного подданными урожая. Ты должна знать свои нужды, нужды семьи, нужды твоего двора, защищающих тебя воинов. Ты должна знать нужды подданных, чтобы в тяжёлую пору не спросить с них больше, чем они могут дать, а в доброе время сделать запасы на чёрный день. Всё это измеряется в числах. Сколько действий ты можешь проделать с числами?

— Четыре, — без запинки ответила девушка.

— Очень хорошо. Назови их.

— Складывание, Уменьшение, Преумножение и Разделение.

Вейма поморщилась.

— По сути верно. Теперь взгляни вот сюда...

Она протянула ученице малую аспидную доску, сверху исписанную цифрами. Барон покачал головой. Ему приходилось беседовать со школярами, изучившими Семь искусств, в которые входила и арифметика. Никто из них не говорил с такой определённой об управлении феодальным владением. Барон взглянул на молодую наставницу с новым интересом.

Урок арифметики только начался, когда посланец вернулся.

— Менно выехал, ваша милость! — доложил юноша. — Он взял с собой Арно-кривого, Куно-большого, Бруно-толстого, Волдо-меткого...

Барон выслушал все имена и одобрительно кивнул. Выбор фенриха ему нравился, названные были людьми толковыми, не задиристыми, но хорошими бойцами.

— Отец! — подняла голову от аспидной доски Нора. — К нам едут две дюжины вооружённых всадников! Почему ты посылаешь с Менно только десять человек?

— Разве мы воюем со всем миром, дочь моя? — ответил барон. — Я послал с Менно людей для почёта, а не для сражения. Уверен, их фенрих оскорбился бы, если бы его встретил всего один человек. Учись, дочь.

— Да, отец, — склонила голову Нора. На её лице появилось задумчивое выражение, которое Вейма была бы рада увидеть по поводу предложенной задачи.

— Следуй за ними, — приказал барон вампирёньшу, — но так, чтобы тебя не видели. Когда их фенрих изложит дело, за которым пришёл, немедленно возвращайся ко мне, слышишь?

— Да, ваша милость, — ответил поклон юноша. Он перехватил полный бессильной ненависти взгляд вампирши и, подмигнув, мотнул головой в сторону двери.

Есть разговор.

Ага, как же! Ищи другую дуру!

— Я хочу пройтись, — объявила Вейма, вставая со скамеечки. — Нора, ты забыла вычесть долг здесь и здесь. Исправь пока.

— Пройдись, — согласился барон, внимательно оглядев девушку. — Но я прошу тебя не выходить за ворота.

— Но, ваша милость... — запротестовала вампирша.

— И скорее возвращайся. Пришло время Норе заняться рукодельем, сразу после вашего урока.

— Но при чём тут я?! — искренне удивилась Вейма. — В этом я ей не наставница, я не умею...

— Вот и научишься, — предложил барон. — Так возвращайся!

— Как прикажете, ваша милость, — кисло ответила вампирша. Когда-то Вир собрал ей ткацкий станок, но ей не удавалось даже натянуть основу: нитки не выдерживали силы и скорости, с которой девушка работала.

Липп подждал её у дверей баронского дома. В самом деле, до места встречи двух отрядов он мог добраться во мгновение ока, так что оставалось время на разговор. Вампир подхватил девушку за локоть и потащил за угол ближайшего строения. Это была конюшня и лошади внутри беспокойно заржали. Вампиры, не сговариваясь, цыкнули. Животные испуганно притихли.

— О чём ты хотел поговорить? — мрачно спросила Вейма, складывая руки на груди. Инстинкт приказывал ей немедленно вступить в драку с захватчиком. Разум не предвещал ничего доброго ни от разговора, ни от поединка.

— Зачем так неласково, сестричка? — усмехнулся вампир. — Мы же теперь товарищи по несчастью.

— По несчастью?! — зашипела девушка. — Ты питался кровью младенцев! Из-за тебя меня чуть не убили! Ты выбрал свой путь сам, а сейчас пойман, но не раскаялся! Я никогда не хотела быть... *тварью!*

— Ну и что? — трезво спросил юноша. — Какая разница?

Он показал ленточку на запястье.

— Я видел, ты носила такую же, — напомнил он, — но добровольно и недолго. Её след виден, если превратиться и приглядеться. Ты знаешь, как она действует.

— Нет, — устало ответила вампирша. — Не знаю. Магда мне рассказывала, но... Я никогда не хотела убивать. Я никогда не хотела пить кровь. На меня эта штука не оказала влияния.

— А на меня оказала, — хмыкнул вампир. — Не причинять зла! Как тебе такое условие?

Он перехватил настороженный взгляд девушки. Как бы Вейма не злилась, с подобным себе она чувствовала полное взаимопонимание. С Липпом ей не нужно было тратить слов, чтобы спросить о том, что её волнует.

— Нет, — сказал вампир. — Я не донесу на твою подругу, я не дурак. Меня не ждут на *встрече*, учитель заверил всех, что я вполне способен к выполнению *долга*. Чем меньше меня будут видеть наши сородичи, тем лучше.

Вейма отвернулась.

— Это всё слова. Ты знаешь сказку про лошадь, которая помогла переправиться скорпиону? На середине он её ужалил и сказал, что это в его природе. А ведь на берегу он обещал сдерживаться!

Вампир рассмеялся.

— Старый Ватар всем рассказывает одинаковые сказочки!

Лицо Веймы прояснилось. Она схватила юношу за рукав и потрясла.

— Так ты ученик Ватара? Правда?!

— Ну да. Я тебя помню, кстати. Ты училась на богословском факультете, когда старик... сделал мне своё предложение. Тебя все знали.

— А я тебя не помню, — пожала плечами вампирша. На неё, пока она ходила на лекции, показывали пальцами. Пересудами занимался не то что весь университет — весь Раног!

— Я тебя моложе, — пояснил вампир. — Учился свободным искусствам.

— А! — с презрением отозвалась вампирша. — *Факультет для девочек!*

— А сама-то? — уколол её собеседник.

— Ха! — задрала нос Вейма. Она очень гордилась, что сумела научиться настоящим наукам, пусть ей и не дали докторскую мантию.

— К тому же быть единственным мужчиной среди девушек — вполне неплохо, — сообщил вампир и мечтательно улыбнулся.

— А! — вспомнила Вейма. — Кажется, вспоминаю. Кого-то били постоянно среди молодняка. Каждые два-три дня, по-моему.

— Ну, не так часто, — без тени смущения подтвердил вампир. — Но да, это был я!

— Кажется, я догадываюсь, что тебе предложил Ватар, — хмыкнула вампирша. Точно, в какой-то момент избиения прекратились, но Вейма думала, что жертву или забили насмерть или прогнали, или нерадивый школяр всё-таки взялся за ум.

— И правильно догадываешься, — засмеялся юноша. — Так что, мир?

— Перемирие, — мрачно согласилась девушка. Пришлый вампир был учеником её учителя и, хоть она и порвала с *кланом*, это давало ей возможность терпеть Липпа на своей территории. Инстинкт унялся. Тревога — нет.

Как Липп догадался обратиться к барону?

Почему барон его принял?

Зачем приехал чужой отряд?

Вампирша хмуро посмотрела вслед сородичу и вернулась в дом.

* * *

Магда мирно занималась своими делами. Она задала корм козе, чьим молоком питалась её подруга. Заботами ведьмы доилась коза на диво и не чахла от «внимания» вампира. Прополола грядку с колдовскими травами. Не все стоило искать в лесу, некоторые требовали особого ухода. Ведьма озабочено потрогала увядающие листики. Добавила немного... усилия... листья не ожили, но растение не увянет.

Закончив с этим, девушка села к окну, разложила инструменты и принялась вырезать из ольхи причудливые фигурки. Детям нравилось с ними играть. В следующее полнолуние Магда собиралась напитать их *силой* на алтаре... возможно, она пойдёт туда не одна. Не все обряды требовали такой силы, чтобы приносить кровавую жертву. Ломоть хлеба, чаша с молоком, *хорошее* вино... Да, этого хватит. Сама земля будет хранить тех, кто носит её подарки. Но для начала фигурки стоило вырезать.

Ведьма настолько увлеклась своим делом, что едва не пропустила треск ломающегося хвороста. Скрипнула дверь. Магда вскинулась, крепче сжала в руках нож...

— Виль! — приветливо окликнула ведьма. — Как ты меня напугал!

— Ты можешь очень быстро собраться? — вместо приветствия спросил батрак.

— Могу, но зачем? — недоумевающе спросила Магда.

— Проводишь меня.

— Куда?!

— Там узнаешь. Пошли, живо!

— Да что случилось-то?!

— Облава, — коротко бросил батрак. — Мне Илиса сказала, её Кобо домой заскочил, когда вернулся после встречи с чужим отрядом.

— Илиса? — моргнула Магда. — Кобо?

— Сестра моя, — нетерпеливо пояснил батрак. — Вышла замуж за кнехта^[21] его милости. Живёт у замка. Ты не поняла разве? Ты отняла у меня дар, который братья дали мне при посвящении.

— Но я не...

— Не ты, так девка, которую ты в лес притащила. Меня нашли. Барон собрал своих людей и перекрыл все дороги. Ты умеешь ходить по лесу. Проведёшь меня. Потом отпущу.

— Ты с ума сошёл, — запротестовала ведьма, понимая, что случилось непоправимое. — Никуда я с тобой не пойду!

На мгновение в руке батрака блеснул нож. Ведьма побледнела и сжала свой. Виль криво усмехнулся.

— Козлёнка не смогла. Меня не сможешь. Давай, живо. Скоро они до тебя дойдут. Исправляй, что натворила.

Посмотрев на бледное лицо девушки, батрак снисходительно добавил:

— Не буду я тебя убивать. Нужно мне больно. И доносить в *общину* не стану. Идёшь?

— Иду, — вздохнула ведьма. Много времени на сборы ей было не нужно, сумка с самым необходимым всегда лежала в тайном месте. Она только замешкалась, заворачивая в тряпицу свою работу... и кое-какие травы. У неё тоже было своё оружие.

Глава вторая

Бегство

Магда отвязала пса, а Виль по её просьбе задал корма козе. Когда вернётся Вейма — один Освободитель знает, а животное ни в чём не виновато. Заперев калитку, она шагнула в лес, в сторону от тропы, не заботясь о том, следует ли за ней убийца или нет. Он, конечно, следовал. Магда прошла несколько шагов, пробираясь через кусты, и опустилась на колени. Виль с нетерпеливым видом остановился рядом.

— Пропусти нас, — шёпотом попросила ведьма. — Открой свой путь мне и моему спутнику.

Она развела траву, коснулась пальцами земли. Прислушалась, но в сердце было пусто.

— Нужна кровь, — решила она и протянула руку.

— Чья? — деловито спросил убийца. — Опять козлёнок?

— Твоя! — рявкнула Магда. — Зачем козлёнку дорога через лес? Ты должен с ним сродниться. Встань сюда.

Виль пожал плечами, но присел рядом. Ведьма протянула ему заткнутую у ворота иголку, и он по её знаку уколол палец и стряхнул три капли крови в ямку. Магда забросала ямку землёй и, низко склонившись, зашептала понятные только ведьмам слова. Прислушалась снова. И опять ничего. Тогда она вырвала у себя несколько волосков, быстро свернула кольцом. Вдалеке послышался собачий лай.

— Поторопись, — сквозь зубы сказал батрак. Лай приближался.

Ведьма быстро прикопала свои волосы рядом — но не в той же ямке. Нагнулась ближе к земле. Ответа по-прежнему не было. Ведьма встала и растерянно огляделась по сторонам. Что делать дальше, она не знала.

— Идём же! — дёрнул её за рукав батрак. Магда моргнула. Тропинки не было — но кусты перед ними как будто слегка расступились. Она сделала шаг, Виль за ней. Магда оглянулась и увидела, что кусты за их спинами смыкаются.

— Идём! — согласилась она.

* * *

Так не бывает, чтобы кто-нибудь, всё равно кто, просто так, без жертвы, без ритуала, посреди бела дня мог пройти через лес, чтобы лес открывал ему дорогу. Так не было и в этот раз: единственный путь, которым могла последовать ведьма, был дорогой к алтарю. К алтарю они и вышли. Днём это место не слишком впечатляло. Просто место, одетое туманом, в котором смутно виднеются очертания каменной глыбы. Ведьма шагнула к ней, потянув за собой батрака.

— Сейчас не спорь со мной, — показала она и опустилась на колени. — И не буди, если тебе покажется, что я потеряла сознание.

— Тебе виднее, — спокойно согласился убийца. Ведьма простёрлась на алтаре и обратила свой разум в сердце леса. Она по-прежнему не чувствовала отклика. Но лес пропустил их сюда!

Полежав — сколько? — на алтаре, Магда приподнялась, по-прежнему оставаясь на

коленях.

— Отец мой! — воззвала она в тишине леса. Здесь не пели птицы, и туман, казалось, пожирал все звуки. — Мать моя! Ответь мне! Снизойди до меня! Прими нового сына! Он молит тебя!

Она не глядя протянула руку и батрак догадливо опустился на колени рядом с ней.

— Вымажи руки своей кровью и положи на алтарь, — шёпотом посоветовала она. — Мысленно присоединись к моей просьбе.

Батрак замешкался и ведьма раздражённо добавила:

— Я не волшебница, не умею открывать тайных путей. Я — только проводник. Или ты просишь лес или я тебе ничем не могу помочь.

Батрак хмыкнул, но выполнил приказ. Ощущая в душе ту же тревожащую пустоту, ведьма продолжила:

— Отец мой! Мать моя! Вот твой сын! Помоги ему! Забери его запах! Забери его шаги! Забери его образ! Забери его следы! Укрой его от опасностей! Помоги ему! Помоги ему! Помоги ему!

Отклика всё ещё не было, только по верхушкам деревьев пробежался ветер, да туман сделался светлее.

— А теперь уходим отсюда, — предложила ведьма и попыталась встать. Батрак поднялся на ноги, но у Магды почему-то этого не получалось. Виль хмыкнул и потянул девушку за руку.

— Помоги мне! — попросила она раздражённо. — Кажется, у меня получилось.

— Получилось ослабнуть? — уточнил батрак, ставя ведьму на ноги. — Ты как кутёнок новорожденный.

— На что, как ты думаешь, я потратила силы? — огрызнулась она. Вдохнула лесной воздух. *Спасибо.* — Теперь ты скажешь, куда тебе идти?

— На запад, — махнул рукой батрак. — И немного севернее. Ты проводишь.

— А что там? — удивилась Магда. К северо-западу от Фирмина лежал Корбиниан, обширные владения, когда-то принадлежавшие Дюку, а теперь управляемые сообществом баронов. У западного берега озера Корбина стояли развалины родового замка Дюка, в котором вот уже несколько поколений никто не жил.

— Дело есть, — коротко ответил батрак. — Пошли.

Ведьма пожала плечами. Силы постепенно восстанавливались.

— Иди за мной след в след, — сказала она.

— Не учи учёного.

Расчёт Магды был прост. Трава и ветки должны были расходиться перед батраком, но расходились и перед ней, раз они шли так близко. А стоило Виллю наступить на её след на земле, как тот полностью исчезал. Ведьма старалась не оглядываться, выглядело это жутко.

— А, да, — вспомнила она, пережидая, когда большой куст лещины отведёт ветки. — Перед смертью найди какую-нибудь ведьму и попроси, чтобы она тебя освободила от этого. После смерти это будет сделать сложнее.

— Да уж, — отозвался батрак.

— А то останешься лесным духом, — пояснила ведьма. — Ты же был им усыновлён.

— Я посвящённый, — напомнил убийца.

— Да, когда тебя лес отпустит, ты будешь свободен, — согласилась Магда.

— Маглеин, ты всегда всё делаешь через за... — вспыхнул батрак.

— Не ругайся! — оскорбилась ведьма. — Ты же хотел, чтобы я исправила сделанное в полнолуние! Вот, пожалуйста. Незаметным тебе не быть, но, чтобы тебя увидеть, надо смотреть прямо на тебя и понимать, что видят тебя. Твои шаги будут раздаваться здесь, куда бы ты ни пошёл. Что тебе не нравится? Надоест — приходи, расколдую.

— Связался с ведьмой, — проворчал батрак. Магда хмыкнула.

— Нам надо обойти деревню, — сказала она. — И пересечь дорогу. С севера пойдём или с юга?

— Если бы я уходил лесными тропами, я бы пошёл на север, — решил батрак. — Поэтому пойдём с юга, там меньше будут сторожить.

Дорога на север вела к переправе через Корбин, где затеряться сложнее, но леса между Фирмином и озером стояли густые. Дорога на юг, вернее, на юго-запад вела к Тамну, большому торговому городу, и леса в этом направлении стояли светлые, открытые взгляду. Дорога на юго-восток огибала Серую пустошь и выводила к Лотарину, землям отца Магды. Но Виллю надо было на запад. В Корбиниан. Зачем?

Они вышли почти к самой деревне. Ещё на подходах до них донёсся хриплый рёв медных труб, перемежающийся громкими криками.

— Всем, кто знает о том, где скрывается бандит, убийца и висельник по кличке Медный Паук, именем союза баронов и барона Фирмина приказываем выдать негодяя головой! — на два голоса надрывались Менно и чужой фенрих в красной рыцарской рубашке. — Всем, кто знает, где скрывается убийца Медный Паук, приказываем под страхом смерти немедленно выдать негодяя! Любой дом, где будет найден преступник, будет сожжён! Именем союза баронов и барона Фирмина! Приказываем...

— Мне конец, — простонала Магда, разобрав крики. Убийца хмыкнул.

— Пока ты жива, — напомнил он. — И меня не нашли в твоём доме.

Ведьму это не слишком утешило. Они углубились на юг, держась недалеко от дороги. Шесть всадников с красными нашивками на рукавах медленно двигались в сторону развилки.

— Нечего и думать тут переходить, — расстроилась ведьма. — Никакой лес не укроет нас посреди дороги. У любого колдовства есть предел.

— Пойдём на юг, — пожал плечами батрак. — Хоть до самого Тамна.

— Мы можем идти неделю! — ужаснулась Магда.

— А я никуда не тороплюсь, — подчеркнул батрак. — Моё дело и месяц будет ждать.

Магда хотела снова спросить, что у него за дело, но сдержалась. Было понятно, что открывать свои тайны убийца не собирается.

— А почему Медный Паук? — вместо этого спросила она, оглядываясь на спутника.

— Просто так, — пожал плечами батрак. — Прозвище.

— У каждого прозвища есть смысл.

— Чепуха! — отрезал убийца. — Мы берём прозвище, чтобы неудача не нашла. Зачем облегчать ей работу, придумывая смысл?

— А-а-а! — разочарованно потянула ведьма. Невысокий батрак меньше всего походил на паука. Тем более медного.

— Паук не бегает за добычей, — снисходительно пояснил батрак. — Она сама к нему летит, потому что он знает, где ждать. Медь от сырости зеленеет. В лесу незаметно.

— А! — только и ответила ведьма. — Никогда бы не подумала.

— А тебе и не надо.

— Ну, знаешь!.. — возмутилась Магда, но вдруг её внимание привлёк какой-то звук. — Тише! Слышишь? Тут кто-то идёт!

— Не шипи в ухо, — отозвался батрак и тоже прислушался. Они шли вдоль южной дороги прямо через лес и не заметили, что подошли вплотную к тропе, петляющей между деревьев. По тропе определённо кто-то шёл. Время от времени раздавались невнятные выкрики.

— Это за тобой? — шёпотом спросила девушка.

— Вряд ли, — усомнился батрак. — Звуки странные. Собак не слышно.

Они отступили в лес, подальше от тропы. Между деревьев показался деревенский знахарь. Он нёс в руках горящий факел, глаза его были обращены к небу. Только сейчас ведьма поняла, что уже смеркается. Ей стало не по себе. Знахарь остановился в нескольких шагах от того места, где они прятались, что-то прокричал и прислушался, как будто получил ответ. Внезапно он опустил взгляд с неба на деревья и Магда увидела его неожиданно осмысленные глаза. Она попятилась. Батрак положил ей руку на плечо, вынуждая остановиться, но, прежде чем это случилось, под ногой хрустнул сучок. Во взгляде знахаря что-то мелькнуло. Он перехватил поудобней факел и пошёл мимо них по тропинке в сторону дороги.

— Он нас не видел, — неуверенно сказала ведьма. Ручаться в этом она бы не решилась.

— Неважно, — отмахнулся батрак. — Идём за ним.

— Зачем?!

— Потому что сейчас он выйдет на дорогу, Маглейн.

— Он не станет нас выдавать, — запротестовала ведьма. Ей совершенно не улыбалось смотреть, как Виль применяет своё страшное ремесло.

— Неважно, — повторил батрак. Смерил её выразительным взглядом и посоветовал: — Ты бы о себе лучше думала.

Знахарь действительно вышел на дорогу и всадники слегка оживились, увидев полубезумного крестьянина с горящим факелом в руке.

— Сейчас они на него отвлекутся, — предсказал батрак, наблюдая, как Исвар отказывается остановиться. Знахарь как будто просил чего-то у леса, у неба, обращался к земле, и всадники, один за другим, подъезжали поближе, чтобы разобраться в этом странном явлении. Магда отчасти понимала их затруднения: они были на земле одного из правителей страны и не могли не только убивать, но даже и хватать её жителей без веских оснований. Знахарь же был безоружен и ни на кого не нападал.

— Теперь, — решил батрак, хватая девушку за руку. Они перебежали дорогу за спинами всадников и углубились в лес с западной стороны.

* * *

Вейма просидела с Норой за ткацким станком до самых сумерек. Это был не тот, деревенский, для полотна, который смастерил ей когда-то Вир. На станке Норы ткались шёлковые шпалеры с золотыми и серебряными нитями. В присутствии ученицы вампирше приходилось сдерживать силу и скорость движений, и поэтому на сей раз Вейма ничего не порвала и не сломала. Ткать оказалось совсем не сложно, к тому же вампирша работала точнее баронской дочки. Она взяла на себя левый край и постепенно трудами девушек на

станке выростал тонкий рисунок священного знака и Камня, с которого некогда проповедовал Заступник. Барон, который ушёл сразу же, как закончился урок, и вернулся только к вечеру, похвалил её работу.

— Я прикажу поставить станок для тебя, — наполовину предложил, наполовину сообщил он. — Ты можешь оставаться здесь после уроков и ткать на нём свой узор.

— Но, ваша милость! — запротестовала Вейма. — Я не ткачиха!

— Да? — поднял брови барон. — Я знаю, ты освоила Семь искусств и науку богословия. Я ценю это. Ты прекрасно учишь Нору. Но у тебя много талантов. Почему бы не использовать их все?

Прежде, чем Вейма успела ответить, он спросил:

— К слову. Может быть, тебе попробовать себя в другой области? Я мог бы помочь тебе получить степень доктора права.

— Ваша милость! — ахнула девушка. Она не рассказывала в Фирмине о том, как в раногском университете ей отказали в мантии доктора богословия. — Откуда вы знали?!

— Я подписывал рекомендацию принять тебя на богословский факультет, — пояснил барон. — Хорошо, что ты теперь служишь у меня. Но уже смеркается, тебе пора домой.

Барон решительно кивнул вампирше на дверь. Обычно он выпроваживал девушку, не дожидаясь сумерек, и Вейма ушла в полном смятении. Днём она не решилась сбежать в деревню за новостями — после прямого запрета барона. Люди, к которым она обращалась в замке, уклончиво пожимали плечами на все её расспросы. Ночью она бы, наверное, могла бы прибегнуть к своей силе и заставить их говорить, но днём не рискнула. Откуда взялся вооружённый отряд и почему барон скрывал от неё правду? Что такого они везли, чтобы удерживать наставницу баронской дочери в замке? Или... проклятую? Но почему?!

Липп ожидал за воротами и девушка буквально кинулась к сородичу.

— Эй, полегче! — запротестовал вампир, когда Вейма вцепилась ему в воротник и принялась трясти.

— Что от меня скрывают?! — закричала Вейма. — Чего хотели эти люди? Говори!

— Не могу, сестричка, — отвёл её руки юноша. — Барон не велел никому говорить.

— Барон?! Не велел?! Тебе? И ты послушался?!

— Я ему присягнул, — с важностью ответил вампир.

— Ты! Кого ты обманываешь?!

— Не кричи, сестричка, — засмеялся вампир. — Иди в деревню и всё узнаешь сама. Скажу только, что они приходили не по твою душу.

Вейма взяла себя в руки.

— Ладно, — бросила она сородичу. — Пойду.

— Скатертью дорога, — напутствовал Липп. Вейма сделала несколько шагов и остановилась. Липп всё ещё стоял у ворот.

— Почему ты пошёл к барону? — спросила она. — С чего ты взял, что он тебя примет?

— Тебя же принимает, — пожал плечами вампир. — Я решил рискнуть.

— Меня? — удивилась девушка. — Ну и что? Он же не знает...

Липп только рассмеялся и растаял в туманном облаке. Вейма с досады топнула ногой, но спорить было уже не с кем.

— Умение ждать, — объяснял батрак, очень довольный тем, как они избавились от погони, — это главное в нашем деле.

Магда, всё ещё бледная от страха, молча кивнула. Она никогда не решилась бы перебежать дорогу, не укрытая ни лесом, ни колдовством, ни даже тенью. А если бы кто-то из всадников повернулся?!

— Не надо суетиться, — продолжал убийца. — Ты выбираешь нужное место, подгадываешь время, а дальше ждёшь. Тех, кто бегает и кричат, убивают первыми. Сиди молча и жди.

— А если путь закрыт? — уточнила ведьма, просто чтобы поддержать разговор. — Они же могли бы не отвлекаться.

— Но они отвлеклись. В этом всё дело. Был у меня один случай, — пояснил Виль. — Надо было убить хмыря одного. Святошу. А тот как раз приболел и валялся в доме лекаря. Я сел и стал ждать. Три дня ждал. А на четвёртый лекарь свалил из дома. Тут-то я и...

— А почему ты не убил лекаря? — вяло попыталась ведьма, гадая, где случилось это преступление. Слушать подобные разглагольствования было жутко.

— Лекаря мне не заказали, — пояснил батрак. — Потом, мужик был правильный. Лечил всех, ни о чём не спрашивал.

— Скоро мы выйдем к западной дороге, — вместо ответа сообщила Магда. — Пойдём по ней, не стоит тревожить лес больше, чем необходимо.

— Пойдём по западной дороге, — согласился убийца. — Там давно никто не ходит.

* * *

Вейма спустилась в деревню. Магда говорила, что в это время людей можно найти в кабаке, туда вампирша и отправилась. Стоило, наверное, сначала заглянуть домой, но ведьма могла весь день просидеть там и ничего не знать о приехавшем отряде. Нет, сначала стоит узнать новости. Почему барон решил их скрыть?..

В кабаке былолюдно. Пахло возбуждением, пьяным весельем, страхом и почему-то — уютom. Когда дверь пропустила вампиршу, все загомонили.

— Хорошего вечера вам, добрые люди, — неуверенно поздоровалась девушка. Она плохо знала деревенских жителей. Вон та рыжая — Мета, она всегда громче всех ругается, а пузатый — мельник. Летс, кажется. А, нет, Ленз. Имени рыжего кузнеца Вейма уже не помнила. Оно её не интересовало. Рябой мужчина подтолкнул белобрысого. Этих она видела в зелье Магды.

— Спроси её!

— Не надо меня спрашивать, добрые люди, — попросила вампирша. — Я ничего не знаю, только сейчас из замка пришла. Что стряслось? Какая беда случилась?

Все заговорили разом. Остро запахло запоздалым страхом, любопытством и отчего-то злорадством. Вейма с трудом разбиралась в объяснениях. Приехал отряд аллгеймайнов^[22], людей, которых выставляли бароны для поддержания порядка в стране. На площади зачитали приметы страшного разбойника. И тут оказалось, что незаметный парнишка, которого каждый, кому не лень, гонял куда было надо — убийца, зарезавший несколько епископов, аббатов, трёх рыцарей, а купцов вообще счёта.

Вейма повела носом, ощутив запах боли, почти заглушенный опьянением.

— А Натеса избили, бедолагу, — пояснила светловолосая кабагчица. — Думали, он что-то о брате знает.

— А он не знает, — оценила вампирша, но Натес — круглощёкий парень с пастушьим кнутом за поясом, — принял это за вопрос.

— Ничего не знаю! — выкрикнул он и грохнул глиняным стаканом о стол.

— Не бей посуду, — прикрикнула на него кабагчица.

— Ну и дела творятся... — потянула Вейма. Магда говорила ей, что кто-то в деревне прошёл высшее посвящение, но вампирша не очень интересовалась, убийца он или проповедник *прозрения* и вообще кто это был.

— Дом ваш чуть не сожгли, — сообщил единственный ребёнок в кабаке.

— Что?! — ахнула Вейма. — За что?!

— Так ведьма наша вместе с батраком пропала, — пояснил кто-то в толпе. Вампирша принялась. Пахло *прозрением*, вином и тайной. Это, наверное, тот виноградарь, который делает *хорошее* вино. Вейма ещё недавно помнила его имя, но успела забыть за всеми переживаниями. — Пришлые и решили, что она ему помогала.

— Мало ли куда она могла пойти, — неуверенно проговорила вампирша и повернулась к двери, забыв даже попрощаться. — За травами там... Или, может, он её насильно увёл.

Она вышла под звёзды и вдохнула ночной воздух. Случилось что-то страшное, а её не было рядом! Кто-то вышел следом за ней. Ужасный запах ударил ей в нос. На глазах немедленно выступили слёзы.

Деревенский алхимик, поняла вампирша. *Знахарь*.

— Я их видел, — тихо сказал знахарь.

— Что?! — попяtilась вампирша. Находиться рядом с этим человеком было нестерпимо.

— Ведьму с Вилем. Она шла с ним по доброй воле.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Просто так.

Знахарь дождался, пока они отойдут подальше от кабака и огляделся по сторонам. Рядом никого не было.

— Значит, травы в самом деле помогают? — ещё тише спросил он. — Они вас отпускают? Как ты это ощущаешь?

— ЧТО?!

— Травы, которые я собрал, вредят тебе? — терпеливо спросил знахарь. — Ты ведь вампир.

— Ничего подобного! — категорически возразила девушка. — С чего ты взял?

— Ты не можешь рядом со мной находиться, — пояснил знахарь. — С той ночи я несколько раз постирал одежду. Никто ничего не чувствует. А ты глаза трёшь. И одеваешься ты как тот, когда открыли его настоящий облик. Липп.

— Так одеваются в городе, — отрезала Вейма и сделала большой шаг, переступая через какую-то помеху на дороге.

— В деревне это неудобно, — возразил знахарь. — Это правда, что вы превращаетесь в летучих мышей? Потому у вас рукава похожи на крылья?

— Я-ни-в-кого-не-превращаюсь! — прошипела вампирша. — Сборище дураков! То за ведьму примут, то глаз дурной, теперь одежда! Завидно, что женщина мужскую одежду носит?!

Знахарь окинул собеседницу таким взглядом, что вампирша поняла: он вообще впервые обратил внимание на то, что она женщина. Его интересовал только ответ на вопрос.

— Ты видишь в темноте, — добавил знахарь ещё один довод. — Здесь овражек посреди дороги, если не ходить тут каждый вечер, непременно споткнёшься. Волшебник пришлый споткнулся. А ты перешагнула.

— Правда действует, — сдалась вампирша. — Доволен?

— Да, — коротко кивнул знахарь и повернулся обратно в кабак.

* * *

Западная дорога вся заросла травой, но пробираться через кусты на ней было не нужно, и Магда немного успокоилась. Пока они шли по лесу, ей всё время приходилось напрягать волю, чтобы умолить природные силы открыть им дорогу. Идти с батраком ей не хотелось, лес это как будто чувствовал и поддавался неохотно.

— Я не знаю, что у тебя на уме, — сказала она, шагая сквозь всё сгущающиеся сумерки. — Но не советую убивать ведьму в её лесу, тем более приняв её помощь.

— А что, не получится? — оживился батрак. Магда поперхнулась.

— Получится, — призналась она неохотно. — Но заплатить придётся дорого. Отпустил бы меня. Дальше сам дорогу найдёшь.

— Ага, — покивал батрак. — Отпустить. А потом ты всем под пытками расскажешь, куда я пошёл. Отпустить. Идёшь — и иди себе. Тебе же спокойнее.

— А как я домой вернусь?! — возмутилась ведьма.

— Доживи сначала, — отрезал убийца.

— Ну, знаешь!

— Я не знаю, что будет завтра, — терпеливо объяснил батрак. — И через два дня что будет — не знаю. Зачем тебе вообще туда возвращаться? В другом месте устроишься.

— Ты спятил? — рассердилась ведьма. — Это же мой дом, мои владения. Ведьмы не шатаются с места на место. Они приходят на землю и рождаются с лесом. Нельзя просто так его бросить.

— Не знал, — пожал плечами батрак и слегка замедлил шаг, оглядываясь по сторонам.

— Что ты высматриваешь?! — снова возмутилась Магда.

— Место для привала, — спокойно объяснил батрак. — Да не дёргайся ты так, Маглейн. Тебя ещё никто не убивает.

— Когда начнёшь убивать, будет поздно, — проворчала ведьма.

— Вот и расслабься, — посоветовал убийца.

— С тобой расслабишься, как же. Тут ручей течёт, вот в той стороне, — показала Магда рукой. — Пойдём к нему.

— Зачем ещё? — не понял батрак. — У ручья следы хорошо остаются.

— Воды наберём, — пояснила ведьма. — У меня котелок с собой есть.

— Ты, что, вздумала костёр в лесу жечь? — удивился батрак. — Совсем спятила.

— Ты с ведьмой идёшь, — напомнила Магда. — Не увидит никто костра, а ночи прохладные.

Батрак пожал плечами.

— Ты что-то задумала, — сказал он. — Учти, выйдет кто к костру — умрёшь первая.

— Не выйдет никто, — пообещала Магда.

* * *

К ночи действительно стало прохладно, и тепло костра согревало и успокаивало. Они поделили хлеб и ветчину, которую достал из мешка батрак. Он предложил девушке фляжку с вином, но Магда покачала головой. Она собиралась сварить себе другой напиток. Батрак пожал плечами и приложился к фляжке сам. Над костром шипел и булькал котелок.

— Ты предусмотрительный, — похвалила ведьма.

— А? — рассеянно отозвался батрак.

— За тобой погоня, а ты о еде позаботился. Спасибо, кстати.

— Привычка, — пояснил убийца. — Когда сестра сказала, заглянул по дороге к Мете и стащил, что у ней для мужа лежало.

Магда поперхнулась.

— Это краденое?!

— А козлёнок тебя не смущал, — уколол батрак.

— Козлёнок для всех был! — обиделась Магда, но от еды отказываться не стала. Не убудет с Меты, право слово.

— Я торопился, — пожал плечами Виль.

— А то бы и убить мог, — поддела ведьма. — Если бы времени хватало.

— Только дурак всех подряд режет, — возразил убийца совершенно серьёзно. — Мастер убивает кого надо.

— Любишь ты своё ремесло, я вижу, — проворчала ведьма, бросая взгляд на воду. Кидать травы в зелье было ещё рано, и она в самом деле постаралась расслабиться.

— Ремесло как ремесло. У меня получается.

— Как ты встретил прозревших? Сюда же проповедники не заходят. Или это секрет?

— Да не секрет, — пожал плечами батрак. — Сидишь когда под ёлкой в сыром лесу. Костра не разводишь, чтобы не нашли. С собой только нож да в надёжном месте кое-какие вещички припрятаны, которые семье надо отослать. Денег нет, в одиночку-то много награтишь. А какой-нибудь богачей развалился у себя у очага и жратву ему слуги носят. И вот тут-то выходит из-за ёлки хмырь и говорит: «Твои страдания будут не напрасны!». Если сразу не зарежешь — проникнешься. Я проникся.

— И тебе так сразу дали высшее посвящение?!

— Не сразу, — отмахнулся батрак и снова приложился к фляге. — Вправду не хочешь? Согреешься.

— Не хочу, — тоже отмахнулась ведьма и пошла к котелку. Достала из мешка травы и принялась сыпать их в кипящую воду. Рука дрожала, и часть стеблей упали мимо. Магда в растерянности смотрела, как они темнеют и скукоживаются в огне. Потом достала ложку и принялась помешивать зелье, шепча себе под нос *правильные* слова.

— Я им хорошо подходил, — нарушил молчание батрак, на которого внезапно напало настроение поговорить. — Деньги там, вещи дорогие, достаток, домик... меня это всё не интересовало. А как я Кривого Козла зарезал, хорошо так, чисто, и вернулся к *старшему брату* — посвятили сразу.

Старшим братом посвящённые называли тех, кто привёл их в ряды прозревших.

Проповедников, которые имели право давать высшее посвящение. Сколько ведьма знала, такие, как Виль, могли дать только малое, освобождающее душу от оков мира перед смертью, чтобы прозревший мог не родиться в новом теле а вернуться туда, где когда-то был пойман Создателем. Получивший малое посвящение должен был покинуть этот мир. Если он не умирал сам, то его лишали пищи, но такие, как Виль, могли освободить сразу, ударом ножа, чтобы не обрекать брата или сестру по вере на медленную гибель от голода.

— А кто такой Кривой Козёл? — не поняла она.

— Козёл и был, — отозвался Виль. — Шайка тут была, между Корбинианом и Фирмином. Атаман её. Я мог бы шайку возглавить, наверное. Не стал. Охраняли его, я тебе скажу... Золота у него было тоже... Проверяли меня. Да только на что мне его добро?

— Зачем ты вообще в разбойники подался, такой бескорыстный? — поморщилась ведьма.

— Отец с матерью давно померли. Корова сдохла. Дома сестра и брат. Ты моего брата видела? Кормить их надо? Много я батраком бы заработал.

— Зачем вернулся тогда? Сестра замуж вышла, а брат и сам себя прокормить мог.

— Уж он прокормит! — проворчал батрак.

Магда порылась в сумке и достала чашу. Не ту, в которой смешивалась в полнолуние кровь и хорошее вино, поменьше, но похожую. Поднесла к губам и старательно зашептала, а после осторожно наполнила чашу сварившимся зельем. Подкинула сухих веток в костёр и села рядом с батраком. Протянула ему чашу.

— Выпей, — предложила она, отводя взгляд. — Согреет лучше, чем вино, и куда полезнее.

— За дурака меня держишь, Маглейн? — усмехнулся убийца. — Пей сама, я сегодня добрый.

Она пожала плечами, осторожно, стараясь не обжечься, сделала глоток и снова протянула чашу товарищу.

— Видишь — не отравленная.

— Пей сама свои зелья.

— Как знаешь, — отозвалась Магда и снова отхлебнула. — А там, в Корбиниане, есть своя ведьма?

— Была, — припомнил батрак. — Рыжая такая, как наша Мета. У озера жила. Потом туда приплёлся хмырь какой-то. Тоже святоша, ну, и сожгли её.

Ведьма поперхнулась и Виль от души ударил её по спине, едва не уронив в костёр.

— Чучело её сожгли, — пояснил он, посмеиваясь, — и дом. А она сбежала куда-то. Исчезла, как не было.

— За что с ней так? — возмутилась ведьма. Вопрос был глупый. Там, где братья-заступники обладали властью, они быстро уговаривали крестьян запалить костерок, да повыше. Ведьмы были им ненавистны не столько колдовским даром, сколько приверженностью к Освободителю. Говорят, где-то на западе, за Корбинианом, в каком-то городе сожгли целое семейство *прозревших*, не обладающих никаким даром.

— Плохая идея — вывести к людям мужика с рогами, — объяснил батрак. — Да ещё назвать его хранителем здешних мест. Святоши этого не любят.

— Ого! — восхитилась Магда. — Она сильна!

— Сильна-то сильна, а святоши быстро забегали. Ты бы тоже остереглась, Маглейн. Кто к людям девку в белом вывел?

— Это была волшебница, ты же знаешь! — запротестовала ведьма.

— Я знаю, — пожал плечами батрак. — А в деревне три дня болтали про Госпожу Луны и её благословение.

Он хохотнул.

— Особенно Кребу повезло! Вот уж благословила!

— Нечего было руки распускать, — пробурчала Магда и сделала ещё глоток. Зелье остывало и начало горчить.

— Ага, так ему и сказали. Но, Маглейн, таких не любят.

— Сама знаю, — обиделась Магда.

— Вот и думай, с чем тебя там ждут, — предложил убийца и окинул её испытующим взглядом. — Когда у костра в лесу сидел — и не помню даже. Удобно. Уютно.

— Ты же с ведьмой, — напомнила Магда и вдохнула ночной воздух. Закашлялась. Дым горчил так же, как и сваренное на костре зелье. Ведьма почувствовала, как у неё кружится голова, и сделала ещё один глоток.

— Ага, — согласился батрак. — Удобно.

— А что тебе надо в Корбиниане? — осторожно спросила ведьма. — В Тамне проще затеряться.

— Зачем-зачем, — проворчал батрак. — Убить хмыря одного.

— Кого там убивать, — удивилась Магда, — там же только деревни.

— В развалинах хмырь один поселился, — беспечно отозвался убийца. — Людей собирает. Говорит, потомок Дюка.

— Что говорит? — вскинулась ведьма, но батрак сладко зевнул и уснул, уронив голову на грудь. Магда толкнула его в бок.

— Виль! Проснись!

Убийца не отзывался. Ведьма облегчённо вздохнула.

— Надо было тебе выпить противоядие, — тихо сказала она. Отравой были стебли, брошенные ею в костёр, а отвар из этого же растения защищал от ядовитого дыма.

Магда быстро засыпала костёр, перелила часть зелья в баклажку, опустошила котелок и сложила свои вещи обратно в сумку. Достала рабочий нож, с сомнением постояла над батраком. Нет, хладнокровно убить человека она не могла. Но это было не так уж и важно. Стареющая луна давала достаточно света, чтобы спящий батрак отбрасывал тень, пусть неясную и зыбкую, но Магда могла её разглядеть, и это главное. Несколькими взмахами ножа она очертила вокруг тени ловушку, глубоко прорезав дёрн.

— Землёй и небом, водой и огнём, луной и солнцем, ножом и травой закрываю тебе пути, — торжественно проговорила она, стоя над спящим. — Ты не сможешь попасть туда, куда собирался. Лес задержит тебя. Спи. Ты долго будешь спать.

* * *

Ведьма выбралась на западную дорогу. Надо было идти на восток, домой, а что дальше? Не идти же к охотничьему домику! Спрятаться глубже в лесах? Сейчас лето, она могла бы построить шалашик, но что делать зимой? Магда грустно вздохнула. Если бы Виль-батрак не был бы убийцей, не желал смерти Аларду, не был бы посвящённым, вопросов с новым домом бы не было. Виль был на редкость отзывчивый и работающий человек. И умел хранить чужие

секреты. Магда спохватилась. Если бы Виль-батрак был просто Виль-батрак, зачем бы ей понадобился бы новый дом?

Наверное, надо будет показаться Вейме. Через несколько дней шум утихнет, а там подруга сможет замолвить за неё словечко. В конце концов, Магда ведь не по своей воле ушла с батраком! Может быть, барон ей поверит... Ведьма с сомнением покачала головой. Она помнила отца — жёсткого человека, который никогда не шёл на мировую с нарушителями его законов. Отец бы не стал её слушать, как не стал он слушать Агнету, когда застал старшую дочь с возлюбленным. Барон может спросить, почему она не убила Виля... хотя нет, это вряд ли. Но он спросит, где она его оставила. А вот ответ на этот вопрос Магда могла бы дать только под пытками. Прозревшие не были очень уж дружным народом. Чёрные маги и волшебницы, колдуны и ведьмы, вампиры, оборотни, обычные, неударённые, но уверовавшие в Освободителя люди... все они то и дело норовили напасть, напакостить, может даже убить друг друга, если пути пересекались как-нибудь неудачно. Но выдать брата по вере? Магда просто не могла бы себе представить, как она говорит барону «Подберите батрака под тем дубом, он спит и пока неопасен». Ведьма вздохнула. Возможно, ей придётся эти слова кричать. Она завернулась в плащ и села прямо у дороги. Спать ей не хотелось, отвар бодрил и лишал сна. Скоро небо посветлеет, и она пойдёт домой. Виль будет спать до следующего утра и ещё какое-то время — блуждать по лесу в поисках выхода. Погоня его, конечно, не найдёт, так что совесть Магды была совершенно спокойна.

В размышления ведьмы ворвались чьи-то быстрые шаги. Магда удивлённо подняла голову. Западная дорога сделалась оживлённым местом! Кто может бродить тут ночью, в темноте?... ведьма прислушалась. И в совершенном одиночестве!

Ведьма встала и спряталась за деревьями. Ночной путник шёл быстро, не спотыкаясь. Значит, привык ходить в темноте. Или он слепой, и ему всё равно, когда идти? Но слепые ощупывают перед собой дорогу... незнакомец подошёл ближе и остановился.

— Кто здесь? — спросил он, повернув лицо прямо туда, где стояла ведьма. — Выходи!

Магда замерла, стараясь даже не дышать. Незнакомец шагнул к её дереву.

— Я сказал — выходи, — повторил он. — Или мне тебя вытаскивать силой?

Ведьма вышла на дорогу. Перед ней стоял высокий плечистый мужчина в охотничьей одежде.

— Дорога для всех, — недовольно произнесла девушка, стараясь не выдавать своего страха. Незнакомец резко втянул воздух и хмыкнул.

— Кто ты такая? — спросил он нетерпеливо.

— Почему я должна тебе отвечать? Я не спрашиваю тебя, кто ты такой и что тут делаешь.

— Потому что я сильнее, — разъяснил охотник.

— Я ведьма, — ответила Магда в слабой надежде, что это поможет. Не всякий решится ночью в лесу нападать на ведьму. Особенно тот, чья жизнь связана с лесами. От незнакомца пахло листвой, травой, хвоей и немного — шерстью. Девушке стало не по себе.

— Собираешь травы? — дружелюбно спросил незнакомец, но Магду его тон ничуть не успокоил. — Нехорошо девушке бродить одной в темноте. Я тебя провожу. Куда ты идёшь?

Ведьма представила, как она возвращается в деревню вместе с этим... типом. Или как объясняет ему, почему должна прятаться от людей. И то, и другое её не радовало. По его решительному тону было понятно, что так просто отделаться от нежданного провожатого не получится.

— На запад, — решила она. — Туда, где развалины старого замка.

— Прекрасно! — одобрил охотник. — Я тоже туда иду. Как тебя зовут?

— Ма... — начала было ведьма и осеклась. — Бертильда. Меня зовут Бертильда.

— Красивое имя, — скупно похвалил охотник. — А меня зовут Вир. Некоторые добавляют — Серый.

Глава третья

Невеста Дюка

Они прошагали всю ночь и день до самой жары. Вир шёл быстро, широкими шагами, и ведьма с трудом за ним поспевала. Когда же настала дневная жара, охотник предложил укрыться в лесу, и ведьма не осмелилась отказаться. Деваться всё равно было некуда: места были пустынные. Где-то неподалёку должно было стоять ещё одно село, принадлежащее барону Фирмину, но просить там приюта как раз в разгар погони за Вилем-батраком... Знали об облаве Вир, Магда спрашивать не стала. Охотник провёл её узкой тропкой к маленькой полянке, на которую пришлось протискиваться между плотно растущими деревьями, и ушёл, приказав ей ждать.

— Не уходи без меня, — попросил Вир на прощание, но глаза его смеялись. Магда помотала головой. Ею завладело странное чувство. Не люди распоряжались её судьбой — сама судьба подхватила и несла, несла, несла... куда? Ведьма расстелила плащ и села. Полянка была маленькая и вся укрыта тенью, кроме маленького пятна света посередине. Напоминало крытые дворики, которые строят на юге. Всё ещё её земля, её владение. Ведьма легла навзничь на плащ, посмотрела на стволы и кроны деревьев. Раскинула руки и закрыла глаза.

— Отец мой! — сонно позвала девушка. — Мать моя! Укрой меня в пути, защити от беды и врагов.

Ответа привычно не было. Девушка сладко зевнула и провалилась в сон. Усталость брала своё.

* * *

Разбудило её чужое присутствие. Ведьма вскинулась, готова бежать или защищаться... появление вчерашнего знакомца её не слишком успокоило.

— Теперь я вижу: ведьма, — засмеялся Вир и протянул девушке ломоть хлеба с козьим сыром. — Поешь, проголодалась небось.

Магда приняла предложенное, окинув попутчика настороженным взглядом. При нём не было ни сумки, ни мешка... да и хлеб был ещё тёплым.

— Я же видел, что ты устала, — ответил на её безмолвный вопрос Вир. — Сходил тут неподалёку. Меня в округе знают, я часто в этих местах охочусь. Здесь хорошо.

— Что, и зверья много водится? — из вежливости спросила девушка, с жадностью доедая предложенное угощение.

— Когда как, — коротко ответил охотник. — Отдохнула? Пойдём.

* * *

Они выбрались на западную дорогу и снова зашагали. Магда глотнула своего зелья. Горьковатое, оно давало силы... на какое-то время. Но ведьме не привыкать к ночным бдениям. Дорога была прямая, несмотря на траву, ровная. Постепенно стемнело, идти

пришлось в темноте. Вир спокойно шагал вперёд. Магда отстала. Они вышли из её владений и дар начал подводить... а, может, сказывалась усталость. Последний раз девушке приходилось столько ходить, когда отец прогнал её из дома. Но это было давно. Ведьма то и дело спотыкалась и старалась идти точно за Виром, чья фигура казалась чёрной тенью на фоне ночного неба. Путь казался бесконечным. Как будто Магда всю жизнь шла, шла, шла и шла... куда? Зачем?.. Какая разница... Травянистая дорога, чёрной стеной лес, шорохи, звёзды, смутный свет луны... тёмная тень впереди... Ведьма снова споткнулась, ушибла лодыжку. Вир остановился, но даже не подумал предложить ей помощь. Магда растёрла ногу, порылась в сумке, на ощупь вытащила нужный лист. Поднесла к носу, понюхала. Да, то, что надо. Ведьма растёрла лист в пальцах так, чтобы показался сок, приложила к лодыжке, ниткой привязала, чтобы держался. Боль постепенно проходила.

— Идём, — нетерпеливо позвал охотник и, не оглядываясь, снова зашагал вперёд.

* * *

Когда посветлело небо, стало видно, что дорога выводит к высокому холму, на котором стояли обломки крепостной стены. Сейчас дыры были изнутри заделаны деревянными кольями так, чтобы в развалинах можно было держать оборону.

Недолго, определила Магда. От шайки разбойников защитит, и неплохо, а у любого барона найдутся и баллисты, и люди, умеющие из них стрелять. Даже самый беспечный рыцарь ограждал свой замок каменными стенами и земляными валами.

Магда заметила, что Вир повернул голову куда-то в сторону, как будто ждал чего-то из-за холма. Ноздри его раздувались. Ведьма посмотрела туда же. В обход холма шёл какой-то человек, по утренней свежести закутанный в плащ. Магда вгляделась. Фигура показалась ей смутно знакомой. Она поспешила спрятаться за своего спутника. Надо же было так получиться, чтобы первым человеком, который им встретился, был сам молодой Дюк!

Да, он провёл ночь в её доме, он принял из её рук предсказание и благословение. Он поцеловал в губы и назвал своей невестой. Она любила его всем сердцем. Но это ничего не значило. Магда была ведьмой. Ведьмы не бывают невестами, ведьмы не становятся жёнами. И тем более ведьма не может быть женой самого Дюка.

Но женой Дюка может стать дочь рыцаря.

Магда не собиралась встречаться с возлюбленным, хоть и назвалась, из осторожности, тем именем, под которым он её знал, чтобы он не разоблачил её при случайной встрече. Ведьме нельзя любить, это привязывает к миру. Любовь — это предпочтение души и тела одного человека другим, но душа свободна, она не может принадлежать другой душе, а тело — прах, пыль, оковы. Именно поэтому на *праздниках*, которые устраивали ведьмы вроде старой Верены, по которым так вздыхали некоторые бездельники в деревне, люди сходились между собой по жребию. Потому что тело было неважно. Души, освобождённые *хорошим вином*, соединялись в радости, пока опьянённые тела валялись в грязи, которой они и являлись. Магда в этом не участвовала. Она не могла бы так легко отречься от тела, как того требовал ритуал.

За право говорить напрямую с миром, за право исполнять любые свои желания, за то, что им всегда и во всём неизменно везёт, ведьмы платили большую цену. То единственное желание, которое только и было важным, которое было самым нужным, необходимым, без

исполнения которого мир терял краски... только оно было ведьме недоступно. Именно поэтому ведьмы боялись любить. Ведь если любишь человека, он становится самым желанным на свете. Для ведьмы любить — это обрекать на страдания себя и, возможно, любимого. Но заветным желанием Магды была вовсе не любовь.

— Ваше высочество, — укоризненно проговорил Вир, когда Алард подошёл ближе. — Вам не следовало выходить мне навстречу.

— Брось, Серый! — отмахнулся Дюк. — Я ещё не вернул себе корону и пока могу вести себя как свободный человек.

— Именно сейчас вы должны быть особенно осторожны, — настаивал охотник. *Охотник ли?*

— Неважно, — отрезал Алард. — Я волновался. Тебя долго не было.

— Пришлось идти в обход, — пояснил Вир. — Под замком в Фирмине облава. Тот отряд, на который бароны взяли подати, перекрыл дороги.

— Да, ты выяснил, кого ловят? — нетерпеливо спросил Дюк.

— Не вас, — усмехнулся Вир. — Бродяга какой-то, разбойник.

— И из-за разбойника прислали отряд аллгеймайнов? — не поверил Алард. — Из-за одного?

— Душегуб, — пояснил Вир. — Прошёл слух, что его видели в Фирмине. Одному барону не перекрыть дорог. Его люди прочёсывали лес, а пришлые заняли все дороги. Как я пробрался — Заступник знает. Говорят, разбойник этот убивает, не задумываясь.

— Когда я приду к власти, для таких людей не останется места, — пообещал Алард.

Вир вместо ответа поклонился, и взгляд Дюка упал на стоящую за охотником девушку. Магда густо покраснела.

— Ты! — ахнул Алард. Ведьма попятилась. Он видел её ночью, выйдя в дождь к её дому, видел в полумраке и в ореоле света. То была колдовская ночь, но сейчас утро, Магда долго шла, запыхалась и растрепалась. Дюк шагнул к девушке, чуть не оттолкнув охотника, и заключил её в объятия. — Любовь моя! Я и подумать не мог...

— Вижу, вы знакомы, — хмыкнул охотник.

— Знакомы?! — вскинулся Дюк. Он разжал объятия и взял девушку за руку. — Смотри и запоминай! Это моя невеста!

Вир снова усмехнулся. Ведьма только сейчас смогла его рассмотреть. Серые волосы, серые глаза, непримечательное лицо. Хорошо сложен, довольно молод. Силён. Одежда на нём была та, которую носят охотники: куртка, штаны из кожи, высокие сапоги. Рядом с этим... человеком... становилось не по себе. Охотник поймал взгляд девушки и поклонился будущей правительнице.

— А это — шателен Гандулы, — кивнул Дюк сначала на Вира, потом на развалины за своей спиной, — замка моих предков. Запомни и ты его. Он честно и верно мне служит.

— Мои предки служили вашим предкам, ваше высочество, — отозвался шателен. — Я рад, что вы решили восстановить замок.

— Я рада встрече, — ошарашенно ответила ведьма ничего не значащей формулой вежливости. Вир поймал её взгляд и еле заметно покачал головой. Магда также еле заметно кивнула.

— Воистину, моя радость не знает границ, — с неуловимой иронией поддержал разговор охотник. — Ваше высочество, брат Флегонт уже уехал? Я помню, он собирался отправиться в путь вскоре после моего ухода.

— О, да! — как-то нервно отозвался Дюк. — Поэтому...

Он отчего-то замялся и бросил странный взгляд на девушку.

— Любовь моя, — осторожно спросил он, — ты, наверное, хочешь отдохнуть и переодеться в более приличные одеяния?.. Может, мне... прислать кого-нибудь?..

По его тону было ясно, что никаких «кого-нибудь» для услужения невесте Алард не держал.

— Я принесла с собой рыцарское платье^[23], - отозвалась девушка. Это было её собственное платье, в котором Магда когда-то ушла из дома. Ведьма никогда с ним не расставалась.

— Отлично! — вздохнул с облегчением Дюк. — Я провожу тебя в свой шатёр.

Он покосился на Вира и с некоторой грустью добавил:

— И займусь делами.

— Рад это слышать, ваше высочество, — отозвался охотник с видом строго наставника, чей подопечный распустился за время отсутствия. Потом слегка смягчился. — Вашей невесте нужно поспать и умыться. А потом, я думаю, у вас найдётся время для беседы и отдыха.

* * *

Когда Магда открыла глаза, она обнаружила в шатре кадучку, наполненную свежей водой. Опустила кончики пальцев, погладила самую поверхность влаги. Да, вода, которая текла по этой земле, ещё помнила ведьму, которая здесь жила и колдовала. Но сейчас ведьмы не было. Это означало, что Магда могла не искать её и не просить позволения здесь колдовать. Хорошо. Девушка умылась, прямо поверх небеленого крестьянского платья надела рыцарское — голубое, цвета верности её рода Дюку, с белой перевязью, означавшей честность и чистоту. Потянулась подтянуть шнуровку, но обнаружила, что это не требуется. Живя во владениях барона Фирмина, она пополнела и округлилась по сравнению с тем, какой она была в юности. Распустила волосы, достала старинный костяной гребень с вырезанными на нём голубками. Таких гребней было два, они принадлежали её матери и были поделены между дочерьми. Высоко уложив волосы, Магда укрепила их этим гребнем. Теперь не хватало только вуали, но чего не было, того не было. Род их был бедный, девушек держали в строгости, кормили-то и то не досыта. А, будучи ведьмой, Магда повязывала волосы платком, да и то не каждый раз.

Тщательно приведя себя в порядок — ей хотелось, чтобы у Дюка не было причин стыдиться своей невесты, девушка высунулась из шатра. По дороге сюда она так истомилась, что мало глядела по сторонам. Сейчас лагерь поразил её шумной и праздной жизнью. Во дворе у её отца было немного людей. Если не было дела в замке, то они шли в поля, в отцовскую деревню или на охоту. Во дворе её отца всегда было пусто, деловито и немного озлобленно. В замке барона Фирмина с утра до поздней ночи не смолкал шум работы и тренировок. Замковая кузня ковала оружие, чинила доспехи, кнехты сражались друг с другом или учили пажей держать мечи, а не то обучали мальчишек как обиходить боевого коня и как сесть на него и не быть сброшенным. Кто-нибудь колол дрова, кто-нибудь кашеварил, грелась вода, стиралась одежда...

Здесь же почти никто не работал. Люди — кто в городских платьях, кто в рыцарских,

кто вообще в крестьянских обносках — сидели или лежали на земле. В стороне звучала музыка. В дальнем углу двора, в сохранившейся после давнего штурма кузнице, шумела работа, умудряясь не нарушать общей безмятежности. Даже у одетых в рыцарские рубашки мужчин не было мечей, что странно для не защищённого стенами лагеря. Караулов Магда не заметила вовсе. Никто не проводил тренировок. Ведьма обошла шатёр и увидела за ним, в десяти шагах, ещё один, побольше, откуда глухо доносились мужские голоса. Женщин в лагере было не видно вовсе, но откуда-то от подножья холма доносились женские голоса. Судя по вскрикам, они купались. Солнце уже перевалило за верхушку неба, но день был всё же в разгаре. Отдыхать было рано, да и, судя по людям, они и не работали сегодня вовсе. Магда вышла из шатра. Пока Алард не представил её своим людям, её положение было... двусмысленным. Конечно, ведьма не теряется ни перед кем, но здесь-то она просто дочь рыцаря. Девушку смущало упоминание какого-то монаха. Брат Флегонт. Имя показалось чем-то знакомым. А не здесь ли, не эти ли люди прогнали ту рыжую ведьму?.. Надо было найти Аларда или — ведьма поёжилась — Вира. Зайти в большой шатёр? Или лучше подождать, пока её сами найдут.

Магда дошла до двоих, сидящих на земле возле расчерченной на квадраты тавлеи. Костей у них не было, а фигурки, которые они двигали по доске, поражали причудливой работой. Это заставило девушку забыть обо всём на свете.

— О! — ахнула она, наклоняясь поближе. — Какая тонкая работа! Можно посмотреть?

Она протянула руку к фигурке, вырезанной в форме крепостной башни. Игравшие мужчины — один в рыцарской рубашке зелёного цвета, второй в синей городской куртке — недоуменно переглянулись. Потом рыцарь медленно кивнул, и девушка схватила башенку с той же поспешностью, с которой игрушку хватает ребёнок. Магда привыкла не выражать ничем свои чувства, но миниатюрная башенка с тщательно вырезанными бойницами и зубцами на верхней площадке, взывала к её сердцу художника.

— Восхитительно! — поставила она башенку обратно на тавлею и потянулась за фигуркой коронованной особы.

— Не то! — болезненно вскрикнул горожанин. — Пятая полоса! Не четвёртая!

— Ты всё равно проиграл, — засмеялся рыцарь. — Через два хода.

— Ты жульничал! — закричал горожанин и опрокинул доску с бесценными фигурками.

— Кричи больше! — продолжил смеяться рыцарь, вскакивая на ноги. Горожанин замахнулся доской, рыцарь ударил его прямо в лицо. Прибежали люди, но, вместо того, чтобы разнимать дерущихся, встали кругом и принялись смотреть на творившееся безобразие. Магда отступила на шаг, растерянно взирая на драку.

— Что здесь происходит? — раздался раздражённый голос её возлюбленного. Все заговорили разом. Рыцарь и горожанин продолжили драться. Магда растерянно повернулась к Аларду.

— Я только взяла посмотреть на фигурки, а они сразу...

— Фигурки? — переспросил Дюк. — Да, красивые. Они тебе нравятся?

— Они восхитительные! — с меньшим восторгом, чем поначалу, отозвалась ведьма. — Такая тонкая работа! Мне нипочём бы такие не сделать!

— А ты режешь по дереву? — удивлённо спросил Алард, пропуская мимо ушей деревенское «нипочём».

— Ну да, — смутилась Магда. Увлечение было неподходящее для благородной девушки.

— Это хорошо, — похвалил Дюк. — Может пригодиться.

Тем временем дерущиеся, смущённые присутствием Дюка, который к тому же не обращал на них внимания, разнялись сами собой.

— Друзья мои! — торжественно произнёс Алард, беря Магду за руку. — Бертильда, дочь...

— Криппа Лотарина, — подсказала Магда, видя, как замялся жених.

— Дочь рыцаря Криппа Лотарина. Моя невеста.

Мужчины в рыцарских рубашках опустили на одно колено. Горожане и деревенские склонились в глубоких поклонах. Магда стояла, окружённая приветствующими её людьми, держала за руку своего жениха и нерешительно улыбалась. По её лицу разливалась краска смущения.

— Приветствуйте будущую повелительницу, — раздался голос Вира, который неслышно подошёл сзади.

Под нестройные приветственные крики ведьма почувствовала себя совершенно счастливой.

— Зовите музыкантов сюда, — решил Алард. — Зовите девушек. Будем танцевать. Пошлите за вином. Вир!

— Вино всё вчера выпили, ваше высочество, — робко возразил какой-то толстяк.

— Я схожу, — отозвался шателен. — Я знаю, где достать.

Кто-то со смехом побежал вниз по склону — туда, откуда недавно доносились довольные женские голоса. Пришли музыканты с виолами и дудками, кто-то принёс бубен с колокольчиками. Грянула весёлая музыка. Из-за холма показались смеющиеся девушки, наспех одетые в непросохшую одежду. Не успела Магда и ахнуть, как Алард подхватил её и пустился в пляс.

* * *

Они плясали, пока не устали настолько, что музыканты не могли больше играть, а у танцующих не подломились ноги. Все весело попадали на землю и оказалось, что тем временем Вир успел организовать праздничный пир. Магда с благодарностью присела вместе с Дюком перед расстеленной салфеткой и охотно пригубила вина. Вино было кислым и даже слегка горчило. Мясо оказалось пережаренным и кое-где даже обугленным, а хлеб несвежим. Все вокруг, однако, хвалили угощение и благодарно поглядывали на шателена.

— Плохо быть Дюком в изгнании, — сказал Вир, присаживаясь рядом с повелителем. — Двор содержать надо, а податей никто не платит. Припасы для его высочества с трудом достаю.

— А что барон Абеларин? — взволнованно спросил Дюк. — Он обещал прислать провизию.

— Обещать-то обещал, да только как он повезёт обоз мимо Ранога? Да и север Корбиниана очень уж людное место.

— Он нам отказал, — упавшим голосом отозвался Алард.

— Он сомневается. Вы подождите, ваше высочество, брат Флегонт хотел к нему вернуться по пути из Хардвина.

— А из Хардвина ничего не могут прислать? — с надеждой спросил Дюк. — Флегонт говорил, это владение его матери.

— Да только монахи не имеют право на наследство, — терпеливо разъяснил Вир. — Он же вам говорил. Он управляет владением как опекун своего маленького племянника. Внука младшей сестры его матери. Родственники отца ребёнка быстро заметят, что он отправляет припасы на сторону и выступают на собрании союза баронов, чтобы монаха отстранили от опекуна.

Название Хардвин показалось Магде знакомым, но она никак не могла вспомнить, чем. Что-то на севере, недалеко от Серой пустоши... да, и говорили, что управляет им человек, вся жизнь которого проходит в мечтах, чтобы выжечь Пустошь с её башнями.

— Брат Флегонт... — осторожно спросила ведьма, откладывая в сторону чёрствый хлеб, — он... Какому ордену он принадлежит?

Алард замялся. Вир ухмыльнулся, показав крупные белые зубы.

— Братья-заступники, — ответил он с непонятной жестокостью в голосе. — Очень, очень преданный вере человек.

Магда смертельно побледнела. Алард уставился на неё с испугом и замешательством.

— Он уехал, — сообщил Вир. — Я думаю, его больше недели не будет.

— Так это правда... — повернулась Магда к возлюбленному. — Здесь крестьяне сожгли ведьму... Правда?!

Алард, наконец, понял и взял руки девушки в свои.

— Ты — моя невеста, — твёрдо сказал он. — Моя невеста и дочь рыцаря.

— Во-первых, — вмешался в разговор Вир, — её не сожгли, она сбежала. Во-вторых, её собирались жечь не крестьяне, которые её глубоко почитали, а люди брата Флегонта, которых он привёз с собой, когда выяснил, что здесь происходит. Во-третьих, она не только творила колдовство, но и вставала между Заступником и душами простых людей.

— А что случилось с крестьянами?!

— Разбежались, — пожал плечами шателен. — Потому-то стало так сложно доставать припасы. Ни уговорами, ни грабежом не достать еды у людей, которых тут нет.

— Они с едой убежали, — уныло отозвался Дюк. — И бросили дома, поля... всё бросили.

Он с отвращением покосился на кубок, стоявший на салфетке.

— Виноградники тоже бросили.

— Не отчаивайтесь, ваше высочество, — подбодрил Вир. — Я уверен, граф Дитлин скоро отправится домой, а назад вернётся не без обоза. Граф Дитлин любит хорошо покушать.

— Только бы он вернулся, — тоскливо отозвался Дюк.

— Вернётся, — уверенно отрезал шателен. — У него маленькие владения, он не прочь расширить их за счёт соседей. Он пошёл за вами сразу же, как вы с ним заговорили, и от своего не отступится.

— Ему обещают дочку Фирмина, — напомнил Дюк.

Магда, у которой уже голова кружилась от всех этих расчётов, поперхнулась.

— Не нужна ему дочка Фирмина, — с той же уверенностью отозвался Вир. — У него взрослые сыновья, на что ему молодая козочка?

— Не скажи, — усмехнулся Алард, и Магде сделалась неприятна его улыбка. — Говорят, она умна и красива.

— Грелка ему нужна, — отмахнулся шателен. — Он не станет рисковать своей честью, беря молодую жену, если вы пообещаете ему те же земли за помощь. А девчонка пойдёт в

придачу.

Ведьме сделалось дурно, но Алард этого не заметил. Зато заметил Вир.

— Это мужские дела, — сообщил он со значением. — Неприятно, признаю. Но одними танцами власть не вернёшь. Разве что ты наколдуюшь, а, ведьмочка?

Он мерзко улыбнулся. Алард поспешил обнять невесту.

— Брат Флегонт, — сказал он вместо слов утешения, — обещает поддержку церкви.

— Если вы объедините свои земли и пустите братьев-заступников нести слово их небесного покровителя туда, где прежде им не было пути, — кивнул Вир. — Слово и пламя. Я оставлю вас, ваше высочество. Вы, полагаю, хотите отдохнуть со своей невестой. А мне надо отправить отряд... за завтраком.

— Они кого-то ограбят? — печально спросила ведьма. Алард обнял её крепче, прижал к себе.

— Когда я верну трон, всем, кто помогал мне... даже не по своей воле, будут розданы милости, — обещал он.

Магда хотела заметить, что от возвращения трона земля не станет давать больше урожая, но тут возлюбленный нашёл губами её губы. Поцелуй был со вкусом печали и немного горчил. Когда они оторвались друг от друга, он подал ей руку и повёл к своему шатру.

* * *

Магда проснулась поздно, от того, что с ложа поднялся её возлюбленный. Снаружи шатра раздавался какой-то шум. Алард, как был, полуодетый, выскочил на воздух, а Магда со вздохом принялась одеваться. Кадушки с водой в шатре не было. Девушка вздохнула. У себя дома она бы натаскала, а здесь?.. невесте Дюка, наверное, не пристало... Должен быть кто-то, кого можно послать. Но кто? В этом лагере не было порядка, не было там и людей, определённых для той или иной работы. Может, проще натаскать самой?..

Так ничего не решив, ведьма вышла вслед за своим возлюбленным. Шум не унялся, пока она собиралась. Посреди лагеря стояла телега, груженная припасами. Сзади телеги был привязан породистый конь, а на телеге сидел со связанными сзади руками красный от стыда и гнева парнишка в белой рыцарской рубашке. Меч его был демонстративно привязан к другому краю телеги. А вокруг стояли разбойники, иначе не скажешь — двенадцать ражих детей в охотничьих куртках, с топориками, тесаками и дубинками за поясом да самострелами за спиной.

При виде нового лица парнишка оживился.

— Я требую остановить это беззаконие! — воззвал он, обращаясь почему-то к Магде. — Верните мне меч! Дайте мне отстоять свою честь!

Магда вопросительно повернулась к возлюбленному, а он так же вопросительно уставился на одного из разбойников, того, который был поменьше всех ростом. Ведьма пристально взгляделась в него. Чем-то ей были знакомы его рыжеватые волосы и очень светлая кожа, вся в волдырях от солнечных ожогов. Главарь разбойников тоже взгляделся в девушку, недоуменно захлопал своими белёсыми ресницами.

— Увар! — строго напомнил о себе Дюк.

— Уж простите, ваш-высочество, — отозвался разбойник, наклоняясь, чтобы сплюнуть.

Перевёл взгляд на стоящего перед ним Дюка и поспешно сглотнул слюну. — Всё шло как обычно. Не без шума, конечно. А потом на нас выскакивает...

Он кивнул на юношу.

— Разбойники! — с ненавистью отозвался парнишка. Магда пристально посмотрела на него. Светловолосый, как почти все рыцари и бароны и многие крестьяне тоже, с правильными чертами лица, благородным блеском тёмных глаз, худой той худобой, которая возникает не от голода, а от слишком быстрого роста. — Мои люди который день жаловались! Я хотел прекратить, но они не пожелали биться! Немедленно развяжите меня!

Надеялся сразиться с разбойниками, поняла ведьма. Пошёл на бой, взяв только меч, не надел даже кольчуги. Верно, решил, что это будет неблагородно. Они и сражаться не стали. Ума не бросаться на самострелы у парня хватило. Неудивительно, что он в такой ярости, бедняга.

— Я бы его там у дерева и оставил, но он так кричал, — продолжал Увар. — Графский сынок, не иначе. Подумал, отпустить его мы всегда успеем. А граф за сынка нам, глядишь, чего-нибудь отвалит.

Он любовно огладил топориче.

— Не дождётесь! — выкрикнул юноша. — Я скорее умру, чем пойду на такое бесчестье!

— Зря вы у него, ваш-высочество, кляп-то вытащили, — с ленцой отозвался разбойник. — Вам и вовсе беспокоиться не стоило. Серый-то где? Пусть он рассудит, куда *этого* девать.

Магда перехватила полный боли и отчаяния взгляд графского сына. Сердце её переполнилось сострадания. Она тихо юркнула в шатёр за своей сумкой и быстро вернулась к спорящим. Алард стоял, явно растерявшийся от сложившейся ситуации. Увар и его люди спокойно ждали решения. Вокруг собирались обитатели лагеря, с вожделием поглядывая на припасы. В общем замешательстве девушка спокойно подошла к юноше, зашла сбоку. Он вывернул голову, пытаясь встретить её взгляд. Магда перерезала своим рабочим ножом верёвку, стягивающую запястья пленника. Юноша порывисто вздохнул, потянулся к мечу, замер, пристально вглядываясь в неожиданную освободительницу.

— Не сердись, — попросила Магда своим спокойным глубоким голосом. — Они люди простые да усердные. Не для себя старались.

— Все вы — гнездо разбойничье! — выкрикнул юноша, растирая затекшие запястья. — Больше живым я не дамся!

Он потянулся к мечу и на этот раз схватил его, но не успел вытащить из ножен.

— Остановись! — торжественно произнесла ведьма, стараясь попасть в тон восторженного благородства, в котором жил юноша. — Ты не смеешь обнажать оружие перед своим повелителем!

— Каким пов... — начал было графский сынок, но ведьма указала на Аларда, успевшего при выходе из шатра надеть свою золотистую рыцарскую рубашку, хоть и не затянувшего второпях шнуровку.

— Перед тобой — Алард Корбиниан, прямой потомок Старого Дюка, рождённый в законном браке от законного отца, — объявила ведьма. Те из собравшихся, что принадлежали к рыцарскому сословию, догадались и преклонили колена перед повелителем. Взгляд юноши метнулся к крупному перстню со змеёй на руке Дюка, потом к алому поясу, потом к одетой в рыцарское платье Магде.

— Меня зовут Бертильда, — представилась ведьма, — и я невеста его высочества.

Глаза юноши сделались огромными, рот по-дурацки приоткрылся. Он рухнул с телеги на землю, встал на одно колено и всё-таки вынул меч из ножен. Протянув его почему-то Магде, а не Аларду, он представился:

— Рыцарь Арне, сын и наследник графа Вилтина, прекрасная госпожа! Мой меч и моя жизнь к твоим услугам!

Магда растерянно приняла подношение и торжественно вернула его своему рыцарю. Разбойники делали явное усилие, чтобы не покатиться со смеху, а вот у их предводителя вид был какой-то обалделый.

— Я прошу простить нас, — уже без лишней торжественности произнесла ведьма. — Нам очень жаль, что мы обидели твоих людей и нарушили границы твоего отца, но мы умираем с голоду и эти припасы стали просто спасением.

Юноша просиял.

— Так зачем же дело стало! — воскликнул он. — Я дарю их вам, прекрасная госпожа, за одну только вашу улыбку!

Девушка поспешила выдать требуемую плату. Как она ни старалась, улыбка вышла по-матерински снисходительной. Арне заметил это и насупился.

— Надеюсь, ты присоединишься к нашей утренней трапезе, — очень серьёзно попросил подошедший ближе Дюк. Глаза его смеялись.

— Да, — поспешно отозвался графский сынок. — Батюшка сейчас в отъезде, и меня никто не потеряет...

Арне осёкся.

Они пошли в большой шатёр: Алард под руку со своей невестой, за ними готовый к любым подвигам Арне (но прежде всего к завтраку!), а следом ещё несколько человек из собравшегося на холме пёстрого общества. Под нестройные крики и ругательства разбойники принялись разгружать телегу.

— Он в своём уме? — раздался чей-то грубый голос за спиной.

— В своём, в своём, — с ленцой отозвался Увар. — Молод ещё. Сказок начинался.

— Но как она его! — восхищённо оценил третий голос.

— Благородная, — снова отозвался Увар. Помолчал и как будто с каким-то сомнением заметил: — у них это в крови, всякие там красивости. Нашему брату и не понять.

— Ишь ты, не понять! — хмыкнул кто-то. — Сам-то ты не промах, а?

— Не трожь! — внезапно возмутился главарь разбойников и раздался звук оплеухи. — Тащи лучше их высочеству вот этот куль и бочонок тоже. Живо!

* * *

За столом в большом шатре устроились, кроме Дюка, его невесты и её рыцаря, ещё вчерашние драчуны, а также серьёзный старик в простой одежде, но с родовым кольцом на пальце, которого Дюк представил как графа Дитлина. Узнав об утреннем скандале, он укоризненно покачал головой.

— Ты отвратишь от себя всех сторонников, если будешь отпускать всякий сброд грабить соседей, мальчик, — сказал граф.

— Лучше, чтобы это делали люди благородные? — поддел его рыцарь в зелёной рубашке.

— Так дело не пойдёт, — покачал головой граф. — Тебе надо установить власть хотя бы над Корбинианом и собирать подати со своих земель по праву.

— У меня недостаёт людей, — уныло отозвался Дюк.

— А твой шателен? Он признал тебя своим повелителем. Пусть он объявит об этом на всех землях.

— Он боится союза баронов, — с отвращением выговорил Дюк. — У него нет другой власти, кроме как подкреплённой отрядом их стрелков.

— Так дело не пойдёт, — снова покачал головой граф. — Я пришлю тебе людей и припасы на первое время. Нельзя, чтобы о Дюке ходила дурная слава. Но тебе понадобится больше людей... и замок, который можно оборонять.

Алард с надеждой уставился на советчика, но предлагать свои владения старый граф не торопился. Он покосился на девушку, на молодого Дюка, под столом удерживающего её руку в своей.

— Скоро бароны соберутся в Тамне, — медленно проговорил Дитлин. — Я поговорю кое с кем от твоего имени. А пока оставим эти разговоры. Плохая тема для завтрака.

Он перевёл взгляд на Арне и юноша заёрзал.

— Приятно видеть, что у достойного отца растёт достойный сын, — всё так же медленно, со значением, объявил старый граф. — Надеюсь, ты понимаешь, что со временем эта... неприятность будет исправлена нашим добрым повелителем.

Арне, который успел набить рот хлебом и мясом, только кивнул.

— Ты бы, — по-отечески взглянул старик на молодого Дюка, — рассказал гостю историю своего происхождения.

— Я слышал, что Старый Дюк не оставил законных сыновей, — напомнил Арне, поспешно проглотив то, что держал во рту.

— Не совсем, — важно ответил Алард. — Он был женат три раза, но Заступник не даровал его жёнам детей, а от одной женщины низкого происхождения он имел сына, Ублюдка, который надеялся занять отцовский трон.

— Это все знают! — перебил Арне, потом покраснел и виновато покосился на Магду.

— Да, но последняя его жена, взятая незадолго до его смерти, дочь рыцаря Отто Ортвина, родила ребёнка, который был объявлен мёртвым и тайно увезён во владения её отца, — спокойно продолжил Дюк, — подальше от единокровного брата. Он вырос как один из сыновей своего дяди, старшего брата его матери. Старый Дюк умер, ему наследовал племянник, который был бы опекуном наследника, но его убил Ублюдок. Тафелон охватила смута и Фалко Ортвин, дядя наследника, побоялся за жизнь племянника. Он вырос, ничего не зная о своём происхождении, женился, у него был сын, внук... Я сын внука того мальчика! Я вырос в Ортвине, ничего не зная о своём происхождении, воспитывался как молочный брат наследника.

Алард кивнул на рыцаря в зелёной рубашке. Глаза того смеялись.

— Вот, мой родич, молочный брат и самый верный товарищ, рыцарь Эрхард Ортвин! Ещё детьми мы случайно отыскали полуистлевшую пелёнку с вышитой короной, она рассыпалась у нас в руках, но мы не успокаивались, пока не нашли старого-старого старика, чей дед был мальчиком, прислуживавшим бедной сестре Фалько Ортвина. Он открыл мне тайну моего рождения и отдал родовой перстень, который он получил от своего отца, а тот от своего, чтобы отдать мне — наследнику трона!

— И вы никогда не сомневались, что именно вы — потомок того младенца? — задал

Арле неожиданный в своей разумности вопрос.

— Я знал своего отца и деда, — резко ответил Алард, не на шутку задетый, — и не сомневаюсь, что мой дед знал своего отца. Тайной было только его происхождение.

— Но если Фалко воспитывал мальчика вместе со своими детьми... — неуверенно возразил Арле, очень смущённый тем, что приходится возражать.

— Вместе со своими детьми, — отчеканил Алард, — но его всегда выделяли большей строгостью и требовательностью к его талантам! Его воспитывали, хоть и в неведении, но так, как полагается воспитывать наследника трона!

Магда накрыла руку возлюбленного своей и тот умерил гнев.

— Я готов честью своей свидетельствовать истинность слов моего молочного брата, — вмешался Эрхард. — Я видел пелёнку, слышал рассказ старого слуги. Их ветвь нашего рода всегда выделялась, и, когда мы нашли пелёнку с короной, я понял всё, о чём в роду привыкли молчать.

Он пристально посмотрел на Арне, пока тот не заёрзал и не опустил взгляд.

— Ты не думай, — добавил успокоившийся Алард, — что мы нищие скоморохи, пробавляющиеся одними грабежами.

Арне густо покраснел и промямлил какие-то возражения.

— Пока я не спешу заявлять о себе. Я хочу объединить свою страну бескровно, добротой и уговорами, поэтому не спешу нанимать наёмников, а тороплюсь привлечь на свою сторону верных людей, которые будут рады возвращению былых законов и благоденствия. И это не пустые слова. Посмотри на этого человека! Перед тобой — почтенный Ханк, величайший алхимик нашей страны!

Почтенный Ханк сегодня выглядел и правда почтенно, хотя на его лице виднелась ссадина от вчерашней драки, а рукав был неумело заштопан.

— Я нашёл способ получения благороднейшего из металлов, золота, — важно проговорил горожанин. — Прежние алхимики допускали ошибку, пытаясь извлечь его из равного весом свинца. Нет более неблагородного металла, чем свинец, и в нём не найти ни крупицы благородства, необходимого для чудесного превращения. Я работаю с железом, кое является благородным потому, что помогает человеку в его трудах и тем более, что именно из железа куётся оружие для самого благородного из сословий. Ответ на извечный вопрос лежит в метафизике. Нельзя, воздействуя лишь на материю, расплавляя металлы или возгоняя эликсиры, получить желаемое. Нет, только извлекая из железа благородство, присущее ему изначально, мы можем выпарить всё низкое, что есть в нём, то, что относится к грубым мужицким инструментам, и получить подлинное золото. Особенно удачно работается с мечами. К сожалению, железо помнит, что могло бы стать простым ножом, косой или ещё какой утварью. Память об этом приходится удалять вместе с частью материи. Поэтому при совершении алхимического превращения вещи теряют в размере и даже в весе, я счастлив сказать, не теряют в ценности. Смотрите!

Он извлёк из-за пазухи небольшой кинжал из чистого золота и передал Арне. Тот внимательно осмотрел его и передал своей даме. Магда взяла кинжал в руки. Был он отлит по форме рыцарского меча и не годился бы в кинжалы даже не будь он из золота. Тяжесть его убеждала лучше всяких слов. Магда осмотрела оружие и увидела крошечный скол в одном месте.

— Это не игрушка! — возвысил голос алхимик. — Не безделка! Не литьё! Нет, это подлинный рыцарский меч, побывавший в бою и преображённый моим чудесным

искусством!

— Я раздам людям вдоволь денег, — обещал в наступившей тишине молодой Дюк, — и станут не нужны раздоры и дразги.

Глава четвёртая

Семья

Вейма который день не находила себе места. Магда пропала, как в воду канула, и не было никакой возможности что-то о ней узнать. Вампирша то плакала, то злилась, с трудом удерживаясь от того, чтобы крушить мебель. *Это уже было. Это уже происходило с ней. Это не первый раз.*

Почему? Почему, почему, почему, стоит к кому-то привязаться, как он — или она! — уходит, исчезает без единого слова?! Неужели Магда не вернётся?! А если вернётся? Поведится вот так вот исчезать без предупреждения?!

Вейма чувствовала, что не сможет этого пережить — снова.

Что ей делать?

Как можно было снова к кому-то привязаться? Как можно было позволить себе довериться? Как можно было — снова?!

Обучение Норы велось нерегулярно, и Вейма не являлась в замок, не вызывая там особенного удивления. На третий день, однако, за ней пришёл Менно и, отводя взгляд, заявил, что госпожу Вейму очень ждут их милости. Вампирша пожала плечами. Делать ей было всё равно нечего.

* * *

— Где твоя подруга? — спросил барон, едва девушка перешагнула порог зала. Его взгляд остановился на заплаканных глазах Веймы.

— Я не знаю, ваша милость, — устало ответила вампирша. — Она куда-то пропала.

— После того, как она сбежала с преступником, ведьма Магда будет объявлена вне закона по всему Тафелону, — сказал цур Фирмин спокойно. Вейма поёжилась. Она-то знала, что такое быть вне закона. В зале повисла напряжённая тишина.

— Ваша милость, — прервала молчание Вейма. — Ведь ничего неизвестно! Она пропала в тот же день, но это не значит, что она ушла с тем человеком! А если и ушла, то не по своей воле!

— Ты ручаешься за неё? — поднял брови барон. Вейма опустила взгляд. Ручаться за человека, который совершил преступление — значило разделить с ним и приговор. Или с ней. Настолько сильно вампирша не любила ни одного человека.

— Видите ли, ваша милость, — неуверенно начала она, оглядываясь по сторонам в поисках вдохновения, — мы с Магдой договорились... мало ли как повернётся судьба... Если одна из нас вынуждена уйти... или ей угрожает опасность... она отвяжет собаку. Когда я вернулась домой, собаки не было.

Этот довод барона, казалось, только позабавил.

— Собака — плохой свидетель, — хмыкнул он. — Твоя подруга могла выпустить её погулять.

Вампирша покачала головой. Об этом она тоже думала.

— Нет, перед уходом Магда бы посвистала и пёс прибежал бы назад.

Доводы смотрелись жалко. Ни один человек в мире не оправдал бы преступницу только

потому, что она отвязала собаку.

— Значит, твою подругу увели силой? — уточнил барон.

Вампирша устало пожала плечами. Собака была отвязана. Плохой знак. Но козе кто-то задал корм, да и знахарь утверждал, что Магда шла по доброй воле. Ещё бы верить ему... Пропавший разбойник был проклятым, а проклятый может потребовать с ведьмы *службу*. Он мог просто пригрозить, что зарежет... или пожалуется *общине*. Магда ведь привела на ритуал белую волшебницу. Много было причин ведьме вывести преследуемого беглеца. Много. Суть от этого не менялась. В глазах закона Магда была преступницей.

— Я не знаю, ваша милость, — ответила девушка.

Барон кивнул, будто ничего другого и не ожидал.

— Я ещё не принял решения, — сообщил он. — Висельник Медный Паук объявлен вне закона по всему Тафелону, поэтому его и его сообщников будет судить союз баронов. Была ли она его сообщницей — это я буду решать сам, ведь она моя поданная. Но лучше бы у твоей подруги были веские оправдания.

— Да, ваша милость, — склонила голову вампирша. О большем просить было невозможно.

— Урока сегодня не будет, — сообщил барон. — Ступай к Норе, она подготовит для тебя приличную одежду.

— Но, ваша мило...

— Ты когда-нибудь слышала о моём старшем сыне? — не стал слушать её барон. — Он нанёс нам визит. Моя дочь будет присутствовать при разговоре. Я хочу, чтобы ты сопровождала её. Иди переоденься.

— Но почему, ваша милос?..

— Мой сын — один из братьев-заступников, — невесело усмехнулся барон.

— Ваш сын! — ахнула вампирша. — Но зачем?..

— Я оценил твою помощь с отцом Гайдином, — напомнил барон.

Вейма молча кивнула. По приказу сюзерена она составила такое письмо церковным властям, что фанатик Гайдин оказался виновен сразу в трёх видах ереси, два из которых считались полностью искоренёнными. Они написали тогда ещё и в университет, наставникам Веймы, со ссылками на их труды и на труды их наставников и на труды ранних богословов, и университет полностью поддержал позицию барона и его людей. Бедняге Гайдину еле-еле удалось оправдаться. Стараниями Веймы его ждал костёр. Угрызения совести по этому поводу девушку не мучили.

— Твоё образование сослужило мне службу тогда, сослужит и теперь, — заключил барон. — Но ты должна не привлекать к себе внимания. Оденешься как придворная дама моей дочери и будешь её сопровождать. И скорее. Я не могу долго держать братьев-заступников на конюшне.

* * *

Брат Флегонт был высоким худым человеком с тощим бесцветным лицом. Редкие светлые волосы обрамляли выбритую макушку, глаза были тёмными и какими-то неприятно цепкими. Он не походил ни на отца, ни на сестру, круглолицую девушку с волосами неопределённо-тёмного цвета. Барон отвёл ему скамью, покрытую овчиной, точно такую же,

на какой всегда сидел сам.

Нора была в самом своём простом платье, тёмно-синем, поверх которого надела рыцарское — чёрное с серебряными полосами. Вейма не знала, что это означает, но девушка была бледна и печальна... вампирша осторожно принялась. Нет, не печальна, испугана. Вейме досталось старое платье ученицы, бледно-голубое, затянутое, как и все господские платья, не на талии, а под грудью. Вампирша была выше Норы, и снизу пришлось поддеть юбку, наскоро переделанную из низа другого платья, ярко-зелёного. Получившийся наряд провисал на груди и оставлял открытыми запястья. Вейма надела двурогую шапочку с прикреплённым к ней покрывалом и чувствовала себя настоящим пугалом. Её ученица вышла с непокрытой головой, что допускалось для незамужней девушки, хотя и не было обязательным. Барон был в своей обычной домотканой одежде, не потрудившись ради сына надеть даже рыцарскую рубашку.

Взгляд гостя скользнул по сестре, которая села на своё кресло, подвинутое ближе к любимой скамейке её отца. На «придворной даме», вставшей за спиной молодой госпожи, он не стал задерживаться и обратился к отцу. Разговора брат Флегонт, однако, начинать не торопился.

— Сын, — нарушил молчание барон. — Ты приехал в мои владения.

— Отец, — с какой-то непонятной скрытой издёвкой отозвался брат-заступник. Ни в голосе его, ни во взгляде, ни в *запахе* не было и следа родственных чувств. — Я рад, что ты согласился увидеть меня...

— Зачем ты приехал? — перебил барон. Вейма насторожилась. Вопрос казался резонным, логичным, однако пах барон так, как будто именно перебил сына. Он не любил его. Не любил, не ценил, но было что-то ещё, затаённый гнев, горечь и слабый аромат позора, окутывавший Фирмина всякий раз, когда его взгляд останавливался на отпрыске.

— Я хотел поговорить о Барберге, деревне моей матери.

— Меня не интересует твоё мнение о *моей* деревне, — немедленно отозвался барон.

— Она входила в приданое моей матери! — поднял голос Флегонт. — Ты можешь лишить меня своего наследства, но ты не можешь отобрать у меня то, что...

— Ты сам себя лишил наследства, *сын*, — спокойным басом перекрыл барон возмущённую речь Флегонта. — Когда, после смерти твоей матери, ты сказал, что я свёл её в могилу, я не стал тебя наказывать, потому что ты был её сын и потому что ты был убит горем. Когда ты сказал, что не желаешь жить со мной под одной крышей, я позволил тебе уехать к твоему дяде в Хардвин, где он жил по просьбе сестры и с моего разрешения. К счастью для тебя и к несчастью для него Хардвин не был майоратом. Я написал твоему дяде, предлагая оплатить любых учителей, которых ты пожелаешь нанять, поскольку ты был молод, горяч и твоё обучение нельзя было считать законченным. Я был даже готов послать тебе своих людей, ибо никому так не доверяю в искусстве конного и пешего боя. Твой дядя ответил мне письмом, которое невозможно цитировать в приличном обществе...

— Однако вы это сделали! — тонко выкрикнул Флегонт. — На собрании союза баронов, когда...

— Когда умер твой дядя, — скучающим тоном подхватил барон. Он рассказывал историю своей ссоры с сыном спокойно, будто бы только для того, чтобы исключить самую возможность какого бы то ни было недопонимания. — Когда умер твой дядя, я был вынужден зачитать это письмо. Там говорилось, что ты отрекаешься от меня, проклинаешь моё имя и не нуждаешься в моих подачках. Твоей подписи, однако, под письмом не было, и я

должен был обращаться к собранию, прося о посредничестве в моих семейных делах, потому что без меня, твоего отца, собрание не могло решить вопроса о наследовании тобой владений твоей матери, коль скоро их опекун умер, а ты достиг возраста принятия решений.

— Я помню! — запальчиво ответил Флегонт. От него, однако, не пахло ни гневом, ни той заносчивостью, которую он пытался изобразить. От него пахло умом, хитростью, волей и строгим расчётом.

— И вот ты явился на собрание, — продолжил барон. — С опозданием, босой, в холщовой рубашке, подпоясанной верёвкой. В одежде послушника братьев-заступников. Ты повторил слова дяди мне в лицо, сам, своими устами. И сказал, что владения твоей матери будут принадлежать твоей новой родне.

— Я имел право передать их братству! — возмутился Флегонт. Вейма заметила, что он с каким-то жадным интересом рассматривает Нору. Во взгляде не было ни капли страсти, но что-то в нём было гнилое и подлое. Что?

— Нет, не имел. Отрекшись от мира, ты потерял право решать. Если бы ты сначала вступил бы во владение, а потом решил передать Хардвин в дар ордену, а только после принял постриг, я бы не спорил, хотя не буду скрывать, что решение это мне не нравилось. Но ты решил рвать узы крови, рвать узы сословия, в котором родился. Что ж. У тебя нет земного отца, но это значит, что у тебя нет и земной матери.

— Ты не смеешь, — снова перешёл на «ты» Флегонт, — высказываться о моей матери! Не смеешь!

На этот раз злость в его голосе была настоящая. Однако барон не оставил своего показного равнодушия.

— И не думал, *сын*, высказываться о твоей матери. Но Барберг — это не родовое владение, поэтому оно останется у меня как наследство от неё и от моего умершего для мира *дорогого сыночка*.

Рука Флегонта дёрнулась к пустому поясу. *Ищет оружие*, поняла Вейма. Оружие, которое вот уже много лет там не висит.

— Говори, зачем приехал, — резко потребовал барон. — Менно говорит, ты шнырял по Барбергу и расспрашивал там о жителях Латгавальда.

Латгавальдом называлась деревня, возле которой поселилась Вейма и возле которой стоял замок барона. Название её означало *Защищающие леса*. Магда говорила, что люди здесь издревле чувствовали поддержку сил природы. Обычно, конечно, они говорили «наша деревня», как человек говорит «мой дом», не называя его по имени.

— Я выполнял свой долг, — надувшись, что выглядело забавно при его тощей фигуре, отозвался Фленгонт.

— Ты не имеешь права шнырять по моим землям без разрешения, — напомнил барон.

— Это моя земля! — вспыхнул Флегонт.

Сквозь ненатуральный гнев и неестественную горячность проглядывало что-то подлинное. Глухая ненависть не столько к отцу, сколько к тому, что, по мнению гостя, барон воплощает.

— Это моя земля, — спокойно заявил Фирмин. — И тем более моя земля Латгавальд, о котором ты разговаривал. Я думаю, ты ждёшь собрания баронов, не так ли? Я уеду, а ты явишься со своими людьми и сотворишь здесь суд под страхом отлучения. Я слышал, вы так уже поступали. Что ты натворил в Корбиниане? Кто позволил тебе судить ведьму на земле, принадлежащей союзу баронов?

Вейма заметила, что её наниматель пытается навязать собеседнику свой стиль разговора. Он разговаривал с сыном, как с непослушным мальчиком, отбившимся от рук, но всё же обязанным отчитываться перед родителем. Флегонт, однако, был взрослым мужчиной, только волей случая оказавшимся связанным с бароном кровными узами.

— Она была виновна, — поддался на отцовский тон брат-заступник. — Отец, на твоей земле засилье ереси, здесь гнездо Врага, а ты твердишь о своих привилегиях!

— Очень интересно, — поднял брови барон. Вейма похолодела. Она лучше всех знала, насколько верным было заявление монаха. — Откуда такие сведения?

— В Раног в кабаке кто-то привёз зелье под видом вина. Три почтенные женщины были отравлены. Когда их мужья обратились к держателю кабака, он сказал, что зелье привёз какой-то улыбочивый незнакомец. Через небольшое время незнакомец появился снова, пытался забрать своё зелье и заменить его обычным вином, однако оно всё было уже выпито школярами с немалыми разрушениями, причинёнными кабаку и окрестным домам. На допросе кабатчик показал, что незнакомец не говорил, где он живёт и один только раз упомянул, что по дороге переправился через Корбин. Паромщики помнили человека с двумя бочонками вина на телеге, который дважды перебирался через озеро.

— Корбин — обширное озеро, — терпеливо ответил барон.

Вейма стояла, опустив взгляд, как и положено скромной девушке в присутствии мужчин, и старалась сохранять невозмутимое выражение лица. От Норы пахло страхом и затаённым гневом. Барон не мог не подумать о виноградаре, который производил лучшее вино во всей округе.

— Я объехал его всё, — просто ответил Флегонт. — От берега и до самого Тамна.

— Ты не мог сделать этого в одиночку, — усомнился барон.

— Мне помогали, — пояснил брат-заступник. — В этих краях мало где осталась лоза после тех насланных Врагом заморозков.

— Три женщины были отравлены, школяры напились, — хмыкнул барон. — Им попало плохое вино. Кабатчик не сказал, чем он его разбавил?

— Школяры показали, что найденные ими женщины были мёртвыми, когда они несли их на кладбище, мёртвыми они были и на следующий день, однако ожили у всех на глазах.

— Пьяные школяры — плохие свидетели, — возразил Фирмин таким тоном, как будто говорил о собаке.

— Женщины утверждают, что не знают, что на них нашло, когда они выпили по глотку, они как будто...

— Сын, — перебил барон. — Они скажут всё, что угодно. Ты никогда не имел дела с тайными пьяницами? Все они, и мужчины, и женщины говорят одинаково. Всегда виноват кто-то другой. Это слабость воли, ничто другое.

— Они показали то же на исповеди, — веско добавил Флегонт.

— Пьяные бредни!

— Отец! — воскликнул Флегонт. — Что бы ты ни думал — мы не стремимся обвинять направо и налево! Мы выясняем истину! Только истиной мы противостояем Врагу! Позволь мне провести расследование в Латгавальде! Если здесь притаился Враг — позволь мне спасти твою душу!

— Сын, — с гневом и раздражением ответил барон, — на моей земле не будут гореть костры. По старинному праву преступления, свершающиеся с помощью колдовства, судятся так же, как и все остальные. Властью своей я могу приговорить к смерти или к изгнанию,

простить или присудить к штрафу. На моей земле не было преступления. Раног не обращался ко мне за наказанием виновного. Я не знаю твоего незнакомца. Я не пущу братьев-заступников творить суд на моей земле. Таково моё слово.

— Смотри, отец! — прошипел Флегонт, более не скрывая кипящей в нём ненависти. — Как бы тебе не раскаяться.

— Я каюсь только перед моим духовником, — отозвался барон. — У тебя всё? Лошади уже отдохнули. До заката солнца вы должны покинуть мои владения. Менно проводит вас. Надеюсь, вы никого не *забудете* по дороге.

— У меня всё! — вскочил на ноги Флегонт.

Он шагнул к двери, но вдруг остановился и посмотрел на Нору все тем же цепким жадным взглядом, какой он то и дело обращал к девушке.

— Ты нас не представил, — неожиданно спокойным тоном произнёс брат-заступник. — Это — моя *сестра*? Дочь *той женщины*?

— Нора — дочь моей второй жены, — спокойно ответил барон, но Вейма почувствовала, как впервые за весь разговор в нём закипел подлинный гнев. — *Законной* жены.

— Ах, *разумеется*, — с непонятной Вейме издёвкой отозвался баронский сын. — Сестрица, рад был тебя повидать. Ты выросла. Когда я видел тебя в прошлый раз, ты была маленьким свёрточком... а теперь взрослая девушка... красивая девушка...

— Поди прочь! — не выдержал барон. Флегонт ответил неожиданно изящный поклон и пошёл к двери, посмеиваясь про себя. Вейма чувствовала, что он сумел задеть своего отца, знает это и рад.

* * *

Когда шаги Флегонта стихли, барон повернулся к девушкам. Нора была бледна от страха и непонятного смущения. Вейма открыто встретила взгляд нанимателя.

— Что ты можешь сказать, — спросил барон, — по поводу этого разговора?

Вампирша задумалась, подбирая слова. Она уже давно отдавала себе отчёт, что ни к чему, в общем-то, не годна. Её природный ум и быстрая память позволили ей овладеть всеми семью искусствами и наукой богословия, но то ли характер, то ли какая другая причина мешала применить всё это на практике. Её искусно составленные речи, со всеми положенными цитатами, силлогизмами^[24], эпитетами^[25], анафорами^[26], эпифорами^[27], киклосами^[28] и хиазмами^[29], никто не хотел даже услышать, не то чтобы понять. Она не получила докторской мантии не только из-за того, что не была мужчиной, но и потому, что не выиграла ни одного диспута. Казалось ли ей пренебрежительное отношение или было оно на самом деле, но только девушка горячилась, начинала путаться в собственных мыслях, и всё, так ясно осознаваемое ею в тиши университетской кельи, рассыпалось набором бессмысленных замечаний. Те из преподавателей, что доброжелательно относились к ученице, только головой качали, выслушивая на следующий день её оправдания и ясное изложение той мысли, которую она не сумела защитить. В глубине души Вейма считала, что виной всему её вампирская природа. На это намекал наставник... перед расставанием.

В тот день он, несмотря на весь свой опыт в поиске жертвы, утолил голод первым же

попавшимся прохожим, неосторожно остановленным неподалёку от кабака. Было это на западе, за Корбинианом, в мелком городке со смешным названием Вибк. Прохожий был пьян на той стадии, когда всё выпитое уже заставляет кровь кипеть. Старый Ватар опьянел сразу. Ученица ещё никогда не видела его таким. Они сидели на каком-то пыльном и загаженном птицами чердаке, несчастная жертва валялась рядом, и Вейма старалась не смотреть: её мутило от одного вида и запаха крови и вина.

— Вампиры, — говорил старый вампир медленно и отчётливо, — могли бы править миром, ты понимаешь это, девочка? Днём один взгляд в глаза какому-нибудь барону — и он весь твой. А ночью — целый замок. Десятки... сотни... о, тысячи! И все наши. Представляешь? Мы не любим друг друга, да... Но уж потерпели бы. Для такого дела. Покой... не надо прятаться... шевельни пальцем — свежие девочки... мальчишки... кого захочешь. А мы...

Он брезгливо оглядел грязный чердак.

— Ютимся. Как крысы! Знаешь... знаешь, почему, девочка?

Вейма помотала головой. Она старалась ничего не думать и даже не чувствовать, боясь, что её отвращение разозлит наставника.

— Мы глупы, девочка, вот почему. Глупы. Глу-пы. Вампиры очень глупы. Что-то... что-то меняется. Когда ты отрекаешься от мира... от жизни... о, я придумал план, как тебя получить!

Он неприятно хохотнул.

— План удался! Мы простые существа, девочка. Простые стремления. Пища и продолжение рода. Наша пища — люди. Род... тоже... через людей. Просто! Скажи, кого ты хочешь сделать учеником! Завтра! Завтра он сам попросит, веришь?

Ватар снова хохотнул и Вейма произвольно содрогнулась.

— Ты не хочешь. Ты никогда ничего не хочешь. Но мы глупы. И ты глупа. Выдумка! У людей есть выдумка! У всех... даже у безумцев.

Он толкнул ногой выпитого пьяницу.

— У этого — тоже есть. А у меня нет. И у тебя нет. Я лишил тебя её, девочка. Выдумка — часть жизни. А мы мертвы. Да-а-авно мертвы. И всё. Поэтому мы глупы. И ты глупа. Очень глупа, девочка.

Он отвернулся и надолго замолчал. А когда снова посмотрел на Вейму, взгляд его был холоден и трезв.

— Пойди прочь, девочка, — приказал он. — Ты мне надоела. Толку из тебя не будет.

Вейма нерешительно поднялась на ноги, не осмеливаясь даже отряхнуться от приставшей к одежде грязи.

— Прочь! — повысил голос старый вампир. — Убирайся, отступница!

Вейма провела три дня, скрываясь в Вибке недалеко от того дома с пустующим чердаком. Надеялась ещё, что гнев Ватара остынет, когда он протрезвеет окончательно, и старик позовёт её назад. На четвёртый день наставник покинул Вибк. Надежды не оставалось. И Вейма отправилась в Раног, поступать в университет, как собиралась когда-то.

Вейма давно чувствовала себя вовсе никчёмной и сейчас радовалась, что может оказаться полезной нанимателю. Она медленно проговорила:

— Он приезжал не за тем, о чём говорил, ваша милость. Всё это... он... он был бы рад, если бы получилось, но цель его была иная. И... он получил то, что добился. От него... э-э-э... он выглядел как человек, добившийся желаемого.

Вейма едва успела остановиться и не сказать «от него пахло».

Барон кивнул и продолжал выжидательно смотреть на вампиршу. Вейма закрыла глаза, стараясь сосредоточиться и в точности передать свои ощущения.

— Ему что-то нужно от Норы, — тихо добавила Вейма, постепенно увлекаясь своим рассказом. — От него... исходило... нечто... не страсть... вернее, страсть, но с похотью, желанием тела — ничего общего. Похоть пахнет иначе. Здесь... здесь я чуяла в нём... его желание было таким ярким... но я никогда не видела ничего подобного. В нём есть только одна страсть, ваша милость. Только одна, но сложная... о, какая сложная!.. В ней много ненависти к вам... а Нора для него — просто предмет... средство... способ... он хочет использовать её, чтобы достичь своей цели... и эта цель близка, ваша милость... когда он говорил о ереси... его не волнует ересь... ваша душа, о которой он говорил так страстно... нет... волнует... ересь... враг... его враг... всё ересь, что не согласно с ним... любой его враг — еретик... общность... что-то... не могу уловить... общее... целое... для него важно целое... так много злости... но цель — соединение... созидание... сплочение... итог... венец... венец всего — счастье... счастье для всех людей... ради него можно... можно принять страдания... можно причинить страдания... Однажды все поймут... а недовольные покаются в ереси... или умрут...

Вейма открыла глаза. Нора смотрела на неё, широко распахнув свои, ещё более бледная и испуганная, чем прежде. Барон выглядел скорее довольным.

— Я давно это знал, — медленно произнёс он. — Так страстно верить... и так сильно ненавидеть... само по себе ведёт к безумию.

Вейма склонила голову. От барона пахло горечью и сожалением, слабыми отголосками любви к сыну — не к тому, каким он был сейчас, а к худенькому болезненному мальчику, которого отец поднимал на плечи.

— Ваша милость... — нерешительно начала она, — я бы не позволила себе, но в словах брата Флегонта прозвучало... вы позволите спросить?

— Спрашивай, — устало разрешил барон.

— Мать Норы... За что ваш сын её ненавидит?

Лицо Норы приняло пунцовую окраску и смущение в ней смешалось с обидой и гневом.

— Моя первая жена была тяжёлая женщина, — пояснил барон, обнимая дочь за плечи с неожиданной для него теплотой. — Графская дочь, из рода, состоявшего в родстве с родом Дюка... Нас поженили потому, что этого требовали соображения дела... По брачному договору её старший ребёнок должен был наследовать владения её отца, а следующий за ним сын — мои земли. Барберг доставался мне безо всяких условий, и я был волен отдать его хоть своему ребёнку, хоть подарить своему рыцарю — неважно. Дядя, о котором шла речь, был младшим братом отца моей жены и не имел права наследования. Я получил земли, позволяющие сделать более законченными мои владения, союз с одним из пограничных графств... ещё один голос в общем собрании... я не получил сердца своей жены. Мне кажется, она всегда упрекала меня в том, что я недостаточно знатного происхождения... или недостаточно люблю роскошь. Родив мне одного ребёнка, о котором все говорили, что он не жилец, она окончательно отдалилась от меня. Кто будет наследовать мои земли, её ничуть не волновало. Мать Норы была дочерью одного из моих рыцарей... потомка человека,

которого за верность и доблесть посвятил в рыцари мой прадед. Отец девушки умер и я взял девушку ко двору... её тёмные волосы...

Вейма понимающе кивнула. Тёмные волосы были несомненным признаком низкого происхождения. Неудивительно, что худая светловолосая женщина сразу невзлюбила тёмненькую кругленькую девушку, насильно введённую в её свиту. Когда-то — это Вейма узнала из копий летописей, хранящихся в Раногe, — здесь, в землях Тафелона была дальняя окраина древней империи, позже сокрушённой варварами. А до империи здесь жили мирные люди, все, как один, с тёмными волосами, они возделывали земли, знали многие ремёсла и не умели ещё ни читать, ни писать. Потом пришли завоеватели, принесшие культуру на остриях мечей. Они построили дороги, возвели города, открыли школы для тех, кого принимали в свои граждане, и привезли с собой многих рабов с разных уголков земли. Завоеватели были разной масти, но совсем светлых среди них не было. Империя пала. Варвары — не те, что её сокрушили, а другие, слетевшие расклёвывать мёртвое тело некогда великой страны, — пришли сюда и живо разобрали страну на мелкие кусочки. Не все из них основали баронские роды, были и такие, кто почитал за счастье получить клочок земли и сменить боевого коня на крестьянскую клячу. Горожане были чаще темноволосые, крестьяне были самой пёстрой группой, но бароны и рыцари все были светловолосыми и гордились этим, и поэты воспевали золото волос и лазурь взгляда. В жилах Норы текла кровь простолюдинов. Вампирша внимательно посмотрела на ученицу, а после сняла двурогую шапочку с закрывающей причёску вуалью и провела рукой по своим коротким чёрным волосам. Отец говорил ей, что его предки жили на одном месте и смешивали снадобья вот уже больше тысячи лет. Если это не красивое преувеличение, то Вейма была прямым потомком того самого, мирного и трудолюбивого населения, завоёванного сначала империей, а потом варварами. Нора уставилась на голову наставницы так, как будто впервые увидела, а потом медленно наклонила свою. Вейма принялась. Урок был усвоен.

— Моя жена возненавидела Лору — это её мать. Делала разные замечания... мне было не в чем себя упрекнуть, хотя, защищая девушку от вечных нападков госпожи, я невольно проникся к ней особым расположением. Флегонт... он во всём разделял мнение матери и презирал меня не только за низкое происхождение, но и за отсутствие презрения к низшим. Ты можешь себе представить, как я удивился, увидев его в собрании босого, в рубище... Но... я думаю, это всё то же презрение, только в новой, извращённой форме.

Вейма кивнула.

— Жена умерла, когда Флегонт был отроком, умерла, изрыгая проклятья и не приняв благословения. Я не любил её, но... зрелище её смерти... оно была очень тяжёлым. Я отослал домой всех придворных дам своей жены, но Лоре было некуда идти... И тогда я посмотрел на неё новыми глазами. Сын же... он воспринял моё предложение, сделанное девушке, как доказательство обвинений своей матери.

Нора немного робко, но с трогательной нежностью погладила отца по плечу. Барон улыбнулся дочери и на её губах расцвела ответная улыбка. Вейма отвела взгляд. Она тоже любила своего отца. Но они больше никогда не увидятся. *Она больше не человек.* Что она делает здесь, с людьми, которые так остро пахнут любовью, верностью, доверием?

— Я горевал по Лоре, — признался барон, посмотрев прямо перед собой. — Она любила меня и хотела ещё детей... но не сложилось.

Барон перевёл взгляд на стоявшую перед ним вампиршу.

— Я ответил на твой вопрос?

— Больше, чем ответили, ваша милость.

— Тогда, что ты можешь сказать... об этом?

— Вы искренни, ваша милость, — ответила вампирша. Ей было сложно сохранять спокойствие. Эта беседа разбередила её больше, чем она была готова признаться. Барон Фирмин кивнул, как будто именно это он и хотел узнать.

— На сегодня ты свободна. А завтра приходи с утра. Я хочу, чтобы ты дала моей дочери урок географии. Ты знаешь географию?

— Знаю, ваша милость, — по-мужски поклонилась Вейма, что странно смотрелось когда она была одета в женское платье. Добравшись до Раного, вампирша употребила много сил, чтобы достать карты и изучить их так, как могут только вампиры. Она не хотела, чтобы кто-то снова мог её обмануть, как это сделал когда-то Вир.

— Ты спрашиваешь, почему я тебе это рассказал, — вдруг произнёс барон, когда Вейма уже подошла к дверям. В зале было пусто, погас очаг и становилось прохладно. Надо было позвать слуг, но Фирмин почему-то медлил.

— Вы хотели рассказать именно это, ваша милость, — ровно ответила Вейма. В речах барона был какой-то оттенок. Ясный и твёрдый, но бывший для девушки горше отравы. В речах барона было доверие. *Доверие для вампира — или приглашение к обеду или смертельная ловушка.*

— Да, хотел. Видишь ли, я хотел бы, чтобы ты не просто учила Нору тому, что знаешь. Я хотел бы, чтобы ты стала доверенным лицом моей дочери, её придворной дамой — для всех — и советчицей — на самом деле. Для этого ты должна знать о ней всё, даже то, что причиняет боль при воспоминании. Я хочу, чтобы ты сопровождала её на собрания баронов и помогала принимать правильные решения... или хотя бы удерживала от опрометчивых шагов.

Он перехватил косой взгляд, брошенный вампиршей, и покачал головой.

— Нет. Я не хочу, чтобы ты шпионила для меня за моей дочерью. Я хочу, чтобы твоё понимание людей, умение видеть их такими, какие они есть, помогло ей не ошибаться. Ты должна стать советчицей моей дочери.

— Прекрасная шутка, — хрипло рассмеялась доведённая до отчаяния Вейма, — вампир — доверенное лицо, вампир — советник баронской дочери!

Она захлопнула рот, но было уже поздно. Слова уже были произнесены.

Глава пятая

Семья (продолжение)

Стало очень тихо. Светильники не были зажжены, в очаге прогорели даже угли, дверь была закрыта и только в узкие окна под самым потолком попадало немного серого сумеречного света, да прыгали по полумраку красные отблески. Вейма моргнула. Это светились в темноте её глаза, как бывает только если вампир готов к охоте или к драке. Она горько улыбнулась, чувствуя, как выросли клыки и представляя, на кого она теперь похожа. Надо драться. Надо ударить первой, пока они не успели крикнуть. Надо ударить и бежать. Убежать и скрыться. Снова. Опять. *Так уже было с ней...*

Напасть первой... Если бы она могла... Но для неё нападение означало ловушку... Вейма медленно облизнула пересохшие губы, понимая, как это может выглядеть.

Барон и его дочь переглянулись. Барон подобрался, Нора, напротив, расслабилась.

— Мы знаем, — безмятежно сказала девушка. От неё пахло страхом, но... это был неправильный страх, не тот страх. Нора не столько боялась за свою жизнь, сколько за то, что... что наставница сделает непоправимое, нечто такое, от чего нельзя будет отвернуться. *Например, прыгнет.* Вейма поджала пальцы. Ногти на руках ощутимо твердели и заострялись. Тело было готово к бою, тело не понимало, почему душа так страстно отвергает единственно возможный путь.

Вампиры — самые проклятые из всех.

— Откуда? — с трудом совладав с дыханием, хрипло спросила Вейма.

— Помнишь, отец усадил меня за вышивание? — так же легко напомнила девушка. — Я потребовала, чтобы ты села рядом со мной.

Вейма кивнула, боясь заговорить. Ей казалось, что из её горла вырвется рычание. Этот случай она действительно помнила. Нора тогда капризничала как маленький ребёнок и действительно принудила наставницу разделить с ней рукоделье. Ничего хорошего из этой попытки не вышло. Вейма впервые взяла в руки иголку уже взрослой, когда жила вместе с Виром.

— Я уколола руку... — с трудом, преодолевая себя, выговорила вампирша. Она вспоминала, как неумелыми крупными стежками шила рубашку возлюбленному, чуть не заплакала от воспоминаний и уколола руку.

— Ты потеряла сознание, как только у тебя выступила кровь, — серьёзно сказала баронская дочь. Отец велел уложить тебя и дать прийти в себя... у тебя... я хочу сказать, нечаянно... ты открыла рот...

Нора отвела взгляд, и Вейма почуяла: врёт. Барон, наверное, подозревал её с того дня, когда она остановила понесшую лошадь, и велел поднять ей верхнюю губу, чтобы проверить свои подозрения. От ужаса перед видом крови, даже и собственной, а, может, из остатков охотничьих стремлений, но её клыки в таком обмороке вырастали. Надо было только знать, куда смотреть...

Вейма сморгнула. То, как её разоблачили, было понятно, но почему она проснулась, почему ей сохранили жизнь, а не сожгли, отделив предварительно голову?

— Я знал, что ты достойна доверия, — ответил на её мысли барон и вампиршу передёрнуло от боли, которую ей причиняли его слова. Теперь она понимала, почему её выставляли из замка до заката. Доверять-то ей доверяли, но... Вейма вздрогнула, вспомнив,

с каким спокойствием с ней говорил барон, когда в деревне от неизвестного вампира страдали дети.

— Ваша милость! — взмолилась вампирша. — Ради Заступника! Думайте обо мне что хотите, но не верьте таким как я! Вы ошибаетесь! Вампиры — зло, проклятые, мы даже не живые, мы не можем любить и не можем быть верными! Мы — одиночки, мы не ценим даже себе подобных, мы не держим слова! Ради своей дочери, прогоните Липпа! У таких, как он, нет ни совести, ни жалости! Одумайтесь! Что он сделает с Норой, с вами?! Он быстрее стрижа, сильнее десятерых человек, может превращаться в туман, может насылать сны и подчинять одним взглядом! Делайте со мной что хотите, но прогоните его! Он предаст вас просто ради развлечения, а ради выгоды он предаст вас трижды! Он опасен, поверьте мне!

Барон поднял руку и вампирша смолкла. От него пахло спокойной уверенностью, а от Норы — ярким интересом к тому, кого с таким жаром бранила её наставница.

— Мы не будем этого обсуждать, — сказал Фирмин. — Уже поздно, стемнело. Я жду тебя с утра. Ты будешь учить мою дочь географии.

— Но я же...

— Я знаю. Ты отличный учитель и прекрасно разбираешься в людях.

— Но...

— Иди.

* * *

Вейма могла бы и не приходить на следующее утро. Она даже и не хотела приходить, но... вампиры не меньше, чем ведьмы, преданы своей земле. Вейма не могла просто так пойти куда глаза глядят. Случайное появление собрата ещё прощалось, но поселиться на чужой территории... тем более отступнице... которую убьют при первой же встрече с себе подобными... Или, вернее, с теми, кто считал себя выше и достойней её.

Проще говоря, Вейме было некуда идти. В любой момент её могли встретить сородичи и тогда остаётся молить Врага о том, чтобы смерть была быстрой. У вампиров были кое-какие свои идеи о том, как можно использовать отступников. Говорили, что где-то внутри того, во что ей предстояло превратиться, сохранялась неизменной душа — и плакала от ужаса. Вейму такие разговоры приводили в панику. Наставник надеялся её запугать — когда понял, что от неё не будет толку. А потом прогнал. Просто прогнал. Было это жестокостью или милосердием?

Вчера она забыла забрать свою одежду и потом всю ночь пыталась перешить тряпки, которые ей достались, в нечто более приемлемое. Вампирше удалось не пораниться, но Вейма очень мрачно предполагала, что едва ли стоило гордиться таким достижением. Её стежки были крупными, неодинаковыми, нитки не подходили по цвету (потому что подходящих найти не удалось), и только с шестой попытки получилосьшить именно то, что она и собиралась. Не порвать при этом ткань, пусть крепкую, но не рассчитанную на взволнованных вампиров, было невыносимо сложно. Вейма чувствовала себя примерно как огородное пугало, ради праздника наряженное в свежие обноски.

С каких пор это стало важным?

Ни барон, ни его дочь, не стали ничего говорить по поводу её вида. Барон даже не

обратил внимания, а вот от Норы ощутимо несло некоторой *насмешливостью*... так что Вейма разозлилась и потребовала немедленно вернуть ей её вещи. Это отдалило начало урока, но в конце концов всё ещё усмехающаяся Нора, всё ещё кипевшая от злости, хоть и вернувшая себе привычный вид Вейма и по-прежнему серьёзный барон собрались в его таблинии. Барон подошёл к своему столу и, крикнув от напряжения, снял верхнюю часть столешницы, оказавшуюся крышкой. Под ней Вейма увидела... глиняную карту, с тщательно вылепленными горами, холмами, реками, долинами и даже лесами. Нора ахнула. Вампирша с трудом сдержала удивлённый возглас.

— Это наша страна, — просто сказал барон. Он повёл рукой с запада на восток, обнимая мелкие городки, огромный Корбиниан, Корбин, это обширное озеро в сердце страны, безжизненную Серую пустошь... — Ты можешь показать Норе, где мы находимся?

Вейма замешкалась и барон подал ей какую-то тростинку, которой вампирша довольно точно обвела границы Фирмина. Нора кивнула.

— Это Корбин? — указала она на озеро.

— Да, — подтвердила вампирша. — А это Ранна, река, давшая название Раногу, городу, знаменитому своим университетом. А вот — Корбиниан, владения, которые не были разделены после смерти Старого Дюка. А здесь — дорога на Тамн, самый большой город нашей страны.

Вейма лучше знала реки, дороги и города, чем владения феодалов, и кое-где барону приходилось её поправлять. Нора внимательно смотрела и старалась запомнить, тем более, что отец добавлял к уроку кое-какие сведения о том, какие у них отношения с тем или иным графом или бароном. И вдруг, когда Вейма не очень точно обозначила неровную звезду под Серой пустошью — графство Дитлин, — барон сказал, как о чём-то само собой разумеющемся:

— А вот за этого графа ты выйдешь замуж.

— Отец?! — вздрогнула всем телом Нора.

— Граф Дитлин, — пояснил барон, и от него не пахло ничем, кроме спокойной уверенности, — прекрасный человек, в прошлом — отважный воин, сегодня — мудрый и справедливый правитель. На прошлом сборе баронов мы с ним разговаривали об этом, теперь же я привезу тебя с собой и, полагаю, ты ему понравишься.

— Мудрый правитель?! — ахнула Вейма, догадываясь, что могут значить такие слова.

— Отец! Он... он... старик?!

— Он немолод, — всё так же не теряя спокойствия признал барон. — Его старший сын уже готов унаследовать Дитлин, поэтому ваши дети будут расти и воспитываться здесь, в Фирмине и к ним по праву перейдут мои земли.

— Я не выйду замуж за старика! — закричала Нора.

— Это не тебе решать, — покачал головой Фирмин. Он по-прежнему не волновался, словно не принимая возмущение своей дочери всерьёз.

— Ни за что! — ещё громче завопила девушка. Её глаза метались по таблинию, но так и не остановились ни на чём, и тогда Нора, зарывав, выскочила за дверь. В отдалении что-то с грохотом упало. Вейма вздохнула.

— Зачем, ваша милость? — тихо спросила она. — Мне казалось, вы её любите.

— Люблю, — признал барон с лёгкой грустью. — Ты не понимаешь. Она тоже не понимает, она слишком маленькая. Я любил Лору, но из-за её низкого происхождения... так видного в Норе... ни один граф или барон не согласится женить на моей дочери своего сына.

Чтобы его дети не были простолюдинами. А если она выйдет замуж за простого рыцаря, её потомство потеряет голос в союзе баронов.

— Но она же человек! — возмутилась вампирша. — Человек, а не кровь и не статус! Она молодая, она хочет любви и счастья!

— А я старый, и я могу думать о будущем, — покачал головой барон. — Найди её и уговори успокоиться.

Вампирша оскорблённо выпрямилась.

— Вы сами сказали, что я должна служить не вам, а вашей дочери. Я не буду учить её подчиняться. Можете меня выгнать, но я — не буду!

— Не учи, — равнодушно отозвался барон. — Иди домой, сегодня урока не будет. Я позову тебя, когда она успокоится. Иди.

* * *

Магде казалось, что её жизнь превратилась в сказку. Её возлюбленный был прекрасен и стоял так высоко, как только мог стоять человек. Его люди приветствовали её при встрече, рыцари преклоняли колена, у неё был поклонник, готовый служить ей и всё свободное время (то есть вообще всё) посвящающий сочинению стихов в её честь...

Так не бывает.

Ведьма не может быть невестой рыцаря. Ведьма не может стать женой Дюка.

С ведьмой не должны случаться такие истории.

Так не бывает.

Однажды придётся платить.

Граф Дитлин уехал сразу же после завтрака, обещав вернуться через неделю, с ним уехали и разбойники Увара. Магду это радовало, потому что в стихах её юного рыцаря то и дело появлялись обещания жестоко расправиться с врагом. Разумеется, к вящей чести прекрасной дамы, но девушка сомневалась, что молоденький Арне вышел бы победителем из этого боя. Когда-то Бертильда Лотарин верила в честь и в оскорбление, которое смывается только кровью. Ведьма Магда верила только в то, что люди должны оставаться живыми как можно дольше. Живыми и, желательно, здоровыми.

К тому же Увар бросал на неё какие-то странные взгляды... Жалко, рядом не было Веймы, та безошибочно бы сказала, чем тот пах, когда смотрел на ведьму. А Магда... просто не знала. Заинтересованные были взгляды. Но Увар смотрел не так, как другие мужчины. Не сально, не восхищённо, без похоти, без преклонения... но и без равнодушия. Через три дня Увар вернулся. Его встретил Вир. Магда видела эту встречу, сидя у входа в свой шатёр, как она делала все эти дни. Арне, как положено верному рыцарю, сидел у её ног и, запинаясь, искал рифму на «прекрасную даму».

— Привёз? — коротко спросил шателен. Разбойник кивнул и снова покосился на Магду. Арне перехватил этот взгляд и напрягся. Ведьма положила руку ему на плечо и почувствовала, как юноша вздрогнул всем телом от её прикосновения. Смутившись, Магда отстранилась. Алард в это время сидел в большом шатре и сочинял какие-то важные письма.

— И не их только привёз, — с ленцой сообщил разбойник. — С нами ещё малец увязался. Дюк-то, слышал, искал художника. Вон, малец уже к нему припустил.

Вир демонстративно вздохнул.

— Малец, говоришь. Припустил, говоришь.

— Ну да, — отозвался Увар.

Магда поднялась. Большой шатёр стоял так, что входа в него не было видно от того места, где она сидела. Что за малец, интересно знать?..

— Будет в этом лагере порядок?! — рявкнул Вир.

— Серый, ты чего? — оторопел разбойник.

— Сколько раз повторять?! Всех новых людей сначала показывать мне! Ты пропустил его прямо к Дюку! А если он убийца?!

— Тоогда мы его тут на ленточки порежем, — засмеялся разбойник.

— Болван!

— Эй! — запротестовал разбойник. К нему подтягивались его люди, но, хотя их и явно возмутили слова шателена, они явно не собирались начинать драку. Магда моргнула. Разбойники вставали так, чтобы Вир оставался от них на расстоянии нескольких шагов... или одного прыжка.

— Да вот они, — принуждённо засмеялся Увар, показывая в сторону шатра.

Магда повернулась...

Рядом с её любимым шёл... ей была знакома эта хрупкая фигурка...

— Липп! — ахнула она. От волнения горло перехватило и её услышал только Арне, который вскочил, чтобы поддержать на ногах свою даму.

— Вы знаете его? — тихо спросил юноша.

Магда бросила на своего рыцаря благодарный взгляд.

— Знаю, — так же тихо ответила она.

— Ты здесь! — широко улыбнулся подошедший Дюк. — Бертильда, любовь моя! Пришло время использовать твои необычные умения!

Магда смертельно побледнела. Вир удивлённо поглядел на повелителя, ноздри его раздувались.

— Ты говорила, что режешь по дереву, — продолжал Дюк, не замечая их волнения. — Наш юный друг нарисует нам воззвания к простому народу, а ты вырежешь их, чтобы мы могли сделать много одинаковых картинок по одному образцу. Эту идею подсказал мне почтенный Ханк.

Магда моргнула.

— Ты хочешь, чтобы я работала... вместе с *ним*?

Липп улыбнулся, не показывая своих клыков и сделал несколько сложных движений, какими в самых модных танцах предваряли глубокий поклон. Среди собравшихся никто этих танцев не знал, но разбойники одобрительно засвистели.

— Эк коленца выделяет! — крякнул Увар.

Липп закончил свои сложные па перед самым лицом Магды. Коротко взглянул на стоящего за её спиной Арне и юноша, сам не зная, почему, опасно попятился. Липп склонился в глубоком поклоне.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — еле слышно прошептал вампир. После этих слов ни один проклятый не мог отказать другому в поддержке и помощи.

Магда наклонилась, поднимая юношу на ноги.

— Приблизим, брат, — послушно отозвалась она.

Вампирёныш ухмыльнулся.

— Не выдавай меня, сестрица, я тебе пригожусь, — дурашливо попросил он. Магда

коротко кивнула. В ходе поклона Липп, как положено, показал пустые ладони, обнажив при этом запястья. На левой руке по-прежнему была белая ленточка волшебницы.

— Мы будем очень хорошо работать вместе, ваше высочество, — с преувеличенной почтительностью поклонился Дюку молодой художник.

Кто-то из собравшихся охнул, один из разбойников присвистнул, оправившийся после взгляда вампира Арне положил руку на рукоять меча.

— Вот и замечательно! — просиял Алард и повернулся, чтобы идти к главному шатру. Вир, качая головой, устремился за ним, что-то сердито доказывая на ходу.

— Надо поговорить, — еле слышно заявил вампирёныш. — Избавься от своей тени. Он без особой приязни покосился в сторону юного рыцаря.

* * *

Порядка в лагере молодого Дюка, очевидно, не было и быть не могло. Шатёр для работы ставили вместе Вир и Липп, потому что, когда шателен освободился, он не смог найти, кому поручить эту работу. Поставив шатёр, он увёл с собой Арне, предложив юноше поупражняться в благородном искусстве боя на мечах. Они ушли под рассуждения Виры о том, что в юности не стоит рассчитывать выигрывать конные схватки, где лёгкость тела помешает удержаться в седле, однако пеший бой при правильном к нему отношении открывает много возможностей...

Магда пожалала плечами и вошла в шатёр, где её уже поджидал вампир. Заступник знает где, но они успели достать пару дощечек, подходящих для резьбы, а у Липпа пергамент и уголь были с собой. Там был даже стол, как подозревала Магда, утащенный из главного шатра.

— О чём ты хотел поговорить? — хмуро спросила Магда, присаживаясь на скамеечку для ног — единственное сидение во всём шатре.

— Тебя зовут Бертильда? — вместо ответа спросил Липп.

— Да, это моё имя, — кивнула Магда. — Какая тебе разница?

— Надо же мне знать... чтобы не ошибиться, — ухмыльнулся вампирёныш. Ведьма вгляделась в его лицо.

— Чего ты хочешь?

Липп помахал рукой.

— Сними, — коротко приказал он.

Магда покачала головой.

— Это сможет сделать только та, которая её завязала.

Вампир зашипел от злости.

— Она жжётся! — зло процедил он. — Я не могу жить, пока она на мне! Зачем ты это сделала?!

— Ты нападал на детей. Это моя земля. Я должна была их защитить.

— Это были *слепые* детёныши *слепых* крестьян!

Слепые — то есть не прозревшие. То есть не верящие, будто мир создан ради зла.

— Это моя земля, — повторила Магда.

Вампир грязно выругался. Ведьма пожалала плечами.

— Зачем ты сюда пришёл?

Липп снова дурашливо ухмыльнулся.

— Ты выгнала меня со своей земли. Надо же мне было куда-то пойти.

— И ты — вампир, высший посвящённый — собираешься рисовать для людей?!

— Ты — ведьма, — тихо и угрожающе ответил Липп. — Я не спрашиваю, что ты здесь забыла.

— О чём ты хотел поговорить? — снова спросила Магда, решив не отвечать на угрозу.

Вампир помахал рукой с ленточкой. Магда покачала головой. Липп пожал плечами и занялся рисованием. Он рисовал быстро, со скоростью, недоступной человеческому взгляду, но результат его не удовлетворял, и кусок пергамента за куском были отброшены в сторону. Ведьма покачала головой. Было понятно, что позже художник подберёт их все и тщательно разглядит, однако такая расточительность всё равно поражала.

— Ты знаешь, что твой дом не сожгли? — как бы невзначай спросил вампир.

— Что?!

— Ты же ушла вместе с Вилем-батраком.

— Откуда ты знаешь?!

— Бродил поблизости. Почему ты с ним ушла?

— Он убийца, — недовольно ответила ведьма.

— Угу. Высший посвящённый, кто бы мог подумать! Слишком много прозревших в одной деревне, не к добру.

Он неприятно засмеялся и выбросил ещё один испорченный пергамент.

— Он был готов убить меня, если я откажусь.

— Тебе будет трудно объяснить это барону. Исвар шепнул паре людей, что ты шла добровольно. Он видел тебя в лесу. Что он там делал?

— Откуда я знаю? — вздохнула ведьма. — Многим рассказал?

— Он не из болтливых. И с болтливými не разговаривал. Барон не знает.

— Он угрожал мне. Виль-батрак, — устало сказала ведьма. — Был готов убить меня как только я перестану быть полезной. Когда с тобой так разговаривают... ты идёшь очень добровольно. Твоя добрая воля очень хочет жить.

— Понятно. Где он сейчас?

— В лесу, — просто ответила Магда. — Я не знаю.

Вампир хмыкнул.

— Я ведьма. Он угрожал мне.

— Что ж не убила? — ухмыльнулся Липп.

— Я не умею.

Липп оскалился, показывая клыки.

— Тебе будет трудно это объяснить на *встрече*.

— Это не твоя забота, — отмахнулась Магда. На *встрече* её должны были убить. Сразу или сначала расспросив — не имело значения.

— А ты туда и не собираешься? — проницательно спросил вампир. Магда нахмурилась. Она успела забыть, вернее, не учитывала в разговоре, что такие, как он, чувствуют настроение собеседника. — Брось, поздно скрывать. Ты высоко поднялась. Невеста Дюка! Неплохо для деревенской ведьмы!

— Он ещё не вернул себе трон, — тихо ответила Магда.

— Но вернёт, — хмыкнул Липп. — С нашей помощью, а?

Он кинул в неё кусок пергамента с грубоватым — легко будет вырезать —

изображением всадника, подъезжающего к замку. Всадник держал в руках щит с гербом Корбиниана. Магда вздохнула и потянулась за инструментами. Таких задач перед ней ещё не ставили.

— Ты его приворожила, — нарушил молчание вампир. Магда вздрогнула и едва не порезалась ножом. Мельком она взглянула на Липпа и с отвращением увидела, как жадно тот смотрит на лезвие ножа, едва не пустившего ей кровь. — От него забавно пахнет... Он думает, что ты его приворожила и ему это нравится.

— Я была одна, — пояснила ведьма. Разговаривая с вампиром, бесполезно что-то скрывать. Всё равно *учует*. Счастье, что их мало интересуется что бы то ни было, кроме утоления своей проклятой жажды. — Была колдовская ночь... Как будто звёзды сошлись в тот узор, к какому они шли много лет.

— И ты была одна, — ухмыльнулся, показывая клыки, Липп. — Страшно, поди, одной в лесу среди ночи?

Магда досадливо фыркнула. Об этом она не говорила даже наедине с самой собой. Вампирёныш торжественно оскалился. То была колдовская ночь и всё, и томившее её предчувствие, и жадный взгляд ночного гостя, и множество других причин, всё толкало её сделать то, что она сделала. Но ещё ей было просто страшно — одной наедине с незнакомым человеком, который непонятно зачем постучался в дождь в одинокий домик в лесу...

— Понравилась мне когда-то девушка, — без видимой связи с предыдущим разговором сказал Липп. — Ух, хороша была! Я и так, и сяк... А она ни в какую. Нашёл я в Раног старушонку одну. Немного, кстати, запросила. Сказала, чтобы напоил я свою красавицу и вылил ей зелья в бокал. А ещё сказала, чтобы я это и не скрывал особо.

Магда заушмылялась не хуже вампира. Она знала, как действует такое колдовство.

— Угу. Всё так и случилось. Две недели я её уламывал хоть вина выпить. А как выпила — и я ничего показался. Да ещё с зельем. Погуляли мы тогда на славу... И всё бы хорошо, да только мне потом другая девчонка приглянулась, конопатая, и фигурка у неё...

Липп выразительно присвистнул.

— И моя красавица пошла к маменьке и всё выложила.

Вампирёныш невольно почесал бок, а потом голову, и Магда поняла: сюда его били... может быть, и пинали...

— Я-де приворожил, я-де злодей, я-де совратил невинное дитя... какое дитя, она меня старше была, а туда же!

Магда засмеялась.

— Правильно смеёшься. Я тогда вампиром стал, меня наставник вытащил. Но сейчас речь не о том. Я к старушонке-то ходил своей. Отворот просил. Знаешь, что она мне сказала?

— Она дала тебе какой-нибудь безобидный отвар, а денег спросила, как за настоящее зелье? — усмехнулась ведьма. — Мы всегда это делаем.

— Угу. Вот и думай сейчас. Стоило ли?

Магда перестала смеяться и нахмурилась. Всякий мальчишка, и не человек даже, её учить будет.

— Я не собираюсь его бросать, — ответила она.

Вампирёныш хмыкнул и бросил ей ещё два исчерканных углём листка.

— От тебя тоже забавно пахнет, — сообщил он и вышел из шатра.

Ведьма провозилась весь день, а, когда вышла из шатра отдохнуть и размять ноги, первым, на кого она наткнулась, был Увар. Вокруг никого не было, из главного шатра доносились голоса, похоже, там обсуждали что-то важное, от ручья — мужские и женские довольные вскрики. Там опять купались. Только в кузнице, как всегда, шла работа.

Увар смерил девушку своим странным, ищущим пристальным взглядом, полез за пазуху и достал женский гребень. На пожелтевшей от времени кости были вырезаны две голубки...

— Бертилейн, — как-то неуверенно позвал разбойник.

И вдруг ведьма вспомнила, где она его видела... конечно... тогда она была ещё совсем малявкой и рыжеватый наёмник казался ей образцом воинской стати... кем он казался Агнете? Избавителем, пришедшим спасти её из скудости отцовского дома?

Лицо Магды исказилось от острой душевной боли. Она подскочила к Увару, занесла руку для удара, но тот проворно отскочил.

— Бертилейн, малышка, — проговорил он своим сиплым голосом.

Когда он охмурил Агнету, голос у него был красивее.

— Ты! — выдохнула ведьма, с трудом справившись со своим голосом. — После стольких лет!

Её трясло. Перед глазами мелькали картины детства. Сестра, сияющая от счастья. Хмурая мать, которая всегда жалела, что не родила мужу наследников. Отец, который никогда не обращал внимания на дочерей, не следил за их воспитанием... и вдруг, совершенно случайно заставший их вдвоём — дочь и её соблазнителя. Гнев отца был страшен. Досталось и младшей дочери и их матери, воспитавшей распутницу и не уследившей за ними. Агнета тогда подурнела, спала с лица. А Увар пропал. Отец ничего не хотел слушать. Он запер Бертильду в башне и выгнал старшую дочь с позором. Босую, в одной сорочке, с распущенными волосами, тем более, что материн гребень Агнета отдала наёмнику как залог любви. Единственная вещь, которую она могла назвать своей...

Младшую дочь Крипп выставил за ворота одетой, когда она отказалась уходить в монастырь, чтобы отцу не пришлось отнимать у сына что-то из своих скудных владений на приданое. Ей повезло больше.

— Прекрасная госпожа! — перехватил её руку подоспевший Арне. — Позвольте мне заступиться за вашу честь!

— За мою честь?! — рявкнула девушка, круто поворачиваясь к рыцарю. Юноша густо покраснел.

— Я хотел сказать — скрестить клинки в вашу честь с этим проходимцем.

— С ума сошёл? — сплюнул Увар. — Ещё я с детьми не дрался.

— Что здесь происходит? — устало спросил Алард, подошедший на шум. Магда кашлянула. Болело горло.

Кажется, она сейчас кричала...

Вир стоял рядом со своим повелителем и его недовольное лицо выражало утренний вопрос. *Будет ли в этом лагере порядок?!*

Магду это не интересовало.

Она бросилась к жениху.

— Справедливости! — закричала она. — Ваше высочество, справедливости!

Алард моргнул. Вокруг уже собрались разбойники Увара и пришедшие под знамя Дюка рыцари.

— Что случилось, любовь моя? — спросил он и запоздало обнял дрожащую невесту.

— Я требую справедливости! — снова закричала Магда.

Вир хмыкнул, подошёл и, отстранив Дюка, без церемоний встряхнул девушку за плечи так, что она подавилась очередным криком. Магда возмущённо вырвалась из его рук.

— Я обвиняю этого человека в том, что он обесчестил мою старшую сестру и скрылся, забрав принадлежащую ей вещь! — отчеканила ведьма, ткнув в гребень, который наёмник всё ещё держал в руках. — Он не заплатил ни жизнью, ни кровью! Я требую справедливости!

В толпе разбойников послышались смешки. Увар, напротив, покраснел и нахмурился.

Алард растерянно озирался и откровенно косился на Виру в ожидании подсказки. Вир хмурился.

— Ваше высочество! — вызвался Арне. — Позвольте мне! Пожалуйста! Я имею на это право!

— Я не буду... — начал было Увар. Вир как-то странно не то фыркнул, не то рыкнул. Разбойник пожал плечами. — Если у вас этот мальчишка лишний — отчего бы нет?

Бедный Арне покраснел до корней волос. Он вытащил из-за пояса перчатку и кинул к ногам разбойника.

— Я вызываю тебя на честный поединок, — звонко заявил юный рыцарь. — Я скрещу с тобой клинки в честь моей прекрасной дамы!

Разбойники загоготали.

Увар с показной неохотой наклонился и подобрал перчатку.

— Маловата мне будет, — хмыкнул он. — Начнём, что ли? Ты давно был у священника, а, малец?

Арне обижено закусил губу и кинулся на противника с поднятым мечом. Магда охнула. Вир не глядя поймал рыцаря за шиворот.

— Сосредоточься, — потребовал он, встряхнув юношу. Арне оскорблённо стряхнул с себя руки шателена, но урок пошёл на пользу.

* * *

Магда, вернее, Бертильда, не так много знала о поединках. Её отец не ездил на турниры и не пускал туда дочь, а немногочисленные менестрели редко останавливались в их замке больше, чем на одну ночь по пути куда-нибудь в более достойное их таланта места. Так что ведьма твёрдо помнила только одно: с одной стороны меча должен быть её враг, а с другой — защитник, причём очень важно, чтобы враг оказался там, где остриё, а защитник, напротив, около рукояти. Она напрасно так сильно переживала за Арне. Сдержав свою горячность, мальчик оказался не таким уж плохим бойцом... хотя Магда не могла отделаться от подозрения, что ещё один странный рык, изданный в самом начале поединка, как-то повлиял на действия Увара. Тот дрался со странной неуверенностью, которую было сложно объяснить. Поединок затягивался.

— И от них тоже забавно пахнет, — еле слышно прозвучал за её спиной мальчишеский голос. Вир покосился на них, но ничего не сказал. Липп тихо хихикнул. — Этот... *серый*... он твоему... *оскорбителю* запретил всякие грязные приёмчики использовать. А тот и не

знает, что тогда делать, болезный. Не привык он честно сражаться.

— Откуда ты знаешь?! — сердито прошептала ведьма.

— Да уж знаю. Нет, смотри, что делает! Всё равно подножку ладит! Ну, я ему сейчас!..

Магда так и не увидела, что случилось. Липп, который был одного с ней роста, опёрся на её плечо, высовывая голову, Увар на мгновение уставился в их сторону... Арне замешкался, а после решительно перешёл в нападение...

— Прекрати это! — разозлённо зашипела Магда. Вампир воспользовался способностью зачаровывать людей... днём — одного человека, которому смотрит в глаза... вмешался в поединок... и всё испортил...

— Я ничего не делаю, — засмеялся Липп. — Я только помешал Увару поставить подножку. А тебе его жалко стало?

— Ещё чего! Но победа должна быть честной!

Вампир засмеялся ещё веселее. Жалобно брякнуло железо: Арне удалось выбить меч из руки противника, Увар шагнул назад, споткнулся и упал. Воодушевлённый победой Арне подскочил, занёс меч...

— Хватит! — рывкнул Вир. Вроде бы и негромко, но у всех собравшихся зашевелились волосы на головах.

— Жулик, — засмеялся вампир. — Смотри, что задумал.

То ли Липп как-то повлиял на её зрение, то ли она так удачно стояла, но ведьма уловила блеск металла, виднеющегося из рукава разбойника.

— Упал нарочно, — прокомментировал вампир. — Сейчас мальчик бы подошёл — и получил бы под колено. Это на всю жизнь, между прочем.

— Сам будто взрослый! — рассердилась Магда.

Если бы она не закричала, Арне не рисковал бы жизнью и здоровьем...

Юный рыцарь приставил меч к груди поверженного противника и гордо посмотрел на свою даму.

Вир снова рыкнул и Увар демонстративно сложил руки на груди.

— Сдаёшься?! — спросил Арне.

Увар, не вставая, пожал плечами.

— Он не сдастся, — шепнул вампир. — Не такой он человек.

— Пойди прочь! — закричала ведьма. Все на неё оглянулись. Вампир снова засмеялся.

— Забавно вы все пахнете, — сообщил он и действительно отошёл в сторону.

Магда вздохнула и подошла к своему рыцарю.

— Благодарю тебя, — произнесла она, пытаясь говорить достаточно торжественно. На душе было... пусто... мерзко... кисло.

— Я что-то сделал не так, прекрасная госпожа? — забеспокоился Арне. Магда покачала головой и бегло осмотрела юношу. *Пара царапин. Не ранен.*

— Ты мне очень помог, — ответила Магда. — Спасибо тебе.

— Я могу для вас что-нибудь сделать? — вскинулся рыцарь.

— Нет. Прости. Оставь меня пока. Мне... мне надо подумать. И ещё раз спасибо.

— Но, госпожа...

— Оставь её, — посоветовал Вир, опуская тяжёлую руку юноше на плечо. — Пойдём лучше, поговорим. Оно полезней будет. Увар, вставай! Хорош разлёживаться!

Арне убрал меч в ножны, Магда повернулась и медленно, как больная, побрела куда-то в сторону ото всех. Алард что-то крикнул вслед, но она не слышала. Догонять он её не стал.

Ведьма не могла сказать, хотелось бы ей этого или нет.

— Бертилейн! — раздался за спиной сиплый голос. Магда круто повернулась и разбойник цепко схватил её за руки. — Малышка! Это ты! Ты нашлась! Мы весь Тафелон обошли... Агнета все глаза исплакала... трое у нас... среднюю в твою честь назвали... просили вашего отца отпустить тебя к нам... хоть на малышку бы посмотрела... а он... не знали, где ты... искали... Ты нашлась! Малышка! Сестрёнка моя! Маленькая! Как ты выросла! Красавица стала! Агнета-то как рада будет! Детей тебе покажем! Нашлась! Нашлась!

Магда моргнула. В этот миг она действительно вспомнила всё. Невысокого, но крепкого наёмника, над чьими волдырями от солнца она всегда смеялась... который таскал её на плечах... воровал ей мёд из чьих-то ульев... обещал отправиться добывать её сестре волшебный цветок, а ей самой — голову чудовища-стража... пел какие-то диковатые песни... выпутывал репей из её кос... кидались мальчишки из отцовской деревни... отстегал их крапивой... всегда звал сестрой... и смотрел на Агнету так, как будто прекрасней её на свете-то не было.

— Отец ваш меня выставил, да послал за мной каких-то... — Он грязно выругался, спохватился и страшно побагровел, с испугом уставившись на невестку. — Я отбился, но валялся долго, не смог увести с собой Агнету... все ноги сбила, бедняжка... А потом нашла и выходила. На руках носил! Одно горе — ты там оставалась. Что же ты так, маленькая моя? Неужто ты думала, что я Агнету бросил? Как же ты так? Я бы лучше в огонь кинулся! Но ты нашлась! Уж как Агнета рада будет!

Магда стояла перед Уваром, только моргая, а тот всё говорил, говорил, говорил, захлёбываясь словами, которые не успевал выталкивать. К ним, осторожно ступая, подошёл Вир.

— Объяснились? — коротко спросил он.

Магда повернулась к нему.

— Ты знал!!!

— Ну да. Я почуял. Я и Агнету знаю, а вы похожи. Ты разве постройнее будешь.

Магда заворожено уставилась на него... потом на своего... зятя?!

— Бертилейн, что с тобой? — встряхнул её Увар.

Ведьма моргнула. Происходило что-то кошмарное, что-то такое, чего не могло, не должно было случиться.

Магда с ужасом посмотрела на свои руки, которые всё ещё крепко сжимал разбойник.

— Моя сила... — прошептала она. — Она... она... уходит?!

Вир шагнул к ней, заслоня собой солнечный свет... стало очень темно... темно... темно... и мир исчез. Осталась одна пустота.

Глава шестая

Расставание

Магда открыла глаза и увидела белёный потолок, какие бывают в богатых крестьянских домах. Повернула голову и встретила с любопытным взглядом маленькой девочки, сидящей возле постели на чурбачке. Та немедленно вскочила на ноги.

— Мама! — закричала девочка. — Тётя очнулась! Очнулась, мама!

И девочка вприпрыжку выскочила за дверь.

Магда моргнула.

Она лежала на широком ларе, под головой — подушка, кто-то укутал её в лоскутное одеяло. Дом вокруг неё был... странным. В нём как будто чего-то не хватало и что-то, однако, было лишним. Странной была и она сама. Чего-то в ней точно не хватало... чего-то очень важного... и вместе с тем...

Девочка снаружи продолжала кричать.

— Не шуми, Бертилейн, — строго попросил... такой знакомый голос. Магда вскочила так резко, что у неё закружилась голова и ей пришлось сесть обратно на ларь. А в двери уже входила... с уложенными вокруг головы светлыми волосами, со знакомым ласковым взглядом ореховых глаз, заметно пополневшая, но такая родная...

— Агнета!!!

— Сестрёнка!

* * *

Прошло много времени, прежде чем бессвязные восклицания сестёр перешли в разумную беседу. Агнета и Бертильда сидели, держась за руки, и говорили, говорили, говорили, а вокруг них бегала маленькая девочка, подхватывая понравившиеся ей слова.

— Нашлась!..

— Так долго искала...

— Сбила ноги...

— Стала ведьмой...

— Бедный мой, на нём места живого не было!..

— Горевала каждый день...

— Отлично зажили с ним...

— Грустила...

— Трое детишек...

— Надеялась...

— Назвали как тебя...

— Пришла сюда...

— Где же ты была так долго?

— Чем же ты занималась?

Они говорили и не слушали друг друга, пока Агнете не заметила, что её маленькая дочь прыгает на одной ножке и распевает:

— Стала ведьмой, стала ведьмой, искала-искала — и стала ведьмой, стала ведьмой,

искала-искала — и стала ведьмой, стала ведьмой, искала-искала — и стала ведьмой, ведьмой, ведь-мой!!!

— Замолчи! — крикнула Агнете и маленькая Бертилейн села на пол и разревелась. Мать немедленно подхватила девочку на руки и прижала к себе. Укачав, она спустила ребёнка на пол и подтолкнула к выходу. — Беги, поиграй во дворе, милая.

Она перевела полный тревоги взгляд на сестру.

— Ты стала ведьмой?!

Магда выдержала её взгляд.

— Да. Я была ведьмой.

— Была?!

Магда смотрела прямо, но в глазах её появились слёзы.

— Я отдала этот дар за то, что нашла тебя, — сказала бывшая ведьма.

Агнета покачала головой.

— Я не понимаю.

— Когда ты чего-то очень хочешь, ты пытаешься этого добиться, — объяснила Магда. — Ты ищешь. И если не находишь — тебе плохо, очень плохо. И если у тебя есть талант... однажды к тебе приходят... или ты случайно находишь дорогу...

Магда помнила, как будто это было вчера. После блужданий ступила на жуткие земли Серой пустоши. Вспомнила летающих по небу учениц. Вспомнила заклятья, которые звучали, казалось, сами собой. А потом кто-то встал перед ней и заговорил... А после её взяли за руку и повели в Бурюю Башню. И кто-то — Магда так и не запомнила, кто — сказал, что у неё хорошая душа и Освободитель — Враг плотского мира — будет рад. И что волшебство может всё. И что её желание — это проклятие, потому что оно иссушило её душу. И она должна разделить проклятие с ними, с теми, кому было дано прозреть. И она согласилась, потому что отец прогнал её, потому что она никак не могла отыскать сестру, потому что она долго шла и устала и потому, что не видела лица говорящего.

А потом всё закончилось, и она оказалась на самой обычной кухне, только очень большой. Ведьмы предпочитают жить и учиться на кухнях: там тепло и можно готовить зелья. Человек, чьё лицо оставалось в тени, сказал, что завтра ей дадут новое имя и посоветовал отдохнуть.

Наутро она проснулась ведьмой Магдой и была ею долгие годы... Очень долгие, наполненные учением и колдовством годы. Долгим был каждый день.

— Понимаешь, есть плата, — продолжала объяснять Магда, решительно стирая слёзы рукой. — Ты отдаёшь душу для того, чтобы выполнить заветное желание. И пока оно не выполнено, ты владеешь силой.

— Ну уж не я! — воскликнула Агнета.

— Да, — кивнула Магда. — Не ты.

Старшая сестра взгляделась в лицо младшей.

— Прости, дорогая. Я не хотела тебя обидеть. Значит, ты была ведьмой?

— Да, — просто ответила Магда. — Я перестала ей быть, когда поняла, что моё желание исполнилось.

— И ты получила душу обратно? — не отставала Агнета.

— Выходит, так, — пожала плечами бывшая ведьма. Она вовсе не чувствовала себя как человек, вернувший душу обратно. Скорее она чувствовала себя как человек с огромной

дырой в душе. Дырой, на месте которой когда-то было колдовство.

Теперь понятно, почему ведьмы боятся любить...

— Расскажи о себе, — попросила Магда. — Ты нашла Увара, когда отец выгнал тебя из дома. А потом? Увар тебя содержит, работает на тебя?

— Увар? — улыбнулась женщина. — Уж он наработает!

— Он же не... ну...

— Что? — спросила Агнета чуть резче, чем следовало.

— Он же не разбойник? Я видела, как он вернулся с грабежа.

— Увар?! — недоуменно переспросила Агнета и расхохоталась. — Деточка! Да он добрейший человек на свете!

— Но он грабил людей! Я видела!

— Он не грабил, — твёрдо ответила Агнета. — Он наёмник. Разбойник грабит для себя а наёмник просто делает то, что ему велят. И наёмники всегда берут что-то у крестьян, разве ты не знаешь?

Магда знала. Но раньше это не казалось таким... неправильным. Где-то в чужой земле, куда отправились за чем-то очень важным... и только потому что, что твоим воинам нечего есть.

Но разве людям Дюка было что есть?

Но разве они не могли честно работать?

Но разве они умели?

— Так как вы живёте? — спросила Магда, чтобы унять вихрь вопросов, которые теснились в её голове.

— Я научилась ткать золотом, — гордо улыбнулась Агнета. — Мы пришли в Тамн, тогда ещё не родился Анико — это мой старший, — и я нанялась мыть полы к мастеру, у которого ещё не было учеников, которые бы мыли для него полы, и я поняла, как это делается. А я очень хорошо умею ткать.

Она слегка помрачнела.

— Я ткала лучше их мастеров, и им не хотелось это признавать. Поэтому кто-то из них... украл меня. Знаешь, милая, это не так весело, как в балладах, когда девушку воруют только для того, чтобы явился её спаситель.

— Или не так весело, как в балладе про девушку, которая всю ночь дралась со своим похитителем? — улыбнулась Магда и напела припев. Агнета покраснела.

— Я надеялась, что ты забудешь эту глупую песню! Вот и Бертилейн такая же — всё, что слышит, всегда напевает!

— Не отвлекайся, — попросила Магда. — Что было дальше? Чего они хотели?

— Увар был далеко и они хотели, чтобы я сидела и ткала на них за хлеб... и побои. Они думали, что он уже меня не найдёт. Но он вернулся раньше... понял, что меня нет и нашёл господина Вира.

— Что?! Вира?!

— Ну да, — подтвердила Агнета. — Он... они уже были знакомы... нам страшно повезло... господин Вир нашёл меня... Мы всегда будем ему благодарны. Мы назвали в его честь моего младшего. Вирелейн сейчас у своей бабушки, а Анико делает вид, что их охраняет.

— А почему ты не оставила там же Бертилейн? — не поняла Магда.

— Потому что Бертилейн всегда поёт песенки о том, что сказали взрослые, —

мрачною ответила сестра.

Они помолчали, обе думая о том, что могла услышать девочка и как сложно с таким ребёнком.

— Вы здесь живёте? — спросила Магда, оглядывая дом. Было в нём что-то неправильное, но вот что — она сказать не могла.

— Ах, нет! — отмахнулась Агнета. — Люди, которые тут жили, бросили свои дома, когда сбежала их ведьма. Прости, сестрёнка, я испугалась, когда ты сказала, что стала ведьмой. За тебя. Ты знаешь, братья заступники...

— Знаю, — оборвала Магда. — Так ты поселилась в чужом доме?

— Только на несколько дней! И я навела тут порядок, так что нечего на меня так смотреть. Господин Вир велел Увару привезти меня поближе, когда понял, что ты моя сестра. А ещё он велел сказать ему, когда ты очнёшься. И готовиться к отъезду. Он заглянет к вечеру.

* * *

Вир действительно пришёл к вечеру. Он шагнул в дверь так непринуждённо, словно заявился к себе домой. Магда подумала, что в каком-то смысле так и было.

— Увар увезёт тебя и девочку, — без предисловий обратился он к Агнете. — Но Бертильда пойдёт со мной.

Агнете покорно кивнула.

— Пойду? С тобой? — удивилась Магда. — С чего это?

— С того, что рядом с тобой Агнете может грозить опасность, — спокойно ответил шателен. Он заметил протестующее движение женщины и сделал успокоительный взмах рукой. Магда с неодобрением посмотрела, как сестра покорно кивает и задала вопрос, который мечтала задать ещё с того момента, как их с Виром встретил Алард. Ну, почти такой.

— А она знает, что ты оборотень?!

Настала очередь Агнеты твёрдо выдерживать взгляд сестры. Вир хохотнул.

— Ещё бы она не знает! Она тебе рассказала... про ткачей?

— Рассказала. Так ты... ты сменил облик, чтобы её спасти?

Магда была потрясена. Проклятые традиционно не вмешивались в дела людей, что бы то ни делали друг с другом.

— Это было нетрудно, — пожал плечами Вир. — Во втором облике. К тому же в человеческом меня слишком многие знали. Я напугал тогда твою сестру, но это неизбежное зло.

— Но как ты узнала? — вмешалась Агнета. — Он сказал тебе?

Магда покачала головой.

— Чтобы одежда превращалась вместе с оборотнем, он должен сам убить зверя и сшить его жилами из его же кожи себе наряд. В куртке Вира нет ни единой нитки. Потом, то, как он двигается... и он шёл по дороге ночью. Через лес.

— Ты тоже там была, — усмехнулся Вир.

— Но я-то знаю, как я там оказалась!

— И как же? — неожиданно строго спросил оборотень. Под его взглядом бывшей

ведьме расхотелось отпираться или врать и она ответила правду:

— Меня привёл туда убийца. Я его одурманила и сбежала. Или ты посоветовал бы ждать его пробуждения?

— Что за убийца? — не отставал Вир.

— Тебя хотели убить! — ахнула Агнета, но мужчина жестом попросил её помолчать и она снова повиновалась.

— Ты знаешь, — хмуро ответила девушка. — Тот, которого искали аллгеймайны.

— А! И ты его одурманила? Выходит, он тебе доверял.

— Он мне не доверял. Поэтому я смогла его одурманить, — ответила Магда. — Ты ведь не думаешь, что я должна была отказаться ему помогать?

— Это не мне судить, — сухо ответил Вир. — Но если он правда тот, о ком я думаю... тебе повезло.

— Угу.

Они недолго помолчали. Потом Магда спросила:

— Значит, на самом деле ты не шателен?

— Почему? — удивился Вир.

— Но ты говорил, что твои предки...

— А! — усмехнулся Вир. — Удобно, правда? Никто и не подозревает. Все знали моего отца и отца моего отца. Я стал оборотнем по обещанию. Знаешь, что это такое?

Магда кивнула. *Оборотень по обещанию...* да, она слышала кое-что о них. Каждая ведьма знала, что это такое и как такого... *сделать*. Это было непросто.

— Прекрасно. Я принёс твою сумку. Мы уходим. Агнета, очень прошу, не смотри вслед. Увар скоро придёт.

— Как уходим?! Куда уходим?! А Алард?! А Арне? Не могу же я вот так вот...

Вир шагнул к девушке и посмотрел ей в глаза. Магда увидела холодный и нерассуждающий взгляд хищника. От него по коже бежали мурашки.

— Ты *можешь*. Можешь, если хочешь жить. Об Арне позаботятся. А Алард... Ты разве не знаешь, что брат Флегонт вернулся?

— Откуда? — проямлила Магда. — Мне никто не сказал.

— Теперь — знаешь. Долго ты проживёшь здесь? Ты приворожила будущего Дюка! О чём ты думала, когда являлась сюда?!

— Я не являлась, — обиделась Магда. Рядом со старшей сестрой и Виром с его вечными приказами она чувствовала себя маленькой девочкой.

— Приворожила?! — одновременно с ней ахнула Агнета. — Милая, но это злое колдовство!

Несмотря на серьёзность ситуации, Магда приснула со смеху. Даже Вир чуть-чуть улыбнулся.

— Я не знала, куда мне идти, — огрызнулась бывшая ведьма, обращаясь к оборотню. — И я хотела предупредить его об опасности.

— Предупредила? — хмыкнул Вир, и Магда почувствовала, что краснеет.

— К слову не пришлось, — пробормотала она и повернулась к сестре. — Я никого не привораживала. Просто... он в это поверил. И всё.

— Но сейчас важно, что он в это верит! — рявкнул Вир. — Поэтому ты идёшь со мной, а Агнета уедет отсюда.

Магда вздохнула. Судьба продолжала ею играть.

— Я уйду только когда увижу, как уезжает Агнета, — решительно заявила она. Вир усмехнулся.

— Договорились, — хмыкнул он.

История третья
Семья и власть

Глава первая

Примирение

Летом темнеет поздно. Они шли через сумерки по той же дороге, по которой пришли. Не было смысла прятаться: Вир учуял бы любого, кто подошёл бы достаточно близко, чтобы их разглядеть. К тому же подступала ночь. Магда молчала. Сестра плакала, прощаясь с ней, Увар и его... люди были явно смущены и расстроены. Магда быстро заметила, что Увар готов был целовать землю, по которой ступала его жена и малейшая её слезинка лишала наёмника самообладания. А его людям быстро передавалось настроение главаря, что тоже говорило о многом. Например, о том, что её зять — хороший вожак, и это, наверное, должно было радовать... Магда устала и запуталась. Дорога была ровная, но девушка спотыкалась на каждом шагу. Ведьмы ещё могут кое-как ходить в потёмках, хотя не так хорошо, как вампиры и оборотни. Ведьмы. Но не обычные люди.

— Куда ты меня ведёшь? — спросила она, когда молчание стало невмоготу.

— Домой, — коротко ответил оборотень и, помедлив, улыбнулся непонятно чему.

— Куда?! У меня больше нет дома! Я больше не ведьма! Я... Зачем ты это сделал со мной?!

— Ты же мечтала найти сестру, — напомнил оборотень.

— Что ты можешь об этом знать?!

— Не кричи, — поморщился Вир.

— Зачем ты это сделал?! Теперь я никто!

— Я сказал, не кричи, — твёрже потребовал оборотень. Магда отвернулась, не желая встречаться взглядом с его волчьими глазами. Они, казалось, горели в полумраке вечера.

— Ты знаешь, что такое — потерять всю свою силу? — тише спросила она. — Я не чувствую леса. Дует ветер — и просто так дует. Я как будто ослепла и оглохла!

— Но ты хотела найти сестру, — снова напомнил оборотень.

Магда тяжело вздохнула и снова споткнулась.

— Хотела... — уныло признала она.

Что она могла сказать? Что на самом деле она хотела, чтобы было как раньше? Чтобы было лучше, чем раньше. Чтобы вернуться домой. Чтобы... чтобы братика не было, а отец гордился бы ими? Или, может быть, братик всё же был. Просто... просто отцу было бы до них дело. И матери. И они бы принимали гостей и куда-нибудь бы тоже ездили... и всё было бы... *правильно*. Было глупо думать, что, найдя сестру, можно повернуть время вспять. Глупо думать, будто можно изменить прошлое.

Агнета была... Магда вдруг поняла, что понятия не имеет, какой была Агнета — тогда, в прошлом. Младшие сёстры не очень-то присматриваются к старшим. Разве что ждут, когда те вырастут из своего любимого платья.

А сегодняшняя Агнета была... хлопотливой. Не суетной, а из тех женщин, у которых в руках горит любое дело. Спокойной. Доброй. И с кучей дурацких предрассудков вроде того «мой муж — самый лучший мужчина на земле», «господин Вир спас мне жизнь и поэтому добрейший человек в мире», «моя сестра — маленькая девочка, которую нужно опекать» и «колдовать вообще-то нехорошо».

Любить воображаемую Агнету было просто. Красивую девушку, прекрасную старшую сестру, самую лучшую, самую добрую, так подло обманутую коварным негодяем...

Любить настоящую Агнету... было трудно. Трудно любить того, кто возвращает тебя в детство. Трудно понимать, что ты не можешь помочь, не можешь спасти... и потом, от чего спасать-то? Всё хорошо, а с твоим появлением всё стало совершенно прекрасно... Трудно принять, что спасать собираются *тебя*.

Все эти годы Бертильда для Агнеты была маленькой девочкой, жестоко выгнанной из дома тираном-отцом.

Наверное, Агнете тоже было сложно любить сестру такой, какая она была *на самом деле*...

Наверное, Агнета тоже была рада попроситься.

Наверное...

— Я заплатила за это всё, что у меня было, — сказала Магда после долгого молчания. — Теперь я никто.

— Ты уже была никем. Когда отец выгнал тебя из дома, — хмыкнул оборотень.

— Но тогда я стала ведьмой!

— Сейчас тоже кем-нибудь станешь, — предположил Вир.

— Но я не хочу!

— А ведьмой — хотела?

— Нет, но...

— Вот видишь.

— Какое тебе вообще дело?!

— Не кричи. Четвёртый раз повторять не буду.

— Ты мне угрожаешь? — спросила Магда. Она не была такой бешеной, как её подруга, поэтому вопрос прозвучал... осторожно. Уточняюще. Как будто ей в самом деле понадобилось срочно выяснить, способен ли её собеседник на угрозы. Вир хмыкнул.

— В ночи крики далеко разносятся. Кстати, не поручусь, что Медный Паук не бродит где-то рядом.

— Ты его знаешь? — уточнила девушка.

— Его многие знают. Я нашёл его, пока ты спала, тогда ещё. Решил, что нечего ему в лесу делать.

— Но я же... Ты же не должен был его найти!

— А, он тоже что-то говорил об этом. На оборотней твоя власть не распространяется... не распространялась. От собак оно поможет. А вот от стаи волков ему не уйти.

— Ты его... съел?! — как зачарованная спросила бывшая ведьма. Вир расхохотался.

— Там мяса-то — на один укус, если соскрести со всех костей, — сообщил он, когда прекратил смеяться. — Да и то ядовитое. Нет, мы поговорили и я его вывел из леса. Кстати, он тебя... вспоминает.

— Могу представить, — вздохнула бывшая ведьма.

— Он говорит, из тебя бы вышла отличная убийца, если бы ты не боялась оружия. А ещё говорит, ты помешала ему выполнить заказ. Такого с ним ещё не случалось.

— Он хотел меня убить!

— Вообще-то почти передумал.

— Надо было сказать!

— А ты бы поверила?

Магда пожала плечами. Может, и поверила бы. Какая разница? Он же хотел убить...

— Кстати, а с чего ты взяла, что ему заказали Дюка? — вывел её из размышлений

вопрос.

— Но он же... — ахнула девушка.

— Вовсе нет.

— А... кого?..

— Тебе лучше не знать, — отрезал оборотень.

— А...

— И не думать.

Магда отвернулась. Какая-то тень на дороге показалась ей темнее других, она шагнула в сторону и угодила ногой в ямку. Вир подождал, пока она поднимется, и демонстративно вздохнул.

— Так мы далеко не уйдём, — сообщил он.

— Я летать не умею, — огрызнулась донельзя усталая и расстроенная девушка.

— Я тоже, — хмыкнул оборотень и внимательно посмотрел на Магду. Бывшая ведьма поёжилась. Она уже не видела его иначе чем тёмную тень с более светлым пятном лица, но чувствовала устремлённый на неё оценивающий взгляд звериных глаз.

— Что ты так смотришь? — поёжилась она. Было сложно удержаться от мыслей, что на её-то костях мяса хватает. И даже неядовитого.

— Я не собираюсь брать с тебя клятвы, — медленно проговорил оборотень. — Но если кто-нибудь узнает... ты живой не будешь.

— О чём ты? — попятилась назад девушка.

Вместо ответа Вир подпрыгнул... очень высоко подпрыгнул... перекувырнулся в воздухе... на землю опустился здоровенный волк. Магда попятилась. Волк недовольно рыкнул, сел, а потом лёг на землю и искоса посмотрел на девушку. Мотнул головой, как будто приглашал...

Не хвались, что на мне ездил... так говорит чудовище в сказке Йагану-дураку, который сначала спас его, а потом позвал на помощь, когда самого припекло. Но Йаган-дурак это условие нарушил... и... В общем, в той сказке всё закончилось свадьбой. Там ещё была мудрая Врени, к которой все шли за советами, но никто не хотел жениться. Тоже — пока не припекло. Магда ещё в детстве думала, зачем мудрой Врени муж-дурак и будут ли они счастливы, если женились по её настоянию?

Волк рыкнул снова и бывшая ведьма, подобрав платье, осторожно влезла ему на спину. Оборотень поднялся на ноги, едва не сбросив всадницу. Магда вцепилась ему в шерсть, и волк снова рыкнул. Магда немного ослабила хватку. А потом волк побежал. Оборотни бегают быстрее обычных животных...

* * *

Они добрались до домика Магды на закате следующего дня. Когда рассвело, Вир прыгнул в лес и побежал гораздо медленнее. Не столько из-за себя, сколько чтобы не расшибить свой... груз... о ветки деревьев. Но бежал он по лесу недолго — они слишком были близко к людям. Так что они спрятались в лесу и ждали, пока стемнеет. А после пошли снова. Магда еле могла идти после ночной скачки, но оборотня это не волновало. На этот раз он не стал менять облик. Вир шёл вперёд так уверенно, как будто знал дорогу лучше неё самой. А потом остановился. В сумерках дом казался тёмной тенью. Свет в окнах не горел.

но это ещё ни о чём не говорило.

— Иди, — кивнул оборотень на калитку.

— Зайти не хочешь? — с кривой усмешкой предложила бывшая ведьма. Она не была уверена, что дом её примет. Слишком много в нём было её колдовства, чтобы войти туда сейчас... пустой.

— Не сейчас, — хмыкнул Вир. — Иди.

Магда послушно толкнула калитку. Делать было всё равно нечего.

Двор был небольшой, много ли ведьме надо... но не успела Магда сделать нескольких шагов, как мимо неё пробежала... пролетела... Магда не знала, как это вообще выразить словами. Её подруга выскочила из дома и бросилась через двор, оглашая лес громкими криками. Бывшая ведьма еле успела посторониться и убраться с её пути.

— Ты! — услышала Магда крик настолько тонкий, что он едва был различим человеческим ухом. — Ты посмел!

Вампирша налетела на оборотня, толкнула его — он даже не покачнулся — и бросилась назад в дом, там что-то брякнуло, зазвенело, ударилось... а потом Вейма выскочила из дома и, продолжая визжать что-то неразличимое, швырнула в Вира какой-то тряпкой. Потом второй.

Вир поймал обе. Неторопливо развернул первую. Магда была рада, что не видит выражения его лица... что не видит лица своей подруги.

— О, зашила? — обрадовался оборотень и развернул вторую тряпку. — А пятно не отстиралось...

Этого Вейма перенести уже не могла. С пронзительным визгом она закрутилась на месте, обернулась летучей мышью и улетела в лес. Вир шумно вздохнул.

— Иди в дом, — посоветовал он. — Я, наверное, тоже пойду.

— Чем она в тебя кинула? — спросила Магда, переступая порог. Она припомнила, что Вейма, вернувшись из Раного, принесла с собой какие-то тряпки.

— Одеждой, которую мне сшила, — спокойно ответил оборотень. — Она плохо шьёт. Хотя и старалась.

— Вейма?! Сшила?! — ахнула Магда.

Кроме этой потрясающей новости о подруге, бывшая ведьма пыталась осознать ещё один факт. Это неправда, что оборотни ходят только в кожаной одежде. Но ткань... так они одеваются только там, где чувствуют себя как дома. И с теми, с кем чувствуют себя как дома.

— Она моя жена, — просто ответил оборотень. Магда кивнула и занялась огнём в очаге. Похоже, без неё этим никто не занимался. Ну, да, ночи тёплые, а готовить Вейма не умеет...

Едва она закончила разжигать огонь, как в кухню влетел живой вихрь. Магда каким-то чудом успела убраться с дороги подруги и в ужасе наблюдала, как вампирша... готовит на её кухне?!

Что-то забулькало на огне, в руках Веймы мелькал нож, потом она бросилась во двор, раздалось протестующее бляение козы.

— Так что случилось? — шёпотом спросила Магда. — Ты поэтому сюда шёл?

— Она от меня ушла, — так же шёпотом ответил Вир.

— А... — невнятно потянула Магда. Проклятые не женятся и не выходят замуж, но, если любят друг друга, могут говорить о браке. Иногда такие браки были крепче человеческих, освящённых в храме. Иногда — быстро распались и тогда никто не удерживал.

— После того, как я её бросил, — внезапно добавил оборотень.

— Ты её бросил?!

— Она так думает, — пояснил Вир.

Закончить увлекательный разговор они не успели. Тёмным вихрем в дом влетела Вейма. Ещё несколько едва различимых глазом движений — и на столе стоят две тарелки с похлёбкой.

— Ешь! — с ненавистью рявкнула вампирша оборотню. Подруге она просто кивнула. Спорить Магда побоялась, тем более, что она действительно проголодалась. Она села за стол, Вир сел рядом. Вейма стояла над ним... так в деревне жёны стояли рядом с обедающими мужьями. Они никогда не садились за стол вместе с ними и это могло выглядеть несправедливо... если бы вам не посчастливилось однажды увидеть, как та же Мета кормит своего муженька. Она нависала над бедолагой и норовила выхватить тарелку у него до того, как он доест.

Вир ел медленно и обстоятельно. Вейма нарезала... нет, нарубила толстыми ломтями хлеб и оборотень с благодарностью взял кусок, которым заедал похлёбку. Едва он опустошил тарелку, как Вейма крутанулась и наполнила её заново. Вопросительно взглянула на подругу, но изрядно напуганная Магда покачала головой.

— Рассказывай, — неожиданно мирно предложила Вейма. Искоса глянула на оборотня и толкнула в его сторону разделочную доску с нарезанными кровяными колбасками.

Не смогла приготовить мясо, поняла Магда. В нём слишком много крови. Колбаски — это всё-таки не то. Не так страшно.

— Рассказывай, — с нажимом повторила вампирша. — Я волновалась.

Оборотень с благодарностью кивнул и взял с доски колбаску. Магда, подумав, утащила ломоть хлеба и, отщипывая кусочек за кусочком, принялась рассказывать обо всём, что с ней случилось.

Она вернулась домой. Это было главное.

Рассказывать что-то Вейме было легко. И всегда было легко. Вампирша умела слушать лучше, чем любой из знакомых Магды. Вейма покачала головой на рассказ о том, как в дом пришёл батрак, улыбнулась — зло и торжествуя, — когда Магда рассказала, как она его перехитрила. Нахмурилась при рассказе о том, что бывшая ведьма увидела в лагере Дюка. Засмеялась, когда Магда описала своего «верного рыцаря». А потом ей стало не до смеха.

Магда умела рассказывать коротко, но так, чтобы не просто перечислить все события, а передать настроение. И Вейма, для которой чувства собеседника были чем-то, что она чувствует вне зависимости от того, хочется ей того или нет, как воочию видела и юного рыцаря, и Дюка, и «главаря разбойников» и его жену. И видела пустоту, поселившуюся в душе подруги.

Она кинула на Магду сочувствующий взгляд, после чего посмотрела на Вира и бывшая ведьма в который раз почувствовала себя лишней. Вампирша буквально кипела от злости. Она крутанулась, в её руках мелькнул нож... и вот перед оборотнем лежала доска с нарезанным козьим сыром и стоял стакан молока. Вир благодарно кивнул и сделал глоток.

— О чём ты думал? — зло спросила вампирша, глядя, как её муж ест свой ужин. — Ты сразу почувял, что мы знакомы, так? Ты мог привести её домой!

— Не мог, — спокойно возразил оборотень. Вейма скрипнула зубами. — Она помогла уйти преступнику, разве забыла?

— Тогда зачем ты привёл её сейчас?

— Я помогу ей оправдаться.

— А тебя никто не просит! — рывкнула вампирша.

— Э-э-э... — потянула Магда. Вейма криво усмехнулась.

— Извини, — сказала вампирша, смягчив, насколько могла, голос. — *Разумеется*, он поможет тебе оправдаться. Я имела в виду, что... ну...

— Что это ничего не значит, — подсказал оборотень. — Между нами от этого ничего не изменится, так?

— Молчи! — накинулась на него Вейма. Оборотень пожал плечами. — Ты мне не ответил!

— Я много о чём думал, — медленно произнёс Вир, не став испытывать судьбу и напоминать жене о здравом смысле. — Я её не знал. Она лгала. Она общалась с тобой, но общалась и с Медным Пауком, а это говорило не в её пользу.

— Она проклятая! — резко напомнила Вейма.

— И об этом я тоже подумал, — кивнул Вир. — Она сказала, что идёт в Корбиниан. Я не верю в совпадения. Обычная девушка не сидела бы так спокойно у дороги ночью, а ни одна проклятая не пошла бы туда после того, что сделал брат Флегонт. Кроме того, она могла оказаться сестрой Агнеты, а Агнета — жена самого верного моего человека. Мне надо было время, чтобы присмотреться к ней и время, чтобы разобраться.

— Из-за тебя она потеряла волшебную силу!

Оборотень пожал плечами.

— К этому я не стремился.

— Теперь ты доволен?! — продолжала расспрашивать вампирша. — Присмотрелся? Разобрался? И твой человек теперь за тебя хоть сейчас на тот свет?!

— Присмотрелся и разобрался, — кивнул Вир. — А в верности Увара я и раньше не сомневался.

Магда боялась даже шелохнуться. Злость и ненависть, кипящие в вампирше, казалось, вот-вот перехлестнут через край и случится что-то совершенно ужасное. А Вир, как ни в чём ни бывало, ел, пил и отвечал своей разъярённой жене совершенно спокойным голосом. Магда не обладала способностями вампиров, но и ей было понятно — невозмутимость Вира только подливает масла в огонь.

— И всё идёт так, как ты и задумал, да? Ты же вечно что-нибудь придумываешь.

— Я ничего не придумываю, — возразил Вир.

— Врёшь! — завизжала Вейма. — Врёшь! Ты всё подстроил тогда, помнишь?! Ты обманул меня! Думал, я никогда не узнаю! Почему ты не сказал мне, что до Раного всего одну ночь лететь?! Почему?! Ты думал, если быть спокойным, то сможешь меня обмануть?! Но никакой обман не длится вечно, слышишь, никакой!

Вир глубоко вздохнул. Вейма заскрежетала зубами. В кухне ощутимо потемнело.

— Я боялся за тебя, — сказал Вир, глядя в свой стакан.

— Врёшь! — теперь Вейма не визжала, а шипела. — Как ты смеешь мне врать?!

Вир рывком поднял голову и встретил взгляд жены. Магда за миг заглянула в тёмные, почти чёрные глаза подруги и поспешила отвернуться. В них царила боль настолько сильная, что от неё слабели руки и ноги и начинало предательски ныть сердце. Они как будто подавляли волю. Казалось, что ничего хорошего больше никогда не будет, а то, что было — было обманом. Несправедливым, безжалостным обманом...

— Нет! — ударил рукой по столу оборотень. — То, что было — не было ложью! Ни в чём не было ложью!

— Врѣшь... — на этот раз шипение было почти ласковым. Вкрадчивым и полным ненависти столь сильной, что она почти переродилась в любовь. Любовь того рода, когда обожатель загоняет иголки под ногти своей жертве. Нежно и ласково улыбаясь. Магду передёрнуло.

Вир мужественно выдерживал взгляд своей жены, а лицо вампирши всё больше и больше теряло человеческие очертания. Изменился рот, выросли клыки, вытянулось лицо, даже глаза, кажется, поменяли форму. А Вир всё смотрел и смотрел. Внезапно Магда поняла, что подруга уже перешагнула какую-то грань. Спокойствие Вира причиняло ей боль и вот-вот вампирша... что?

— Вейма... — позвала Магда. Она боялась, что гнев подруги сорвётся на неё, но... если ничего не сделать, вампирша, кажется, потеряет рассудок. Кто знает, что случится тогда?... — Вейма, очнись, пожалуйста.

Вейма в самом деле вздрогнула, как будто очнулась от сна или глубокого транса. Растерянно моргнула. В кухне снова стало светло и лицо вампирши выглядело как обычно.

— А... — потянула Вейма, в упор взглянув на подругу. — Теперь боишься меня, да?

— Вейма, не надо, пожалуйста...

— А! — отмахнулась непонятно от чего вампирша. — Чего уж там.

Она снова моргнула. Раз, другой. А потом её лицо исказилось уже совершенно по-человечески и Вейма, рухнув на пол, неудержимо зарыдала. Вир поднялся, подошёл к ней, протянул руку, но прежде, чем он успел коснуться жены, она дико завизжала, сбила его с ног и выскочила за дверь. Оборотень вздохнул и сел на пол.

— Извини.

— Чего уж там, — повторила Магда слова Веймы. — Часто вы такое устраивали?

Вир усмехнулся.

— Никогда не обсуждай того, кого любишь. Даже с его друзьями.

— Она могла тебя убить! Она чуть с ума не сошла!

— Могла, — тяжело вздохнул Вир и поднялся. — Не жди нас, раньше рассвета вряд ли вернёмся.

* * *

Такое они устраивали... не очень часто. Не слишком часто, пожалуй. Вир трусил по лесу в волчьем облике, время от времени оглашая лес воем. По сравнению с обычным волчьим воем его звучал... громче. Страшнее. Что-то такое было в оборотнях, что внушало людям страх. Но так сложилось, что улетевшую в слезах и ярости жену Вир всегда искал в волчьем облике. Кроме всего прочего, это было быстрее.

Она никогда не звала себя его женой. Она никогда не называла Вира мужем.

Оборотня это не слишком беспокоило. Оборотни редко сомневаются в своих женщинах.

В волчьем облике оставалось немного мыслей и это было хорошо. Вейма могла истерзать душу себе и всем, кому не повезло оказаться рядом. Из немногих оставшихся у Вира мыслей главная была беспокойством. Где-то сейчас в лесу летает его женщина и ей сейчас очень плохо.

Такое случалось часто, но всё, что он вынес из их ссор, это понимание, что успокоить Вейму будет непросто.

Он нашёл Вейму на рассвете, когда она утратила второй облик и упала на землю. Когда он прибежал, царапины уже затянулись и ушибы перестали болеть — это он почувал сразу. Но душа болела только сильнее.

Её ничем нельзя успокоить.

Вейма сидела под деревом, обняв худые колени и не смотрела в его сторону.

Он подошёл и сел рядом. Не вплотную. Когда Вейма была в таком настроении, она не терпела, если к ней прикасались. Даже он.

— Ты думаешь — сейчас ты посидишь, помолчишь эдак сочувственно, и всё будет в порядке? — спросила вампирша. Вир вздохнул. — Ах, да, прости, как же я не подумала... как тебе надоели эти ссоры... такие утомительные, правда? И я вечно ко всему придираюсь...

— Я этого не говорил, — возразил Вир.

Вейма вскочила на ноги.

— Да! — закричала она. — Не говорил! Ты никогда ничего не говоришь, ты просто вздыхаешь и ждёшь, когда мне надоест орать! Но в этот раз так не будет! Слышишь, не будет! Убирайся! Убирайся из леса, из моей жизни, из моей памяти! Видеть тебя не хочу! Слышишь — не хочу!

— Врёшь.

Слово упало и наступила тишина. Вейма задохнулась от злости. Да, он был оборотень и, потом, он хорошо её знал. Он чувствовал, как в ожидании объятий заныла её кожа, её тело, как желание поселилось в самых костях при одном даже не виде, запахе. *Ей так его не хватало.*

— Это тебя не касается, — хрипло ответила вампирша.

Вир встал. Вейма попятилась.

Она всегда боялась его. На самой дальней границе сознания жил страх. Потому что он был сильнее, быстрее и не боялся крови. Потому что она всегда чувствовала себя слабой и незащищённой. И именно поэтому она так старалась его довести, задеть, уколоть... почувствовать, что ему тоже может быть больно.

— Не подходи к мне! — тонко выкрикнула вампирша, когда он сделал шаг. Отпрыгнула назад. Утро было свежим, над землёй тянулся туман. Ей будет легко слиться с ним и исчезнуть. Рассвет — самое удобное для этого время.

Вейма снова попятилась, выставляя перед собой тонкие руки в ободренных рукавах. От неё больше не пахло желанием, только страхом, и Вир внезапно подумал, что, может быть, он пришёл слишком поздно. Он всегда верил, что у него впереди сколько угодно времени. Даже не хотел идти сейчас, предпочёл бы отложить до более спокойного момента. Но теперь он вдруг впервые подумал, что, может быть, уже слишком поздно.

Вейма вскинула голову, впилась взглядом в его глаза. Вир содрогнулся, поняв, что он только что натворил.

Вампиры чувят слабость. И страхи. Вампиры только и ждут, когда ты дашь слабину, чтобы использовать твои страхи против тебя. Всю их совместную жизнь Вейма искала

брешу в его обороне. Её выводило из себя, что он всегда так спокоен, что она едва ли может его прочитать, как читала всех прочих. И вот теперь у неё, наконец, получилось.

Он не мог отвести взгляда от её чёрных глаз, в которых была одна только боль. Он не мог совладать с нарастающим страхом.

Он пришёл слишком поздно.

Уже ничего нельзя вернуть.

Слишком поздно.

Слишком.

Вейма сделала несколько шагов на подгибающихся ногах и со слезами упала в его объятия. Страх отступил. Солнечный свет пробился сквозь листву. Вир осторожно провёл рукой по коротким волосам своей жены и наклонился к её губам.

Глава вторая

Оборотень

Магда заварила себе сонных трав и спала без снов. Проснулась она уже после рассвета — от того, что Вейма деликатно трясёт её за плечо.

— Извини, — смущённо произнесла вампирша, — но ты спишь на кухне...

— Я всегда сплю на кухне, — удивилась Магда.

— Но Виру надо позавтракать, — ещё более смущённо произнесла Вейма.

— А! — окончательно проснулась бывшая ведьма. Спрашивать, помирились ли они, она не стала. Вейма и так была страшно смущена.

Она переделалась, убрала свою постель и поставила котелок со вчерашней похлёбкой на огонь. Там оставалось немного для двоих и к тому же были ещё были колбаски и сыр.

— Где ты взяла еду? — спохватилась Магда. Оборотень заглянул в кухню и куда-то ушёл, что слегка успокаивало.

— Заглянула в замок, — пожалала плечами вампирша. — Наутро кухарь ничего не вспомнит.

— Это кража! — возмутилась Магда.

— Я извинюсь перед бароном, — холодно ответила вампирша.

— А кухаря тебе не жалко? Он с ума сойдёт, пересчитывая колбаски!

— Нет, он помнит, что отдал их мне. Просто не помнит, что поздно ночью.

— А... — начала было Магда, но прикусила язык. Вейма неприятно улыбнулась.

— Да, — кивнула она. — Я умею быть убедительной.

— Раньше ты так не делала, — проворчала Магда. Она вернулась домой, но дома всё было не так. Это... пугало.

— Извини. Я не собираюсь делать это каждый раз.

На этот раз Вейма улыбалась по-человечески.

— Чего извиняться, ты же не у меня их взяла, — отмахнулась Магда.

— Ты знаешь, а барон всё про меня знает, — вместо ответа сообщила вампирша. — И его дочь. И они продолжают принимать меня в замке.

— А ты не боишься, что после твоего... визита она перестанут это делать? — осторожно спросила Магда.

— Я не смогла войти в замок, — нахмурилась вампирша. — Он от меня закрыт по ночам.

— Ты поступила неосторожно, — не отставала Магда, но Вейма махнула рукой.

Вернулся Вир, за которым с побитым видом бежал их дурной пёс.

— Вам бы его подкормить, — сказал он девушкам вместо приветствия. — На его долю останется?

Пёс шмыгнул в свою конуру и затих. Собаки боятся и оборотней, и вампиров, и этот не был исключением.

— Нет, — нахмурилась Магда. — Придётся в деревню сходить.

— Не надо, — повела носом вампирша. — Они идут... уже вошли в лес... Несколько человек... очень боятся...

— Ты это чувствуешь на таком расстоянии?! — ахнула бывшая ведьма. Раньше Вейма могла ощутить чужое присутствие лишь незадолго до того, как гость покажется в конце

тропинки.

— Ну, я... — замялась вампирша. Вир подошёл к ней, обнял за плечи и взял её руку в свою.

— Она всегда лучше чувствует, когда я рядом, — пояснил оборотень. — Тут говорили что-то о завтраке.

Вейма зарделась, высвободилась и закружилась по кухне. Магда прикрыла глаза, слыша звон и лязг своей посуды. Но вампирша ухитрилась ничего не разбить, не перевернуть и не опрокинуть, а разлить похлёбку по тарелкам и поставить на разных концах стола. Магда, вздохнув, уселась и принялась есть, оборотень последовал её примеру, а вампирша, скрестив руки на груди, встала возле него и стала смотреть, как он ест.

Это было... странно. Вейме всегда не нравился деревенский обычай не пускать жену обедать вместе с мужем. Магда покачала головой и вдруг её осенило. Вейма ведь и не могла есть вместе с мужем, она вообще никогда не ела за столом. Обычай был для неё... удобен.

* * *

Их было несколько. Чудовище выло, рычало, гудело и свистело всю ночь, а ко-кто его даже *видел*... огромный силуэт о четырёх ногах... с гигантскими крыльями... или рогами... Каждый говорил по-своему, но кое-где на деревьях на опушке были следы гигантских когтей на высоте много выше человеческого роста.

Мельник Ленз взял рогатину, с какими ходят на медведя, Риг и Креб прихватили вилы, Вилли-кухнец взял молот из кузницы, Натес пришёл с копьём и кнутом за поясом. Йаган увязался за ними безо всякого оружия. Они шли к ведьме, которая сбежала от них, через лес, где водилось чудовище. Шли, потому что надеялись, что ведьма вернулась. Шли, потому что надеялись, что днём чудовище спит.

Их надежды оправдались.

Дурной пёс ведьмы залился злобным лаем, но они прошли мимо, не решаясь пнуть собаку или ткнуть рукоятью вил.

На кухне, где ведьма обычно встречала гостей, сидел незнакомый мужчина в охотничьей одежде и с удовольствием завтракал. Ведьма хлопотала по хозяйству, а её странноватая подружка стояла возле незнакомца и подкладывала ему куски сыра на тарелку. При появлении гостей она кашлянула.

— Вы тоже его слышали? — повернулась ведьма к гостям.

Крестьяне остолбенели. Они шли, чтобы найти ведьму, они надеялись, что она вернулась, но, увидев её, они вдруг все поняли, что она вовсе не должна была вернуться! И тем более она не должна была вести себя так... так спокойно.

— А где Виль?! — выпалил Натес. Его синяки уже зажили, а одежда никогда и не была в пристойном состоянии.

Ведьма недоуменно моргнула.

— А что Виль?

— Но он... и ты... вы с ним...

— Он же разбойник! — перебил запинаящегося Натеса Риг. — Убийца, его по всей стране ищут! Ты же с ним ушла!

— Я?! — изумилась ведьма. — Когда?

— Когда ты ушла, — напомнила её подружка и почему-то покосилась на незнакомца. Ведьма фыркнула. Посмотрела на своих гостей, нервно сжимающих своё оружие.

— Я гадала, — медленно произнесла она. — И увидела, что вслед за вампиром к нам приближается чудовище, настолько сильное, что я не могла его разглядеть. Гадание показывало, что у меня есть ещё время. Я покинула дом, чтобы найти того, кто нам поможет.

Она кивнула на незнакомца охотника.

— А ты кто будешь? — подозрительно спросил мельник. — Мы тебя тут прежде не видали.

— Это мой муж, — напряжённо сообщила Вейма и шагнула ближе к нему.

Крестьяне переглянулись. Риг присвистнул. Вейма страшно побледнела, незнакомец слегка покраснел.

— Так ты, стало быть, замужем? — обстоятельно расспрашивал мельник.

— Стало быть! — вспыхнула Вейма.

— Так что же ты сама за ним не пошла?

Вейма отвела взгляд, от чего Риг снова присвистнул.

— Господин Вир — охотник, но он не охотится на оленей или белок, — терпеливо разъяснила Магда. — Он ищет чудовищ и никогда не сидит на одном месте. Моё колдовство помогло мне его отыскать, но это было непросто.

— А чего жена без тебя живёт? — вмешался Креб. — Где это видано, чтобы мужние жёны девками представлялись! Ещё и в университете училась, образованная!

Вир скрипнул зубами и в упор посмотрел на спрашивающего. Тот попятился.

— А барон о тебе знает? — спросил Вилли-кузнец.

Вир кивнул.

— А что его дочку твоя жена учит? — уточнил кузнец.

— Знает, — снова кивнул Вир. — Я писал ему письмо, просил за ней приглядеть.

При этих словах Вейму как будто перекосило, но она тут же взяла себя в руки.

— Письмо писал... — потянул мельник. — Грамотный, значит.

— Приходится, — ухмыльнулся Вир и крестьяне тоже разулыбались.

Охотник отодвинул от себя пустую тарелку и поднялся на ноги.

— Я иду к его милости, — сообщил он. — Вы можете меня проводить.

Вейма шагнула за ним следом. Вилли и мельник переглянулись и покачали головами.

Виру предстояло мужское дело, незачем его жене в него вмешиваться. Но она же странная...

— Приходи следом, — посоветовал охотник ведьме. — Я скажу барону, что ты искала меня.

Он вышел за околицу и остановился, нетерпеливо ожидая замешкавшихся крестьян.

— А... господин охотник... — потянул Риг. — Ты оружие-то что не берёшь?

Вир пренебрежительно хмыкнул. От недавней расслабленности не осталось и следа. Ему как будто не терпелось перейти к делу.

— Очень ваши вилы помогут, если нам встретится мантихор^[30] или онагр или самая завалящая кинопея.

Он проделал странные жесты, как будто развеивающие сказанное. Все кивнули, хотя о таких страшилищах никто никогда не слышал.

— Но ты-то умеешь с ними сражаться? — не отставал Риг.

— Рыцари сражаются, — отрезал охотник. — В господских песенках. А охотники разбираются в повадках зверя и действуют наверняка. Я ещё не знаю, что мне понадобится.

Может, сети. Может, яма. Может, травы, которые отпугнут чудовище. Может, много шума, может, придётся выжечь логово. Я шёл быстро и потому налегке.

— А ты не боялся без оружия через лес идти? — спросил Креб.

Охотник раздражённо фыркнул.

— Взять у меня нечего.

— А если волки?

— Летом?

— Ну, оборотни?

— Взять у меня нечего.

— А если...

— Не все чудовища днём спят, — нетерпеливо сообщил охотник. — Многих раздражает шум и запахи железа. Я бы на вашем месте в лесу не задерживался.

И он, не оглядываясь, пошёл по тропинке в сторону деревни. Вейма поспешила за ним, оставив крестьян далеко позади. Они переглянулись и в растерянности покосились на ведьму.

— Идите, — мягко сказала она. — Если поторопитесь, вас никто не тронет.

Они закивали и поспешили за быстро уходящим охотником. Остался только виноградарь Йаган, который не вмешивался в разговор, а стоял в стороне и внимательно слушал. Он дождался, пока не стихли шаги товарищей, и повернулся к Магде. Девушка вздохнула, предчувствуя непростой разговор.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — тихо сказал виноградарь.

Магда снова вздохнула. Она больше не была ведьмой. Значило ли это, что она больше не была проклятой? Тем не менее она ответила как раньше:

— Мы приблизим его, брат.

Это означало приглашение к доверию или просьбу о помощи. По обычаю, проклятый не мог обмануть или подвести другого проклятого, если тот *правильно* к нему обратился. Или к ней.

Если Магда больше не ведьма, делало ли это её слова обманом?

— Зачем ты солгала им? — тихо спросил виноградарь. — Тебя видели уходящей с Вилем.

— Исвар? — коротко спросила Магда. Йаган кивнул.

— Кто этот человек? — спросил он. — Зачем он пришёл сюда?

— Я не знаю, — покачала головой Магда. — Я не спрашивала.

Под взглядом виноградаря ей стало неловко. Она была ведьмой, и это значило, что она должна защищать деревню от всяких... вторжений. Ведьма не может просто пожать плечами и сказать, что ничего не могла сделать. Ведьма не может... она была ведьмой. *Была*. Совсем недавно.

— Он оборотень, — неохотно сказала Магда. — Он не причинит вреда. Я не знаю, чего он хочет, но Вейма — его жена. Он долго её искал.

— Он в самом деле писал барону письма?

— Я не знаю. Наверное, писал.

— А чудовище?

— Нет никакого чудовища, — усмехнулась Магда. — Оборотни... они не всегда воют как волки.

— Зачем он пришёл? — снова спросил виноградарь. Бывшая ведьма пожала плечами.

— Я не знаю. Ручаюсь тебе, он не ест людей. Моя с... я знаю людей, доверяющих ему свою жизнь и жизнь своих маленьких детей. Зачем бы он ни пришёл, он не причинит вреда деревне.

— А тебе? — спросил Йаган. Магда хмыкнула. Весь вред, какой мог, оборотень уже причинил.

— Он помог мне найти давно пропавшую сестру, — сказала она вслух. — Потому что давно с ней знаком.

— Добрый оборотень? — улыбнулся Йаган. Магда вспомнила, как Вир помешал Увару расправиться с Арне. Казалось, им руководил тогда один только расчёт... Вир вообще выглядел так, как будто постоянно что-то прикидывал, высчитывал возможности и представлял, что именно будет наиболее полезным.

— Может, и добрый. О чём ты хотел поговорить?

Йаган не стал спрашивать, как она догадалась, а коротко кивнул и, немного помолчав, сказал:

— Сестра, я хочу пройти посвящение.

Магда вздрогнула и у неё пересохло во рту. Это тоже было частью её обязанностей. Было. Когда-то. Ведьма должна насаждать веру в Освободителя. Ведьма должна помогать людям отвергнуть узы созданного Создателем и охраняемого Надзирателем мира.

Эта роль ей не нравилась даже когда она была ведьмой.

— Ты готов пройти испытания? — глухо спросила девушка. Виноградарь кивнул. — Какими бы страшными они ни были? — Он снова кивнул. — И ты считаешь, что готов?

— Я готов, — спокойно ответил виноградарь.

Магда покачала головой.

— Ты беден, ты живёшь один, и ты думаешь, что готов к посвящению! Хорошо. Я скажу тебе, к чему привязано твоё сердце, что делает тебя подвластным *Надзирателю*, что мешает освободиться. Твоим испытанием будет уничтожить эти узы.

Лицо виноградаря ничего не выражало, только разве что немного побледнело.

— Выруби свой виноградник, выруби и сожги его весь, даже *ту самую* лозу, сожги и дом, где живёшь, вот тогда ты будешь готов! Ну, что скажешь?

Какое-то время виноградарь молчал, глядя перед собой. Потом на его лицо вернулась обычная доброжелательная улыбка.

— Спасибо, — сказал он.

Магда пристально взгляделась в его лицо, но ничего не смогла прочесть.

— Ты всё ещё веришь в *Освобождение*? — спросила она. Против воли, вопрос прозвучал издевательски.

— Верю, — спокойно ответил виноградарь. — А ты?

— А я не знаю, — вздохнула Магда и в тоске посмотрела на свои бессильные руки. — Мне кажется, Освободитель отвернулся от меня.

— Мне тоже так казалось, — сказал виноградарь.

— Да? — заинтересовалась бывшая ведьма. — А потом?

— А потом я пришёл к тебе.

Магда снова вздохнула.

— Мне бы к себе прийти. Или хоть к кому-нибудь.

— Придёшь, — посулил виноградарь. Бывшая ведьма улыбнулась. — Проводить тебя до деревни?

Магда улыбнулась, на этот раз искренне.

— Проводи.

* * *

Они в молчании прошли через лес. Вокруг всё было как обычно. Солнце пробивалось сквозь листву, пятнышками позолотив тропинку. Пели птицы. Одни заливались трелями, другие однообразно вскрикивали. Всё это сплеталось в единую музыку. Красота леса открывалась с каждым шагом — зрелище, которое никогда не приедается, если у человека есть к нему вкус. У Магды был и, по тому, как молчал её спутник, она поняла, что у виноградаря тоже. Это было... приятно. Приятно было идти, молчать и наслаждаться ветерком на лице. Приятно было смотреть на игру света и тени. Приятно было ненадолго отвлечься от потери... от прошлого и будущего. Просто приятно.

Они распрощались у виноградника и Магда направилась к замку барона. Прямо через лес было бы быстрее, но... бывшая ведьма была рада компании. Есть разница между молчанием и молчанием, молчанием в одиночестве, отчуждённым молчанием рядом с равнодушным или враждебным спутником и согласным молчанием рядом с кем-то, с кем можно разделить свои мысли. Последнее лечит даже против воли. Впрочем, Магда и хотела бы исцелиться.

Неужели сила ушла навсегда? Неужели исцеление невозможно?

* * *

До замка барона было недалеко, но Магда свернула в сторону, услышав стук топора. Будучи ведьмой, она отвечала перед лесом во многих вопросах. Возможно, ей надо будет защищать дерево. Возможно, умолять лес о прощении для человека, чьи дети умирают от голода и холода. А, может быть, всё окажется в порядке и нет никакой причины для беспокойства.

Магда очень надеялась на третий вариант. Вымолить у леса прощение — в летнюю-то жару! — она сейчас не могла. Чтобы говорить с лесом, нужна ведьминская сила, а её-то ведь и не было.

Ей повезло. Голый по пояс человек рубил сухое дерево, и в этом не было ничего такого, из-за чего лес мог бы затаить обиду. К тому же... этот человек, если надо, договорится с лесом сам.

Магда встала так, чтобы на неё не летели щепки, и молча наблюдала, как знахарь рубит сухую сосну. Зря она когда-то решила, что его руки не способны к тяжёлой работе. Когда он остановился, она тихо сказала:

— Спасибо.

Знахарь резко оглянулся и бывшая ведьма попятилась. Увидев её, он не расслабился, как это обычно делают люди, когда понимают, что знакомы с тем, кто их окликнул.

— Ты нас не выдал, — пояснила бывшая ведьма.

— А, — кивнул знахарь и продолжил свою работу.

Магда ещё немного постояла. Говорить тут было не о чем, молчание знахаря не было ни

дружелюбным, ни понимающим. Враждебным, впрочем, оно тоже не было. Просто молчание человека, который занят своим делом.

Она уже почти развернулась и ушла, когда знахарь нанёс последний удар и шлёпнул рукой по стволу. Сосна медленно упала.

— Почему ты пошла с ним? — спросил Исвар, поставив топор на землю. — Говорили, что он убийца. Зачем тебе ему помогать?

В вопросе не слышалось ни тени осуждения, только интерес. Станным, очень странным человеком был знахарь Исвар.

Потому что иначе Виль убил бы меня, подумала бывшая ведьма.

— Он проклятый, прозревший, как и я, — вместо этого сказала Магда. — Прошедший посвящение. Прозревшие всегда помогают друг другу. Особенно посвящённым.

— И как стать посвящённым? — поинтересовался Исвар. Его кожа блестела от пота, но выглядел он ничуть не уставшим.

— Убить кого скажут, — откровенно ответила Магда. Ей не стоило говорить лишнее, но если этого человека, ещё и с железом на поясе лес пропустил к месту обряда...

Может ли человек стать колдуном, не получив проклятие?

— И кого обычно говорят?

— По-разному. Указывают на того, кого трудно убить, или того, кто тебе дорог... или что тебе дорого. Главное — показать, что свободен от цепей мира.

— Ты об этом говорила, когда предлагала мне сыграть? — уточнил знахарь.

— Да, — кивнула Магда. — Если бы ты проиграл, ты бы стал высшим посвящённым, как Виль.

Знахарь хмыкнул.

— А какие ещё посвящённые бывают? — поинтересовался он.

— Малые, — пожала плечами бывшая ведьма. — Но недолго. Малое посвящение даётся перед смертью, чтобы освободить душу.

— А если человек не умирает?

— Человек умирает. В крайнем случае ему не дают есть.

— Строго у вас, — хмыкнул Исвар и подобрал топор.

— Но, знаешь... — медленно произнесла бывшая ведьма. — Я бы тебе не советовала принимать высшее посвящение.

— Это почему же? — немедленно заинтересовался знахарь.

— Тебя принимает лес, а это значит, что ты не простой человек. В одном человеке не может помещаться одновременно душа, колдовская сила и посвящение. Если колдун проходит высшее посвящение, его душа покидает тело.

— Он умирает?

— Нет, — покачала головой Магда. — Это не смерть... просто тело становится слепым орудием *старших* в общине. Колдовская сила остаётся прежней и даже увеличивается, но душа больше не имеет отношения к происходящему.

Она поёжилась. Иногда ей казалось, что община прибережёт для неё именно это наказание. Смерть — это слишком просто. Слишком... расточительно. Что будет делать община сейчас, когда в ней не осталось силы?..

Знахарь наблюдал за ней с холодным и отстранённым интересом.

— Некоторые говорят, — почти шёпотом добавила Магда, — что душа при этом не освобождается, а подавляется и остаётся запертой в теле, которое творит то, на что человек

никогда не осмелился бы сам.

Знахарь хмыкнул.

— Так это награда или наказание?

— Для кого как, — ответила Магда. — Для кого как.

Исвар пожал плечами и принялся обрубать сучья на поваленной сосне. Магда заставила себя успокоиться и продолжить свой путь в баронский замок.

* * *

Когда Магда вошла в замок, к ней подошёл фенрих Менно и передал, что барон велел идти сразу в таблиний. Бывшая ведьма покачала головой. Раньше с ней всегда разговаривали внизу, в зале.

Барон сидел в своём кресле, похожем на трон, Вир и Вейма стояли рядом. Оборотенн обнимал жену за плечи, прижимая к себе. Вампирша казалась скорее смущённой, чем довольной.

— Я рад, что ты пришла, — вместо приветствия сообщил барон и, помолчав, добавил: — сама.

Магда поклонилась, не зная, что отвечать. Барон кивнул.

— Ты нарушила мой приказ и приказ союза баронов. Я мог бы казнить тебя или изгнать из своих владений.

Бывшая ведьма снова поклонилась. На душе было... на месте души была пустота. Лишившись колдовской силы, Магда перестала быть привязана к земле и могла идти на все четыре стороны. Запоздало мелькнула мысль о сестре, но как-то далеко и холодно, как будто сестра была героиней баллады, которую поют на деревенском празднике.

— За тебя... — барон покосился на оборотня и его жену, — просили. И мне объяснили, что разбойник Медный Паук увёл тебя силой и угрозами. Это так?

— Да, ваша милость, — равнодушно ответила бывшая ведьма.

— Ещё мне объяснили, что ты утратила волшебный дар. Это так?

— Да, ваша милость.

— Мне жаль это слышать. Ты можешь его вернуть?

— Нет, ваша милость.

Вейма кашлянула и выразительно посмотрела на подругу.

— Мне об этом ничего неизвестно, — пожалала плечами бывшая ведьма.

— Что ж... В таком случае я объявляю тебе своё решение. С этого дня и до моего возвращения с собрания союза баронов ты будешь жить в замке, в доме Илисы и Кобо.

Магда недоуменно моргнула, не сразу вспомнив, что речь идёт о родственниках Виля-батрака.

— Да, — кивнул барон, — никто не смог сказать ничего против этих людей, но я не могу держать в замке семью разбойника и убийцы. Ты займёшь их дом, Менно тебе его покажет. Еду будешь брать в дворовой кухне. Вместе с прочими женщинами на тебе будет стирка, уборка, кормление кур и прочая работа. Я требую — и предупрежу Менно, — чтобы ты не покидала пределов замка.

— Я пленница?! — вспыхнула бывшая ведьма. Вир отвёл взгляд. Вейма прикусила губу.

— В Тафелоне творится недоброе, — с неожиданной мягкостью в голосе ответил

барон. — Ты оказалась втянута в события, на которые больше не можешь повлиять. Если твой дар к тебе вернётся, я буду рад, что сохранил тебя до его возвращения. Если же нет... Быть живой всегда лучше, девочка.

Магда склонила голову. Было похоже, что барон, как и оборотень, уверены, что ей грозит какая-то опасность. Какая, от кого? Магда задумалась о том, как по-разному вёл себя Вир в стане Аларда и здесь, в замке барона. Здесь он был почтительнее и... как ни странно, свободнее.

Оборотень.

— Ты, что, шпионишь для его милости? — ляпнула Магда прежде, чем успела остановиться. Вейма фыркнула и, отстранившись от мужа, скрестила руки на груди, барон улыбнулся, лицо оборотня исказила кривая ухмылка, а после он отвесил девушке торжественный поклон.

— К вашим услугам, прекрасная госпожа, — проговорил он, во многом подражая молодому Арне.

— Значит, ты вовсе не хочешь, чтобы Дюк вернул себе трон? — не отставала бывшая ведьма, понимая, что её вопросы могут звучать наивно и глупо, но не желая остановиться.

— Если я сейчас скажу тебе «да» — в присутствии его милости, — а потом наедине попрошу не выдавать меня баронам, кому ты поверишь? — заухмылялся оборотень. Фирмин расхохотался.

— Браво, мой мальчик!

Вейма снова возмущённо фыркнула.

— Значит, ты всё это время знал, что я здесь? — вдруг спросила она. Вир перестал ухмыляться и виновато покосился на жену.

— Ну, знал, — пожал он плечами. — Его милость написал мне, когда ты появилась в его владениях. Я заверил, что доверил бы тебе свою жизнь и душу, и этого оказалось достаточно.

— Ты же оборотень! — возмутилась Вейма. — Проклятый! Как ты можешь говорить о своей душе?!

— А почему бы и нет? — хмыкнул барон. — Сейчас не время для богословского диспута. Вир, меня интересует другое. Ты оставил там сына старого Вилтина. Я не уверен, что ты сможешь туда вернуться, чтобы увести мальчика. Как ты мог так оплошать?

Вир пожал плечами. Барон перевёл взгляд на ведьму и вздохнул.

— Я не могу осуждать тебя за неуместное рыцарство, но ты сделал Вилтина заложником самозванца и будешь отвечать перед ним самим, если с мальчишкой что-нибудь случится.

— Не случится, ваша милость, — решительно возразил оборотень. — «Дюк», может быть, и дурак, но ваш старший сын — отнюдь. Как только они причинят вред юному Арне, они лишаются заложника. Если же они будут угрожать его жизни, они разрушат образ доброго государя, который пытаются создавать.

— Вилтин не сможет выступить против самозванца, пока его сын находится в его стане! — стукнул кулаком по подлокотнику кресла барон. — Ты лишаешь меня самого надёжного союзника!

— Арне не такой уж дурак, каким кажется, ваша милость, — упрямо отвечал оборотень. — Он сможет пронаблюдать за тем, что творится в стане у «Дюка», если только ему не подвернётся очередная прекрасная дама для спасения.

Магда густо покраснела.

— Самозванца?!

Вир посмотрел на неё с жалостью. Потом покачал головой и жалость на его лице сменилась холодным расчётом.

— Я был очень благодарен тебе за то, что ты появилась так вовремя. Если бы я не боялся, что брат Флегонт, вернувшись, убьёт тебя, я бы постарался задержать тебя подольше. Когда ты пришла, Алард окончательно забросил дела, а его и раньше нельзя было назвать усердным правителем. Когда с ним заговаривали, он только глупо улыбался и соглашался со всем, что бы ему ни говорили. Жизнь в стане превратилась в вечный праздник.

Он хищно улыбнулся.

— Я даже думал задержать брата Флегонта подальше. Я мог бы подкараулить его на дороге и напугать его лошадь...

— Нет, — вмешался барон. — Мы это обсуждали.

Оборотень развёл руками и пояснил:

— Его милость не желает, чтобы проклятые открыто вмешивались в его дела. Это может испортить его репутацию.

— Самозванца?! — снова спросила Магда. Она чувствовала себя оплётанной. Вейма грозно нахмурилась и Вир, угадывающий малейшие изменения настроения своей жены, немедленно перестал ухмыляться.

— Даже Арне заметил, что Алард врал.

— Но ему поверили уважаемые бароны! — возмутилась Магда. Вир снова жалостливо уставился на бывшую ведьму.

— Заступник с тобой! Речь идёт о переделе страны. Кому какое дело до истины?

— Но он любит меня! — выпалила Магда и покраснела ещё гуще.

— Я разве сказал, что не любит? — поднял брови оборотень.

Барон вздохнул.

— Пора заканчивать этот разговор. Магда, Вир сказал, что ты дочь рыцаря. Я прошу тебя дать мне слово чести, что ты не покинешь замка без моего разрешения.

— И вы поверите мне, ваша милость?! — всё ещё ошеломлённая, недоверяющая и растерянная спросила ведьма. — Какая у меня *теперь* может быть честь?!

Барон вздохнул и пристально посмотрел на возмущённую ведьму.

— Я поверю тебе, девочка. Я не требую, чтобы ты сдержала слово ценой жизни, но я настаиваю, чтобы ты не покидала замка даже ради своей любви.

— Так я, что же, не пленница, а заложница?! — осенила Магду новая мысль. — Вы хотите угрожать Аларду через меня?!

Барон покачал головой.

— Мой сын, ставший братом-заступником, крепко держит Аларда в своих руках. Даже если самозванец любит тебя, он не сделает и шага, чтобы защитить тебя от костра. Флегонт же... давно подбирается к тому, чтобы устроить суд именно в моих владениях. Ты можешь верить своему возлюбленному, но не брату-заступнику. Так ты даёшь мне слово?

Бывшая ведьма долго молчала. Её друзья стояли рядом и молча ждали её решения. Вир настороженно, Вейма сочувственно. Не было правильного ответа и верного пути. Раньше Магда бы просто... знала, как ей поступить. Она потеряла этот дар, когда последовала за своим сердцем.

— Я даю вам слово чести, ваша милость, — глухо произнесла девушка. — Я не покину

замка до вашего возвращения, если мне не будет угрожать опасность.

— Я принимаю твою клятву, — ответил барон. — Иди, Менно проводит тебя. Вейма принесёт твои вещи.

Он посмотрел на оборотня и вампиршу.

— Мы выезжаем завтра на рассвете. До того вы оба свободны... хотя, нет. Вир, останься. Что это за история про чудовище?

Он махнул девушкам, чтобы они уходили, и те молча повиновались.

* * *

Вейма оставила подругу в домике в замке — напоминающем тот, в котором Магда разговаривала со старшей сестрой. Оба были одинаково покинуты настоящими хозяевами. Бывшая ведьма чувствовала себя грабителем. Вейма, впрочем, скоро вернулась. Она забрала из их общего жилища только те вещи, которые не имели отношения к ведьмовству.

— Я подумала, что колдовские снадобья лучше хранить в тайне, — пробормотала вампирша, присаживаясь рядом с подругой на лавку. Магда как раз закончила выметать сор и собиралась скрести стол. Хоть какое-то занятие.

— Ты тоже так думаешь? — спросила бывшая ведьма.

— А? — удивилась вампирша. Не очень правдоподобно.

— Ты тоже думаешь, что Алард самозванец?

— Я не знаю, — растерялась Вейма. — Но если Вир сказал...

— Ты ему веришь? — угрюмо спросила Магда. Вейма всегда была такой... независимой. Ведьме приходилось видеть девушек, после замужества начавших петь с голоса мужа. Но от Веймы она такого не ожидала.

Вампирша со свистом втянула воздух. Выдохнула.

— Он умный, — сказала она. — И хитрый. Я не такая умная, как он.

— Ты училась в университете! — резко перебила Магда.

— У меня не очень получается риторика, — усмехнулась Вейма. — Без этого нельзя победить на диспуте.

— Ты просто думаешь о всяких мелочах и стараешься побольше о них сказать. А надо думать о том, что поймёт собеседник, — пояснила бывшая ведьма. — И как он это поймёт.

— Это часть проклятия, — проворчала Вейма. — Вампиры очень мелочные.

— Вампиры кровь пьют, — парировала бывшая ведьма.

Вейма снова втянула воздух и Магда поняла, что подруга принюхивается к её состоянию.

— Не надо, — попросила бывшая ведьма, неловко поёжившись.

— Знаешь... — потянула Вейма. — Ты думаешь, что ты всё потеряла, но ты... ты по-прежнему многое можешь. Правда.

— Перестань!

— Нет, в самом деле. Ты не чувствуешь, когда поступаешь правильно, когда нет, не можешь наугад вытащить целебное растение... Но ты по-прежнему умеешь находить нужные слова. Ты умеешь понимать. Почему ты думаешь, что это неважно?

— Не надо! — взмолилась бывшая ведьма. Вейма молча положила руку ей на плечо.

— Я хотела бы всё изменить, — сказала вампирша после долгого молчания. — Ты

больше не любишь свою сестру? Раньше любовь к ней была во всём, что ты делала. Слабый запах, но он был всегда. А когда ты вспоминала о ней, от твоей любви можно было задохнуться.

— А что я сейчас чувствую? — не удержалась бывшая ведьма.

— Боль. Обиду. Разочарование. Гнев. Немного, — Вейма принялась, — впечатлений, которые тебя позабавили. Сестра... нет, ты её любишь, конечно. Но не думаешь о ней... не так. Она стала просто... сестрой. Не костром в ночи, к которому ты шла. Знаешь, мне старый Ватар, ну, мой... ну... тот. Ты поняла.

Магда кивнула.

— Он рассказывал. Далеко-далеко есть место, где только один песок. Много-много песка. Можно идти день, неделю — и будет один песок. Там есть... немного, правда, озёра, а вокруг растут... ну, что там растёт. И иногда впереди ты видишь такое озеро. И его никогда там нет. Можно вечно идти за ним, а его там нет. Чтобы найти, надо знать точное место.

— Колдовство? — спросила сбитая с толку бывшая ведьма.

— Не знаю. Кажется, нет. Просто такое место. Вот сестра была для тебя таким озером.

— Только костром в ночи? — уточнила бывшая ведьма.

— Да, — вздохнула Вейма. — А теперь это просто... сестра.

— А... Алард?.. — спросила Магда, уже боясь услышать ответ. — Что ты про него скажешь?

— Ты стараешься о нём не думать, — пожалала плечами вампирша. — От него не слишком приятно пахло — тогда, на кухне, когда я вернулась.

— Ты же его не видела, — нахмурилась бывшая ведьма.

— Но он там побывал. Побывал *с тобой*. Я чужла его запах. С трудом смогла проветрить наш дом.

— А... — растерянно потянула Магда. — И... что?

— Самовлюблённый, — хмыкнула вампирша. — Очень хорошего о себе мнения. Убеждён, что с ним должны случаться разные замечательные и волшебные вещи и ты — одна из них.

— И всё? Чем же он тебе так не понравился?

— Ты не должна «случаться» с каким-то самовлюблённым типом, будь он хоть трижды Дюк и наследник династии! — разозлилась Вейма. — Ты не должна быть... быть... быть просто *частью* его истории! Как в том последнем романе, который я переписывала в Раногге, о придурке, который ездил по разным замкам и там влюблялся в каждую новую девушку, выступал на турнире в её честь и — вперёд, навстречу приключениям!

— Ты переписывала романы? — спросила Магда, чтобы немного отвлечь подругу от её злости. Рядом с разгневанной Веймой становилось неуютно.

Вейма почувствовала это и раздражённо фыркнула.

— Хорошая работа для вампира, — призналась она. — Мы очень точные и аккуратные. И быстрые. А ещё так можно читать все новые тексты. Я отдавала книги быстрее, чем другие переписчики, но не настолько, чтобы кто-то что-нибудь заподозрил. Я прочла — ну, и переписала, конечно, — много романов про рыцарей. Ещё, конечно, богословские трактаты и кое-что из церковного права, потом всякие городские истории про прачек, нашлись чудачки, которые их тоже записали.

— Почему ты там не осталась? — удивилась ведьма. Вампирша оскалилась.

— Я разозлилась. Я выучилась, я знала все тексты наизусть, а мне так и не дали

докторской мантии. Зачем вообще тогда всё? Я так долго и трудно к этому шла — и *ничего не вышло!*

— А барон тебя хвалит, — раздался с улицы глубокий голос оборотня и Вир вошёл в дом. Вейма немедленно на него накинулась:

— Я думала, ты пройдёшь мимо! Кто тебя звал, вмешиваться в чужой разговор?

— Ну, прости. Я подумал, ты захочешь пойти со мной в деревню. Собираюсь там с людьми пообщаться.

— *Позже*, — прошипела вампирша. — Иди без меня.

Вир усмехнулся, притянул к себе жену и поцеловал в макушку. Она гневно развернулась в его объятьях, упёрлась руками в грудь, а потом как-то вся... обмякла? Скорее, расслабилась, решила бывшая ведьма.

Они долго молчали, глядя друг на друга, пока Магда не заметила, что губы оборотня шевелятся, хотя в доме не раздаётся ни звука.

Они слышат не так, как люди, догадалась она. У них острый слух. Они разговаривают.

Магде стало неловко, как будто она подсматривала за чем-то слишком личным. Она даже немного разозлилась: это её дом, а они ведут себя так, как будто одни!

Когда муж и жена разжали объятья, от ещё недавно переполнявшей Вейму злости не осталось и следа. Но, когда Вир потянул её к двери, вампирша решительно вырвала руку.

— Позже, — неумолимо произнесла она и, встав на цыпочки, поцеловала мужа. — Иди, родной.

— Извини, — буркнула Вейма, когда они остались с Магдой одни. Бывшая ведьма покачала головой.

— Я никогда не видела тебя счастливой.

Вейма вздохнула.

— Вот за это я его и люблю.

Глава третья

Тайны проклятых

Когда вампирша подходила к деревне, день уже шёл к вечеру. Она была задумчива: ведьма, успокоившись, не захотела больше разговаривать о своих переживаниях и вместо того попросила Вейму об одном очень неприятном одолжении. Вот так всегда. Ты готова сделать что угодно, лишь бы порадовать подругу, ну, там, убить дракона, выступить на турнире или даже сшить парадное платье, а тебя просят именно о том, что ты никогда, вообще никогда не взялась бы делать! Отказываться, впрочем, было не в правилах Веймы.

Она толкнула дверь кабака и на мгновение закрыла глаза. *Люди. Много людей. Пот. Вино. Страх. Интерес. Муж.*

Вир сидел посреди зала и всюду развлекал общество рассказами о чудовищах и опасных зверях, которых он убивал или ловил.

— Кинопея извергает пламя, но похожа на лошадь. На людей она не охотится, но может напасть, если её напугать. Левкрота приходит с востока, у неё огромная пасть и человеческий голос, а догнать её мог бы разве что вампир, но зачем вампирам за ней бегать?.. На них я не охотился, в наших краях они редкость, но старики рассказывали, и даже показывали шкуры. У мантикора приятный голос, похож на флейту, а вообще тварь походит на льва, только очень прыгучего. Знаете, что такое лев? Это огромный кот с большой гривой. Но у нас он не водится. Мантикор жрёт людей как семечки. Этого видел. Охотиться — поганое дело. Приманка почти никогда не выживает. Хорошо если есть кто больной или убийца, которого никому не жалко. Кстати, тоже царапает стволы, метит землю, где решило поселиться. А вот вильпис — маленький безобидный зверёк, навряд ли лисицы, так что, если куры пропадать не стали, чего тут переживать?.. ловить его сложно и шкура никуда не годится. Онагр опасен только весной, когда нападает на всякого, кого принимает за соперника. Он чешет о деревья свои огромные рога, оставляя глубокие царапины, и страшно ревет. Весной охотиться на него лучше с самострелом, но в любое другое время можно устроить облаву.

Вейма закашлялась. Она тоже читала этот старинный бестиарий^[31], но муженёк к нему приплёл много отсебятины.

Вир немедленно повернулся к жене и обнял за талию со столь самодовольным видом, что, не грози ей это потерей сознания — непременно бы выцарапала глаза.

— А оборотень? — спросил кто-то из толпы слушателей.

— Оборотень? — усмехнулся охотник. — Ну... С оборотнями поступаем так...

Он наклонился вперёд, упираясь руками в колени, толпа придвинулась, Вейма, сердито фыркнув, отошла в сторону. Любимый развлекался. Он давно так не развлекался и не хотел упустить ни мгновения из этого удовольствия. Вампирша со злостью вспоминала какую-то бабу в деревне, где они жили с Виром, которая приходила за своим благоверным со скалкой наперевес, вытаскивая его то из кабака, то из дома шателена, то просто от приятелей. *Надо было у неё поучиться...*

— Значит, так, — преувеличенно серьёзно сказал оборотень. — Берёте баклажку вина получше. Идёте в лес. Не-не-не, не толпой. Одного хватит, зуб даю! Садитесь там на пенёк или ещё куда. И, когда стемнеет, кричите погромче: «Э-эй! Разговор есть!». Баклажку, главное, откройте. Он и учует. Подойдёт ближе. Тут главное — не орать, не убегать и в

штаны тоже...

Вейма стремительно шагнула и толкнула муженька в плечо так, что он едва не скатился с лавки.

— Не пугаться, я хотел сказать, — засмеялся оборотень, ловя жену за руку. — Обратни этого не любят. Вот когда появится, вы и говорите примерно так...

Люди затаили дыхание. Вейма поймала вопросительный взгляд Рамоны и покачала головой.

— «Слушай, мужик, выпить хочешь?» — торжественно произнёс оборотень.

Мгновение стояла тишина, а после весь кабак, как один человек, грянул хохотом. Вампирша вырвалась из цепкой хватки мужа и выразительно скрестила руки на груди. Вир сделал вид, что этого не заметил.

— А если это баба? — спросил Риг, когда все немного успокоились.

— И-и-и... — покачал головой оборотень. — С бабами — оно сложнее. Бабы — они же такой народ...

Он увернулся от ещё одного тычка жены и продолжил:

— Главное — своя баба потом со света сживёт.

— Вир, — прошипела разъярённая Вейма, — прекрати немедленно!

— Козочка моя! — пропел оборотень, дёргая вампиршу так, что она упала ему на колени. — Не злись, родная. Отдохни, развейся... поешь... вина выпей...

— Я уже поела, — процедила вампирша, ещё больше злясь на то, что муж привлекает внимание к тому, как она питается. — Нам домой надо, скоро стемнеет!

— А я обо всём договорился! — заявил оборотень и приветливо кивнул кабатчице. — Тут заночуем! Тут лучше... спокойнее... к людям ближе...

— *Вир, я тебя убью,* — неслышно для всех остальных пригрозила вампирша.

Оборотень притянул её ближе к себе и прижался губами к её губам.

— *Не мешай, я делом занят,* — также неслышно ответил он. — *Потерпи.*

Кто-то — кажется, Риг — что-то выкрикнул и заулюлюкал, но Вейме вдруг стало всё равно. Она слишком давно не целовалась с мужем, чтобы сейчас отвлекаться на какого-то... человека. Люди... люди просто... мешали... и были... *неважными*... совсем-совсем неважными... Вир наполнял её спокойствием и уверенностью. Вир наполнял её силой, которую она не могла бы добыть обычным для вампира способом. Вир... просто был. И ей было с ним хорошо. Когда он вот так вот, с ней и только с ней... хорошо...

Когда они оторвались друг от друга, в зале стояла странная тишина. В углу кто-то ненатурально кашлянул. Вейма потрясла головой, пытаясь вернуть себе ощущение реальности.

— Моя козочка, — ласково, по-крестьянски обратился к ней оборотень. — Ты не могла бы расколдовать этих достойных людей?

Вейма оглянулась по сторонам. Почти все люди в кабаке стояли или сидели с остекленевшими глазами и дышали очень-очень медленно. Вампирша в смущении спрятала лицо на груди мужа. Он коснулся губами её волос.

— Да, — мягко сказал оборотень. — Они тебе мешали. А теперь отпусти их.

— Я даже не заметила, как я это сделала, — расстроено прошептала девушка. — Я не знаю...

— Постарайся, — уже встревоженно попросил оборотень. От него запахло тревогой и это было невыносимо.

Вампирша вздохнула и заглянула куда-то вглубь себя. В ней было столько раздражения на всех этих людей, которые совершенно напрасно оказались с ней под одной крышей, и столько злости, что отыскать среди царящего в её душе водоворота *усилие*, сковавшее кабак, было непросто. Но, кажется, это оно. Вейма напряглась изо всех сил. Сначала ничего не происходило, а потом вдруг все разом задышали и заговорили. Кабак наполнился гулом и теплом человеческого присутствия — в противоположность тому не-присутствию, которое царило в нём только что. Вейма бессильно обвисла в руках мужа. Нет ничего хорошего в том, чтобы управлять такой толпой людей, да ещё до того, как погаснет закат, до того, как они уснут.

Вир погладил её по голове.

— Выпей, козочка моя, тебе полегчает, — предложил он, заставив жену скрипнуть зубами в бессильной ярости. Вейма ненавидела запах вина. На самом деле вампиры могли пить любую жидкость без вреда для себя, но и безо всякой пользы. Только кровь или молоко, выпиваемое вместе с жизненными силами, поддерживали их жизнь. Но вино... учитель пытался приучить Вейму охотиться на пьяных. Это легче и так проще объяснить, почему жертва ничего не помнит со вчерашнего вечера. А ещё вампир от этого тоже пьянеет. Но Вейма ненавидела самую ситуацию, когда человек теряет разум, перестаёт управлять своим телом, мыслями, движениями, речью... от этого неправильно *пахло!*

— Ты же знаешь, я не...

— Йаган, дружище, — отмахнувшись от жены, позвал оборотень. Виноградарь подошёл ближе и в его глазах, очень... *бодрых* и настороженных, вампирша увидела, что он не уснул под её чарами. — Она у меня такая привередливая... у тебя найдётся что-нибудь *получше? Хорошее* что-нибудь, а?

Виноградарь кивнул, отцепляя от пояса флягу. Судя по его виду и запаху, он отлично знал, кто перед ним, и не хотел купиться на дружелюбный тон оборотня. *Вейма ненавидела его фальшивое дружелюбие.* Мало кто замечал, когда Вир врёт, но вампирше фальшь резала слух.

— Я не буду... — запротестовала Вейма. Она поняла намёк, и когда-то учитель давал ей *хорошее* вино тоже. Это было на *встрече*, тогда она была ещё только-только обращена и все думали, что она скоро бросит свои глупые капризы и станет *настоящим* вампиром. *Ту* лозу поливали кровью, над *той* пели чёрные песни, и вкус вина был ядовитым и горьким, он дурманил разум и придавал силы для самого злого чародейства. У того вина был вкус крови. Отравленной крови.

Вир молча взял у виноградаря флягу и сунул в руки жене. Вейма слишком хорошо знала мужа, и понимала, что с него станется напоить её насильно, если он решил, что ей это нужно, а она будет упрячиться. Девушка пожалала плечами и поднесла флягу к губам. Сделала глоток.

Эту лозу поливали молоком, посыпали цветочным нектаром, над *этой* пели песни о свободе и силе, во вкусе была сладость и свежесть... Вампирша сделала несколько глотков и с усилием остановилась. В голове слегка шумело, но в тело вернулась сила.

— Продашь? — спросил оборотень, глядя на порозовевшее лицо жены и её заблестевшие глаза.

Виноградарь молча забрал флягу, закрыл и повесил обратно на пояс. Отвернулся и пошёл восвояси из кабака.

— Я подумаю, — бросил он через плечо.

— Эй, охотник! — грубо окликнул мельник. — Байки ты здоров травить. А дело-то своё знаешь? Если это оборотень? Они, говорят обычных волков втрое сильнее.

— Вчетверо, — вскользь заметил оборотень, ссаживая жену с колен. Вейма вздохнула и подошла к Рамоне.

— Спасибо, что приютила, — тихо сказала она. Кабатчица кивнула.

— Он действительно хороший охотник? — с сомнением спросила она.

— Лучший, — вздохнула девушка.

— И он твой муж? — уточнила Рамона.

— А что, непохоже? — усмехнулась Вейма. — Мы невенчаны, если ты об этом. Просто...

Вампирша вдруг подумала, что никогда раньше не воспринимала Вира как мужа. Даже как любимого. Или своего мужчину. Он просто... был. Человек — оборотень — мужчина, который удерживал её угрозами и силой. Человек — оборотень — мужчина — который дал ей дом. Который стал её семьёй. Стал бы он жаловаться *клану* на её нападения там, в той деревушке, где она доила коров, если бы она отказалась остаться? Может быть, и нет. Вир был очень благородным... человеком. Может быть и да. Оборотни никогда не отказываются от *своего*.

— Просто мы вместе, — сбивчиво закончила девушка. Кабатчица кивнула и понесла в угол горячую похлёбку.

— ...никогда не селятся рядом с людьми, — обратила внимание Вейма на голос мужа.

— Это почему же? — нахмурился мельник.

— А зачем? — пожал плечами оборотень. — Свободных земель, хвала Заступнику, хватает.

Он усмехнулся.

— Да простит меня честное собрание, они говорят, от нас дурно пахнет. Дым, железо, навоз, вино, пот... У них же нюх как у волков, а волки выходят к людям только когда в лесу жрать нечего. А оборотни — они же умные, они сами следят, чтобы было что жрать.

Это заявление было встречено недоверчивым гулом.

— Ну ладно! — хлопнул по столу Вир. — Знаю я кое-что. Не хотел к ночи рассказывать.

— А ты нас не пугай! — потребовал Натес. — Мы тут всё видели! Мы вампира судили!

— И кормили, — тихо дополнил кузнец, которому до сих пор припоминали «дорогого сыночка».

— Была когда-то деревня... под Дачсом — это городишко такой, к западу от Корбинниана... там к западу все города мелкие, а баронов почти нет, и деревни подати в город везут.

Вейма вздрогнула. Дачс — это её родной город. Она действительно помнила... что-то было такое... однажды в город пришло много крестьян — оборванных, перепуганных, они не были спокойны прежде, чем оказались под защитой каменных стен и первое время вели себя очень тихо... А ещё среди них было больше детей, женщин и стариков, чем взрослых мужчин. Городу пришлось придумывать работы, чтобы прокормить таких гостей. Выгнать их не поднималась рука. И они никогда, никогда не хотели рассказывать о том, что с ними случилось.

— Там была ведьма, — понизил голос Вир. В кабаке стало очень тихо. — Старая злющая карга, и жила она где-то в овраге. Её никто не любил и она никого не любила.

— Она призвала в деревню оборотней, да? — вылез вперёд сын кабатчицы Куно и

увернулся от полотенца, которым попыталась шугнуть его мать.

— Нет, — неожиданно серьёзно покачал головой охотник. — Никто их не призывал. Ещё там была девчонка...

Он покрутил у виска и все женщины с сочувствием закивали.

— Она даже не разговаривала. Только ходила, улыбалась и мурлыкала под нос песенки без слов. А потом в плохой год у них сгнила на корню вся пшеница.

Люди охнули. Сгнившая пшеница — это дорога к голодной смерти, если только у сеньора нет запасов, которыми он захочет поделиться. Но делает ли запасы город?

— И тогда они решили, что старая карга, которая давно со всеми разругалась, сделала это нарочно. И что девчонка переняла у неё силу и тоже сгноила пшеницу. И её дурацкие песенки — это, конечно, злые чары. Кто-то видел, как она трогала стебли...

Вейма почуяла настроение мужа и, забыв про злость, шагнула ближе к нему, обняла за плечи. Он накрыл её руки своими и продолжал:

— Их сожгли заживо. Обоих. Каргу ещё и пытали. Требовали, чтобы она расколдовала деревню. Она окончательно сошла с ума, когда они подпалили костёр. Девчонка даже не понимала, что происходит. Даже не понимала!

Все отшатнулись.

Вейма крепче обняла мужа. Пальцами, ладонями. Всем телом она чувствовала в нём давнюю боль: *«Я не успел. Я пришёл слишком поздно»*.

— И вот тогда пришли оборотни. Стая оборотней.

— Они всех сожрали? — как зачарованный спросил Куно.

— Нет, — покачал головой Вир. — Меня туда... пригласили. Посмотреть, что там можно сделать. Я видел следы. Говорил с людьми.

Он врал, поняла Вейма. Он был одним из оборотней той стаи. Может быть, это он её и навёл. Он не успел спасти ведьму и сумасшедшую девчонку и жестоко отомстил людям, которые их убили. Не потому ли он спас её от костра? Потому что на этот раз он успел...

— Они не стали никого жрать. Такую падаль оборотни не едят. Они убили — палачей. Тех, кто убивал. Кто пытал. Тех, кто смаковал слухи и сплетни, вспоминал, где и когда видели девчонку и касалась ли она руками колосьев. Они вырезали весь скот. А людей... людей просто... прогнали. Она вон, — он кивнул на Вейму, — родом из Дачса, она их видела.

Все посмотрели на Вейму и девушка закивала. Тогда все снова уставились на охотника.

— Стая оборотней вырезала деревню? — уточнил Вилли-кузнец. Вир кивнул. — Только за то, что они убили ведьму, которая их прокляла?

— Они сожгли этих женщин живьём! — хлопнул по столу Вир. — Враг и все его демоны, девчонка даже говорить не могла! Там были две сумасшедших женщины и беда, которая касалась всех!

— Но зерно сгнило, — настойчиво произнёс мельник.

— Это был плохой год, — пожал плечами Вир. — Деревня стояла в низинке. Ведьма была старая. Она отводила беду, пока могла, но тогда окончательно свихнулась и ослабла. Она не смогла их спасти, но кого это волновало? Они боялись голодной смерти и хотели на ком-то выместить свой страх. Оборотни редко вмешиваются в человеческие дела. Но лес — он общий и для них, и для нас, и для ведьм. *Такого* они спустить не могли.

— Отводила беду? — переспросил Куно. — Как это?

— Ну, тут уж я не знаю, — развёл руками оборотень. — Но ведьмы как-то с миром

договариваются. Даже злые. Бывают и заморозки, и засуха, и дождливое лето может быть, но если есть ведьма, то деревня выдержит. Главное, чтобы хорошая ведьма была. А всякие там привороты-отвороты, наговоры — это так, баловство, чтобы не скучно было.

— Откуда ты это знаешь? — нахмурился мельник.

— Пришлось, — усмехнулся оборотень. — Кто по лесу ходит, с ведьмами дружить должен, иначе не пустит в свою деревню, будешь вокруг кружить, а дороги-то и не сыщешь.

— А, может, ты знаешь, или жена твоя, что с нашей ведьмой-то будет? — спросил мельник. — Говорят, её в замке заперли. Говорят, она убийце помогала. Так что же это будет — казнит её барон, а нас оборотни сожрут и земля родить перестанет?

— Вот чего не знаю, — покачал головой Вир. — Это их дела, баронские. Но запирать её его милость не запирает, стало быть, и не казнит. Почему нам знать, может, ему колдовство какое потребовалось?..

Собравшиеся в кабаке стали на все лады обсуждать, что могло потребоваться их барону от ведьмы, Вир, наслаждаясь разговором, то спорил, а то подкидывал новые идеи. Вейма махнула рукой и пошла в дальний угол кабака — туда, где, она чувствовала, сидел второй человек, не уснувший под её чарами. Слово надо держать. Редко когда она была этим так недовольна.

* * *

Знахарь отодвинул в сторону тарелку и раскладывал перед собой диковинную карту. Вейме хватило одного взгляда, чтобы узнать эту страну — вот там дом Девы Источника, а вот это — логово дракона. Башня Черепов, Долина Страха, Река Хитрости... В Раноге была популярна эта игра. Говорили, она пришла откуда-то с востока (как левкрота, которой вообще не существует!), но поэты придумали свою страну. По этой земле путешествовал тот самый глупый рыцарь, который поклонялся всем встречным девушкам. От игроков требовалось провести его между всех опасностей. Его — или его соперника, единокровного брата, который хотел доказать, что он рыцарь не хуже других, а его дама сердца — самая прекрасная на свете.

Знахарь поднял взгляд на девушку и кивнул, приглашая её садиться. Вейма повиновалась. Запах когда-то собранных им трав мешал сосредоточиться, но его, по крайней мере, уже можно было терпеть.

— Откуда это у тебя? — хмуро спросила вампирша. Защитила ли Исвара якобы пробуждающаяся колдовская сила? Или разум человека укрывают те вонючие травы? И должна ли она сказать об этом людям, если верно второе?

— Выиграл у проезжего мага, — пояснил знахарь, расставляя фишки. Будет ли девушка с ним играть, он не спрашивал.

С Врагом на душу сыграть не откажется, так говорила Магда.

Запах трав, неразличимый для человека, мешал сосредоточиться.

Ватар учил её когда-то играть с людьми во всякие игры. Учил её как выигрывать и как проигрывать. Ватар многому её научил.

Пыльный грязный чердак. Бродячий школяр, который не понимает, зачем его туда позвали. Он немного пьян, но не больше, чем обычно бывают школяры. От него не пахнет

страхом, скорее, азартом и интересом. Он поглядывает на старика и закутанную в чёрное девушку. Вейме дурно. Она не знает, что ждёт этого юношу — игра, истощение или смерть. Ватар выберет сам. Позже. Когда наиграется.

— Учись, дитя моё, — говорит он своим скрипучим голосом. Школяр не слышит. — Ты можешь заманить жертву одной лишь силой своих чар, но это не всегда удобно. Могут пойти лишние разговоры, особенно, если ты решишь поселиться на одном месте.

— Учитель, я не...

Вейме не кажется таким уж важным урок. По её мнению, старик развлекается. Хочет заставить её почувствовать вкус власти. Доказать ей, что она ошибается, что пить кровь — это награда, а не проклятие. Вейме дурно. Голос учителя причиняет ей боль, он царапает слух, залезает под кожу и там рассыпается острыми кристалликами.

— Посмотри ему в глаза, — предлагает старый вампир. На грязном полу лежит карта с завораживающими названиями. — Он знает, как играть в эту игру. Вглядишься в его глаза — и ты тоже будешь знать.

Вейма вглядывается. Потом поднимает руку и бросает кости. Бросать кости её тоже научили: чуткая кожа вампира ощущает, какая грань лежит на руке, точные мускулы заставляют кость перевернуться нужное число раз. Выпадает шестёрка и школяр издаёт разочарованный стон. Он надеялся, что первый ход будет за ним. Вейма смотрит ему в глаза и сдвигает Чёрного Рыцаря. Школяр хочет отвести взгляд, но Вейма держит крепко. Ему не выиграть эту игру.

...ему не выиграть свою жизнь.

Старый Ватар посчитал отпустить паренька «неразумным». От вкуса крови, насильно влитой в горло, вкуса напрасной надежды и азарта, у Веймы ещё долго сводило зубы.

Вейма не любила такие игры.

— Магда говорила, Лонгин всегда жульничает, — сказала вампирша. Она помнила правила, как помнила многое другое, важное и неважное, но не очень представляла себе, как играть, если ты не можешь прочесть мысли собеседника. Нужно ли ей выиграть или проиграть? Что будет лучше для её целей? Запах трав мешал сосредоточиться. Вейму внезапно осенило: травы были во всей деревне и в кабаке тоже, но она не чувствует их, они давно высохли, и запах испарился. Вампиры чувят немногим лучше людей, а иногда и хуже, иначе от отвращения они не могли бы охотиться. Не все люди моются перед тем, как стать жертвой. Вампиры чувят запахи мыслей и чувств. Знахарь подбирал свой чудовищный букет, варил из него снадобье, надеялся, что он поможет... травами пахло от его мыслей, а не от него самого.

— Я заметил, — сообщил знахарь и подвинул ближе к вампирше предназначенные для неё фишки. Чёрный рыцарь. Вейма вспомнила запахи, царящие когда-то на том пыльном чердаке, и её замутило. Она бросила кость — тем же движением, что и тогда. Шестёрка. В этой игре слепая удаче не так уж много значила по сравнению с мастерством.

«Мне понравилась эта игра, — сказал когда-то старый Ватар. — В ней как в жизни — с тобой могут происходить разные события, ты встречаешься со многими опасностями, но, в конце концов, главное — хватает ли у тебя сил и ума».

Вейма ненавидела его голос. У неё не хватало ни того, ни другого, чтобы бросить учителю вызов. Вейму в сложной игре под названием «жизнь» ждал один только проигрыш — сколько бы она ни выбросила на костях. Но пока ей везло.

Вампирша заставила себя вернуться в настоящее. Неподальёку Вир развлекал народ историями, одна другой страшнее. Некоторые, похоже, выдумывал на ходу — про ту рыбу размером с лодку, которая против течения заплывла в реку и притаилась где-то в заводи, чтобы охотиться на людей. Другие устраивал сам — иногда в человеческом, иногда в зверином облике, а кое-какие вычитал в том стареньком бестиарии. Вейме не надо было его непрерывно слушать, чтобы потом слово в слово пересказать все его рассказы. Некоторые вещи ты просто слышишь, чем бы ни занималась.

Вир был рядом. Пока Вир рядом, ничего плохого случиться не может.

...если он однажды снова уйдёт, её сердце разорвётся навеки... она просто не сможет пережить это — снова.

Но пока он рядом. Он здесь.

Оборотень уловил беспокойство жены и нашёл её взглядом. Вейма посмотрела ему в глаза и покачала головой. *Помощь не нужна.* Вир кивнул.

Вейма дождалась, пока с обеих сторон будет сделано по три хода. Со своим умением играть она завела Чёрного Рыцаря в Болото Сновидений и должна была пропускать ходы.

Так даже лучше.

— Магда рассказывала, что ты говорил с... с кем-то в тот день, когда она уходила.

Знахарь выбросил всего тройку и шагнул к Башне Черепов. Отвечать он не даже не собирался.

— Она сказала, ты или безумен или обладаешь колдовским даром, — настойчиво продолжала вампирша, наблюдая, как уменьшаются шансы Чёрного Рыцаря на победу. Исвар молчал. — Но ты не безумен, и лес тебя пропускает. Пожалуйста! Это важно!

Знахарь подтолкнул к ней кость — пришла её очередь ходить, — но по-прежнему молчал.

— Она сказала... она сказала, что колдовской дар отличается от волшебной силы чёрных магов. Что всё, чему её учили в Бурой башне — это трюки. И ещё вера в то, что наш мир — это зло. Но колдуны и ведьмы договариваются с миром! Они договариваются со своим лесом! Этого не может быть, если мир — это зло, понимаешь? Магда сказала, что дар необученного человека подавляется, если рядом колдует обученный. Но если тот... уйдёт... дар может проявиться.

— Так, — спокойно произнёс знахарь в ответ на её сбивчивый шёпот. — Её казнят барон? Или убьют другие ведьмы? Почему вы вдруг засуетились?

Вейма отшатнулась. Она не желала этого разговора, она умоляла Магду избавить её от данного слова, она вообще не хотела раскрывать тайны одарённых перед чужим человеком. Но Магда настаивала.

— У леса должна быть ведьма. Или колдун. Кто-то, кого принимает лес. Чужая ведьма не может прийти сюда просто так, её надо привести. Познакомить с лесом. Сейчас это сделать некому. Деревня может погибнуть в первые же заморозки. Если ты не пойдёшь, мне придётся сделать это самой. Говорить с человеком, у которого есть то, что я потеряла... Пожалуйста, Вейма. Кто-то должен взять это на себя. Прошу тебя.

Это было невыносимо. Но отказать подруге вампирша не смогла.

— Ей... ей надо будет уехать, — неуклюже соврала девушка. Раньше она врала всегда с помощью вампирских чар, выбирая тот ответ, в который мог поверить собеседник. Сейчас

так не получалось и это было ужасно.

— И чего вы хотите от меня?

Разговор сделался для Веймы ещё более неприятным. Такие вещи... о них не просят, не уговаривают... это дар, он приходит извне — иногда от учителя, а иногда от самого мира. О них нельзя говорить таким спокойным тоном, как будто речь идёт о покупке второй порции похлёбки в кабаке. Вампирша сосредоточилась на игре. Всё было не так плохо после того, как она вывела Чёрного Рыцаря к Деве Источника, которая, по преданию, могла указать дорогу в любое место.

Когда молчание сделалось невыносимым, вампирша заставила себя поднять взгляд и посмотреть прямо в светлые глаза знахаря.

— Если здесь не будет ведьмы, то лес сам изберёт тебя своим колдуном, — зло сказала она. — Ты можешь уехать, но, если откажешься и останешься здесь — покоя не будет ни днём, ни ночью.

— А если соглашусь? — хмыкнул знахарь. Вампирша пожала плечами. Она мало понимала в таких вопросах. Магда тоже знала не всё. Девушки всегда подозревали, что старая ведьма приберегла некоторые тайны. Верена не собиралась умирать, она собиралась отобрать силы своей ученицы.

— Ты должен будешь разговаривать с лесом, — неуверенно сказала она. — Но это ты и сейчас делаешь. Приносить ему жертвы. Если сюда вернётся Медный Паук, — ну, Виль-батрак — ты должен освободить его душу, иначе он вечно будет скитаться здесь после смерти. Вроде всё.

— Даже так, — поднял брови Исвар и передвинул своего героя в предпоследнюю позицию. — А почему ведьма не сказала этого сама?

Потому что она больше не ведьма.

— Барон запретил ей выходить из замка, — объяснила вампирша, выводя Чёрного Рыцаря за пределы карты.

— По-моему, у нас ничья, — заметил знахарь, делая последний ход. — Сыграем ещё?

* * *

Вейма чуть покачивалась, сидя в дамском седле, и была недовольна всем миром сразу.

Во-первых, конечно, лошадь. И одежда. Барон сказал, что она теперь придворная дама его дочери. И должна ехать как придворная дама. Она не может обернуться летучей мышью, пролететь ночью до Тамна и там затаиться. Она должна въехать в город. Как все. А придворная дама не может ехать по-мужски и показывать всем свои ноги. Поэтому Вейме выбрали лошадь, дали одежду (на этот раз подходящую по размеру) и велели ехать вместе с «госпожой». Нора волновалась — она впервые выезжала в большой город — и не смотрела наставнице в глаза. А Вейма злилась. Сидеть было неудобно, ехать так медленно было неудобно, неудобно было, что вокруг ясный день и много людей. К тому же лошадь не знала, как Вейма должна на ней сидеть. Вернее, знала не настолько ясно, чтобы вампирша могла прочитать это в её сознании. У неё и сознания-то не было.

Вейма злилась.

К тому же ужасно, что муж *отослал* её в Тамн, а сам остался в деревне — ловить несуществующее чудовище. Как он собирался выкручиваться — одному только Заступнику

известно. Но Вир заверял, что не первый раз так делает. И что всё обойдётся. А она должна ехать со своим сюзереном. С сюзереном! Она же вампир! Проклятая! Какие, к Врагу, могут быть сюзерены?!

— Тише, родная, не ругайся, — мягко просил Вир этой ночью. Он держал её руки в своих и заглядывал в глаза, и Вейма понимала, что не сможет ему ни в чём отказать, как бы сильно она ни злилась. — Ты моя жена, а я присягал союзу баронов.

— Ты оборотень, — угрюмо ответила она. — Проклятый, как и я. Проклятые не бывают вассалами и проклятые не вступают в брак. Ты не можешь послать меня туда, куда я не хочу. А я хочу остаться с тобой. Хочу приглядеть за Магдой. Ты не можешь мне приказывать. Никто не может мне приказывать, слышишь?!

— Тогда я прошу, козочка моя, я тебя умоляю. Мы живём в беспокойное время, прошу тебя, ты должна поехать вместе с его милостью.

— Зачем?! Зачем ты отсылаешь меня?! Кого я не должна увидеть рядом с тобой?! Вир отшатнулся и побледнел.

Этого он не ждал, и Вейма почувствовала мрачное удовлетворение от того, что ей удалось всё-таки его задеть. Всё-таки. Наконец-то.

...слишком поздно...

— Хорошая моя, — сказал он, когда справился с голосом. — Я говорил со здешними людьми. Во-первых, царапины на деревьях. Ты ведь их оставила, моя дорогая. Ты злилась и царапала деревья. Теперь мне надо придумывать чудовищ, которые могут оставлять такие следы. Хорошо, что никто не подозревает об этой способности вампиров, иначе тебя бы быстро раскусили.

— То есть во всём я виновата?! — вспыхнула Вейма.

— А ещё, моя козочка, второе. Ты не слушала рассказы здешних людей. А я слушал. Я не знаю, как ты это делаешь, и знать не хочу, но ты не только насылала на них кошмары прошлой ночью, ты ещё и заставляла тех, кто не спал, видеть тех самых чудовищ. Пока смутно, моя хорошая, но этого им хватило. Ты понимаешь, что не все они видели меня? Некоторые видели то, что внушила им ты.

— Они были пьяны! — возмутилась вампирша.

— Да, я слышал, будто вам легче управлять пьяными, но от истины никуда не деться. Ты заставила их видеть чудовищ. Многих людей, и не все из них спали.

Оборотень слегка встряхнул жену.

— Козочка моя, ты понимаешь, что натворила? Ты не можешь насылать кошмары каждый раз, как у тебя испортится настроение! Ты не можешь запугивать всю деревню!

— Нет, не понимаю, — надулась вампирша. Она понимала, что ведёт себя по-детски, но не могла удержаться. — Раньше так никогда не было.

— Раньше — нет. Но ты становишься сильнее. Ты же сама говорила, что со временем способности вампиров увеличиваются.

— Вампиры пьют кровь! Это даёт им силу!

— А ты нет, и никто не знает, как ты должна развиваться. Ты должна быть осторожна. Не давай чувствам волю. Сохраняй разум. Если, не дай Освободитель, пойду слухи...

— Ну, хорошо, я тебя поняла. Я постараюсь. А теперь ответь — зачем мне ехать?

— Затем, что так приказал барон, — спокойно ответил оборотень. Вампирша чуть не

зарычала.

— Это не ответ!

— Козочка моя. Я прошу тебя. Я тебя очень прошу. Я боюсь. Я никогда ни за кого так не боялся, как за тебя. Сейчас не время нам быть вместе. Прошу тебя. Пожалуйста. Уезжай. Держись барона. Веди себя как человек. Постарайся, родная. Прошу тебя. Сейчас очень опасно. Я... я не смогу спокойно делать своё дело, если ты будешь рядом.

— Да чем я тебе мешаю?!

— Ты мне не мешаешь, — твёрдо ответил Вир и крепко обнял жену. Вампириша напряглась, пытаясь отстраниться и поглядеть ему в глаза, потом сдалась и расслабилась, наслаждаясь объятием. От оборотня резко пахло страхом. Страхом не за себя. Это было... пугающе. Вир действительно никогда не боялся. — Но сейчас ты должна быть в безопасности, только тогда я буду спокоен. Пожалуйста. Обещай мне, родная, обещай мне, что будешь рядом с бароном.

И Вейма сдалась.

Они ехали не так уж долго — в середине дня, когда жара сделалась невыносимой, приехали в незнакомую деревню. Их встречали на подъезде — барон послал своих людей вперёд, предупредить крестьян и приготовить деревню к знатным гостям.

— Добро пожаловать в Барберг, — поклонился какой-то почтенный крестьянин с ярко-рыжими усами. Вампириша принялась к своеобразному запаху — смеси властности, ума, воли и почтительности, — и поняла, что это был староста.

— Это та самая деревня, о которой говорил брат Флегонт? — спросила Вейма, стараясь удержать на месте свою лошадь. Той, кажется, стоять с вампиром на спине не нравилось ещё больше, чем идти.

— Да, — кивнул барон и, спрыгнув с коня, помог спешиться сначала своей дочери, а потом её придворной даме. Вейма была так ошарашена подобным рыцарским обращением, что без споров позволила снять себя с лошадиной спины.

Коней увели — барон ещё утром говорил, что на их пути расставлены сменные лошади, — и отряд повели в заранее раскинутые шатры, где девушкам предложили умыться и выпить молока, а мужчинам предложили вина. Вскоре барон послал за дочерью и вампиршей в большой шатёр.

— Мы останемся здесь до завтрашнего утра, — сообщил Фирмин.

— Зачем? — удивилась Нора. — Отец! Я вовсе не устала. Поедемте дальше!

— Мне не нравится, что мой сын пытается завладеть этой деревней. Хоть Вейма и сказала, что Барберг не так уж и интересуется его... Мы останемся здесь для того, чтобы выполнить свои обязанности.

— Какие, отец? — послушно спросила Нора. От Веймы, правда, не укрылось разочарование и раздражение девушки. Проведя всю свою жизнь в деревне, она радовалась дороге и радовалась, что увидит большой город. «Выполнять свои обязанности» перед крестьянами не так интересно, когда ты юна и хочешь радоваться жизни.

— А какие, дочь моя, обязанности у сеньора перед своими людьми? — строго спросил в ответ барон и отвернулся.

Нора покраснела, обиженная выговором.

— Вейма, — обратился барон к вампирше. — Мне нужно твоё чутьё. Ты встанешь позади меня, рядом с Норой. Если увидишь, что мне лгут — потяни за рукав, только, ради

Заступника, незаметно! Твой муж очень просил, чтобы я не разоблачил тебя перед людьми.

Вампирша вздохнула. Муж. Просил. Ну, к чему этот балаган? Как будто у неё может быть муж! Муж, который просит за неё барона! Глупости какие!

— А ты, Нора, — не заметил злости девушки барон, — не стесняйся вмешиваться, если заметишь что-то неладное или захочешь спросить. Поняла?

— Да, отец, — покорно вздохнула девушка. Вейма чувствовала, что её ученице хотелось бы иметь впереди какое-то другое будущее, чем разбор мелочных жалоб. Более красочное, может быть. Сама вампирша вздыхать не стала. Всё это она в своё время освоила, таскаясь по деревням Корбиниана за своим мужем. Или тюремщиком, как она думала в тот момент. Забавная штука — жизнь.

Сначала всё было просто. Не с мужем, а с Барбергом. Староста принёс какие-то записи, сделанные на каких-то тряпках, барон их внимательно посмотрел, потом вышел и посмотрел на телеги, которые предполагалось отправить в замок, потом показал дочери и её придворной даме, Вейма быстро пересчитала в уме и шёпотом предложила Норе найти ошибку, ошибка была найдена и с телеги сняли один мешок с мукой, который оказался лишним. Сначала всё было просто и исключительно деловито. А потом староста попросил позволения привести просителей, которых нужно было освободить от податей — если его милость согласится, конечно.

И поначалу тоже всё шло... ну... как обычно. Усталый мужчина с тремя детьми (для убедительности он привёл их с собой и старшая девочка держала на руках младшую, а средний мальчишка восторженно разглядывал вооружённых людей, пока отец не отвесил ему подзатыльник). Барон выслушал его и согласился, что тяжело быть детям и отцом, и матерью, даже с учётом помощи старшей дочери, но подати не отменил, а только уменьшил. Нора морщила носик. Вейма молчала. Она чувствовала, что крестьянин уверен, будто преувеличивает свои трудности. И что на самом деле он их преуменьшает. Но новые подати он, скорее всего, потянет. На прощание барон велел старосте непременно послать к нему, если проситель всё-таки не справится. Тот обещал и несчастный вдовец ушёл заметно успокоенный.

За ним последовал старый, седой как лунь, беззубый дедок, которого притеснял старший сын. Вейма уже видела такое в Корбиниане. В деревнях власть мужчины над своей семьёй заканчивалась тогда, когда он не мог работать в поле, и старики нередко были вынуждены ютиться в сарае или в хлеву в домах своих сыновей или зятьёв. В противоположность этому женщина с течением лет только обретала всё большую власть и, в молодости покорная жена, в старости она держала в страхе и сыновей, и дочерей, и зятьёв с невестками. Иногда и дряхлого мужа. Словом, картина была обычная. Однако барон терпеливо выслушал и дедка, и оправдания сына, и даже некоторых соседей и велел притеснения прекратить под страхом повышения податей. Судя по злобному взгляду «сыночка», брошенному на отца, притеснения-то, может, и прекратятся, а вот любить батюшку он сильнее не станет.

Дедка сменил растрёпанный мальчишка, который оказался стриженной белобрысой девчонкой в подвёрнутых штанах и непомерной рубахе. Девчонка, зыряка на барона из-под длинной спутанной чёлки, жаловалась на «дяденьку», который ей «житья не даёт». Дяденька клялся всеми святыми, что обращается с дочкой младшего брата «по совести», а вот племянница целыми днями ничего не делает, только на речку шатается и в воду глазеет. Барон в растерянности оглянулся на Вейму, та пожалала плечами. Обе стороны говорили

правду. После длительных расспросов у девчонки нашлись и другие родные — правда, не в Барберге, а в Латгавальде. Мать девочки приходилась старшей дочерью троюродного дядьки мельника Летса. Добившись этого признания, барон вздохнул с облегчением и велел отправить ребёнка в Латгавальд. «Мельничное колесо крутить, как раз по ней», — прозвучало в толпе, но говоривший не показался. Вейма пожала плечами. *Крутить мельничное колесо* — это был очень старый обычай, сейчас ему уже не следовали. Это когда юную девушку тайно резали на мельнице, а потом тело бросали в воду. Предполагалось, что девушка, отданная реке, будет крутить колесо и обеспечит хороший помол. Вампирша когда-то прочла об этом обычае в старых церковных хрониках, вернее, там был описан суровый суд над участниками.

Потом здоровенный парень, ражий детина, который краснел как рак и отводил глаза, бормоча что-то про свою матушку. Вейма опять промолчала. Парень-то здоровый, да только мать у него больная. А уж злющая! Ни одна соседка с ней сидеть не соглашается, вот и приходится бедолаге и в поле, и дома успевать, всё одному. И девушки за него замуж не идут — кому охота такую свекровь получить? Он уж и так, и сяк уговаривал... А одна его даже любит. И он её. Но гордая девушка, ох, и гордая. Такая не позволит, чтобы на неё ругались с утра до ночи, а воспитывать больную старуху — тоже радости мало. Барон внимательно взгляделся в глаза этого просителя и отменил подати совсем. Но велел, чтобы тот взамен поработал на рубке леса для нужд замка. Проситель ушёл совершенно ошарашенный. Затем пришёл местный мельник — худой угрюмый человек, совершенно непохожий на Летса — и, глядя себе под ноги, начал бубнить о том, что мельничный ручей пересох, жернова сточились и всё это надо бы поправить, а умельцы в деревне такие, что на днях всё совсем развалили. Барон оглянулся на вампиршу и велел ей записать для отправки распоряжений в замок. Вейма встретила его вопросительный взгляд и кивнула. Мельник тоже не лгал, хотя, пожалуй, преувеличивал свои сложности.

Обо всём этом было гораздо проще рассказать, чем пережить самому. Просители мямлили, обрывали уже начатые фразы и вообще вели себя так, будто при появлении его милости дружно разучились разговаривать. День уже клонился к вечеру, когда всё стало... не очень хорошо.

В шатёр явилась растрёпанная женщина, в платке, сбившемся за затылок, босая и в рваном по подолу платье. За неё цеплялись перепуганные дети — больные, слабые, тощие заморыши. На руках женщина держала вопящий свёрток грязных тряпок. У её локтя бежал и заглядывал в глаза худющий взъерошенный мальчишка. Вбежав в шатёр, женщина повалилась на колени, грозно зыркнула по сторонам — и дети повалились тоже. Мальчишка весь подобрался, как будто хотел прыгнуть, только вот ещё не понял, куда.

Вейма покосилась на ученицу. Нора морщила носик: от тряпок, в которые была одета вся компания, воняло. Сама вампирша тоже морщилась. О, да, от них воняло! Страхом, безнадёжностью, тревогой за кого-то... сразу и не разберёшь, за кого. А от женщины пахло фальшью. И фальшь смердила так, что вампирша с трудом могла дышать. Каждое её движение выдавало обман. То, как она держала младенца, то, как она смотрела на детей, то, как она невольно ёжилась от прикосновения грубой ткани к коже, то, как переступала босыми ногами, непривычными к долгой ходьбе. Это мог бы заметить даже человек. Для вампира же всё это было только подтверждением того мучительного аромата, который окутывает лгущего человека. Так, люди могут распознать пьяницу по шатающейся походке — а могут унюхать запах вина. А ещё странно пахли крестьяне, которые к вечеру собрались

вокруг шатра (самые важные из них пролезли внутрь). Как будто... интересом... ожиданием... азартом...

Женщина поудобней ухватила свёрток левой рукой (мальчишка и одна девочка, повыше остальных, кажется, перестали дышать от страха) и правой рванула на себе волосы, окончательно содрав при этом платок.

— Ваша милость! — заголосила крестьянка, бросая эту грязную тряпку под ноги сюзерену. — Сжался! Окажи милость! Одна после мужа осталась, детей — мал-мала меньше, есть просят, плачут, нет сил моих платить подати! Мужа-кормильца с братьями его этой зимой медведь задрал! Оголодали совсем! Обносились! С утра до ночи на полях работаем! На себя не хватает, задолжали всем! Смилуйся, батюшка!

Вейма дёрнула барона за рукав. Её тошнило от вони и злости.

Барон повернулся и посмотрел не столько на неё, сколько на свою дочь.

— Что скажешь, Нора? — спросил он.

Девушка постаралась скрыть отвращение. В это время младенец на руках у женщины завопил особенно громко.

— Ну... — промямлила Нора. — Эта... крестьянка... я хочу сказать... они такие... ну... им, видно, совсем плохо... ну... отмени подати... с них и взять-то нечего...

— Как бы не так, — зло отчеканила Вейма.

Она не могла больше терпеть. Вампирише понадобилось усилие воли, чтобы спокойно выйти из-за спины барона, а не отпихнуть его в сторону.

— Встань, женщина, — потребовала Вейма, остановившись перед просительницей. Старшие дети втянули головы в плечи, младшие, казалось, были совершенно парализованы страхом. Злой голос сделал своё дело без применения вампирской власти: женщина неохотно поднялась на ноги. Мальчишка, явно не утерпев, подлез ей под руку, пытаясь придержать свёрток, но получил подзатыльник. — Как ты посмела обманывать его милость?!

— Да что ты мелешь! — вскрикнула женщина. Она сделала движение, будто хотела всплеснуть руками, да мешал орущий свёрток на руках. Мальчишка опять дёрнулся и снова получил подзатыльник, а после оплеуха досталась к старшей девочке, которая сделала ту же попытку, что и брат.

— Я два раза спрашивать не буду, — процедила вампирша, глядя обманщице прямо в глаза. — Это не твои дети. Это не твоя одежда. Ты — сытая, гладкая, здоровая, они — маленькие, худые, заморенные. Батраки? Или дети батрачки? Ты хотя бы вдова? Куда мужа-то дела? Думаешь, если щёки сажей подмазать, так они худыми будут казаться, ещё под глазами начернила, глядите-ка!

— Врёшь! — с ненавистью прошипела женщина.

— Ах, я вру?! — широко улыбнулась вампирша. Хвала Заступнику, ярость, которая её наполняла, ничего общего не имела ни со страхом, ни с желанием драться, и клыки остались обычными, человеческими, ничем не выдавая свою хозяйку. — Эй, люди! Воды принесите! Я сама её умою, посмотрим, что обнаружится под сажей-то! А, может, нам с тебя эти тряпки содрать? Я же вижу, как ты в них ёжишься!

— Ах, ты! Ведьма бесноватая! — завопила обманщица и наконец-то сделала то, чего с самого начала опасался мальчишка — размахнулась, намереваясь бросить младенца под ноги, как до того бросила платок. Все ахнули, но мальчишка был начеку. Он быстро выхватил ребёнка из рук женщины и, свистнув что-то другим детям, припустил прочь.

Старшая девочка схватила за руки младших братишку и сестрёнку, явно погодков, и побежала за ним.

— Ах, ведьма, — ещё шире улыбнулась вампирша. Она знала, что сила на её стороне и, разнообразия ради, сила не проклятия, а закона. Быть сильнее людей, знать, что в любой момент можешь с ними покончить и наслаждаться этой игрой — основа существования вампира. Вейма всю жизнь ненавидела это. Всю свою новую жизнь. Но теперь... — Так, по-твоему, ведьма та, кто не вдался в твой подлый обман? Ведьма та, кто видит, как от тебя шарахаются дети? Да ты у нас брат-заступник в платье! Ваша милость, я точно помню, что по закону полагается наказание за необоснованное обвинение в ведьмовстве. По решению союза баронов, который возглавлял ваш дед незадолго до того, как передал место в совете вашему отцу, сказано: если обвинена была ведьма, но не совершившая никакого колдовства, сиречь обвинена голословно, бездоказательно, на основании злого умысла, наказание за эту клевету должно быть точно такое же, как за обвинение женщины, к колдовству непричастной. Точно так же и вор не может быть обвинён в краже, которую не совершал, и убийцу судят только за убитого им.

Вейма оглядела собравшихся — крестьян, пришедших посмотреть на представление, и людей барона, — ошеломлённых её речью, и не понявших из неё ровно ничего, — и пожалела, что не смогла сдержаться. Этот закон она выучила из чистого интереса — на него ссылались в трактате по церковному праву. Там, где объяснялось, как соединять власть мирскую и власть церковную.

— Итак, ваша милость, — сказала вампирша, понимая, что главное — не сбивать взятого тона. Во взглядах крестьян она читала уверенность, что именно ведьмой она и является и вместе с тем — что для разоблачения обмана ей хватило обычной человеческой смекалки. Не совсем то, о чём просил перед расставанием муж. — Какое наказание за голословное обвинение в ведьмовстве в ваших владениях? За ложное, я имею в виду.

— Пятнадцать плетей, — пожал плечами барон. Вейма была уверена, что это он только что выдумал. — На деревенской площади, чтобы неповадно было. Но тут вина усугубляется обманом сюзерена...

Все заговорили разом. Одни выгораживали обманщицу, другие обвиняли. Вдовой она не была, её муж — действительно кормилец — уходил на всё лето куда-то торговать, возвращаясь только зимой, обычно с телегой всякого добра, среди которого были как очень дорогие вещи, в которые он наряжал супругу, так и дешёвые, которые он раздавал в долг, который потом половина деревни отработывала и горбатилась на его жену.

Вейма хмыкнула. Мир иногда казался ей воистину отвратительным местом. Под внешним благополучием — гниль! А ведь какая милая была деревня — на первый взгляд. Да и на второй тоже.

Внезапно вампиршу осенила какая-то мысль и она, пользуясь тем, что в шатре стоял крик и шум, тихонько выскользнула на свежий воздух. Запах страха, запах любви, заботы и безнадёжности, который исходил от тех детей, вёл Вейму по деревне так же надёжно, как волка ведёт запах крови. Она без труда нашла нужный дом. Вернее — полуразвалившийся сарай с кое-как заткнутыми дырами. Здесь жили сравнительно недавно. Вейма рванула на себя дверь и принялась, не переступая порог. Да. Слабый запах пожара. Сюда перебрались, когда дом — и без того не слишком надёжный — сгорел дотла. Сгорел не по вине тех, кто сейчас ютился в сарае. Судя по богатому дому, на задворках которого ютилась эта хижина, её обитателей поселила у себя та самая обманщица. А внутри...

Внутри была куча тряпья, внутри которого, в свою очередь, угадывались живые люди. Дети и их мать, слабая измождённая женщина. Из-под надвинутого на лоб грязного платка испугано взглянули потухшие глаза.

— Добрая женщина, — мягко проговорила вампирша, стараясь не давать волю своему проклятию и не подавить волю несчастной. — Тебя очень хочет видеть его милость.

* * *

Лошадь, которая досталась Вейме на следующий день, была ещё хуже прежней, и это здорово портило девушке настроение. К тому же она не любила выезжать на рассвете. Странная несправедливость: Вейма могла, не глядя, подчинить любое животное, но ничего не могла поделать со склонностью своей лошади время от времени пританцовывать. Той, кажется, хотелось скакать быстрее. И ещё у неё было отличное настроение, чего не скажешь о её всаднице. Вчера в деревне всё закончилось... ну... в общем... можно сказать, что и хорошо. Несчастных погорельцев отправили в замок, женщину — сначала отъедаться и лечиться, потом работать, детей — как получится. Барон довольно прозрачно намекнул на то, что в его отряде лет через десять-пятнадцать не помешают хорошие кнехты, а, может, и фенрих новый понадобится, от чего у мальчишек загорелись глаза. Девочкам было обещано обеспечить приданное — если они будут помогать матери, усердно трудиться и вообще приносить всяческую пользу. В отношении обманщицы барон обошёлся без бичевания, но добился от неё священной клятвы прощения долгов, а в долгах, как оказалось, ходила вся деревня. На всякий случай клятва была записана и вывешена на дверях местной церкви. Не сказать, чтобы крестьяне были так уж довольны решением сюзерена, но его пронизательность и решительность произвели на них своё впечатление, и барон уехал вполне довольный.

Вейма спиной чувствовала перешёптывания. Что-де его милость взял на службу ведьму, что-де ей стоит в глаза глянуть, как ноги подкашиваются, что-де она может порчу навести, просто назвав по имени и что-де с таким бароном лучше не хитрить. Авторитет сюзерена и вера в него подданных были вознесены на величайшую высоту. Явись сейчас в деревню сам Старый Дюк, никто бы не принял его покровительства, даром что сказки о его справедливом правлении рассказывались по всей стране. Но Вейма с беспокойством думала, что Вир с ума сойдёт, когда узнает, как удачно она «не привлекала к себе внимания». Враг же дёрнул ту злобную бабищу пытаться выпросить у барона милостей именно сейчас!

— Вейма... — неуверенно окликнула Нора, подъехав ближе. Вампирша с завистью покосилась на ученицу. Хотела бы она так хорошо держаться в седле! Или ехать по-мужски, в мужском костюме, всё было бы легче!

— Я тебя слушаю, — хмуро отозвалась наставница. Она держалась в стороне от остальных, отчасти потому, что старалась справиться с лошадью, а отчасти — чтобы не слышать ни голосов, ни сердцебиения своих спутников. В это раннее утро люди её особенно раздражали.

— А ты вчера... ну... ты же не просто так догадалась? Ты же... ну...

— Да, — ровным тоном отозвалась вампирша, пытаясь удержать свою кобылу от особенно радостного приплясывания. — Я воспользовалась своей силой.

— Я так и думала, — уныло пробормотала ученица. — Мне никогда так не научиться. А

отец...

— Так — не научиться, — всё так же ровно ответила Вейма. — Благодарю за это Заступника. Но ты можешь смотреть внимательнее и думать. Смотри на людей. Всё время смотри. Как они смотрят в глаза. Или не смотря. Как держат руки. На их лица. На одежду. Уютно ли им в ней. Просто смотри. Постепенно научишься.

— А... — разочарованно отозвалась ученица.

— Да, нескоро, — кивнула вампирша. — Но, честное слово, мой способ тебе не понравится.

— Ага, — несколько недоверчиво согласилась Нора. Вампирша вздохнула.

— Посмотри на меня, — попросила она как можно спокойнее. Нора опрометчиво взглянула в тёмные глаза своей наставницы. Вейма криво усмехнулась и, стараясь не терять контроля над игривой лошадкой, выпустила в свой взгляд часть себя. Голод. Тоска. Одиночество. Вечное, сводящее с ума ощущение себя неживой. Нора попыталась отшатнуться. Вейма недолго продержала её, потом отпустила, про себя отметив, что даже в этой ситуации ученица не свалилась со своей лошади.

— Я чувствую стук твоего сердца, — всё так же спокойно сообщила вампирша. — Слышу дыхание. Слышу, как кровь струится по жилам. Могу ускорить или замедлить её бег. И так — с каждым, кого встречу. Ты думаешь, это власть? На самом деле такие, как я, стараются как можно меньше общаться с людьми. Ваше дыхание, сердцебиение, ваши чувства, надежды, страхи... это оглушает. Это сводит с ума. Каждое мгновение я удерживаю барьер между собой и знанием, которое мне не нужно. Каждое мгновение я пытаюсь не сойти с ума. Я не просила об этом даре. Я не хотела быть проклятой. И тебе это не нужно.

Вейма говорила очень тихо, зная, что слух ученицы, обострённый после мысленной атаки вампира, уловит каждое её слово, даже если она будет просто шевелить губами, не издавая ни звука.

— А... — проямлила Нора. — Да... ты права.

— Не бойся меня, — снова вздохнула наставница. — Мне это всё не нужно. Я не причиню тебе вреда. Никогда. Пожалуйста. Не бойся меня.

Нора вздрогнула.

— Я не боюсь! — возмущённо ответила она.

— Врёшь.

— Ну... немного.

— Немного можно, — ещё тяжелее вздохнула вампирша. — Но, прошу тебя, если тебе дорога жизнь, честь и бессмертная душа, бойся таких как я. Всех. Очень тебя прошу.

— Ты про Липпа? — зарделась ученица. — Вейма, перестань! Он просто...

— Он хорошенький мальчик, — зло ответила вампирша. — Ветреный хорошенький мальчик. Умненький при этом. Ему нравятся девушки, и он нравится им, из-за этого он стал проклятым, но не успокоился. Он умел нравиться девушкам, ещё когда был человеком. Не верь ему, не открывай ему ни окно, ни дверь, не зови его к себе и не выходи к нему ни днём, ни ночью.

— Но он же заколдован! — возмутилась Нора. — Он не может причинить мне вреда!

— Всякое волшебство можно повернуть вспять, — не унималась вампирша. — И те дни, когда он ходил заколдованный, помогут ему выманить тебя из безопасного укрытия, когда он снимет чары. Не верь ему, ради себя и всех тех, кто тебя любит. Ради жизни своей — не верь!

— Ты его так не любишь? — удивилась Нора. Вейма раздражённо фыркнула.

— Мы все друг друга не любим. Такими уж мы созданы. Но, даже люби я его, я сказала бы тебе то же самое. Не верь ему ни сейчас, ни в будущем.

— Да, но если вампиры обладают такой властью, то я не смогу от него защититься! — горячо возразила Нора. — Ты же сама говорила, что другие ещё сильнее тебя!

Вейма заколебалась. Она знала, что не имеет права выдавать человеку, девчонке, такой опасный секрет. Но...

— У вас в деревне живёт знахарь, — неохотно сообщила вампирша. — Когда вернёшься домой, делай что хочешь, но уговори его научить тебя смешивать сбор трав, который он придумал, когда Липп стал нападать на младенцев. Не бери готового. Проси объяснить каждый цветок, который он туда взял. Постарайся вникнуть в его мысли, понять, как он думал над букетом. Это должно помочь. Мысли этого человека пропахли запахом, который защищает его от меня. Даст Заступник — защитит и тебя.

— О... — ошеломлённо протянула девушка. — Я... я постараюсь...

— И ещё одно, — быстро сказала Вейма, пока не передумала. Они много говорили с Магдой и про знахаря с его изобретениями, и про тот обряд, после которого всё пошло наперекосяк. У Магды были на этот счёт свои мысли и эти мысли были очень важны — если Вейма хотела защитить свою подопечную. А Вейма хотела. Сейчас, когда Магда не могла колдовать, все жители Латгавальда, включая обитателей замка, были в опасности. Вейма не слишком доверяла знахарю. У него есть способности, но будет ли он защищать это место?.. — Я не знаю наверняка, но... у этого человека есть железо, которое может защитить от колдовства. Вернее... всякое железо защищает от колдовства, хотя бы немного, но тогда оно просто... не пускает в некоторые места... или в некоторое время. А с этим железом ты — или кто-то другой — может пройти на самые тайные обряды. — и остаться незамеченным.

Вейма покосилась на Нору и покачала головой. Глаза у девушки загорелись так, как будто ей семь лет и она слушала волшебную сказку.

— Это не значит, что можно явиться на тайный обряд, шумя как конный отряд, — сухо уточнила вампирша. — Я молю Заступника, чтобы тебе никогда не понадобилось это знание.

— Тайный обряд... Это как те, которые ведьмы творят в лесу в полнолуние? — мечтательно произнесла девушка.

— Некоторые да, — призналась вампирша. — Эти ещё не самые страшные. А некоторые проводятся чёрными волшебниками на вершине горы в летнее равноденствие. Кстати, на них очень ценятся молоденькие девушки... только вот живыми потом их никто не видел.

Угроза совершенно не испугала баронскую дочь и Вейма с огорчением позволила кобыле перейти на более быстрый шаг. К обеду они должны были прибыть в Тамн.

Глава четвёртая

Феодальная политика

Когда они миновали ворота и копыта застучали по деревянной мостовой города, Вейма принялась удивлённо оглядываться по сторонам. Нора тоже вертела головой, с её лица не сходил восторг. Вейма даже принюхалась. Дважды, сначала по-вампириски, а потом по-человечески и, не выдержав, направила свою лошадь ближе к барону.

— Что случилось в этом городе? — прямо спросила вампирша. — Он вымер? Тут была болезнь? Или напали враги? Почему тут так пусто?!

— Пусто?! — ахнула Нора, подъехавшая следом за наставницей. — Вейма, я никогда не видела столько народу!

— Тут пусто, — настаивала вампирша. — И слишком чисто. В городе живут сотни людей. От них вечно мусор и нечистоты. А тут...

— Всё верно, девочка, — рассмеялся её сюзерен. — Но Тамн подчиняется союзу баронов и перед нашими встречами здесь действуют свои правила. Не скажу, что подобная чистота поддерживается по всему городу, но есть кварталы — у ворот, в которые въезжают бароны, и там, где мы поселимся, — которые будут разрушены, если из окон кто-нибудь выплеснет помой или выкинет мусор.

— А что вы сделали с людьми? — мрачно спросила вампирша.

— Заступник с тобой! Им просто велено не глазеть на приезжающих. Мы останемся тут до летнего солнцестояния, тогда увидишь, какое будет гуляние.

* * *

Они остановились в большом доме, в котором не было ни души, пока поехавшие вперёд слуги не открыли двери. Вейма принюхалась, но дом был тем же, чем и казался — городским домом знатного господина.

— Обычно в этом квартале жутковато, — признался барон, по-хозяйски расхаживая по нижнему залу. — Много домов и все пустые. Граф Вилтин держит тут отряд, который следит, чтобы в дома не забрались всякие проходимцы и мошенники.

Вейма поморщилась: барон говорил о людях так, как другие говорят о крысах. Старый Ватар когда-то рассказывал ей, где в больших городах можно безопасно прятаться, теперь она понимала. Да. Вампиру легко будет проникнуть в пустующий дом, ведь без людей обычный запрет на переступание порога не действует. Такие, как она, не оставляют особых следов, так что убежище хоть куда. А случись что, в этом доме можно выдержать небольшую осаду — тяжёлые двери, узкие окна... С чего бы, правда, вампиру сидеть в доме, который кто-то осаждают, Вейма не знала.

Обедать они пошли в большой зал — так прозаично называлось одноэтажное здание в центре квартала. В этом здании было что-то от домов древности: два коридора по бокам зала, окно в центре крыши и прудик для сбора воды под ним.

Люди с гербом Вилтина на рукавах — красный конь на белом поле — готовили столы, споро водружая длинные доски на козлы, и расставляли по ним тарелки. На стенах висели шпалеры, узора на которых разглядеть не удавалось из-за царившего в зале полумрака. Даже

Вейма, сколько ни вглядывалась, ничего толком не уловила: вампиры в темноте не различают цветов, а без этого ничего было не понять. Какие-то человеческие фигуры, подняв руки, что-то несли, кое-где виднелись деревья, шатры и лошади.

Светловолосый мужчина в белой рыцарской рубашке вышел к гостям навстречу.

— Фирмин, мой старый друг! — воскликнул он, пожимая руку барону, а после заключая в объятия. Барон достойно ответил. — Я ждал тебя только к вечеру или на рассвете, но пусть будет стыдно тому, кто скажет, что я не сумею принять дорогого гостя!

— Мы выехали заранее и останавливались в Барберге, — пояснил барон.

— Ах, Барберг! Да, я слышал, — покачал головой граф, и барон нахмурился. — Но ты меня не представил.

— Я не успел, — улыбнулся барон. — Позволь представить твоему вниманию мою дочь Нору и её придворную даму.

Граф внимательно оглядел девушку и крикнул «Хороша кобылка!», а после перевёл взгляд на Вейму. Та нахмурилась. Не надо было быть вампиром, чтобы увидеть в этом взгляде лёгкое недоумение. Барон тоже его заметил и даже понял.

— Да, она незнатного происхождения, — признал он. — Но она жена рыцаря. Её муж — шателен Гандулы.

— О-о! — потянул граф. — Я знаю вашего мужа, милая дама. Немного найдётся людей столь верных и отважных.

Неожиданно для себя Вейма поняла, что ей приятна эта похвала.

— Желая твоей дочери в мужья человека, не уступающего молодому Виру в доблести, — повернулся граф к барону и его дочери. — Но где он сам?

— Они поссорились, — сообщил барон. Вейма задохнулась от злости. — Так что Вир отослал жену, а сам приедет позже.

— И она поехала? — поднял брови граф, глядя в разозлённое лицо вампирши.

— Как видишь, — невесело усмехнулся барон.

— Ваша милость! — простонала Вейма, с трудом сдерживаясь, чтобы не поднять крик. Но мужчины не обратили на неё внимания.

— Погоди, давно ли они женаты? Почему я ничего не знаю? — догадался спросить граф.

— Давно женаты и давно поссорились, — пояснил барон. — Вот недавно воссоединились. А до того она жила в Раногге.

— Погоди-ка, это не та ли девушка, для которой Вир просил разрешение учиться в университете?

— Она самая.

— Ваша милость! — едва ли не прорычала Вейма.

— Ну, вкусы разные... — потянул граф, критически оглядывая вампиршу.

— Лучше придворной дамы моей дочери не найти, — ответил барон.

— Ну, если так...

Вейма сообразила, что граф что-то для себя понял, но вот что именно — она не знала.

— Вы мимо Кордулы не проезжали? — спросил граф, оставив, наконец, в покое личную жизнь шателена. — Это мой наследственный замок, милые дамы. Что-то давно писем не получаю, хотел уж послать за Арне, да вот закрутился...

Барон заметно смутился.

— Арне не приедет, — проговорил он, глядя куда-то в сторону. — Он... не знал, как

тебе сообщить... Он в Корбиниане.

Граф поднял брови.

— Что он там делает?

— Предаётся праздности, я полагаю. Возможно, ведёт наблюдения. Он попался отряду, собиравшему продовольствие для самозванца.

— Грабившему, ты хотел сказать, — поправил граф. — Заступник, я считал его умнее!.. Погоди-ка! Фирмин! Старый друг! Поэтому, что ли, не приехал Вир? Или ты поэтому так печален? Арне — рыцарь! Ему не нужен дядька, чтобы вызволять из неприятностей.

— Вы бросите сына у врага?! — выпалила Нора, слушающая разговор с открытым ртом.

— Тише, девочка, — скрывая улыбку, ответил граф. — Я разберусь с этим в своё время. Возможно, их устроит выкуп.

— Они могут потребовать другого, — нахмурился барон.

— Ты отлично знаешь, что Вилтин ещё ни разу не поступался честью. Не поступлюсь и я, не поступится и Арне. Нда... тут есть о чём призадуматься. Но я задержал вас. Ешьте и пейте, а мне пора приготовить всё к встрече Абеларина.

* * *

Когда они утолили голод (сопровождаящим и слугам в это время накрывали в другом месте), в зал вошёл старик в простой одежде, но державшийся с благородством и уверенностью. Вейма мысленно пожала плечами. Она всё ещё была зла на сюзерена и, в конце концов, её совершенно не касалось, по праву ли тут этот человек или нет. Человек, однако, оказался в зале по праву.

— Дитлин, друг мой! — окликнул барон и старик подошёл к ним. Вампирша нахмурилась. Имя ей не понравилось.

— Фирмин, я рад тебя видеть, — улыбнулся он, подавая руку. Обниматься ни тот, ни другой не спешили.

— Это граф Дитлин, — пояснил барон, и Вейма, наконец, вспомнила, чем ей так не понравилось это имя. — А это моя дочь и наследница, Нора.

Старик внимательно посмотрел на девушку, но взгляд его был не таков, как давеча у Вилтина. Тот любовался юной красотой. Этот смотрел так же равнодушно, как мог смотреть, скажем, на красивую ткань. Вейма удивилась. Ему ведь предлагается жениться на этой девушке!

— Хорошая кобылка, — с одобрением произнёс граф Дитлин. Вампирша поморщилась. Там, где она выросла, в маленьком городе, девушек и молодых женщин одобрительно называли кошечками. Уютное домашнее существо, которое приносит дому несомненную пользу, но может и показать когти, если захочет. Крестьяне — и следом за ними Вир — говорили «козочка». Существо столь же полезное, сколь и своенравное, хитрое и коварное. Рыцари же называли своих и особенно чужих дочерей кобылками, и здесь было и уважение к породе и... нечто такое, от чего Вейма бы выпарапала глаза всякому, кто её так назовёт. К Норе так обращались редко. До сегодняшнего дня.

— Хорошая, — кивнул барон. — Только ей бы и всадника по характеру и стати.

Нора густо покраснела.

— Ну, с такой статью за всадником дело не встанет, — засмеялся граф и, кивнув

девушкам, прошёл к столу. Барон нахмурился и направился к своему дому. Девушкам ничего не оставалось как последовать за ним.

— Ничего не понимаю, — произнёс барон, когда они отошли на достаточное расстояние. — Я не ждал, что он будет делать предложение в дверях, но он мог бы хотя бы намекнуть! Я ожидал приглашения присоединиться к нему после обеда, для Норы или для всех нас. Или он думает, моя дочь — товар, который я доставлю к его дверям в обговоренные сроки?! Он даже не попытался выказать тебе уважение!

Всё ещё красная от обиды и смущения Нора молчала.

* * *

Два дня после этого ушли у девушек на то, чтобы наладить жизнь городского дома, пока барон пропадал на сборах ополчения и каких-то очень важных переговорах. В замке Норе не приходилось ни о чём задумываться: слуги всё делали по порядку, заведённому в те времена, когда была жива её мать. Важные ключи были у барона, неважные не нужны: почти все лари и комнаты стояли открытыми. Здесь же установленного порядка не было, и Нору с утра до вечера досаждали вопросами, куда составить привезённые с собой тарелки, как хранить мясо, чтобы не испортилось, какое вино поставить дальше в винном погребе и не отдаст ли она распоряжение погладить измявшиеся в дороге простыни. Вейма, как могла, помогала ученице, но её навыков здесь не хватало. Она приблизительно знала, как управлять феодальным владением, во всяком случае, как вести записи о податях. Как управлять господским домом, она не знала. В доме её отца было очень мало слуг, а, когда она жила с Виром, их не было вовсе. В первый же день во внутреннем дворе установили кухню, и уже завтракать они могли дома, не подвергаясь необходимости идти на виду у всех в центр квартала. Вейме пришлось позаботиться о себе самой. К счастью, каждый приехавший в Тамн барон распорядился пригнать стадо коз и коров, и вампирше не пришлось терпеть муки голода.

Всё оставшееся время девушки были предоставлены сами себе. Здесь нельзя было выйти прогуляться. Во-первых, в городе было жарко, пыльно и душно, и жить можно было только в доме, с его толстыми каменными стенами и вечным полумраком. Во-вторых, когда они всё-таки вышли, в первый же день, к ним привязались пятеро мелких уличных оборванцев, которые бежали за ними и кричали какие-то обидные стишки, к которым девушки предпочли не прислушиваться. Вейма терпела довольно долго, но, когда она увидела, как в глазах подопечной появляются слёзы, она не выдержала. Крепко взяв Нору за руку, она без предупреждения толкнула её в какой-то тёмный и узкий переулок и велела не подглядывать. Мальчишки радостно вбежали следом. Вейма закрыла глаза и сосредоточилась. Сейчас был день, но, с другой стороны, она была очень зла, а преследователи не были взрослыми и к тому же их разум уже помутился от злости, жадности, молодой глупости и немного похоти. Поэтому к мальчишкам повернулось что-то... не очень приятное на вид, как она позднее объясняла ученице. Нечто страшное, с огромными клыками, рогами, когтями и ещё даже крыльями. То есть нечто такое, что можно увидеть только на полях старинного бестиария, потому что в реальной жизни когти и клыки совершенно не сочетаются с рогами. После этого Вейма подошла к остолбеневшим от ужаса паренькам, каждому положила руки на плечи, заглянула в глаза и что-то очень нежно сказала. Так, по крайней мере, показалось

Норе, которая всё-таки подглядывала. На самом деле вампирша приказывала оборванцам забыть, кого они загнали в этот тёмный переулок. Она не хотела, чтобы пошла слухи про её подопечную, да и Вир велел вести себя как человек.

Затем вампирша вернулась к Норе, решительно взяла её за руку и, как ни в чём не бывало, вывела с другого конца переулка. В Тамне потом, много позднее, говорили, что особенно зловредная шайка уличных воришек безо всякой причины распалась и оборванцы пошли к плотнику, сапожнику, шорнику, каменщику и мяснику, повалились в ноги и умолили взять в ученики. Большого счастья им это не принесло, и били их учителя нещадно, но, когда через пять лет в Тамне случились беспорядки из-за налогов на мосты и переправы, именно этих мальчишек, уже выросших, не было в числе тех мошенников, кого повесили за грабежи на улицах. Но это было много позднее, а сейчас настроение у девушек испортилось окончательно, и дальше гулять они не стали. Ещё сильнее оно испортилось, когда вечером барон, выслушав обеих, со вздохом попросил их всё-таки удержаться от прогулок.

— Было бы лучше, если бы с вами кто-то пошёл, но это не должны быть домашние слуги, а Менно мне нужен во время смотра. К тому же дочери барона не пристало расхаживать по городу пешком, но для верховой прогулки тем более нужен провожатый. Если бы молодой Арне не попался бы так глупо в Корбиниане, он мог бы взять на себя эту обязанность, но тут уж ничего не поделаешь.

— Но, отец! — возмутилась Нора. — Вейма может защитить меня лучше любого рыцаря!

— Нет, — твёрдо ответил барон. — Мы — добрые верующие, мы не можем прибегать к помощи проклятой против таких же людей, как и мы.

— Ваша милость! — ахнула от изумления и обиды Вейма.

Одновременно с ней вскинулась Нора:

— Но, отец!..

— Прости, девочка, — одними губами усмехнулся барон. — Но по городу не должны пойти слухи о чудовище. Ты не всегда сможешь справиться со всеми. Сегодня тебе просто повезло.

Вампирша пожала плечами. Барон был прав. Сознать это было неприятно.

* * *

Девушки сидели взаперти, в небольшой светлой комнате, где для Норы было кресло, а для Веймы — скамеечка, и ещё пыльная овчина на полу, от которой хотелось чихать, — и ужасно скучали. Они не взяли с собой ничего, что позволило бы им продолжать уроки, не взяли с собой ничего для прядения, ткачества и вышивания, одним словом, им было отчаянно нечего делать. Поэтому они говорили и говорили намного откровеннее, чем того хотелось бы Вейме.

— Послушай, — сказала вечером первого дня Нора, — давай убежим?

— Куда убежим? — не поняла вампирша. — Зачем убежим?

На неё пахнуло такой отчаянной надеждой, страхом и отчаянием, что она отшатнулась.

— Не знаю, — отмахнулась Нора. — Не важно. Куда-нибудь. В Серую пустошь. За море. В другую страну. Ты переоденешься мальчиком и скажем, что ты мой брат. Я надену платье попроще. Давай, а?

— Не надо было оставлять у тебя тот рыцарский роман, про графскую дочь и пастуха, в которого переоделся сын враждебного графу барона, — неодобрительно заворчала Вейма. Но Нора не унималась.

— Я не хочу, Вейма, ты же понимаешь меня! Я не хочу выходить замуж за графа Дитлина! Он старый, некрасивый, он не любит меня!

— Поверь мне, — отозвалась Вейма, — было бы куда хуже, если бы любил.

— Вейма, пожалуйста! Я не могу так жить! Так не должно быть!

Вампирша вздохнула и подумала, что последнее время она вздыхает слишком уж часто.

— Нора, дорогое моё дитя, — бесстрастным голосом отозвалась она на мольбу девушки, — я прекрасно тебя понимаю. Беда в том, что ты совершенно не понимаешь меня. Мне уже приходилось скитаться. Я больше не хочу.

— Но, Вейма, послушай...

— Нет, это ты послушай! — неожиданно для себя выкрикнула Вейма. — Ты не знаешь, что это такое! Что это такое для вампира! Голод, который сводит с ума. Жажда, которую нельзя утолить. Вечная ложь, обман, лицемерие! Надо втираться к людям в доверие. Ты знаешь, что я не могу войти не то, что в дом — в хлев! Не могу войти без приглашения. Хитрить, хитрить, хитрить! Уговаривать! Вести себя как человек! Скрываться! А если меня заметят вампиры? Меня убьют сразу же! Нора, сразу же! Я — отщепенка! Но даже будь я как все мои собратья, будь я ночной убийцей, мне пришлось бы драться с каждым, на чьи земли я вторгаюсь! Ты ведь не знаешь, что у вампиров поделена вся земля! А ты? Мне пришлось бы тащить себя за собой, да-да, тащить, Нора, именно тащить! Защищать от опасностей, с которыми ты бы никогда не столкнулась без меня! Вампиры не водятся с людьми! Люди не странствуют с вампирами! Мы не бродячие рыцари! Мне пришлось бы драться за тебя с первым встречным! Нас бы убили бы сразу же! Я не могу защитить ни себя, ни тебя! Здесь, сейчас, твой отец даёт мне защиту. Мой муж даёт мне защиту. Ты хочешь, чтобы я выбросила свою жизнь в канаву! Ради чего? Ради того, чтобы сгубить и твою жизнь?! Ты когда-нибудь стояла перед толпой?! Тебя волокли на костёр, сдирая одежду по дороге?! Ты хочешь узнать, каково это?! Хочешь, Нора?! Посмотри мне в глаза! Скажи — хочешь?! Ты хочешь умереть — так?!

Девушка не отвечала. Она сидела в деревянном неудобном кресле и плакала, уронив руки в ладони. Вейма задыхалась от страха, злости и гнева, задыхалась от переполнявших комнату чувств своей ученицы. Ей было плохо.

— Вот что я тебе скажу, моя милая, — совладав с собой, сказала вампирша. — Я сделаю всё, что могу, чтобы расстроить этот брак, всё, что могу как человек, но не как вампир. Но если он состоится... граф Дитлин никогда не коснётся тебя, я это обещаю. Он будет держаться от твоей спальни так далеко, как только сможет. Клянусь тебе. Слышишь меня, Нора? Это всё, что я могу для тебя сделать.

— Хорошо, — вздохнула девушка и больше в тот вечер не было произнесено ни слова.

* * *

На следующий день они заговорили о самом безобидном, что могла придумать Нора — о скитаниях Веймы. Сама вампирша предпочла бы вовсе молчать, чем обсуждать эту тему, но ей не хотелось огорчать подопечную, и она, сперва неохотно, а потом всё больше

оживляясь, рассказывала о том, как ушла из Дачса, как они с наставником пришли сначала в Карог, мелкий западный городишко, ещё меньше Дачса, и как оттуда ушли посреди ночи и попросились в замок какого-то рыцаря севернее Карога, и как там люди одевались иначе, чем в Дачсе и иначе, чем в Раноге, и речь их была с диковинным гортанным выговором, но и оттуда они тоже ушли и пошли на юг, через Дачс, потом скитались по деревням, пока не сунулись к графу Лабаниану, где их чуть было не разоблачили братья-заступники, которых граф пустил к себе и которые умело выискивали зёрна ереси, как потом им почти удалось затеряться в городе Сеторе, но позже оказалось, что там есть свой вампир и они, не выдержав драки, сбежали в Анш, а оттуда — в Вибк, проскочив по краю баронство Ерсин.

Вейма рассказывала о том, что видела и с кем говорила, пока притворялась человеком, но не упоминала ничего о крови, от запаха которой мутило, о том, как страшно кричала толпа в Кароге, и в том северном замке со сложным названием Берндин, и у графа Лабаниана. Их легко разоблачали потому, что Ватар обучал Вейму прежде всего маскировке, и вмещивался только позже, когда всё становилось уже совсем плохо. Много дней спустя после того, как учитель прогнал её, Вейма сообщила, что это он делал нарочно. Не только для того, чтобы обучить, но и чтобы она навсегда запомнила: Ватар — её последняя надежда, последняя преграда между ней и орущей толпой.

Не рассказала и она о страшной ночной драке в Сеторе между Ватаром и неизвестным вампиром, драке быстрой и жестокой, в которой она ничего толком не поняла, и с которой Ватар попросту сбежал, не проверяя даже, следует ли за ним ученица. Как он зализывал раны в Анше, требуя, чтобы ученица приводила ему людей, сам-де он слишком слаб и не может охотиться, но Вейма представить не могла, как это — она подойдёт к человеку, заглянет в глаза и отведёт на верную смерть, а Ватар всё твердил, что ей и стараться не надо, только выбежать из дому, остановить первую же хорошенькую девушку, да пролепетать жалобно, мол, отец её болен... и та сама пойдёт. От таких разговоров мутило ещё больше.

И о том, как в Вибке учитель её прогнал, она тем более говорить не стала. Сказала только — расстались. А вот о том, как она заблудилась в Корбиниане, как её хотели сжечь в какой-то деревне и что её спас Вир — рассказала охотно, и о том, как она жила в деревянном доме, где пахло зверем и уютно, как вела записи со всего Корбиниана и какие вещи оказались полезными, а какие — не очень.

Нора слушала всё это, подперев подбородок кулачками, и думала о чём-то далёком. Вейма чувствовала запах грусти, страха, надежды, отчаяния и больше всего — скуки. Она сказала себе, что за девочкой надо будет проследить повнимательнее, и продолжила рассказывать о том, как живут школяры в Раноге, городе, который уже привык к университету и в котором дня не проходит без драки в том или ином кабаке.

Вечером второго дня барон порадовал девушек, рассказав им, что завтра с утра состоится, наконец, общий совет, и Нора пойдёт с ним как его дочь и наследница, а Вейма — с ней, как её придворная дама. Говоря это, барон лукаво улыбался и видно было даже Норе, что он приготовил какой-то интересный сюрприз. Вообще, Вейма заметила, что барон сильно изменился, приехав в Тамн. Он стал как будто оживлённее, моложе и веселее. Как будто встреча с равными себе что-то меняла в его жизни. Вампирша пожалала плечами. Если она когда-нибудь столкнётся с *собратьями по клану*... она точно не будет этому радоваться, даже если выживет.

Их подняли рано утром, ещё до рассвета, и это несколько омрачило радость Норы. О Вейме и говорить было нечего, она едва успела вернуться после очередной вылазки к общему стаду за городские стены. Норе приготовили её рыцарское платье, и Вейме принесли платье точно такого же покроя — с поясом под самой грудью — но серое, не гербового цвета. Спереди был пришит герб её сюзерена: чёрная огнедышащая пантера^[32] на белом фоне. Это говорило о бдительности и храбрости барона Фирмина, а также о присущей ему хитрости. Что же, как раз по нему.

Вейма мельком задумалась о странностях символов. Люди, сражающиеся под знамёнами своих сюзеренов, надевали рыцарские рубашки с их цветами, а те, кто служил мирно — нашивали гербы. Интересно, что носит Вир, когда одевается официально и одевается ли он так хоть когда-нибудь?..

Когда девушки оделись, они вышли к барону и его фенриху Менно, который, глядя куда-то в сторону, сообщил вампирше, что в отсутствие мужа он, Менно, будет иметь честь сопровождать её на совет баронов. Вейма оглянулась на сюзерена, тот кивнул, и она приняла предложенную руку. Нору в большой зал вёл отец. Когда они пришли, столы, составленные из козел и досок, были куда-то убраны и рядами стояли скамьи. Они были заняты незнакомыми людьми в разноцветных рыцарских рубашках. Большинство было зрелыми мужчинами, но некоторые привели с собой сыновей, а кое-кто — и дочерей. На одной скамье сидела, поджав губы и сложив руки на коленях, пожилая женщина с постным выражением лица. Барон, продолжая лукаво улыбаться, повёл своих спутников к креслу, стоявшему на небольшом возвышении недалеко от прудика в центре зала. Кресло походило на трон ещё больше, чем то, которое осталось дома, в таблинни. Позади стоял лёгкий стульчик, предназначенный для Норы и короткая скамья для её спутницы. Барон усадил дочь, Менно подвинул скамью для Веймы и встал за спинкой баронского кресла.

Все зашумели. Барон остался стоять. Нора и Вейма завертели головами, осматривая большой зал. Сейчас по стенам зажгли светильники, и можно было рассмотреть сюжет на шпалерах — что-то аллегорическое, посвящённое приходу весны. Между шпалерами висели полотна с гербами собравшихся баронов.

Люди всё прибывали и прибывали, и Вейма с интересом принюхивалась к запаху *совместности* и взаимопонимания, который здесь царил. Перед ними встал герольд в красной рубашке и ударил в пол тупым концом копья.

— Благородные бароны! — возвестил он. — Вы собрались на совет союза баронов! Так выслушайте же вашего предводителя!

Все взгляды обратились к барону Фирмину. У Норы округлились глаза. Вейма открыла рот.

— Благородные бароны, — начал Фирмин и его голос разнёсся по всему залу. — Прежде чем начать говорить в нашем собрании, я повторю перед вами клятву, которой следовали мой отец и дед. Перед вами, друзья мои, перед Создателем и Заступником клянусь, что во всём следовал я обычаям рыцарства. Клянусь, что правил своим владением по совести, по законам союза баронов, по обычаям моей земли и по заветам Заступника. Клянусь, что не было в моих словах или действиях лукавства и чисты мои помыслы в этом совете. Клянусь, что не заключал я союзов ни с одним из вас втайне от остальных. Клянусь,

что не присоединял я к себе земель других баронов, за исключением деревни, переданной моей первой женой в качестве брачного дара. Клянусь, что свободно моё владение от наследственных притязаний других баронов и будет, неделимое и неприсоединённое, передано по наследству дальше. Перед вами — моя дочь и наследница.

Он не глядя подал дочери руку и она встала рядом с ним.

— Я клянусь, — дрожащим голосом повторила Нора то, что прошептал ей на ухо отец, — перед лицом Создателя и Заступника, перед союзом баронов, перед своим отцом клянусь, что чиста я душой и телом. Клянусь я принять своё наследство, Фирмин, когда придёт мой час. Клянусь, что буду править им по совести, по законам союза баронов, по обычаям моей земли и по заветам Заступника. Клянусь, что не будет в моих словах или действиях лукавства и чисты будут мои помыслы перед вами. Клянусь не заключать союзов ни с кем из вас втайне от остальных. Клянусь, что не присоединю Фирмин к владениям моего мужа, кого бы ни послал мне Заступник. Клянусь не передавать своему мужу голоса в этом совете. Клянусь не присоединять к своим землям чужих земель, больших, чем одна деревня за всю мою жизнь. Клянусь передать своё владение, Фирмин, единым и неделимым, одному наследнику, рождённому мной в браке от благородного мужа и с ним же — моё право предводительствовать нашим союзом.

Когда девушка закончила и барон позволил ей сесть, Вейма так и осталась смотреть на подопечную с открытым ртом. До вампириши внезапно дошло, что её воспитанница — наследница трона в их стране... Хотя у страны и не было ни повелителя, ни трона. Никто, кроме девушек, не был удивлён случившимся, только несколько юношей в рыцарских рубашках посматривали на Нору со странным и каким-то не очень добрым любопытством. До Веймы, наконец, дошло, почему барон так переживал о замужестве дочери. И почему он нанял ей учительницу, намереваясь позднее сделать её ещё и советницей Норы. Она была не только наследницей относительно небольшого владения, она была ещё и будущей правительницей всего Тафелона. И только что она прилюдно пообещала править этой страной самостоятельно. Много ли найдётся мужчин, которые согласятся жениться на своей будущей повелительнице? Пусть предводитель союза баронов — звание не такое громкое, как Дюк, возможным женихам от этого легче не становилось. Или интереснее. Вейма покосилась на воспитанницу. Нора сидела бледная как молоко. Что именно она сейчас думала, вампириша не знала, но чувствовала, что мысли девушки скачут как пьяные скоморохи.

Собрание шло своим чередом. Вейма не прислушивалась к подробностям, она сидела, взяв Нору за руку, и прислушивалась одновременно к настрою людей и к переживаниям девушки. Нора вцепилась в руку наставницы с такой силой, как будто прикосновение холодных пальцев вампириши действительно могло кого-то ободрить. А бароны тем временем обсуждали разбойников на дорогах к Тамну и к Раногу, и что делать со старым трактом, перекрыть ли его окончательно или восстановить, а то сейчас там не пойми кто шляется?.. И для поддержания порядка в общем владении, Корбиниане, нужно выделить больше отрядов, собранных со всех владений, включая земли простых рыцарей. И, кстати, что там с податями, все ли собраны?.. И, конечно, результаты смотра ополчения.

Вейма подавляла зевоту. Она была невыспавшаяся, злая и никак не могла сосредоточиться на всех этих господских хлопотах. Когда-то Вир научил её разбираться в том, как управляется феодальное владение, но его больше интересовал сбор податей, и, кроме них — чтобы везде было налаженное хозяйство, никто не голодал и не бездельничал.

Где больше потребовать, где меньше, а где совсем ничего, а кому велеть объединить хозяйства или вовсе — отправить батрачить, потому что на своей земле с человека толка не будет. Здесь было то же самое, но обширнее, к тому же Вир управлял самовластной рукой, а баронам приходилось друг с другом как-то договариваться. Они вовсе не по всякому вопросу были согласны. И по поводу ополчения тоже заспорили. То есть состав вопросов не вызывал — там были вояки хоть куда, и действовать слаженно они умели, а вот вооружение как-то подкачало...

Нора дёрнула наставницу за рукав и Вейма поняла, что всё-таки задремала. Перед их возвышением стоял какой-то немолодой горожанин в синей, плохо штопанной куртке.

— Этот человек был пойман недалеко от Тамна, — сообщил барон. — По словам наших людей, он прельстил их быстрой наживой и скупил столько оружия, что его хватило бы на отряд всадников. При этом человеку оружия не оказалось, но все наши люди указывают именно на него.

— Вы ошибаетесь, — тихо сказал горожанин. — Я не покупаю оружие. Я всё вернул.

— Кто он такой? — раздалось откуда-то из зала. — Пусть назовёт себя.

— Да, да, пусть назовёт!

— Я — магистр алхимии по имени Ханк.

Вейма нахмурилась.

— Он не имеет права! — прошептала она Норе.

Её услышал Менно, который наклонился к повелителю и что-то прошептал. Барон повернулся и вопросительно посмотрел на девушку.

— Говори, — приказал он.

— Он не имеет права называть себя магистром! — громче произнесла вампирша, поднимаясь на ноги. — Степень магистра присваивается университетом! Только тот, кто выучился семи свободным искусствам, может звать себя магистром! Или глава рыцарского ордена. Он не имеет права! Ни в одном университете не изучают алхимию!

Сама Вейма, выучившаяся семи искусствам вне стен университета, с трудом подтвердила своё право на это почётную степень. Обычно Раногский университет девушкам не отказывал, но Вейму уж очень хотелось «провалить», доказать, что навязанная феодалами чужачка никуда не годится. Не вышло, но побороться пришлось. Внезапно Вейма подумала, что Раног — не единственный город, в котором есть университет. И не лучший. Не будь ей так трудно и страшно путешествовать, пошла бы куда-нибудь... говорят, за Лейдом, рекой, которая ограничивает Тафелон с запада, есть отличный университет, где учат медицине, а ещё дальше и чуть южнее — отличный факультет права.

Не то чтобы вампиры вообще не испытывали трудностей, когда пересекали текущую воду, но, к счастью, не такие ужасные, как предполагали люди. Куда сложнее обеспечить питание. И — как быть с *кланом*? Ни один вампир не позволит чужачке проходить через свою территорию. Но долго предаваться мечтам не было времени. Мысль мелькнула — и пропала. Ханк — *почтенный Ханк*, вспомнила вампирша рассказы подруги — смотрел на девушку с негодованием.

— Мне присвоила это звание гильдия алхимиков! — возмутился он.

— Гильдия не имеет права присваивать звание магистра, — парировала девушка. — Только мастера.

— Какая гильдия? — внезапно вмешалась Нора, поднявшись со своего и встав рядом с отцом. — Какого города?

В зале послышалось шушуканье. Баронская дочка спросила правильно. В каждом городе была своя гильдия и ткачи Раного не имели ничего общего с ткачами Тамна, разве что переписку поддерживали, да уговаривались подмастерий не сманивать.

— Кто она такая? — возмутился граф Дитлин, кивая на Вейму. — Кто эта женщина, которая осмеливается говорить в присутствии баронов? Жена шателена? Придворная дама? С каких пор мы позволяем женщине?..

— Я приказал ей говорить, — мрачно заявил Фирмин. — Это советница моей дочери.

— Любой из нас может дать слово своему доверенному помощнику, — вмешалась пожилая женщина, чьё лицо в самом начале собрания показалось Вейме постным.

— Баронесса Кертиан, — хмуро поклонился ей Дитлин, — дать слово — не значит придать ему веса.

— И в каком из её заявлений вы усомнились? — хмыкнула женщина. Она как-то странно — странно для женщины — повела руками. Вейма вдруг поняла — пытается нащупать оружие. Вампирша хмыкнула, принюхиваясь. Оружие, которое баронесса сняла только из уважения к этому собранию. И с которым она умеет обращаться.

Граф Дитлин смерил женщину хмурым взглядом и сел на своё место.

— Тебе задали вопрос, — напомнил барон алхимику. — Получил ли ты звание мастера? В какой гильдии?

Ханк опустил взгляд.

— Вам это ни о чём не скажет. За Лейдом, в Мерне, это единственное место, где алхимики объединились в гильдию. Алхимия — не ремесло, но наука, поэтому вместо звания мастера мы называем друг друга — магистры.

Барон оглянулся на Вейму. Та пожалала плечами. Почтенный алхимик лгал всем своим существом и в то же время говорил правду. Точнее у неё угадать не получалось: слишком много людей вокруг было и слишком противоречивые у них мысли и чувства.

— Хорошо, магистр алхимии Ханк, — кивнул барон, подавая знак вампирше и дочери. Девушки уселись на свои места. — Расскажи, что ты делал среди нашего ополчения.

Алхимик приосанился.

— Мне известен секрет получения золота! — с важностью сказал он. По залу пронёсся шёпот — удивления, недоверия, интереса, жадности. — Я открыл способ извлекать из железа благородство, необходимое для создания благороднейшего из металлов. Метафизическая сущность оружия позволяет добиваться этого наилучшим образом. Владелец также оказывает влияние на исход превращения. Меч, отнятый у разбойника, никуда не годится, только оружие честного воина может претерпеть все необходимые трансформации и, отринув низкое, лежащее в его осязаемой природе, явить нам то высокое, что есть в его духовной сущности.

В воздухе запахло непониманием такой силы, что Вейма едва не задохнулась. А алхимик продолжал вещать, призывая древних философов в свидетели гениальности своего замысла, упоминая и идеи, и атомы, и небесные сферы.

— ...и я добился успеха, — закончил, сияя улыбкой, алхимик. — Решительного, недвусмысленного успеха! Когда мои выкладки оказались верными — куда я ещё мог побежать, как не к самому храброму, самому благородному, самому лучшему войску в мире?!

Кто-то заухмылялся, довольный этой грубой лестью. Кто-то так ничего и не понял и остался сидеть в полнейшем недоумении, у кого-то непонимание вызвало гнев. Некоторые — их было меньшинство — чуяли подвох и сердились вполне осознанно, но никак не могли

облечь свои смутные ощущения в слова. Руки баронов из последних двух категорий зашарили по поясам в поисках оружия.

Вейма принялась к своему сюзеру. Он оставался совершенно спокоен, не впечатлившись ни одним словом из произнесённой речи. Ни сложность её, ни обещания, ни лесть — ничего его не тронуло. Это было... интересно. И страшно. Барон Фирмин был сейчас как древний боец на арене, выжидающий, когда можно будет покончить с противником одним ударом так, чтобы и самому не устать, и не разочаровать свою публику слишком быстрой победой.

— Учёная речь, — раздался голос графа Вилтина — одного из тех, кто действительно чувствовал подвох. — Почему бы нам, бароны, не воспользоваться плодами своей доброты?.. Мы отправили эту девушку, придворную даму юной Норы, учиться в университете Раного. Она выучилась и имеет степень магистра искусств. Несомненно, она найдёт, что ответить своему высокоучённому собрату.

— Он не... — запротестовала вампирша, но стихла под взглядом сюзерена.

— Она будет счастлива, получив позволение говорить, — ответил за неё барон Фирмин.

— Только без этих заумных штучек! — потребовала хмурая баронесса Кертиан. Она как раз просто злилась, ничего не понимая в речи алхимика — Без философов и атомов! И этих, как их там! Фигур речи!

Граф Дитлин как будто собирался возразить, но промолчал. Баронесса явно была очень решительной женщиной, готовой в любое мгновение заткнуть рот тому, кто помешает ей услышать желаемое.

Вейма встала и поклонилась как кланялись в университете. В её платье это выглядело нелепо, но опускаться в реверансах она не умела. Мысли так и прыгали. Ей предстояло произнести речь и, желательно, более успешную, чем все её предыдущие выступления. Вспоминался совет Магды — думать не о риторических фигурах и правилах, а о том, что хочешь донести. Кроме того, надо учитывать, что все устали, слушая запутанное выступление лживого алхимика. И, потом... кажется, ей известно, ради чего он сюда пришёл...

— Благородные бароны! — громко произнесла Вейма. — Я не буду утомлять вас учением об атомах или небесных сферах. Я расскажу вам о золоте страны Офир, которая упоминается в священной книге.

— Мы, что, сказки слушать собрались?! — выкрикнул кто-то незнакомый, сидящий рядом с графом Дитлином.

— Барон Абеларин, — ответили ему с противоположного конца зала, — разве может быть что-то плохое в истории, описанной в священной книге?

— Мы не в церкви! — продолжал возмущаться барон Абеларин, но на него кто-то зашикал, и он замолчал.

— Эта история не описана в священной книге, — возразила Вейма. — Она произошла позже, с отважными мореходами, которые захотели разыскать легендарную страну Офир, где, как известно, золото валяется на улицах вместо мусора. Они долго скитались по дальним морям, прежде чем опасные ветра прибили их к берегу. Из четырёх кораблей доплыл только один, но они радовались — ведь тогда им не придётся делить добычу! Страна Офир была на самом берегу, но золото не валялось в ней на улицах, ему была отведена другая роль. Оружие, кандалы, решётки, ножи и мечи — всё, что у нас делается из железа, было выполнено из золота. Алчность охватила мореходов, но не меньшая алчность завладела

и душами жителей Офира. Однако они проявили благородство и предложили обмен. Всё железо, которое было при морях, они сменяли на золото, всё без остатка, до последнего гвоздя в корабле. Добрые жители страны Офир дали им воды и припасов и отпустили восвояси.

Девушка помолчала и добавила:

— Это очень старая легенда. Её мало кто знает... она записана в одном старом молитвеннике на полях... сыном единственного, кто выжил из тех мореходов...

Эта история пришлась более по вкусу слушателям, чем запутанные рассуждения алхимика. Барон довольно кивал.

— И что же дальше? — не выдержал кто-то. — Офирцы убили их, чтобы вернуть золото обратно?

Вейма покачала головой.

— Нет... офирцы отпустили их с честью.

— Они перебили друг друга, чтобы не делить золото? — предположил кто-то ещё.

Вампирша грустно улыбнулась.

— Нет, они были верными товарищами.

— Не томи! — потребовала баронесса Кертиан.

— На них напали пираты, — пояснила вампирша, когда напряжение в зале стало невыносимым. — Золотым мечом невозможно драться. Отважные мореходы не сумели отстоять свою богатую добычу... и сами попали в рабство. Лишь один сумел вернуться домой — разбитый старик, заставший в живых только одного из своих сыновей.

— Хорошо сказано, — хмыкнула баронесса. — Так, значит, магистр алхимии превращал железные мечи в золотые? И только оружие лучших воинов подходит для этой цели? Когда же нам ждать разбойников, чьи мечи не годятся для *преобразования*? Они уже знают, что здесь есть добыча и нет оружия?

— Я не имел в виду, ваша милость... — забормотал алхимик.

Баронесса перевела взгляд на предводителя союза.

— Фирмин, я всё вижу! — рывкнула она. — Ты что-то припас для нас! Кроме этой истории!

Барон сделал знак Вейме садиться и неторопливо кивнул.

— Да, Кларамонда, — обратился он к баронессе по имени. Та невольно усмехнулась. — Менно, позови сюда Куно-простака, Вимо-рыжего и Одо-весёлого.

Все молча ждали, пока вызванные кнехты не протопали через зал и не вытянулись перед своим сюзереном.

— Начнём с тебя, Куно, — сказал барон Фирмин. — Поклянись говорить правду и расскажи о том, как ты имел дело с этим человеком.

Алхимик, на которого барон указал рукой, уже не пытался сохранить достоинство, он оглядывался по сторонам, не то надеясь на подмогу, не то пытаясь выискать лазейку и убежать.

Куно-простак, здоровенный детина с тупым лицом, пробубнил слова клятвы и начал рассказ:

— Я пришёл к этому человеку, когда увидел, что он толкует с моим дружкойми, Отто-сильным и Рето-ловким. Они из людей барона Ерсина. Хвастались, что теперь будут богаты и заживут как дюки. Что у них будет много золота. Я сказал, чтобы он мне тоже дал золото. Я люблю золото.

Куно растянул толстые губы в такой дурацкой улыбке, что бароны разразились смешками. Вейма хмыкнула. От него не пахло глупостью. Барон знал, кому поручать разведать, что творится в ополчении.

— Он сказал, чтобы я принёс меч. Я дал ему нож, но он сказал, нож не подходит. Я сказал, что если я отдам ему меч, барон меня убьёт. Он сказал, что с золотом я смогу уйти от барона и зажить по своей воле. Тогда я принёс ему меч. Он ушёл. Вчера я нашёл его и сказал, что если он не отдаст меч или золото, я его голову разобью о стены города. Он сказал, утром всё будет. Я сказал, что утром уже поздно. Тогда он сказал, чтобы я приходил ночью. Я пришёл. Он дал мне вот это.

Куно сунул руку за пазуху и достал оттуда копию меча, которая была меньше настоящего в пять раз. Свет, проникающий через крышу, свет от светильников запрыгал по поверхности странной игрушки.

— Это золото! — ахнул кто-то в зале.

— Настоящее золото! — подхватил граф Дитлин. Все закричали разом.

— Он сказал, что лишнее железо выпарилось, — сказал Куно, не пытаясь перекрикивать баронов. — Сказал, что он ещё может таких наделать. Но ему нужны мечи. Мечи лучше всего.

— Дайте посмотреть! — нетерпеливо потребовала баронесса и выхватила меч из рук кнехта. Она пощёлкала по нему пальцем, повертела в руках и пожала плечами.

— Я не ювелир, — хмыкнула она. — Но мне приходилось держать в руках золото. Эта штука такая же тяжёлая.

Алхимик немного приосанился, однако Вейма чувствовала, что он не перестал волноваться.

Она собралась передать меч дальше, но барон Фирмин остановил её.

— Удо! — позвал он. — Иди сюда!

— Да ты подготовился, — покачала головой баронесса.

Удо оказался здоровенным крестьянином, больше всех людей, которых Вейма до сих пор видела, он вошёл в грязной в крестьянской одежде, громыхая деревянными башмаками. Он катил перед собой дубовую колоду и тащил на плече топор.

— В зал собрания нельзя входить с оружием! — возмутился барон Абеларин. — Фирмин! Это переходит всякие границы! Что за балаган ты тут устраиваешь?! Зачем ты приволок столько своих вассалов? На прошлом совете, когда мы решали вопрос о твоём сыне, ты сказал, что только бароны могут здесь находиться, а ведь в его жилах течёт благородная кровь. А теперь сам нарушаешь наш обычай!

— Это не оружие, — покачал головой предводитель союза. — Я не буду снова говорить о своём сыне, ибо этот вопрос был решён на прошлом собрании. На этот же раз мои люди здесь, чтобы кое-что вам показать. Удо, действуй!

Крестьянин опустил топор на землю, поставил колоду, без предисловий выхватил у баронессы золотой меч и положил на колоду.

— Эй! — протестующе закричал граф Дитлин, но Удо уже опускал топор на меч.

Тяжёлый звук удара...

Меч разлетелся на две половинки. Куно наклонился и поднял их над головой.

— Вот вам ваша алхимия, — раздался в полной тишине голос барона. — Этот меч сделан из свинца и покрыт тонким слоем золота. Вы хотите послушать Вимо и Одо? Они привезли свидетельство от главы гильдии огневого золочения, что мастер Ханк получил

звание мастера десять лет назад. Они привезли также одного из мастеров этой гильдии, который мог бы узнать Ханка лично. Но, мне кажется, в этом нет нужды.

В зале поднялся такой шум, все так заволновались, что у Веймы потемнело в глазах. Кто-то поспешно пробирался к выходу, но она не видела и не чуяла, кто. Она, скорчившись позади своего сюзерена и зажала голову руками и сражалась с наплывающим безумием. *Люди... их чувства... это было невыносимо...*

— Ты действительно подготовился, — ухмыльнулась баронесса Кертиан. — Но откуда тебе это всё известно?

— Я расскажу тебе об этом позже, — ответно улыбнулся барон Фирмин. — Сейчас я хотел бы узнать у мастера Ханка о том, кто послал его к нам.

Ханку изменили нервы и он упал на колени.

— Никто! Пощадите, ваша милость!

— Я хочу также узнать, — продолжал барон, не слушая фальшивого алхимика, — о том человеке, который стал лагерем в развалинах Гандулы, и о тех разговорах, которые там велись. И ещё я хочу узнать о том, что делали там наши братья, граф Дитлин и барон Абеларин!

Кто-то ахнул.

— Фирмин, ты обвиняешь баронов, не представив равных им свидетелей! — выкрикнул кто-то.

— Тогда пусть они сами возразят мне, — хладнокровно ответил Фирмин.

Все повскакивали со своих мест. Дитлин и Абеларин были теми самыми баронами, которые пробирались к выходу. Не было ещё случая, чтобы кто-то из баронов покидал зал собраний, не извинившись перед собратями и не получив их общего согласия на свой уход. Такое бегство — это признание в измене союзу.

— Эй! — закричал граф Вилтин. — Сюда! Хартвиг! Никлос! Немедленно разошлите людей к воротам. Закройте их! Приказ союза баронов, задержать Дитлина и Абеларина с их отрядами!

Все закричали тоже, отдавая приказы своим людям, по обычаю ожидавшим господ у входа в зал: по правилам каждый приводил с собой небольшой отряд из пяти человек, которые ждали снаружи. У Веймы закружилась голова. Люди слишком утомительны для обострённых чувств вампира. Девушка упала в обморок.

Глава пятая

Угроза

Вейма пришла в себя, лёжа на овчине в их с Норой комнате для дневных занятий. Голова всё ещё кружилась. Вейма принялась: рядом с ней сидела воспитанница и её душу раздирали столь противоречивые чувства, что от них делалось дурно.

— Давно мы здесь? — проговорила вампирша.

— Ты потеряла сознание около полудня, — пожала плечами Нора. — Может, позже. Сейчас всё ещё день, до заката далеко.

— А... ага. А почему я здесь? — спросила Вейма, решив быть последовательной. Ей стоило большого труда не успокоить ученицу насильно, так больно было находиться рядом со взволнованной девушкой. Но сделать так — лишиться её доверия...

— Менно сказал, что в спальню тебя не понесёт. Сказал, что твой Вир оторвёт ему голову, если он войдёт в спальню его жены, — тем же отстранённым голосом сообщила девушка.

— Ну уж и оторвёт, — пробормотала Вейма, пытаясь понять, что фенриху было известно о её муже. А о ней самой?

— Ты никак не приходила в себя, — сообщила Нора. — Я уже не знала, что с тобой делать.

— Не переживай, — вздохнула вампирша. Нора не лгала, но что-то занимало её мысли куда больше обморока наставницы. — Что там произошло, когда я?..

— Ничего, — с раздражающим безразличием ответила Нора. — Все забегали, но никого не поймали. Отец сказал, что Дитлин и Абеларин подготовились к бегству заранее. Надеялись обойтись без него, но были готовы. Собрали людей, обоз и всё такое. Проскакали потом по городу, кто будет их останавливать?.. Когда Вилтин спохватился, они уже добрались до ворот и велели закрыть, приказ, мол, союза баронов. Пока открывали...

— Понятно, — осторожно отозвалась Вейма и тут Нору неожиданно прорвало.

— Тебе понятно?! Вейма, отец знал, что Дитлин предатель! Знал! И всё равно был готов отдать меня ему в жёны! Ты это понимаешь?! Отец всё знал заранее! И не сказал мне — ничего!

— Но почему тогда он... — промямлила вампирша, не очень представляя, о чём сейчас спрашивать. Что же ей сказать, что сделать, чтобы помочь этой девочке, чей отец даёт ей самой, Вейме, защиту и покровительство, но которая так сильно страдает?..

— Он сказал — с горечью объяснила Нора, — если бы Дитлин одумался, то на этом собрании объявили бы о помолвке! Что он нарочно вёл себя как будто всё хорошо! Чтобы граф задумался, что теряет! Чтобы граф рассказал всё сам! Как того требует его честь! Что Дитлин мог сказать, что разведывал обстановку, и сберечь лицо. Но тот этого не сделал, потому что он предатель без чести и поэтому отец не отдаст меня ему в жёны! Только поэтому, Вейма! Ты понимаешь?!

— Мда... — протянула вампирша. Она могла понять сюзерена. Наследники необходимы любой династии, и дочь недостаточно благородного происхождения, да ещё такая, на которой не всякий отважится жениться — кому охота подчиняться собственной жене?.. Тут было о чём тревожиться. Но заставлять такую юную девушку вступать в брак с нелюбимым... с человеком, которому она годится в дочери... для выращенной в любви и

заботе Веймы не было таких целей, во имя которых можно было бы так поступить. И всё же...

— Прошу тебя, — тихо и как-то по-новому произнесла Нора, — бежим со мной. Пожалуйста. Я не могу больше тут оставаться.

От искренности этих слов заломило в висках.

И всё же барон Фирмин давал Вейме защиту и покровительство. Ей и её мужу.

— Ты сама не понимаешь, о чём просишь, — так же тихо ответила вампирша. — Я не смогу тебя защищать вне покровительства твоего отца.

— Тебе не надо это делать! — горячо отозвалась Нора. — Вот, смотри! Это выход!

Вейма взяла в руки кусок пергамента. Перед глазами запрыгали буквы, аккуратно выведенные человеком, привыкшим переписывать духовные тексты. *На два пальца отступ от края страницы, первая буква абзаца красным цветом...* здесь чернила все были чёрные, но начальные буквы были выведены по привычке переписчика после остального текста и совмещались с ним чуть-чуть неровно. От письма исходил тонкий запах ненависти и расчёта. Станным образом ко всему этому добавлялась искренность... гнев... желание убедить...

«Дражайшая сестра! — значилось там. — Пишу тебе не как духовное лицо мирскому, но как твой кровный брат — сестре, как узник, обретший свободу — той, что ещё томится в заточении. Ты знаешь, о чём я говорю. Наш отец не был мне добрым отцом и не был он добрым отцом и тебе. К вассалам, даже самым низшим, он внимателен, он прикармливает самых разных проходимцев, спасая их от петли, давая своё покровительство в обмен на верную службу, и они служат, зная, что только наш отец стоит между ними и смертью. К ним он внимателен и заботлив. Но мы — нет! Родные дети, плоть и кровь его обязаны природой и законами Заступника быть ему верными и послушными. На нас он не тратит своего внимания и своей любви! Может быть, при твоём воспитании он учёл допущенные со мной ошибки. Я знаю, он дал тебе образование, какое имеет редкая девушка. Но зачем? Недавно ты узнала. Ты — орудие в его руках, он не видит тебя, твою прекрасную юную душу, он видит лишь способ сохранить за своим родом власть. Он был готов выдать тебя замуж за старика и, поверь, никакие слёзы не помогли бы тебе в твоём горе. Кого он подыщет теперь? Уверен, ты уже думаешь об этом. Хочешь ли ты взвалить на свои плечи власть над целой страной? Унимать склоки баронов, принимать решения за всех и навязывать их непокорным? Готова ли ты сражаться за свои решения? Готова ли ты выйти замуж по расчёту, а не по велению сердца? Ты молода и красива, ты вступаешь в возраст, когда девушку ожидает любовь и радость, подготовка к священным обязанностям жены и матери, но знакома ли ты хоть с одним молодым рыцарем? Отец не брал тебя на собрания союза и турниры, чтобы ты не успела никому отдать своё сердце и не помешала его планам. Сестра! Меня освободила вера, но тебе я предлагаю другой путь. За тобой придут мои люди, которые позовут тебя к нашему отцу. Выйди с ними — и я увезу тебя далеко от отцовской власти.

Твой брат по крови и по вере».

Вейма покачала головой. Братья-заступники перенимали риторику у прозревших, случайно или намеренно, она не знала, но чем дальше, тем больше в своих проповедях они говорили об освобождении. Флегонт, видно, часто писал проповеди и сейчас использовал их как источник вдохновения. Эта мысль скользнула и пропала: было не до неё. Нора сидела как на иголках, взволнованная полученным письмом. Нора не смотрела в глаза. От неё исходил тяжёлый запах решимости. С такими чувствами люди бросаются в бой. Часто —

последний.

— Пойдём со мной! — взволнованно предложила девушка. Она вся подобралась, будто перед ударом, но Вейма так и не могла понять, чего именно следует опасаться. — Бежим вместе, Вейма, пожалуйста! Я не выдам тебя, никто не узнает! Ты так нужна мне, Вейма, пожалуйста, пойдём!

— Ты сошла с ума! — ахнула вампирша. — Разве ты не понимаешь?! Этот человек... он убьёт меня! Это моя смерть! Как ты можешь... даже думать... Братья-заступники! Они убивают проклятых, сжигают их на кострах живьём! Меня несколько раз чуть не убили и один раз я чуть не попала к ним в руки! Ты понимаешь, о чём просишь?! Ты, что, надеешься, что он не разоблачит меня? Их специально учили узнавать таких, как я! Это моя смерть, Нора! Смерть! А твой отец...

...позже Вейма сама не могла вспомнить, что она хотела сказать о бароне Фирмине. Помнила только, что именно о нём и не стоило упоминать...

Лицо девушки исказилось. Она сделала быстрое движение... Вейма могла бы его остановить, если бы поняла, что происходит, но чувства Норы пахли нападением и ударом, и маленькое движение, направленное на саму себя, просто не привлекло нужного внимания... вампиры быстро двигаются, но не так уж быстро думают... особенно если нельзя погрузить в сон беспокойного человека и выпить его кровь... кровь... Нора достала где-то вышивальную иглу и, получив отказ наставницы, вонзила себе в палец. Красная капля выступила на поверхность кожи... такая маленькая, такая безобидная... так опьяняюще пахнущая... только опьянение это с привкусом гнили... Вейма смертельно побледнела и закатила глаза.

— Клянусь, я тебя не выдам, — тихо сказала её ученица, а потом принялась за дело.

* * *

Второе пробуждение за день было менее приятным, чем первое. Что-то мешалось на запястьях, было душно, твёрдо, неудобно... вампирша потянулась, мешающее что-то лопнуло. Вейма открыла глаза и проморгалась. Пыльная кладовка. То, что лопнуло... это... верёвки?.. Кладовка пахла предательством, страхом... домом барона Фирмина. Нора. Нора воспользовалась своим знанием о слабости наставницы и принесла её сюда, бесчувственную... нет, не принесла... затащила волоком. Если бы на вампирах заживало бы похуже, на затылке и спине Веймы остались бы синяки. Ай да Нора! Паршивая девчонка! И это благодарность за весь труд, за всю заботу, за...

Вейма похолодела и бросилась к двери. Та была заперта... кому-то придётся её чинить... Глупая, глупая Нора! Бедная глупая девочка... и бедная её наставница, которая не сумела ни удержать подопечную, ни охранять её там, куда та отправилась.

При этой мысли Вейма похолодела.

А что, если барон решит, что она должна была отправиться вместе с Норой к его сыну?.. но... Заступник... то есть, тьфу ты, Освободитель!.. Это смерть!

Вейму бросило в жар, как будто огненные языки уже лизали её кожу. Нет, отправиться с девчонкой — это погибнуть.

Но что она могла!

Если бы она не пыталась сохранить исчезающее доверие девочки! Если бы она решилась погрузить глупышку в сон! Не пустить никуда! С ней были все чары, вся доступная ей сила!

Этого хватило бы, чтобы удержать Нору.

Но...

Побоялась.

А как тут не побоишься?

Барон прочил вампирше роль не надзирательницы, нет, помощницы, советчицы. Если девчонка перестала бы доверять, то дальше возможно только два пути. Или Нора продолжит терпеть рядом с собой опасное, лишившееся всякого доверия существо (и, возможно, однажды вольно или невольно выдаст секрет ненужной ей спутницы) — или сама превратится в послушную марионетку вампирши, ведь доверие придётся восстанавливать искусственно... раз за разом... Да, Флегонт был прав — барон хотел навязать дочери брак по расчёту, а после заставить её взвалить на плечи бремя власти. Да, это страшно. Но...

Вейма отмахнулась от сомнений, сбегая по лестнице вниз, к выходу из дома. Ей ещё хватало соображения двигаться не быстрее обычного человека, но...

Найти барона.

Как можно скорее найти барона.

Да, она ошиблась.

Страшно ошиблась.

Но надо найти барона. Как можно скорее...

* * *

Запах ударил в ноздри. Запах резанул по нервам. Застарелая кровь. Боль. Отчаяние. Решимость. Родной и знакомый запах шерсти, кожи, мужчины. Её мужчины. Вейма глубоко выдохнула и постаралась больше ничего не вдыхать.

— Вир! — прыгнула она к дверям и чуть не свалила вошедшего в дом мужчину. Вир выглядел страшно, а пах ещё хуже — не для обычного чутья, для вампирского. Он покачнулся.

— Девочка моя... — выдохнул оборотень. Вейма побледнела. Она привыкла к тому, что её... муж очень редко даёт волю чувствам. Он привык к её бурному нраву, привык сносить припадки гнева, отчаяния, веселья, лихорадочных замыслов... он всегда сначала старался определить, в каком она настроении после разлуки. Он никогда не начинал с нежностей. Он...

— Что с тобой?! — всполошилась вампирша. — Ты ранен?! Тебе плохо?! Что случилось?! Вир, да не молчи ты!

Она огляделась по сторонам, но сесть было некуда. Пришлось вести-тащить мужа к лестнице и усаживать на ступеньки. От запаха крови мутило, но он был старый. Это ещё кое-как вынести было можно.

— Я не справился, — горько сказал Вир.

Вейма мельком заглянула ему в глаза и в ужас отвела взгляд, уже зная: ей придётся увидеть всё до конца. Принять его боль, его отчаяние. Ужас смерти и чувство вины. Ей придётся принять всё. Но не сейчас... не сразу...

Вампиршу осенила мысль и она метнулась через дом во внутренний дворик, к кухне.

— Живо, — закричала она, едва её стало видно кухарям. — Принесите мяса и вина, да побольше! Прибыл шателен Гандулы с важными новостями для господина барона! Он устал

с дороги! Да пошевеливайтесь же! Сам господин шателен! Быстрее!

Позднее кухари сами не смогут сказать, почему господин шателен показался им столь важной птицей, что они подбросили дров и побыстрее дожарили мясо, томившееся на огне в ожидании возвращения барона. Впрочем, позднее их господин не только не возмутился тем, что остался без ужина, но и похвалил за рвение и старательность. А Вейма пробежала мимо мужа, на улицу и, окликнув какого-то мальчишку, посулила ему награду, если он — быстрее, быстрее, нельзя ждать! — немедля приведёт барона Фирмина сюда. Важные, мол, новости. Да беги же ты!

Вейма почти не чувствовала как прибегает к своим способностям вампира. Что их обострило? Запах ли крови, близость ли мужа, охватившее её возбуждение? Одно она знала точно: как ни важно рассказать барону обо всём, а она никуда не пойдёт, пока не выслушает Вира.

Принесли мясо и кубок вина. Вейма втиснула кусок мяса в сведённые пальцы судорогой мужа. Тот отстранился, но под пристальным взглядом жены поднёс ко рту и откусил. Дожарить мясо не успели. Так лучше.

— Говори, — велела Вейма, когда мясо было почти съедено, и взяла в свои руки свободную руку мужа. — Что случилось? С чем ты не справился? Ты ранен? Кто на тебя напал? Где? Да не молчи же ты!

Вир хмыкнул.

— Ш-ш-ш, моя козочка.

— Говори!!!

Вир устало привалился к ней и закрыл глаза.

— Я выполнил приказ барона и вернулся в Корбининан. Увар уже увёл своих людей оттуда. Мы договорились... есть люди, которые ему преданы... они давно вместе... а остальных... не жалко... отребье... Увар увёз жену и дочь... ушёл... в безопасности... остальные начали бунтовать... им не платили, запретили грабить... они требовали денег, еды, вина... или права на грабёж... я знал... заранее подгадал... это бы... задержало... самозванца... но... прибыл человек... с отрядом... отсюда... от графа... графа Дитлина... он... он сказал что-то самозванцу... а потом...

Вейма обняла его за плечи и заглянула в глаза. *Кровь, смерть, сражение...*

— Они меня переиграли... Дитлин написал, что я служу барону... всё стало ясно... Алард... Алард объявил наёмникам, что всё из-за меня... Что я предатель... продал их баронам... тогда они... разделились. Кто-то... пятеро... они сказали, что подчинялись Увару, а тот подчинялся мне. И пойдут за мной. Вейма, я не знал! Я бы... всё по-другому... Остальные... их было больше... мы сражались. Я не мог открыть, кто я... это навредило бы барону... я сдерживался... но если бы и нет... всё равно... их было слишком много... я бы сбежал... мог успеть... но эти люди... они бы не успели... и мы сражались... они погибли. Мои люди. Все погибли. Все! Я упал рядом с ними... нас даже не закопали...

Вейму передёрнуло и она крепче обняла мужа.

— Это позади, — сказала она.

— Я предал их, — горько сказал Вир. — Я не знал. Они... люди Дитлина пинали наши тела. Клянусь, я не отличался от трупа! Утром они ушли. Я... я немного оклемался... похоронил товарищей. Если бы я знал... Потом пошёл сюда. Не смотри на меня так! Я... со мной всё хорошо. Я только устал. Я бежал день и ночь.

Вампиршу трясло от разделённых переживаний. *Боль от смертельных ран, стыд,*

ужас... Заступник, за что?! Никто не должен был погибнуть!

Она не знала, сколько времени они молчали, прижавшись друг к другу, но вот Вир немного пришёл в себя и в свою очередь потряс жену за плечо.

— Ты вся в пыли, — заметил он, — и была напугана, когда бежала к двери. Козочка моя, что случилось *с тобой*?

Вейма сглотнула и сбивчиво ответила на вопрос. Когда она замолчала, от оборотня запахло не просто страхом — ужасом. Вампиршу затрясло и муж поспешил её обнять.

— Бедная ты моя, — прошептал он. — Если бы я знал...

— Это я во всём виновата, — горько ответила Вейма. — Это увидев меня, Дитлин отправил против тебя отряд. И я не сумела справиться с Норой. Не хотела... боялась спугнуть... В её возрасте так легко теряют доверие! А теперь она...

Послышались знакомые шаги и они оба разом умолкли. Барон остановился у дверей, задал несколько вопросов охранявшим двери кнехтам, выслушал ответы и вошёл в дом решительным шагом. От него тоже пахло страхом и беспокойством.

Он знает... — отстранённо подумала вампирша.

Откуда?

Она поспешила окликнуть сюзерена. Надо было встать, надо было спешить навстречу, но оставить мужа без поддержки... Барон подошёл к лестнице, на которой сидели его вассалы и смерил их испытующим взглядом.

— Так, — только и сказал он. — Рассказывай, Вир.

Запинаясь чуть меньше, чем в прошлый раз, оборотень повторил рассказ. Когда он закончил, в глазах барона мелькнуло что-то похожее на чувство вины.

— Я подвёл тебя, мой мальчик, — грустно сказал он. — Прости меня.

— Я выжил, — ответил оборотень. — Но вот ваш сын... ваша дочь...

— Да, — просто ответил барон. — Я уже знаю.

Он перевёл взгляд на вампиршу.

— Ваша милость, — опустила голову Вейма. — Простите. Я не... простите. Нора уколола себя иголкой... Она получила письмо от брата... я пыталась её отговаривать...

— Я уже понял, — вздохнул Фирмин. — Не кори себя, этим делу не поможешь. Я совершил ошибку, не приставив к дочери никого, кто мог бы удержать её силой, и не обговорив с охраной паролей. Те кнехты, которые стояли у дверей, постоянно живут здесь, они просто не узнали, что перед ними не мои люди.

Он махнул рукой, доставая из-за пазухи кусок пергамента.

— Что уж теперь. Вот, прочтите.

«Дорогой отец, — было написано уже знакомым почерком, — я решил вспомнить о кровных узах и облегчить бремя забот и власти, которое ты на себя взвалил. Рад сообщить, что моя дорогая сестрица теперь находится на моём попечении и я принимаю на себя защиту её жизни и чести. Ты знаешь меня и можешь отныне не беспокоиться о её судьбе, поэтому, прошу тебя, оставайся на месте и спокойно занимайся своими, такими важными делами...»

— Мерзавец! — вырвалось у Веймы. От письма так и несло ненавистью и угрозами.

— Это крушение всех ваших планов, — проговорил оборотень. — С Норой в руках им ничего не стоит завладеть Ордулой, а это значит, что они не просто проедут мимо Латгавальда, как мы предполагали.

— Латгавальда? — переспросила Вейма, не сразу сообразив, что Ордулой назывался

замок барона. — Вы... вы знали, что самозванец собирается в Латгавальд?

— Мы предполагали, что он будет штурмовать Ордулу, — спокойно ответил оборотень, который сразу подобрался, чувствуя напряжение своей жены. — Но замок хорошо укреплен, а жителей мы с твоей подругой предупредили.

Он усмехнулся.

— Сказали, она предвидела большое войско. С тех пор, как она лишилась волшебной силы, она стала куда убедительнее, как я понял. Так что я не слишком волновался за людей.

Он помрачнел.

— Вы их предупредили и они спрятались? — уточнила вампирша. — Но тогда какая для них разница?..

— Нет, — нетерпеливо ответил оборотень, косясь на сюзерена, который стоял над ними и напряжённо думал. — Они спрятали припасы, увели часть скота. Если бы деревня стояла пустой, это выглядело бы подозрительно и они могли бы сделать неожиданный ход. Там у вас тот тип странный, от которого травами воняет, ведьмочка сказала, что он сумеет проводить туда, где чужаки ничего не найдут. Он было заартачился, но потом согласился. Я был уверен, что всё обойдётся. К осаде Ордула была готова, а там бы его милость вернулся бы, и самозванец был бы взят. Я готовил это несколько лет!

— Да, я напрасно представил Вейму как твою жену, — отозвался барон. — Прости, если сможешь. И Нора...

— Нора?! — вскочила на ноги вампирша. В это мгновение все тёплые чувства к воспитаннице были стёрты. — Нора! Они же войдут в Ордулу! Там же Магда!

— Да, — кивнул барон, и вампирша поняла, что об этом он тоже успел подумать — среди прочих вещей. — Я полагал, что в замке она будет в безопасности, не то, что в лесу, коль скоро она лишилась волшебной силы. И с ними ещё сын Вилтина...

Они погрузились в молчание.

— Сына Вилтина можно только убить, — с горечью заговорил барон. — Это вызовет гнев всего союза, а у графа ещё есть наследники. Нора же... Я так радовался, что у меня дочь! Дочери не грозит вызов на поединки, бессмысленные турниры, ей не надо участвовать в сражениях! Она может править много лет, не рискуя собой. И вот... Если Флегонт выполнит свою угрозу, она лишится всего!

— Дочь может умереть родами, — не удержалась вампирша от напоминания. Говорить о том, что Нора вовсе не хотела править, ей показалось неуместным.

— А для чего я держу ведьму? — отмахнулся безутешный отец.

— Её прочат в жёны самозванцу, — деловито произнёс оборотень. — Это разумный шаг с их стороны. Но пока они думают, что у них это получится... она в безопасности.

Барон только рукой махнул.

— Я не могу пойти на договор с этой бандой проходимцев, — горько произнёс он. — Флегонт это отлично понимает.

— Ну, так надо похитить Нору обратно — и вся недолга, — предложила Вейма. По правде сказать, девчонка её уже не интересовала. Магда. Магда осталась в замке. Замок будет взят без боя. Без предупреждения. Магда лишена волшебной силы. Магда не узнает, что ей грозит. Надо мчаться туда — скорее, скорее! — и вытащить ведьму из-под носа у братьев-заступников.

— Её могут убить, — покачал головой Вир. — Или, если попытка будет неудачной...

Он не договорил из уважения к сюзерену, но Вейма и так всё поняла.

— Я могу унести её так, что никто даже не заметит, — напомнила она.

— Нет, — решительно возразил барон. — Я не могу дать в руки своим врагам такое оружие. Если кто-нибудь узнает, что мне служат вампиры... Всё, что я готовил, будет разрушено.

— Прекрасно! — вскочила на ноги взбешённая Вейма. — Если вам не нужна моя помощь, я иду помогать той, которой она нужна!

Она уже собиралась закрутиться волчком, но муж поймал её за рукав.

— Куда ты?

— Сам не догадываешься?! — выкрикнула вампирша, вырываясь. Недавнее прощение не воспринималось больше как милость, коль скоро барон обрёл её подругу на верную смерть. — Пока вы тут решаете, как сделать лучше для баронства, союза и Враг знает кого ещё, они сожгут Магду и спляшут вокруг! Уж на это-то я сгожусь! Кому спасти ведьму, как не вампиру?!

— Остановись ты! — попытался остановить её оборотень. — Нельзя же так вот бросаться...

— Нельзя вот так расслаживаться!

— Ты собралась лететь днём по открытой местности? Вейма, подумай хоть немного...

— Тихо! — прикрикнул на обоих барон. — Не хватало мне в городе новых чудовищ, если вы поругаетесь. Мне хватило чудовища в Латгавальде. Отправляйся, Вейма. Я дам тебе лошадь, поедешь на ней хотя бы до темноты. Быть может, ты и успеешь. Я знаю Флегонта. Убить ведьму в моих владениях ему будет мало. Он захочет добиться признаний, которые меня очернят. Это даст тебе время. Так что иди.

— Добиться?! — побледнела вампирша.

— Ваша милость! — вскочил оборотень, но тут же пошатнулся. — Позвольте мне отправиться с ней!

— Ты слишком слаб, — отозвался барон. — Отлежишься день-другой — и поедешь. А тем временем мы с тобой подумаем, что тут можно сделать. К сожалению, среди моих людей никто не владеет даром незаметно подкрадываться...

Эти слова что-то зацепили в Вейме и она, уже готовая выбежать из дома, остановилась. *Магда рассказывала...*

— Владеет, ваша милость, — дерзко заявила она. — Душегуб и разбойник Медный Паук, известный в Латгавальде как Виль-батрак. Он может пройти незаметно куда угодно, и он не вампир и не оборотень. Пострадают ли ваши имя и честь, если вы обратитесь к нему за помощью?

— Он проклятый? — прямо спросил барон.

— Я отвечу так, — замялась Вейма, — в этом он ни признается ни под страхом смерти, ни под пытками.

— Он опасный и непредсказуемый человек, — напомнил Вир.

— Он будет честно соблюдать договор, — настаивала вампирша. — Не обманет и не предаст.

— Мне надо подумать, — ответил барон. — Если выяснится, что другого пути нет... а теперь иди.

Магда беспокоилась. Она уступила домик, который ей определили, семье, которую барон прислал из Барберга, и поселилась на чёрной кухне^[33], как привыкла. Она легко включилась в налаженный ритм жизни замка, готовила, скребла столы, стирала... и старалась ни о чём не думать. То, что её заставил сделать оборотень... Бывшая ведьма с содроганием вспоминала, как лгала в лицо людям, которые верили каждому её слову.

— Ты напрасно переживаешь, — холодно говорил оборотень.

От него исходила опасность. Магда не могла забыть, что находится рядом с хищным зверем, способным убить её во мгновение ока. Раньше она не боялась. Раньше она была ведьмой. Раньше её защищала волшебная сила. Теперь... Теперь она была беззащитна.

— Ты напрасно переживаешь, — сказал оборотень и подался вперёд, почуяв её страх. Они сидели друг напротив друга на склоне холма и Вир чутко прислушивался, готовый замолчать задолго до того, как кто-то подойдёт ближе. — Ты скажешь людям правду. Их надо предупредить.

— Но я ничего не предвидела, — устало ответила Магда. Она уже знала, что сделает всё, что он скажет. Она знала, что побоится отказаться.

— Это неважно, — отмахнулся Вир. — Я знаю наверняка, куда они пойдут. Ты будешь убедительнее, только и всего.

Он придвинулся ближе. Пахло лесом и зверем. Магда отшатнулась.

— Ты сделаешь так, как я скажу, — тихо сказал оборотень. — А теперь слушай...

Страх. Липкий, выматывающий страх. Боль. Ничего нельзя было сделать. Только ждать. Даже молиться, чтобы беда прошла стороной, и то нельзя. Некому было молиться. Всё закончилось — мечты, планы, надежды... любовь... привычное дело... закончилось всё. Остался только страх. И отчаяние.

Она солгала. Глядя людям в глаза. Исвар знал об этом. Догадался. Бывшая ведьма видела это в его холодных глазах. Знал и Йаган. Он смотрел... сочувственно. Что ей до них? Всё закончилось. Оставалось ждать.

Лишённая силы, втиснутая в набитый людьми замок, Магда чувствовала себя настолько беспомощной, что не верила в уверения оборотня, что отряд её возлюбленного сюда не войдёт. Надо бы бежать, но у лишённой силы ведьмы немного шансов. В лесу хватало опасностей и без выдуманных чудовищ. К тому же община...

Брат Флегонт, брат-заступник, сын барона. Вир сказал — и в этом Магда ему верила, что он как пёс вцепится в историю с приворотом Аларда. Он не поверит, что колдовство только... только превратило уже возникшее желание в нечто волшебное и сказочное. Он вообще ни во что не поверит.

Алард... Вир говорит — самозванец. Так ли это? И важно ли это?

Магда привычно произнесла — «возлюбленный», но ничего не шевельнулось в душе. Им было хорошо вместе. Они ходили вместе, сидели вместе, дышали вместе. Сидели, переплетая пальцы. Ловили взгляды друг друга. Ласкали друг друга. Это было прекрасно. И закончилось. Это — было. Всё закончилось, когда она потеряла силу. Почему? Дочери рыцаря Бертильде не нужно быть ведьмой. А вот поди же ты. Магда не знала, что думает Алард о её исчезновении. Уходе. Бегстве. Её это не интересовало. Какой-то человек. Из другой жизни, которая была — и закончилась.

А в этой жизни был один только страх. И жить ей оставалось недолго.

Бывшая ведьма так погрузилась в свои переживания, что не сразу услышала, как пришла беда. Не сразу поняла, что трубы за стенами замка трубят совсем не так, как должны. Не услышала криков и угроз. Когда она вышла из пристройки, в которой вместе с другими женщинами стирала бельё, выбивая валиками грязь, в ворота замка уже въезжал чужой отряд. Они трубили в трубы и ветер развеивал знамя. Золотое знамя с алым поясом. За всадниками ехала простая телега, на которой, спина к спине, прижавшись друг к другу, сидели бледные до синевы Арне и Нора. Руки обоих были связаны и длинными верёвками привязаны к бортам. Глаза девушки были полны слёз. Арне в бессильной ярости стиснул зубы. Отряд, оставленный бароном для защиты замка, шёл к воротам. Люди шли медленно, с трудом, как будто сразу состарились. Каждый из них складывал оружие в кучу у самой стены и уходил. Не оглядываясь. Ведьма переглянулась со своими товарками. Одна прижала руки ко рту, сдерживая крик. Другая схватилась за сердце.

Замок был взят без боя.

Магда попятилась. Вспомнят ли враги свою недавнюю повелительницу? Узнают ли её в простой служанке? Она сделала шаг назад, другой... на третьем споткнулась. Чудом не упала, но это было ненужно. Она привлекла к себе внимание. Ехавший позади всех всадник спешил и бросился к ней. Он был так же хорош, как и раньше. Так же красив. Та же гордая осанка. Он схватил её за руки.

— Бертильда! — закричал он. — Любовь моя, я нашёл тебя!

Магда стояла, не зная, что и ответить. Под взглядом людей, которые верили ей, а она оказалась связана с их врагом. Под взглядом Норы. Нора, девочка, как ты здесь оказалась?.. Под взглядом юноши, которого она помогла удержать в плену. Под взглядами...

— Так это она, ваше высочество? — прозвучал из-за спины Дюка незнакомый голос. Алард как-то виновато посторонился, выпуская руки возлюбленной. Пропуская к ней человека в одежде брата-заступника. Магда видела его в первый раз в жизни, но сразу же догадалась, кто перед ней. Брат Флегонт. Тот человек, который должен её убить. — Именем Заступника! Взять ведьму!

Когда Магду уводили — люди, приехавшие с братом Флегонтом, послушники его ордена, — Алард не сказал ни слова. Никто не сказал ни слова. Она тоже промолчала.

У подножья холма в бессильной ярости сжимала кулаки вампирша. Она спешила как могла, она чуть не загнала лошадь, она летела всю ночь, но сбилась с пути, а после ей пришлось бежать по едва ли знакомому лесу.

Когда она добежала до замка, было уже поздно. Враги окружили холм — не густо, но достаточно, чтобы не дать проскользнуть незамеченной. Тайных ходов, если они и были,

Вейма не знала. А главари шайки выстроились перед воротами. Конный отряд, дюжина пеших и несколько телег, которые не получалось разглядеть из-за столпившихся вокруг разбойников. Но Вейма чуяла, кто сидел на одной из них. Гнев, боль, отчаяние, обида...

Запели трубы.

— Откройте ворота своему повелителю, Дюку и наследнику Старого Дюка, Аларду Корбиняну! — прокричал здоровенный верзила в зелёной рыцарской рубашке. — Откройте ворота своему повелителю!

— Ступайте прочь! — раздалось со стен. — Здесь один повелитель — барон Фирмин.

— Откройте ворота! — настаивал рыцарь. — Склонитесь перед своим повелителем!

— Прочь! Ступайте прочь, пока не вернулся барон! По решению его милости на его землях любой, кто называет себя Дюком и потомком Дюка, объявлен вне закона. Ступайте прочь, бродяги!

— Я рыцарь Эрхард Ортвин, молочный брат Дюка! — возмутился верзила. — Ты не смеешь называть меня бродягой!

— Хватит! — раздался знакомый голос, и Вейма еле слышно зашипела от ярости. — Я знаю тебя, Волдо-меткий, а ты знаешь меня. Открой ворота.

— Я знаю тебя, сын моего господина, — раздалось со стены. — Я учил тебя стрелять из самострела, когда ты был ещё ребёнком, но ты всегда убежал жаловаться матери. Его милость велел гнать тебя в шею, если ты вернёшься в его владения.

— Тогда слушай! — прокричал брат Флегонт. — Ты знаешь, ни разу в жизни я не нарушил своего слова! С нами дочь твоего господина. Его высочество Алард Корбинян намерен на ней жениться и тем упрочить союз со своими баронами. Но даю слово служителя Заступника — Если Ордула не откроет ворота Дюку как жениху наследницы, он уедет отсюда как её любовник!

Упала тишина, тяжёлая как камень и безжалостная как удар меча. Вейма задыхалась от злости — своей и чужой, от боли, которую испытала её воспитанница, от мучительной боли защитников Ордулы.

Ах, Нора, глупая ты девочка, всему тебя учили, а только не научили, что тот, кто предлагает сбежать из дома, от слишком тяжёлых обязательств, от родительской опеки — он вовсе не тот, кто будет тебя защищать и ничего не требовать. Бедная глупая девочка...

— Это ложь! — раздалось со стены после долгого молчания. — Вы не посмеете так поступить.

— Ты знаешь меня, Волдо-меткий, — повторил брат Флегонт. — Я никогда не лгу и сейчас не стану.

— Вы нарушаете все законы, и земные, и небесные!

— Я действую так, как подсказывает мне совесть, во благо Заступника и людей! Мой отец хотел выдать Нору за старика, я дам ей молодого мужа! Отец хотел взвалить на неё бремя власти, я подарю ей почести без обязанностей! Я распорядился её судьбой лучше, чем он! И я остановлю беззаконие и бесчестье, которое творится на землях моего отца! Здесь будет царить закон Заступника, высший закон, а не двусмысленные человеческие обычаи! Откройте ворота!

— Вы привезли её сюда силой!

— Отец силой удерживал её при себе, но никто не говорил ни слова! Я её старший брат, я имею право распоряжаться!

— Против воли вашего отца!

— Он потерял свои права, когда пустил на свои земли проклятых!

— Не тебе его судить, мальчишка!

— Мне! Я слугитель Заступника и Он озаряет мой путь, Он указывает мне дорогу! Я послан остановить проклятие, которое, как язва, расползается на этой земле. Откройте ворота или мы уедем! Грех Норы падёт на ваши головы.

— Ты требуешь сдать замок банде разбойников!

Среди захватчиков раздались возмущённые голоса, но брат Флегонт поднял руку и все смолкли.

— Клянусь Заступником! Клянусь душой своей матери! Клянусь своей душой! Те, кто покинет замок, сдав оружие, не будут преследоваться, а будут отпущены целыми и невредимыми. Женщины и дети, а также всё имущество жителей замка останется в неприкосновенности. Каждый, кто нападёт на женщину или ребёнка, отберёт силой хотя бы лоскут ткани, хотя бы кусок хлеба, будет повешен вниз головой и бит железными прутами до смерти. Взамен мы ждём еды и одежды, корма для коней и всего, чем замок обеспечивает своих защитников, включая стирку, починку одежды и всего необходимого. Мы не разбойники! Мы — люди Дюка, законного властителя страны. Каждый, кто желает, волен остаться. Люди незнатного происхождения будут посвящены в рыцари после коронации.

На этот раз молчание было долгим. Очень долгим. Но, видимо, в замке действительно хорошо знали брата Флегонта. Заскрипели ворота, запели трубы. Замок был взят без боя. Всё было кончено.

Глава шестая

Спасение

Вейма сидела и смотрела, как враги входят в замок. Последними вошли те, кто стоял вокруг холма. Заскрипели ворота, закрываясь за захватчиками. Обострённый слух вампирши с усилием ловил за шумом и гамом то единственное, что было важно: «Взять ведьму!». Последняя надежда, что Магда успеет скрыться, была потеряна. Что теперь? Суд? Или сразу казнь? А может, брат-заступник захочет «приберечь» ведьму для того, чтобы она дала ему желанные сведения о «беззакониях» барона?

Вейма устало уронила голову на руки.

Суд.

Церковный суд.

Когда-то она изучала богословие...

Вампирша вскочила на ноги. В голове немного звенело — от усталости, от голода и недосыпа. Плохо. Для того, что она задумала, нужны силы. Силы...

Вампирша бросилась вокруг холма. Слава Заступ... Освободителю, брат Флегонт не вспомнил о виноградаре!

* * *

Вейма добежала до жалкой хижины, в которой жил Йаган, и с размаху ударилась о дверь. Хижина покачнулась, но устояла. Вампирша потрясла головой, не сразу понимая, что происходит, но быстро сообразила:

— Йаган! Ты здесь? Впусти меня!

И тут же отпрянула, почуяв, *кто* скрывается внутри. Сами собой обнажились зубы. Девушка злобно зашипела. Но уходить было поздно: вот уже виноградарь отворил дверь.

— Приблизим *Освобождение*, братья, — выдавила вампирша, совладав со своими чувствами.

— Приблизим, сестра, — отозвался из глубины хижины Липп.

— Верю в *Освобождение*, сестра, — приветливо улыбнулся виноградарь. — Входи.

Липп сидел на полу, на старой облезлой овчине, которая, похоже, заменяла виноградарю постель, и держал в руках знакомую флягу. Глаза девушки метнулись к Йагану. На его поясе фляги не было... он отдал её Липпу...

— Ты за этим, сестричка? — хихикнул вампирёныш, встряхнув флягой. — Не обессудь. Ты опоздала.

— Зачем ты сюда пришёл? — хрипло спросила Вейма. Последняя надежда умерла у неё на глазах.

— А куда мне идти? — пожал плечами Липп и помахал рукой с повязанной белой ленточкой. — С этой-то штукой? Извёлся от голода. Ты хоть коров доить можешь вволю. А я что? Попробуй-ка наестся, никому не причиняя вреда!

— Зачем ты отдал ему флягу?! — возмутилась Вейма, повернувшись к Йагану. — Как ты мог?!

— Он мой брат, — недоуменно отозвался виноградарь. — Освободитель завещал нам

помогать братьям и сёстрам.

— Но... — начала было вампирша, но осеклась. Что она могла возразить? Что Липп — негодяй, лжец и предатель, потому что все вампиры — негодяи, лжецы и предатели? Что остатки хорошего вина ей нужнее, чем ему?

— А ты решила нашу ведьмочку спасать, а, сестричка? — спросил из своего угла вампирёныш.

— Не твоё дело! — огрызнулась Вейма.

— Как знаешь, как знаешь, — протянул Липп. — А вот если ты ленточку с меня снимешь, так, может, и моё будет... помогу... если самому рисковать не потребуешь.

— С чего ты взял, что я сумею?!

— Во-первых, не сумеешь, разговора не будет. А во-вторых... ты ведь снимала с себя. Вот и попробуешь.

— Ты думаешь, я настолько спятила — освободить тебя, чтобы ты снова нападал на детей?

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — очень серьёзно отозвался вампир и протянул руку. — Клянусь, что покину эти земли, когда ты перестанешь во мне нуждаться.

Вейма сделала шаг, но остановилась. Виноградарь молча смотрел на них, не вмешиваясь в разговор.

— И поклянись, что поможешь! И что не причинишь ни мне, ни Магде, ни здешним жителям вреда!

— Да клянусь я, клянусь, — проворчал Липп. — Снимай поскорее.

Вейма оглянулась на виноградаря. Тот пожал плечами.

— Ты свидетель клятвы, — ткнула она в него пальцем. — Кстати, ты знаешь, что брат Флегонт тебя ищет, чтобы обвинить в том, что ты опаиваешь жителей Ранога?

— Я ему уже говорил, — ответил вместо Йагана вампир. — А он говорит, что без виноградника всё равно жить не станет. А ещё прозревший!

Вейма вздохнула. По уму, стоило бы выбираться отсюда, пока брат Флегонт не вспомнил про виноградник. Она шагнула к собрату, осторожно коснулась руками ленточки. Ничего не произошло, ленточка как ленточка. В тот раз, когда она прилетала к Виринее и Лонгину, она тоже ничего не почувствовала.

— Так я и думал, — оскалился Липп. — Эта дрянь жжётся, а тебе хоть бы что! Снимай!

Вейма потянула за кончик ленточки и легко распустила узел. Раздался мягкий хлопок — и волшебный предмет растаял в воздухе. Лип с наслаждением потёр освободившееся запястье и оскалился.

— Приблизим *Освобождение!* — возгласил он. — Как же хорошо стало!

Вейма попятилась. Сейчас перед ней был собрат — а для вампиров это то же самое, что и недруг — полностью владеющий собой и своей волей. В любое мгновение он мог убить её, подчинить себе, сделать что угодно. Кто бы ему помешал теперь?

— Эй, сестричка! — рассмеялся вампирёныш. — Ты, что, боишься меня? А ну, брось! Я ничего тебе не сделаю... пока сама не попросишь.

— Что ты имеешь в виду? — недоверчиво покосилась вампирша.

— Ничего, — пожал плечами Липп. — Лучше поговорим о деле.

— А чего говорить? — удивилась Вейма. — Ты же вампир. Усыпишь всех в замке и вытащишь Магду. Тебе это ничего не будет стоить.

— Э, нет! — запротестовал Липп. — Вампиры не вмешиваются в дела людей. Я думал,

Ватар тебе это объяснял!

— Но Магда ведь ведьма!

— Во-первых, уже нет, — оскалился мальчишка. — А во-вторых, всё равно человек. А мы — нет. Если я её вытащу, братья-заступники заголосят о происках Врага.

— Ну и что? — вскинулась вампирша.

— На тебя давно охотились люди?

— Недавно!

— Вижу, тебе не хватило!

Они застыли нос к носу, разъярённые едва ли не до драки. Йаган выразительно кашлянул и оба недобро на него покосились.

— Брат, сестра, — мягко произнёс виноградарь. — Это ветхая хижина, но она защищает меня от дождя и снега. Не надо в ней драться. Вы в моём доме.

Вампиры дружно фыркнули.

— Ладно! — первым взял себя в руки Липп. — Давай поговорим спокойно.

— Ты напал на деревню, — не пожелала успокаиваться Вейма. — Ты пил кровь младенцев и упивался своей безнаказанностью. А теперь ты — именно ты! — говоришь мне о безопасности.

— Я поступал так, как поступают вампиры, — отозвался Липп. — А ты хочешь, чтобы я поступил так, как поступают люди. Мы не вмешиваемся в их дела. Они видят нас чудовищами, стараются отогнать тех, кто на них нападает. Если мы начнём спасать людей, они будут искать нас повсюду, как бы осторожно мы себя ни вели.

— Ты и есть чудовище, — буркнула Вейма. Липп говорил как все. Этому учил старый Ватар. Это была позиция *клана*. Не привязываться к людям, не ценить их — и не пытаться их спасти, если придёт беда. Вампиры сами по себе — все остальные проклятые сами по себе. А на прочих людей и вовсе плевать.

— Я не отказываюсь помочь, — мягко произнёс Липп. — Неужели ты ничего не придумала?

Вейма удержалась от напоминания, что вампиры не способны к выдумке. План у неё действительно был, тот план, ради которого она пришла к Йагану за увеличивающим силы *хорошим* вином.

* * *

Магду поместили в дровяной сарай у самой замковой стены. Окон в нём не было, дверь немедленно заколотили. Доски стен не прилегали друг к другу, и изнутри можно было увидеть, что творится вокруг. Например, что рядом прохаживаются два человека с мечами наголо. Стерегут... Магда отступила от стенки и улеглась на охапку соломы. По случаю лета в замке требовалось меньше дров и этот сарай стоял пустым, так что места бывшей ведьме хватало. Почему её не поволокли в подвал или не увезли отсюда в монастырь ордена братьев-заступников — Магда не понимала. Да и не хотела понимать. Жизнь стала очень... короткой. Дожить до заката... сделано. Теперь до рассвета... дальше загадывать было страшно. Что с ней будет? Сразу ли её поволокут на костёр или станут сначала пытаться? Стоит ли отпираться или лучше признаться во всём, что было и чего не было? Мысли путались. Дожить до рассвета. А, может, лучше и не доживать...

— Бертильда! Сердце моё! Любовь моя!

Алард. Странно... пришёл.

— Что тебе нужно? — равнодушно спросила она.

— Я... я хотел сказать... я не хотел... брат Флегонт... он сказал, что так будет лучше...

ты зачаровала меня...

— Ну и что? Иди своей дорогой, твоё высочество.

— Я хотел спросить... ты... ты правда дочь рыцаря? Брат Флегонт говорит, что ты меня обманула.

— Да.

— Бертильда!..

— Да, я дочь рыцаря, — неохотно ответила бывшая ведьма. — Я ни в чём тебя не обманывала. Разве это что-то меняет? Кому ты веришь, Алард Корбиниан? Если мне, почему я всё ещё здесь? Если ему — зачем спрашиваешь?

— Но... ты... ты любишь меня?

— Уже нет, — подумав, отозвалась Магда. — Ты разве не слышал? Ведьмы никогда никого не любят.

— Но... любила?

— Я думала — да. Зачем тебе это знать, Алард? Ты похитил дочь барона и силой женишься на ней. Зачем тебе деревенская ведьма, пусть она сто раз дочь рыцаря, пусть она любит тебя, пусть даже она никого до тебя не любила? Иди своей дорогой, твоё высочество. Иди своей дорогой. Моя дорожка короткая, ведьмина. Тебе на ней не понравится.

Магда сама не понимала, зачем так говорит. Наверное, стоило бы по-другому. Заболтать, очаровать, всколыхнуть его любовь, чтобы он вступился за неё... Стоило...

Но сила ушла. С ней ушла и воля.

— Ты меня приворожила, — напомнил Алард. Голос у него был обиженный.

— Приворожила, — согласилась девушка.

— Я не... я не люблю тебя?

— А это у своего сердца спрашивай.

— Нет, ответь! Бертильда ты или как тебя зовут! То, что было между нами — настоящее?!

— А между людьми никогда ничего фальшивым не бывает, — тихо ответила Магда.

— Ты смеёшься надо мной?!

— Нет. Нужен ты мне больно, над тобой смеяться.

Неизвестно, как ответил бы на это Дюк, но тут снаружи раздался ещё один голос.

— Эй, ваше высочество! Вас там брат Флегонт хватился. Говорит, разговор есть.

Магда вздрогнула. Она знала этот голос.

— Какой ещё разговор? — недовольно отозвался Дюк. — Иди, скажи, что я сейчас приду.

— Э, нет, я тут не посыльный. Моё дело — ведьму охранять, а не со святошами ляды точить. Сами скажите.

— Да как ты смеешь?!.

— А то он и здесь вас поискать может, — добавил голос.

Алард выругался и ушёл.

— Трус, — прокомментировал знакомый голос. — Трясётся, как бы не застучали.

Магда не ответила.

— Ты что молчишь, Маглейн? Или не узнала? Вот и свиделись.

— Ну, здравствуй, Виль, — отозвалась бывшая ведьма. — Зачем пришёл?

— А как не прийти? Вот и ты в свою ловушку попала. А не надо было меня в лесу опаивать.

— Ты собирался меня убить, — напомнила бывшая ведьма.

— Предпочитаешь сгореть на костре?

— Замолчи!

— Ты ведь сама себе яму вырыла. Не помешай ты мне — кто бы тебя теперь жёг?

— Ну так заканчивай свой заказ, — предложила Магда. — Кто тебе теперь мешает?

— Э, нет, Маглейн. Раз сорвался, второй раз не начинают. Значит, так Освободителю было надо. Да и тебе за свои ошибки расплатиться не помешает.

— А ты злорадный, — с удивлением протянула бывшая ведьма. — Вот уж не думала.

— Я справедливый. От меня за всю жизнь ни один святоша не уходил, пока с тобой не связался.

Магда резко села.

— Святоша?! Так ты... ты хотел убить... Флегонта?

Виль присвистнул.

— А ты думала, Дюка твоего недоделанного? Дура ты, Маглейн. Кому твой трус сдался? Одно слово — девка. Только о своём милом и думала. Ну и где он теперь, твой милый?

— Поди прочь, Медный Паук, — устало ответила бывшая ведьма. — Не о чем нам с тобой разговаривать.

— Захочу — пойду, не захочу — тут буду сидеть.

— Будешь тут сидеть — я всем расскажу, кто ты такой, — пригрозила Магда. — Мне теперь терять нечего.

— Ну и что? — хмыкнул разбойник. — Они, небось, и так догадываются, что я не вельможа какой-нибудь. Дюк твой обещал всем, кто под его руку встанет, прощение, а там и в рыцари посвятят.

— Тебя?! Ты спятил? На что тебе рыцарское звание?

— Ни на что, — согласился батрак. — Но ты кричи, Маглейн, если хочешь, кричи.

— Поди прочь, — повторила Магда.

Батрак зло засмеялся, но бывшая ведьма больше не отвечала, погрузившись в мрачное молчание. Послышались новые шаги.

— Почему ты здесь один? — раздался голос брата Флегонта. — Где второй охранник?

— А по нужде отлучился, — лениво отозвался Виль.

— А ты чего разлёгся? Встать немедленно! Ведьму пуще глаза охранять велено! А ты...

— А я и глаза не берегу, — с той же ленцой ответил батрак.

— Встань! И отойди на двадцать шагов! Живо!

— Да хоть на тридцать, — хмыкнул Виль.

— Стой. Принеси топор, доски отодрать от двери.

— Да никак вы к ведьме в лапы собираетесь? — не поверил батрак.

— Не твоего ума дело! Живо неси, кому сказано!

Батрак отошёл, прошипев сквозь зубы ругательство, но брат Флегонт предпочёл этого не замечать.

Магда молчала, не зная, что и думать. Батрак принёс топор и по приказу брата-заступника отодрал от двери несколько досок, после чего положил топор и удалился, как

велел Флегонт, на тридцать шагов. А сам брат-заступник протиснулся в дыру и уселся возле бывшей ведьмы прямо на земляной пол. Магда продолжала молчать. Так учили в Бурой башне. Не разговаривать с теми, кто допрашивает ведьм и колдунов. Не отвечать даже на самые простые вопросы. Даже имя своего не называть. Стоит начать говорить — потом уже не остановишься. Поэтому — молчание.

Было страшно.

— Итак, ведьма Магда, ты обвиняешься в том, что приворожила его некоронованное высочество нашего Дюка, Аларда Корбиниана, то есть напала на своего сюзерена и прибегла к запрещённому колдовству. Ты обвиняешься также в том, что обманом выдавала себя за дочь рыцаря Криппа Лотарина, который утверждает, что у него никогда не было ни одной дочери.

Магда вздрогнула. Они успели спросить её отца... и он отрёкся от своих детей.

— И как всякая ведьма, ты обвиняешься в том, что отвергла заветы Заступника и поклоняешься Врагу, — закончил Флегонт. — Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Магда промолчала. Она ждала чего-то вроде этого.

— Молчишь? Хорошо. Ведьмы всегда молчат — поначалу.

Магда похолодела, ясно расслышав угрозу. Что ей было делать? Каяться? Обещать во всём признаться? Поможет ли это?..

— А вот простые девки сразу кричат, что их оболгали, — дополнил Флегонт.

Ведьма продолжила молчать.

— Ну, хорошо. Теперь слушай, ведьмочка, — как-то очень небрежно заговорил брат-заступник. — Ты понимаешь, что эти обвинения — твоя смерть. Не отводи глаза, конечно, понимаешь. Но слушай, что я тебе ещё скажу. Твой отец — вздорный упрямый дурак.

Сейчас Магда вздрогнула куда сильнее.

— Да-да-да, Бертильда, твой отец — вздорный дурак. Это знает весь Лотарин, и весь Лотарин помнит младшую дочь рыцаря Криппа. Вот только Лотарин далеко отсюда, а о том, что у него нет дочерей, твой отец дал письменное свидетельство. Смекаешь, к чему я клоню? Вижу, не смекаешь. Дальше. Я удивлю тебя, ведьмочка, если добавлю, что Алард — тоже дурак.

Магда невольно усмехнулась, уж больно неожиданно и справедливо это прозвучало.

— Да, дурак. Я прекрасно понимаю, что ты его не привораживала. Ты могла бы требовать с него цену чести^[34], коль скоро он отказывается на тебе жениться — а он откажется, потому что Дюку ни к чему в жёнах ни ведьма, ни даже дочь рыцаря. Но цена чести дочери рыцаря позволит тебе выйти замуж за одного из его вассалов безо всякого поношения.

Бывшая ведьма не поверила своим ушам. Цена чести? Выйти замуж? О чём говорит брат-заступник? Он бредит?!

— Нет, я в своём уме, — хохотнул Флегонт. — Да, всё это будет непросто, но я могу всё устроить. Видишь ли, ты мне не нужна. Что ты есть? Бедная заплутавшая душа. Я вижу, ты уже хочешь покаяться. И ты покаешься, и будешь прощена, потому что нет предела милосердию Заступника. Но тебя одной мало. Мне нужен Фирмин — всё баронство, над которым нет власти Заступника, а есть только несовершенная человеческая власть. И ты мне в этом поможешь. Молчишь? Понимаю. Ты догадываешься, чего я хочу. Свидетельства против моего отца. Какие у вас были дела? Почему он поселил тебя так близко к себе? Что за ведьма та, вторая, в чём её сила? Что она посулила ему? Искал ли он богатства? Власти?

Вечной молодости? Поклонялся ли он вместе с тобой Врагу? А вместе с той? Молчишь... И — одобряешь. Не веришь к тому же. Что ж, молчи. И думай. Я бы предпочёл договориться по-хорошему. Я, знаешь ли, вовсе не жесток. Я верю в Заступника, в Его волю и в Его милосердие. Я готов простить кающуюся. Хочешь — поклянусь? Не хочешь...

Он встал, прошёлся по сараю — два шага в одну сторону, два шага в другую. Остановился, глядя сверху вниз на сжавшуюся в комочек ведьму. Магда с отчаянием поняла, что, несмотря на внешнюю небрежность движений, он насторожен и её бросок к дверям не будет для него неожиданностью.

— Мой отец, конечно, покровительствовал тебе. Он уверен — нет такой силы, от которой нельзя получить помощь, если эта помощь будет ему полезна. Я верю иначе — нет такого грешника, которому нельзя помочь — если он примет эту помощь. Решай сама, что тебе нравится. Я бы на твоём месте не колебался.

Он пристально всмотрелся в лицо бывшей ведьмы и отвернулся.

— Думай, ведьмочка, думай, — посоветовал он. — Я зайду завтра, глядишь, тебе захочется мне ответить.

Он вышел из сарая и кликнул батрака, чтобы тот обратно заколотил дверь.

* * *

Прошло довольно много времени, солнце успело склониться к закату, как снаружи позвали:

— Эй, Маглеин, живая ещё?

— Что тебе надо? — зло ответила девушка.

— На-ка, поешь, — с этими словами батрак просунул между досок ломоть хлеба, козий сыр и флягу. — Не бойся, не отравленное.

— Что, боишься, до костра не доживу? — хмыкнула бывшая ведьма, но от угощения не отказалась.

— Дура ты, Маглеин, — отозвался Виль. — Ешь лучше. Флягу потом верни.

— С чего это ты так расщедрился? — хмуро спросила Магда.

— Да я смотрю... уже вечер, а о тебе никто не вспоминает. Из этих, пришлых. А тутошние — они боятся подходить.

— О тебе первом расскажу, если пытаться будут, — посулила ведьма. — Добренький.

— Дура, — повторил батрак. — О чём с тобой *этот* разговаривал?

— Не твоего ума дело.

— Если я спрашиваю, моего. Давай, рассказывай, Маглеин.

— А то что?

— Ничего. Рассказывай. И флягу верни, как напьёшься.

* * *

Весь день в деревне не умолкали пересуды. Обманула ли ведьма или что-то пересилило её ворожбу, да только враги взяли замок так быстро, что никто не успел и ахнуть. Одни говорили — конец всему, теперь чужие всё разграбят и уничтожат, другие — что так даже

лучше: не будет отряд вооружённых бездельников стоять посреди деревни, пытаясь взять замок штурмом или измором, не будут они драться посреди полей. Так-то оно так, отвечали первые, так ведь и барону выгнать их будет непросто, а то бы постояли, да плюнули, да стороной прошли.

А уж когда запели трубы и в деревню въехал брат-заступник, в котором иные признали баронского сынка, стало совсем плохо. Он сказал — и попробуй-ка не послушать, — что отныне Фирмин переходит под руку Заступника, а власть земного сюзерена будет над ним сообразовываться с небесными законами. И по сему всем жителям даётся великая милость — донести на всё, что творится в округе нечистого, будь то деяния ребёнка, брата или сюзерена. Донесшим, кои признаются в грехах против Заступника, даруется прощение, буде они примут покаяние и искупят свои грехи пожертвованиями на благие дела. С теми же, кто не признается сам, поступят так, как полагается поступать с грешниками, еретиками и проклятыми.

Сказав так, брат-заступник вернулся в замок, а деревня загудела ещё пуще. Шутка ли — покаяться в нечистых делах! Да уж как тут покаешься, когда нет ни одного двора, где ведьма не лечила бы детей или скотину, а то и отца, саданувшего себя топором, или от иной напасти помогла. Да как тут покаешься, когда помнишь ещё восторг лунной ночи, вкус *хорошего* вина, да прекрасную деву, соткавшуюся из тумана по зову ведьмы?!

Ведьмы...

А ведьма-то в замке была.

Да и пропала там.

Жива ли ещё?

А если покаяться? Сколько жадные братья-заступники вытянут на жертвования? А каково будет покаяние? Не есть мяса, не пить вина, не спать с женой? Или пешком по монастырям пройтись, босым и в рубище? А может, раздать всё добро?

А если промолчать?

Все же свои. Начнёшь говорить — про себя одного не скажешь. На кого говорить будешь? На соседа, свата, брата, друга? На кузнеца, что с огненными духами знается? А кто тогда железо ковать будет? На мельника, что с речкой договаривается и недавно девку приютил блаженную, что целыми днями только и делает, что на воду глазеет? А кто тогда зерно молотить будет? На знахаря, что живёт на отшибе, в лесу пропадает, да непонятно с кем по ночам — а то и среди бела дня! — разговаривает? А кто тогда всех лечить будет? Виноградаря, который не помощью Раступника лозы свои оживил после морозов? А откуда вино брать людям? Да и ведьма тут не чужая уже, и старики говорили — нет ведьмы, любая напасть вдесятеро тяжелее деревне будет.

А если другие донесут? Сам не успеешь, хуже будет.

Деревня гудела от пересудов. Каждый говорил намёками да обиняками, никто не признавался сам ни в чём и даже о том, что точно все видели, не упоминали.

Вечером все набились в кабак. Кроме местных, там сидел никому до этого дня не знакомый пришлый паренёк. Сказал, сам из Анша, городка за Корбинианом, учился и вовсе далеко, за большой рекой Лейдом, это дальше ещё на запад, в разных университетах, исходил все дороги и все университеты, а теперь идёт, чтобы учиться в Раног. У них, мол, у школяров так принято. Одет паренёк был неказисто, в обтрепавшиеся штаны и рваную рубаху, с собой имел тощий мешок да выдающую виды лютню. На него, может быть, бы и косились, да только за день парнишка успел натаскать воды и наколоть дрова для Рамоны,

напоить скотину у Меты, подправить колесо на мельнице и рассказать с десятков историй про то, как себя ведут братья-заступники там, где имеют полную власть над народом. По всему выходило, что они те ещё греховодники, да только куда деваться?..

* * *

Дверь кабака отворилась, пропуская одетую в чёрное фигуру. Все разом замолчали, отпрянули, ожидая не то Врага, не то выходца с того света и не слишком успокоились, когда узнали в вошедшем баронского сынка, брата-заступника Флегонта. Один только пришлый школяр сидел себе в углу да тренькал на своей дребезжащей лютне, напевая похабную песенку про скромную девушку, её дружка и копьё. Половина слов была непонятной, ибо произносилась, как объяснил перед песней школяр, на языке молитв и истинной учёности, который в деревне знал один священник. Брат Флегонт поморщился: целиком песенка была ещё более похабной, чем для слуха простых людей. Однако наглецу не было дела до вошедшего брата-заступника, он знай пел себе, пока не дошёл до конца — отнюдь не благочестивого. И только тогда соизволил оглянуться по сторонам во внезапно притихшем кабаке.

— Мир дому сему, — возгласил брат-заступник, шагая внутрь кабака. — Мир всем добрым людям и благочестивым верующим.

По кабаку прошелестело нестройное: «Мир и тебе...». Флегонт вошёл и уселся за ближайшим столом, из-за которого немедленно выскочили сидевшие там люди. Школяр вскочил на ноги и подошёл ближе.

— Мир тебе, брат, — поприветствовал он Флегонта.

Тот смерил наглеца хмурым взглядом.

— Ты ведь брат-заступник! — не отставал школяр. — Как здорово! Я иду в Раног учиться церковному праву, а здесь говорят, что ты приехал проводить процесс против ведьмы и проклятых, верно? Вот удача! Я и не думал, что мне так повезёт! Увидеть всё самому... разобрать до тонкостей... Ты ведь не откажешь мне в обучении?

— Как тебя зовут, отрок? — вместо ответа спросил брат-заступник.

— Эб моё имя, — широко улыбнулся школяр. — От Фельсины до Пелье и Лютарии^[35], везде меня зовут Эбом из Анша.

Он оглянулся, перехватил удивлённый взгляд знахаря, сидящего в дальнем углу за тавлеей, и почему-то ему подмигнул.

— А знаешь ли ты богословие, Эб из Анша?

— Не так чтобы очень, — признался школяр. — Затем и иду в Раног, ведь там лучший факультет богословия. Но перо держать в руках умею, труды отцов церкви не перепутаю.

— Это похвально, — кивнул брат-заступник и порылся за пазухой. — Эй, как тебя звать, добрая женщина!

Рамона подошла к ним, вытирая руки о передник.

— Возьми вот, — протянул брат-заступник кусок пергамента, на котором яркими красками был изображён рыцарь на коне, замок, герб со змеей, а над ними — корона Дюка. — Повесь на двери. Пусть все знают, что его высочество Алард Корбининан, потомок Старого Дюка, вернулся, чтобы снова править своей страной. Все, кто пойдут к нему под руку, будут обласканы милостями нашего повелителя. Любое преступление против людей,

совершённое в прошлом, будет прощено ради честной службы, а после коронации самые верные станут рыцарями и получают землю в награду.

Он оглянулся по сторонам.

— Все слышали? Его высочество прекратит своеволие баронов. Теперь каждый может обратиться в его суд за справедливостью или прощением.

Люди запереглядывались. «Старый Дюк» — это была сказочка для детей. «Когда Старый Дюк правил» — любимое присловье. Это значило — очень давно. Это значило — тогда, когда все жили счастливо. Как в сказке. А теперь Дюк вернулся. Молодой Дюк. Будет ли он таким, как Старый? И о каких своеволиях баронов говорит брат-заступник?

— Вы позволите угостить вас, брат? — заискивающе предложил школяр. — В этой дыре неплохое вино, даже в солнечной Фельсине я такого не пробовал.

— Вино... — задумчиво протянул брат-заступник. — Да, вино... Вот тебе, школяр, и пример. В Раногге три почтенные женщины были опоены колдовским вином, привезённым из Латгавальда... из этой самой дыры, как ты её назвал.

— Заступник! — поперхнулся школяр. — Какое коварство! но... зачем?!

— Да, Эб из Анша, коварство. Проклятым не нужно иметь резонов. Враг только и ждёт случая — извратить, унижить, запачкать... его слуги — злобны и коварны, они нападают на добрых верующих безо всяких причин, лишь с одной целью — замарать невинную душу в грехе и поругании. Каждый человек, усомнившийся в милости Заступника, в доброте Создателя — это прибыль для них. Поэтому нам приходится действовать. И действовать жёстко.

— Понимаю! — ударил ладонью по столу школяр. Он, казалось, весь горел от желания поддержать учёную беседу. — И ведь это так непросто! Найти двух свидетелей, которые подтвердят, что видели отравителя и ни с кем его не перепутали! Да ещё таких, которые согласятся подтвердить свой оговор под пытками, буде указанный ими человек найдёт двух или больше свидетелей, подтверждающих его невиновность!

В кабаке стало очень тихо. Флегонт скривился. Лицо школяра выражало радость человека, сумевшего правильно ответить сложный урок.

— К этому не всегда прибегают, — кисло ответил брат-заступник. — Иногда достаточно признания отравителя.

— Понимаю! — повторил школяр. — И ведь тоже трудно! Если отравитель из проклятых, он ведь закрыт от благого влияния Заступника и ваших отеческих увещаний, а без свидетелей к нему нельзя применить пытку! Как же вы поступаете в таких случаях?

Брат-заступник пристально взгляделся в лицо непрошеного помощника. Оно было полно искреннего желания показать себя с лучшей стороны.

— А как страшно ошибиться, — продолжал болтать нахальный юнец, словно торопясь высказать всё, что когда-либо слышал, а слышал он, похоже, много лишнего. — Ведь люди могут со злости или из глупого страха — а как можно бояться Заступника, который видит всех насквозь?! — оговорить невинного!

— Не надо кричать, Эб из Анша, — мягко, с трудом сдерживая раздражение, попросил Флегонт. Надо же было так наткнуться! — Ты ведь знаешь, что слуги Заступника достаточно... сведущи в мирских делах, чтобы отличить правду от вымысла.

— Да, и в этом одном наша надежда! — с жаром подхватил школяр. — И, конечно, вам не осмеливаются лгать! Ведь если оговор не подтверждается, клеветника ждёт всё то же, что и жертву его коварства! Кому охота из-за сварливой соседки на костёр войти!

Люди в кабаке, наконец, ожили и начали тихонько перешёптываться. Они начали понимать, что за игру ведёт этот пришлый паренёк и о чём он их предупреждает таким странным способом. Свидетели. Чтобы оговорить человека, нужны свидетели, чтобы защитить человека, нужны свидетели, а тот, чей оговор не подтвердится, будет жестоко наказан... по закону.

Вот только будет ли баронский сынок действовать по закону?

— Да, — хмуро подтвердил брат Флегонт и поднялся из-за стола. Школяр вскочил тоже и уставился на будущего наставника с выражением крайней преданности. — Вот что, Эб из Анша. Такому талантливому юноше нечего делать в деревне. Ты столько знаешь, что мне уже нечему тебя учить. Иди себе в Раног, уверен, ты получишь кафедру после первого же диспута.

— Но я так многого ещё не видел! — запротестовал школяр. — Говорят, у вас под замком сидит настоящая ведьма! Вот бы послушать, как вы с ней будете разговаривать! Вы ведь должны обратить её душу к Заступнику, открыть ей глаза на пагубность её заблуждений...

— Увещевания — слишком тонкое действо, чтобы рядом присутствовали посторонние, сколь бы преданными делу они ни были.

— Но если она раскается... — забормотал школяр, откровенно расстроенный отказом. — Её слова должны быть записаны, подтверждены двумя свидетелями...

— Это уже после раскаяния, — заверил брат-заступник. — А пока к нему не пришло...

— Но, может быть, вы позволите мне...

— Нет, Эб из Анша, ты молод и горяч, можешь испортить дело.

— Но...

— Нет, — с нажимом повторил Флегонт и вышел из кабака, пока докучливый знакомец не принялся просить ещё что-нибудь. Когда дверь закрылась, на лице юнца появилась озорная улыбка.

— Чего загрустили, люди добрые? — весело спросил он. — А вот не послушать ли вам песню о лебеде, который был первым среди равных, но превращён в жаркое?

* * *

Когда все разошлись, Рамона заперла кабак, постелив перед тем школяру на лавке. Юнец весь вечер после ухода брата-заступника только тренькал на лютне да пел свои песенки, не замечая ни взглядов, ни окликов собравшихся сельчан. Так ничего от него не добились, а напрямую спрашивать поостереглись. Он безропотно смирился со скромной постелью, и с тем, что кабак будет на ночь заперт и даже не подумал запроситься на сеновал. Всё твердил, что так давно не спал под крышей, что теперь готов лечь хоть на чердаке, хоть в погребе, за что получил по шее полотенцем: в погребе Рамона хранила колбаски. Когда все, наконец, разошлись, улеглись, погасили огни и затихли, кабак окутало облачко тумана, которое вскоре превратилось в человеческую фигуру, неясную в слабом лунном свете. Фигура метнулась по улице, но остановилась, в нерешительности оглядываясь.

— Я тебя вижу, — с усмешкой сказал знахарь, выходя из тени кабака.

— Что тебе надо? — высоким голосом спросила фигура.

— Я у тебя это хотел спросить, — хмыкнул знахарь. — Что это ты сегодня устроила?

Вейма тяжело вздохнула и прислонилась к стене. Её трясло от голода и усталости и разговаривать со слишком умным знахарем, от которого всё ещё пахло отпугивающими вампиров травами, ей вовсе не хотелось.

— Сам догадайся, — грубо предложила она.

— Я и догадался. А что ты сделала с остальными? Что это ещё за Эб из Анша?

— Не твоё дело, — жёстко ответила девушка.

— Вампирские чары, — сам себе кивнул знахарь. — И меня так можешь?

— Тебя — не могу. Доволен? Иди ещё на всю деревню покричи, какой ты умный!

— Теперь ты скажешь мне, что с нашей ведьмой? Почему она на меня свои дела свалила? Почему осталась в замке? Почему не сбежала?

— Она потеряла силу, — неожиданно призналась вампирша. — И теперь деревня осталась без ведьмы, разве в тебе что-то проснётся.

Знахарь посмотрел прямо в глаза вампирши. Вейма не знала, что он видит, что он вообще можешь различить в ночной темноте.

— Ты... — не выдержала она. — С тобой что-нибудь случилось? Лес с тобой разговаривал?

— Нет, — отозвался знахарь. — Не разговаривал.

— А раньше?

— Иногда. Когда мне было нужно.

— А сейчас нужен ты.

Знахарь отвернулся.

— Видимо, не настолько.

Вампирша пожала плечами. Разговор начал её утомлять.

— Ты всё узнал, что хотел?

— Пожалуй.

— И что теперь? Зачем ты ждал меня и расспрашивал?

— Ничего. Хотел убедиться.

Он отвернулся и, не говоря больше ни слова, зашагал по улице в сторону своего дома.

Вейма огляделась. Они договаривались с Липпом о встрече, но где его искать? Вопреки человеческим сказкам вампиры не чуяли друг друга, и найти собрата будет непросто. Не идти же, аукая его, как в лесу!

В это мгновение Вейма услышала голос, такой тихий, что его не уловил бы и оборотень, и голос этот принадлежал как раз Липпу:

— Ну, где ты пропадаешь? Иди ко мне!

Вампирша кивнула, сама не зная, зачем, и побежала по улице.

— Уф! — вздохнула она, входя в пастушью хижину, которую невесть почему облюбовал Липп. Там, несмотря на летнее тепло, горел огонь в очаге, бросая на стены красные отсветы. — Я думала, я там умру! Ещё одного такого дня мне не выдержать!

— Ты думала! — разозлился собрат. — А мне какво?! Я чуть не надорвался! Враг бы побрал Исвара, чтоб ему с Заступником встретиться! Брат-заступник так не сопротивлялся! А этот... «Что ты сделала с остальными?..» «Что за Эб из Анша?». Тьфу! Всю деревню накрыл, этот как заколдованный! Ещё и смердит от него!

— Перестань, — попросила Вейма.

Что-то её тревожило, и это было не злостью собрата. Она пристально взгляделась в лицо Липпа. Тот осунулся, смертельно побледнел, глаза ввалились и был вампир как никогда

похож на ожившего мертвеца. А ещё в хижине пахло вином и кровью. Человеческой кровью. Ещё смердело потом, грязной одеждой, овцами, поэтому-то вампирша не сразу сообразила... да и усталость... Когда ей стало ясно, что искать, она быстро увидела бесчувственное тело, валяющееся на полу у самой стены. Как же его... пастух, чей брат увёл Магду... Натес.

— Ты... — ослабела от ужаса вампирша. — Ты его... убил?! Ты же обещал! Ты же клялся!

— А ты думала, всё так просто?! — выверился вампир. — Ты думала, я волшебник, рукой взмахну, и все забудут, что тебя знали, не увидят, что ты женщина, да?! Что я буду тут сидеть на одном вине и подавлять умы целой деревни? Да там один Исвар стоит целого монастыря праведников! Ты хочешь, чтобы всем было хорошо, но так не бывает, дура ты эдакая! И если ты хочешь завтра пойти и изображать Эба из Анша дальше, смирись, что этот дурак умрёт или найди мне другую пищу! Я её искать не стану, мне некогда! Я чудовище, ты тоже чудовище, и власть над людьми *Освободитель* не даёт просто так! Кто-то должен платить! Так пусть же *они* платят!

Он ткнул ногой в бесчувственное тело пастуха.

— Они — не мы, не прозревшие! — зло продолжал он. — Они — пища и поступать с ним надо как с пищей. Кто не хочет — пусть придёт к нам, *прозреет* и обретёт свободу! А ты — ты выбирай! Кто тебе дороже?! Этот пьяный дурак или твоя подруга? И если подруга — не мешай, потому что всех спасти я не сумею.

— Ты что, проповедник? — разозлилась и Вейма. Её с трудом держали ноги, созданная Липпом иллюзия держалась и за счёт её усилия, да и разговор с Флегонтом сам по себе мог отнять все силы. Шутка ли! Вывести брата-заступника на чистую воду, не позволить ему запугать деревню! Вейма ни словом не солгала, именно так и полагалось поступать со свидетелями, но если бы выпивший *хорошего* вина (и крови!) Липп не старался, то Флегонт непременно заподозрил бы неладное в таком удачном появлении школяра. А теперь Липпа самого шатает от усталости. И — Натес. Это было страшно. Она никогда не любила этого пьяницу, но... невинный человек, который может расплатиться жизнью — по её вине...

— Заткнись, — вдруг сказал вампир, напряжённо прислушиваясь. На его лице отражалось крайнее удивление. — Сюда кто-то идёт.

Вейма прислушалась тоже и тоже удивилась. Ноги отказали, и она плюхнулась на пол.

— Этого не может быть, — слабо проговорила она.

* * *

В замке веселье не стихало, а, когда пронёсся слухок, что брат Флегонт куда-то отправился, все развеселились ещё больше. Приставать к перепуганным местным служанкам покуда не решались — знали, что духовный советник Дюка угрозы свои выполнит и не поморщится, но вот запасы барона грабили со спокойной душой. За это Флегонт не спросит, глядишь, ещё спасибо скажет. Магда сидела в своём сарае и зябко ёжилась от ночной прохлады. О ней действительно забыли, войско Дюка было таким же беспечным, каким оно предстало перед ней в Корбиниане. Как они собирались завоёвывать власть? Или надеялись, что с дочерью и наследницей Фирмина в плену они могут требовать от баронов чего угодно? Это всё её не касалось. Касалось только — сколько дней — или часов ей ещё жить, дышать, смотреть на ночное небо сквозь доски сарая?

Рядом то и дело раздавались тяжёлые шаги и звучали ругательства. Это люди Флегонта, сменившие Виля, бдительно сторожили пленницу. Сторожить — сторожили, а накормить, дать чем укрыться — об этом не подумали. Будто не человека стерегут, а клад какой-то. Что это значило? Что Флегонт лгал и не думал вовсе сохранять ей жизнь? Или пытку, продуманную со спокойной жестокостью, чтобы наутро озябшая и голодная ведьма была податливее к увещаниям?

Кто-то закричал издалека что-то про погреб и вино и про то, что там проще стеречь. Ему ответили грубой руганью. Потом охранники переговорили между собой и один ушёл. Магда вскользь прислушивалась, не вернётся ли, но он всё не шёл, тогда второй охранник тоже выругался и побежал куда-то в сторону давешнего окрика. Возле ведьмы стало тихо, а издалека донеслась пьяная песня. Магда пожалала плечами. Торопятся выпить, пока хозяин не прикрикнул. Потом раздались знакомые шаги и бывшая ведьма чуть не взвыла. Ну, что ему неймётся!

— Маглеин! — шёпотом позвал Виль-батрак, присаживаясь у двери. Магда не ответила. — Маглеин, ты там спишь, что ли?

— Не надоело издеваться? — так же шёпотом разозлилась бывшая ведьма.

— Не-а, — засмеялся батрак. — Никогда не надоест. Послушай-ка — все пьют, всем весело. Я один тут. Что скажешь, а?

Магда не ответила.

— Гордая, да? — не унимался Виль. — Ну и сиди тут, раз такая гордая. Потом гореть будешь, пожалеешь о своей гордости, да поздно!

— Отстань!

— Ничего мне сказать не хочешь? — настаивал батрак. — В любви там признаться, в грехах покаяться, нет? Посулить чего не хочешь, а, Маглеин?

— Чего ты от меня хочешь? — устало вздохнула бывшая ведьма. — Это пытка такая, что ли? Дай хоть перед смертью от твоей рожи отдохнуть паскудной.

— Зря ты так, Маглеин, — ничуть не обиделся батрак. — Я, можно сказать, твой единственный друг на всей земле, а ты обзываешься. Другая бы в ножки кланялась, пятки лизала, а ты...

— Друг, как же. Пришёл поглумиться напоследок.

— А то нет. Ты умишком своим прикинь, Маглеин. Ты внутри. Я снаружи. Все пьют или спят. А я знаю — ты слушаешь, Маглеин, а? — где тут топор валяется. Ну и кто твой друг, Маглеин?

— Ты гнусный...

У Магды вырвалось ругательство, какого она никогда в жизни ещё себе не позволяла. Батрак засмеялся.

— Скучно с тобой, Маглеин, — сообщил он. — Я к тебе со всей душой, а ты... Ну, сиди в сарае, коли так.

Он поднялся и сделал несколько шагов прочь. Магда не выдержала.

— Стой! — выдохнула она. Бешено заколотилось сердце. Жить! Дышать! Ходить! Бегать! Быть свободной! — Вернись! Вернись, прошу тебя!

— Ага, сообразила, наконец. Ну, так кто твой друг?

— Ты! Ты, только выпусти!

— Не передумай, а, Маглеин?

— Выпусти меня! — взмолилась бывшая ведьма.

— Давно бы так. Теперь скажи, как ты жалеешь о том, что меня предала, Маглейн.

— Жалею! — выдохнула бывшая ведьма. Сейчас она сказала бы что угодно. — Очень жалею.

— Будешь ещё меня травить?

— Не бу... — истово пообещала ведьма и вдруг осеклась. К ней вернулась уснувшая было гордость. — Ты что это... Нарочно? Ты издеваешься, так? Ты вовсе не собирался... так будь же ты...

— Заткнись, Маглейн, — оборвал её Виль-батрак. — Уже и пошутить нельзя. Выпущу тебя, выпущу. А извинения ты мне после доскажешь. Доскажешь же, так, Маглейн?

— Выпустишь — доскажу, — посулила Магда. От пережитой надежды, подозрения, отчаяния и новой надежды её колотила крупная дрожь.

Батрак же не заставил себя долго ждать. Едва перестав глумиться, он в два счёта проломил доски, освобождая дыру, в которую с трудом протиснулась девушка, и потащил её вдоль замковой стены туда, где ещё раньше приготовил верёвку.

* * *

Магде ещё ни разу не приходилось перебираться через замковые стены, да ещё и с таким товарищем, который торопил её, тихо ворча себе под нос что-то угрожающее. Едва они оказались снаружи, как он требовательно дёрнул бывшую ведьму за рукав и потащил дальше, к подножью холма, не давая ей перевести дыхание и страшно раздражаясь, стоило девушке споткнуться.

— погоди, — взмолилась бывшая ведьма, когда уже едва могла дышать от спешки. — Не могу больше. Ты, что, меня убить хочешь?

— Ага, — хмыкнул батрак, наконец, останавливаясь. — Хорошо придумано, а, Маглейн? Прикончить тебя тут — и на допросе не наболтаешь. Вот только найду, где прикопать удобней. Отдышалась? Пошли дальше, пока там не спохватились.

Ведьма не стронулась с места.

— Ты... шутишь? Или издеваешься? Или ты...

— Выбирай, — предложил батрак. — Или я, быстро, или те — медленно. Пошли давай, не стой. Стоило тебя вытаскивать, если нас обратно поймают. Пошли давай.

Он снова потянул ведьму за собой. Магда не сопротивлялась. Если бы у неё была волшебная сила, она могла бы понять, почувствовать, сколько угрозы в словах её страшного спутника. Хотя... Он, наверное, и сам не знал.

— Куда мы идём? — спросила Магда, когда молчание стало невозможным.

— Тебе лучше не знать, — фыркнул Виль. Магда разозлилась.

— Ты совсем меня за дуру держишь?! Я здесь все тропинки знаю и без тропинок куда хотела выходила, что ты скрыть тут можешь?!

— Погромче ори, глядишь, никуда не придём, — посоветовал батрак.

— Зачем мы идём в деревню? — не отставала ведьма, вполне узнавшая направление.

— Брата навещу, а там видно будет. Остаться-то тебе тут нельзя, ещё к полудню найдут.

Магда задумалась. Раньше её бы спрятал лес — поди найди ведьму там, где кусты сами передвинутся, закрывая её дорогу. А сейчас? Далеко ли она уйдёт? Идти, конечно, всё равно

надо по лесу. По лесу, да по бурелому лошадь не поскачет, а это поможет выиграть время. Но если они поймут, куда она пошла, да по дороге поскачут, чтобы перехватить там, где она к людям выйдет... Фирмин — не глухое место, вечно в лесах прятаться не будешь...

Они уже почти дошли до стоящей на отшибе пастушьей хижине, в окошке которой были видны отсветы огня. При мысли о том, чтобы куда-то сесть, согреться после ночной прохлады, у Магды ослабели ноги. Отдохнуть... поспать, может быть... нет, нельзя. Это — не убежище, в нём нет ничего безопасного.

— А ну, назад, — потянул её в сторону Виль. — Там засада.

— С чего ты взял? — удивилась его пронизательности бывшая ведьма.

— Дверь, — коротко бросил батрак, продолжая обходить хижину по широкой дуге. — Натес отродясь дверь не закрывает, иначе задохнётся от вони, которую сам же развёл. Да и огонь летом не жжёт. Там кто-то чужой.

Магда молча кивнула. Да, если бы дверь была открыта, свет очага виднелся бы не только в окне. А тут...

— Магда! — раздался в ночной тишине такой родной, такой знакомый голос. Бывшая ведьма всё-таки не удержалась, у неё подкосились ноги. — Магда, иди к нам!

— Ты совсем чутьё потеряла, — возразил другой, хотя и тоже знакомый голос. Он вызывал куда меньше радости. — Она не одна.

— Пусть вдвоём идут. Магда!

— Или мы сами выйдем, — посулил Липп. — Вот тебе твоя ведьма, а мне добавка. Эй, вы! Не торчите на дворе! Оба!

Что-то заставило Магду встать и послушно сделать шаг в сторону хижины. А после её дёрнуло назад и что-то холодное прижалось к горлу.

— Эй, кровососы! — позвал за спиной Виль-батрак. — Вы быстрые, но я раньше успею её прирезать.

— Да ты!.. — задохнулась от возмущения, страха и усталости бывшая ведьма.

В хижине промолчали. Виль потащил девушку за собой прочь от дома своего брата, но вот Липп заговорил снова:

— Иди сюда, — предложил он. — Поговорим.

Виль не ответил.

— *Приблизим Освобождение*, брат! — позвала Вейма. — Иди к нам, прошу тебя!

— *Приблизим Освобождение*, — неохотно поддержал её второй вампир.

— *Жду Освобождения*, — подумав, ответил ритуальной фразой батрак и повёл ведьму обратно.

Он втолкнул Магду в хижину, не отводя ножа от её горла.

— Только не дёргайтесь, — предупредил он. — И без чар.

— Отпусти её! — немедленно потребовала Вейма. В свете очага в каких-то обносках она казалась зловещей тенью самой себя.

— И не подумаю, — отозвался Виль.

— Только кровь ей не пусти, — хмыкнул Липп, — а то Вейма в обморок грохнется, а я с тобой разговаривать не буду, мне ведьма без надобности.

Виль что-то проворчал себе под нос и Магда расслышала что-то насчёт «кровососов» и «дожили».

— У тебя есть то, что нам нужно, — вопреки собственным словам сообщил Липп. — Отпусти девушку и проваливай.

— Попробуй, заberi, — предложил батрак. — Коли успеешь.

— Если ты её зарежешь, я тебя сразу убью, — предупредил вампир. — Даже не заметишь.

— А ты не запугивай, глядишь, ведьма жива останется, — не остался в долгу батрак.

— Стоило силы тратить, — повернулся вампир к Вейме, — всю деревню оплетать чарами, чтобы твою ненаглядную ведьмочку вытащил какой-то проходимец.

— Зачем ты это сделал? — не отвечая собрату, спросила батрака Вейма.

— Да, посмотрел, какой бардак там творится, в замке, и подумал — почему бы и нет. Это было даже забавно. Всего-то подкинул идею, что в погребке спокойнее стеречь и показал, где барон лучшие вина прячет.

— Так просто, — прошипел всё ещё уязвлённый вампир.

— Может быть, вы прекратите пререкаться? — предложила Магда, страшно уставшая от роли беспомощной жертвы. И просто страшно уставшая. — Может быть, обсудим что-нибудь другое?

— А что тут обсуждать? — удивился Липп. — Тебя надо спрятать от братьев-заступников и я наконец-то буду свободен от глупых человеческих дел. Может, даже попаду на встречу.

— На встречу? — переспросила Магда. — Но ты же не...

Липп торжествующе оскалился и помахал руками, свободными от прежде сковывающих его оков. Магда похолодела, осознав, что она находится нос к носу с хищником, от которого не спасёт ни оружие, ни смелость. Липп подметил её настроение и оскалился ещё пуще.

— Не пугайся, сестричка, — успокоил он. — Я здесь охотиться не стану.

— Ведьму искать будут, — напомнил Виль. — И в деревне и в доме её. Святоша-то сын баронский, помнит, небось, где охотничий дом стоит. А что там ведьма жила — любой скажет.

— Мне там делать нечего, — отозвалась Магда. — Вейма, ты можешь туда слетать? Заберёшь... сама знаешь что. Как бы дом не сожгли, когда меня не найдут. И козу...

— Коза давно в баронском стаде, — перебила Вейма. — Пса отгоню, а то жаль будет. А ты как же?

Магда почувствовала, как заколотилось сердце, когда она произнесла:

— Вы отнесёте меня подальше отсюда.

Доверять хищникам — это безумие. Но ждать здесь...

— Эй! — возмутился Липп. — Я тебе не лошадь!

— Значит, Вейма, — немного неуверенно ответила Магда.

Вампиры переглянулись.

— Сестричка, — вкрадчиво начал Липп. — Ты не думала, что даже вампиры не двужилые? Я никуда не полечу, не пойду и не побегу тоже. А Вейма — как хочет. Но, будь уверена, с тобой на руках она свалится в ближайшую канаву.

— Вы можете украсть лошадь, — предложил Виль.

— Хороша шутка, вампиры — конокрады! — фыркнул Липп. — Я чуть не надорвался! И если бы не дурацкая клятва, я мог бы доесть этого придурка, твоего брата, и уйти спокойно, но нет! А сейчас я устал и голоден — голоден! — и едва могу сидеть!

— Ага, — спокойно произнёс Виль и подобрался.

Девушки переглянулись и затаили дыхание.

— С тобой справиться сил у меня хватит, — бросил вампир, сообразив, к чему идёт

дело. — А вот куда-то идти, красть лошадей... Почему я должен об этом думать? Вот я. Вот ведьма. Она в безопасности. Всё, хватит!

— *Приблизим Освобождение*, брат, — вдруг произнесла бывшая ведьма. — Я разделю с тобой свою кровь, если ты поможешь мне.

Вампир сглотнул. Виля перекошило от отвращения. Вейма уставилась на подругу широко распахнутыми глазами.

— Вейма, забери мои вещи и поешь, — продолжала Магда. — Когда ты вернёшься сюда, мы уйдём — втроём.

Виль выругался.

— Был человек, стала колбаса, — прокомментировал он. — Маглейн, тебе не противно будет?

— Я слышал, святые ужасно невкусные, — пробормотал Липп. — Сестричка, ты не сошла с ума?

— *Приблизим Освобождение*, брат, — с нажимом повторила бывшая ведьма.

— *Приблизим*, сестра, — согласился вампир. — Я согласен. Добровольная кровь всегда сытнее. Но пусть эти двое убираются.

Виль окинул взглядом вампиров, сплюнул и убрал нож.

— Делать мне больше нечего, — пробормотал он. Липп не слушал, он смотрел только на Магду — голодным взглядом влюблённого... или вампира. — Эй, кровосос, ты что про моего брата говорил?

— А, ничего ему не сделается, — отозвался Липп. — К утру оклемается, разве голова кружится будет, ну, да ему не впервой. Не вспомнит даже. Хочешь, проверь.

— Попадёшься мне... — пробормотал батрак.

— Иди, — не двигаясь с места, мягко попросил вампир. — Нам будет... не до вас.

Виль снова сплюнул. Магда смертельно побледнела. Вейма посмотрела на подругу с укоризной. Она чувала накатывающий страх, который чуть только не превращался в отчаяние, и понимала, что помочь ничем не может. Только послушаться.

Из хижины они вышли вместе. В руках Виля снова появился нож.

— Иди своей дорогой, — посоветовал он.

— Нет, постой! — спохватилась вампирша. Она была так занята спасением подруги, что совсем забыла про другое дело. — Там, в замке... что с Норой?

— С баронской дочкой, что ли? Да что ей сделается? Заперли где-то в доме. Пришлых туда не пускают, и меня вместе с ними.

— Ты... ты мог бы её оттуда вывести?

Виль посмотрел на вампиршу как на тяжело больного человека.

— Ты спятила, что ли?

— Ну, ты же выполняешь заказы, верно?

— Ага. Кровь пустить какому-нибудь святоше — это я запросто. А девиц не спасаю, это не ко мне.

— Но ты же вывел Магду...

— Шутки ради, — отрубил батрак.

— Слушай, — постаралась найти нужные слова вампирша. — Я уверена, его милость щедро тебе заплатит, если ты вернёшь ему его дочь.

— Так ты с ним этого не обсуждала? — догадался батрак. — Нет, такие дела не по мне, и не прося.

— Но...

— Прощай, — оборвал её Виль. — Иди, куда собиралась.

* * *

Вейма вернулась к пастушьей хижине — напившаяся молока у лучшей коровы рыжей Меты, попрощавшаяся с Рамоной от имени Эба из Анша и собравшая большой куль разных принадлежащих Магде вещей. В хижине уже всё закончилось и вампир с бывшей ведьмой вышли на свежий воздух. Магда пошатывалась, лицо её было бескровно и казалось совершенно белым в лунном свете. Вейма принюхалась и тут же накинулась на собрата:

— Что ты с ней сделал?!

Липп пьяно отмахнулся.

— Ничего такого, на что она бы не согласилась.

— Ты думаешь, я тебе поверю?! Как будто не знаю, как легко ты получишь её согласие, если пожелаешь?!

— Уймись, — посоветовал вампир. — С ней всё в порядке. Я просто... ты не поймёшь.

— Ну так объясни мне!

— Ты не поймёшь, — повторил Липп, слегка пошатываясь. — Ты этому не училась... не знаешь, что такое — вывернуть душу наизнанку, пережить вместе с ней самые тайные мгновения, те, о которых не хочется вспоминать даже самой тёмной ночью... Ты не знаешь, какое это наслаждение... как это пьянит... да ещё и отданное добровольно, и можно не бороться с жертвой, а только пить, пить и пить, и вкушать вместе с кровью тайный восторг и явный ужас...

— Перестань, Липп, меня сейчас вырвет!

— Я же сказал, что ты не поймёшь, — усмехнулся вампир. — Утро уже скоро, отправляемся.

— Эй! — раздался окрик. Оба вампира вздрогнули: увлечённые разговором, они не заметили подошедшего близко человека. — Ага. Не ждали?

— Что тебе надо? — хмуро спросила Вейма.

— Мне ничего не надо, — хмыкнул батрак. — Это тебе надо.

— Ну так что? Берёшься за дело?

— Нет, — ухмыльнулся батрак. — Но ты барона-то своего спроси. И приходи с ведьмой, поговорим. Глядишь, и договоримся, если цена устроит.

— Хорошо выдумал! — возмутилась вампирша. — Сам придёшь. Через три дня к Барбергу. Если там чужих не будет.

Виль смерил девушку взглядом, потом кивнул.

— Через три дня. У Барберга. Не придёте — ищите другого дурака на такую работу.

— Сейчас рассветёт! — нервно прервал их Липп. Он взмахнул широкими рукавами, закрутился на месте — и вот в воздухе хлопала крыльями летучая мышь. Звук, который он издал, расслышала только Вейма, а Липп подхватил Магду когтями и взмыл к небу.

Глава седьмая

Спасение (продолжение)

За три дня случилось многое. В Фирмин прибыли бароны и графы со своими отрядами. Иные прямо ехали к замку и были допущены под защиту его стен. Другие, не доезжая даже до Латгавальда, вставали в Барберге, раскидывая шатры прямо на деревенских полях.

Барон Фирмин с ними не поехал, он остался в Тамне, не слишком, впрочем, надеясь, что это поможет делу, но не желая опрометчивостью подвергать дочь опасности. Это ему было не по сердцу, но, рассудил он, пока речь не идёт о штурме, отправляться в Латгавальд всё равно не имело никакого смысла. А вот посланникам его были даны наставления столь подробные, что, не будь Вейма вампиром, перезабыли бы они их, едва попрощавшись с сюзереном.

Магда идти не хотела. Она хотела только одного — покоя. Сначала потеря волшебной силы, попытка смириться с тем, что то, что раньше наполняло мир, ушло безвозвратно. Попытка жить как все люди, а после — угроза страшной и мучительной смерти. Едва она поверила в спасение, едва поняла, что согласна даже так — без силы, без власти, без понимания, но жить! Жить — это важнее всего на свете... едва это случилось, ей пришлось разделить кровь с вампиром. Липп не был знатоком человеческих душ, способным играть с тончайшими оттенками человеческих воспоминаний. Он вывернул её наизнанку просто и грубо, заставив пережить мгновения любви, которые тем горше, чем слаще они были когда-то. Сказал, что страсть наполняет кровь силой. Магда чувствовала себя как будто вываленной в грязи. Будто её выпотрошили и бросили в канаву. А после — полёт в когтях вампира, быстрый до потери сознания, холодный и мучительный.

Она хотела только покоя. Чтобы ей позволили уйти, сменить имя, спрятаться где-то, где её никто не знает. Бароны, их дела, как они будут управлять своей страной и что сделается с несчастной Норой — это всё никак не трогало девушку. К тому же она подозревала, что батраку не надоело над ней издеваться, и он непременно запросит что-то необыкновенно гадостное. Согласилась она только после того, как Вир сказал, что брат Флегонт, возведя своего ставленника на трон, не успокоится, пока не сожжёт всех ведьм, которых сможет поймать. Знакомых-то уж точно. Барон Фирмин поспешил заверить девушку в своём неизменном покровительстве, но для оказания оного надо быть бароном, сиречь властителем своих земель. Изгнаннику будет сложно защищать тех, кто ему доверился, а преданные барону кнехты нуждаются в пище и крове и не смогут последовать за ним. Магда слишком устала, чтобы долго спорить. Она согласилась и жалела об этом весь путь от Тамна до Барберга, где они остановились в шатрах графа Вилтина.

Искать Виля долго не потребовалось. Несмотря на покровительство леса, спрятаться от нюха оборотня и чутья вампира невозможно, а батрак даже и не пытался. Они встретились в лесочке у самой деревни. Ночь была безлунная, но батрак разжёл костерок, бросавший на прозревших зловещие отсветы.

— Что, Медный Паук, потолкуем? — добродушно предложил Вир.

— Потолкуем, Серый, как не потолковать, — согласился Виль. — Что предложите?

— Хочешь золота, а, Паук? — с каким-то фальшивым воодушевлением спросил оборотень и, порывшись за пазухой, перекинул батраку кошель. — Много золота, а?

— Да на что мне? — пожал плечами батрак, но деньги, тем не менее, сунул за

пазуху. — Захочу — сам возьму.

— Землю — хочешь?

— А пахать кто будет?

— Так наймёшь! С золотом-то!

Батрак фыркнул.

— Хочешь — коров целое стадо?

— А пасти их Натес будет? — развеселился Виль.

— Всю жизнь тебя кормить-поить-одевать будут, вина сколько захочешь, а?

— И девок пригонят? — хмыкнул батрак. Оборотень покачал головой. — А, ну да.

Против чести это, значит.

— За золото сам наймёшь, — к негодованию жены предложил Вир.

— Ты ври дальше, Серый.

— Семью твою никто не тронет, — продолжил оборотень.

— А если егойная милость не вернётся, никто и не узнает, кого трогать надо, — отмахнулся батрак.

— Ладно, Паук. Вижу, ты согласен. Назови свою цену.

Девушки тихо ахнули от такого поворота.

— Вот ты, Серый, я слышал, знатный спаситель девиц. Одну из подпола вытащил, волком обернувшись. Другую и того лучше — с костра спас. И женился на ней, так?

— Было дело, — добродушно согласился Вир. Вейма потихоньку заворчала, обнажая клыки. Ну, почему она такая нескладёха?! Глаза бы ему выцарапать, этому пьянице.

— Так что же, Серый, так оно обязательно полагается? Одну девицу я спас, вторую спасу, на ней теперь жениться должен? Барон там к награде руку наследницы не прикладывает?

— Не в этом случае, — засмеялся оборотень.

— И то радость, — одобрил батрак. — А то на что мне такая жена? Ни за водой её не послать, ни вожжами вытянуть.

Вейма заскрипела зубами от злости.

— Хорош шутить, Паук. Выкладывай, чего хочешь, — потребовал оборотень.

— А в замке теперь порядки — ух! — словно не слыша, продолжил бубнить батрак. — Святоша-то как вернулся, сперва Дюка своего побежал проверять малохольного. Боялся, что прирежут его под шумок. Куда там! Пьяным только у себя валялся, такого резать — тьфу! — никакого интереса. Потом собрал фенрихов. Это он их так назвал — фенрихи. Вчера ещё звались главарями, а сегодня — вон как! Говорят, жару задал...

— Ты туда вернулся, что ли? — не поверила Вейма.

— А как не вернуться? — пожал плечами батрак. — Аккурат под утро вернулся, когда самых пьяных уже перепороли.

— Их — что?! — ахнула вампирша.

— Водой облили, чтоб прочухались, да всыпали, — пояснил батрак, — всем, кроме тех, которые уже рыцари. Тем просто поститься три дня велели. Святоша как глазами зыркнул — и никто спорить не стал.

— А ты что же? — усмехнулась Магда, впервые вмешиваясь в разговор.

— А я спал, — с честным видом ответил батрак. — Как сменился с твоей охраны, пошёл и лёг спать, чтобы с утра нести службу. И, кстати, первым заметил пропажу ведьмы.

— Что, до тебя никто сарай не проверил?! — не поверил уже Вир.

— Не до того было, — хмыкнул батрак. — Такая неразбериха творилась. Баронским вином упились все, никто лыка не вяжет, друг друга не все знают, а тут ещё главари принялись бегать, орать, приказывать чего-то...

Он повернулся к бывшей ведьме.

— У святоши-то и кроме тебя забот хватало. Искали, конечно. Домишко твой едва не сожгли, потом передумали. Ну а после полудня бароны да графы прибывать стали. Святоша как с утра шаг за ворота — сразу вокруг толпа разных умников, которые то одно, то другое спрашивают. И девку-то вашу, дочку баронскую такой охраной окружили — ух! Мышь не пробежит. А вы хотите, чтобы я совался. Да меня дальше двора вообще не пускают. И никого, кого святоша на пять раз не проверил.

Оборотень не ответил, он молча ждал, пока батрак не выговорится.

— Перемудрил ты, Серый, — после долгого молчания сказал батрак. — Сначала приветил эту кодлу в Гандуле...

— Они сами пришли, — хмыкнул оборотень.

— Не перебивай. Потом отменил заказ на этого святошу недобитого. Если бы я тогда с пути не сбился — не стал бы и слушать. Потом выманил его из Гандулы. И куда привёл? Теперь я должен твои огрехи исправлять, а ты чистеньким останешься и перед *нашими*, и перед всякой баронской сволочью.

— Я тебе и сейчас повторю, — ничуть не обиделся оборотень. — Нет смысла убивать по одному святоше. Дай им самим себя замарать — и вскоре от них только память и останется.

— Что-то не похоже, — хмыкнул батрак.

— Он уже себя замарал. Говоришь, девчонка связанная в замок въехала? Так отдай её мне, пока руки ещё не зажили — и она его так замарает — весь орден не отмоеся.

— Ха! Ты намудрил, планов нагромоздил, а отдуваться за тебя будет бедный старый Паук?

— Так назови свою цену, — напомнил оборотень.

— Цена-то есть, — сообщил батрак после долгого молчания. — Да только ты её не потянешь.

— А ты назови. Что хочешь получить?

— Да с тебя мне ничего и не надобно. И с девки твоей, — кивнул он на зло зашипевшую Вейму. — От таких, как ты, подальше держаться лучше.

Он перевёл взгляд на бывшую ведьму.

— Говори, — обречённо произнесла девушка. — Небошь, опять издеваешься.

— Почему издеваюсь?! — не слишком искренне возмутился батрак. — Неблагодарное ты существо, Маглеин! Я тебя от смерти спас, шкурой своей рисковал, пока дружки твои зачем-то над деревней ворожили, в замок-то соваться побоялись. И что?! Ты бы хоть улыбнулась спасителю!

Магда вяло улыбнулась.

— Говори, что надумал, — потребовала она.

— Да я тут подумал днями... ведьма-то в моём ремесле — товарищ ой какой полезный... погоню с пути собьёт, костёр в лесу спрячет, стражу одурманит...

— Ты что же — с собой зовёшь? Людей вместе с тобой резать?!

— Да нет, Маглеин! С чего ты взяла? На что мне товарищ, который то воду тащить требует, то дрова колоть, а как всё сделаешь, отравит да сонного бросит? Я два раза спину не

подставлю. Радуйся, что вообще живой оставил.

— Радуюсь, — кивнула Магда, но продолжать не стала.

— Так что отдашь мне своего ребёнка, Маглейн, — сделал вывод батрак. — А я уж сам из него убийцу воспитаю.

— То есть как — ребёнка? — ахнула вместо своей подруги Вейма. — У Магды нет никакого ребёнка.

— Будет когда-нибудь, — пожал плечами батрак. — Я не спешу.

— Я не собираюсь заводить детей, — отчеканила бывшая ведьма.

— Ну так ты ничем не рискуешь, — снова пожал плечами батрак.

— А что ты будешь с ним делать? — не сдержала любопытства вампирша. — Куда тебе детей воспитывать, уморишь же! Выкармливать как будешь? Ходить учить? Пелёнки менять? Ты вообще маленьких детей давно видел?

— Можно не сразу, — подумав, уступил батрак. — Лет семь пусть исполнится — и заберу. Ты не бойся, Маглейн, учить буду, как меня учили. На совесть.

— У меня не будет детей, — отрезала бывшая ведьма. — А если бы и были, детьми не торгуют.

— Так и не торгуй. Кровь за кровь, ребёнка за ребёнка. Я вам — дочку баронскую, а вы мне — ребёнка ведьмы.

— Я не... — начала Магда и вдруг осеклась и отвернулась. — Хорошо.

— Клятву только дай, Маглейн. А то знаем вы вас, сперва «хорошо», а потом «да кто ты такой вообще?».

— Магда, ты с ума сошла?! — взвилась вампирша. — Виль, ты сказок наслушался?

— А ты не встречай. Давай, клянись, Маглейн.

Магда сидела так, что лица её рассмотреть не мог никто из собравшихся вокруг костра и только Вейма чувала что-то... что-то непонятное творилось в её душе.

— Я, ведьма Магда, — начала девушка медленно, тщательно подбирая слова, — всей колдовской силой, которую сейчас в себе ощущаю, всем проклятием, которое я несу, клянусь, что отдам тебе, высшему посвящённому Виллю по прозвищу Медный Паук, своего первенца, едва ему минет семь лет, буде в нём проснётся колдовская сила — если он, Медный Паук, спасёт девицу Нору, дочь барона Фирмина, выполнив всё так, как желает барон. Доволен?

— Намудрила, — неодобрительно покачал головой батрак. — А если не проснётся к семи-то годам? Учить сызмала нужно.

— Решай, — зло бросила бывшая ведьма. — Тебе какой попало ученик нужен — или колдун? Или не надоело издеваться?

— Брось, Маглейн, — отмахнулся батрак. — Хитришь много. Ладно, принимаю твою клятву. Смотри у меня! Обмануть не вздумай, пожалеешь. Ты меня знаешь.

— Знаю, — коротко бросила бывшая ведьма.

— Вот и ладушки. Чего барон-то от меня хочет?

— Барон хочет, — медленно начала Вейма, прикрыв глаза, чтобы лучше сосредоточиться и не видеть паскудную рожу батрака перед собой, — чтобы ты вывел Нору из замка и помог ей добраться до безопасного места — такого, где её сможет защитить он сам, его люди или союзники — да так, чтобы ни одна живая душа не заподозрила ни колдовства, ни вмешательства проклятых. Чтобы казалось, что девушка сама сбежала или помогал ей обычный человек. Чтобы у любого не возникло в том никаких сомнений.

Батрак присвистнул.

— Простенький заказ! То есть я там ещё наследить должен как последний неумеха?

— Правильно понимаешь, — поддержал оборотень. — И не попасться.

— Ха! А если попадусь — барон меня не видел, я барона не знаю?

— Ага, — согласился оборотень. Тем более, так оно и есть. Ну, предложили тебе ночью в лесу девку украсть... а, может, ты сам напился, да решил, что герой хоть куда. Ври что хочешь, Виль, а барона не впутывай. Только ты не попадайся. Нам Нора нужна — как хлеб голодному.

— Дай подумать, — рассеянно отозвался батрак и действительно задумался. — Маглейн, а цветочки ты свои отравленные прихватила?

— Какие цветочки? — недоуменно моргнула бывшая ведьма.

— Ту дрянь, которой ты меня отравила — помнишь? Давай её сюда.

— Я не... — начала было Магда и осеклась. — Я не помню, что использовала.

— Ты совсем ума лишилась, Маглейн? — рассердился батрак. — Я помирать буду — вонь эту буду помнить, а ты забыла?! Каждый день новой пакостью кого-то травмишь?

— Ну, забыла, — пожалала плечами бывшая ведьма. — Обойдётся без этого.

— Ха! Я совсем на дурака похож?

— Виль, — вдруг подала голос Вейма. — Виль, посмотри на меня...

Прозвучало это... как-то странно... как зов не то с небесных полей, не то из глубин преисподней. Вир вздрогнул и подозрительно покосился на жену. Батрак мгновение смотрел ей в глаза, потом отшатнулся и с ругательствами схватился за нож.

— Ах, ты!.. — грязно выругался он.

Вир угрожающе заворчал.

— Если ты ещё раз так назовёшь мою жену...

— Магда! — совершенно обычным тоном окликнула Вейма, не слушая мужчин. — Посмотри мне в глаза.

Бывшая ведьма смотрела дольше, чем батрак. А после встала и принялась копаться в сумке с травами, которую Вейма предусмотрительно захватила с собой.

— Это — твоя жена?! — тем временем оторопел Виль. — *Это?!*

Вместо ответа оборотень зарычал.

Магда тем временем достала стебли со знакомым горьковатым запахом и вопросительно посмотрела на подругу. Та принялась скривилась и кивнула.

— Ну, даёшь, Серый! — хохотнул батрак и убрал нож. — С тобой она часто такие шутки выкидывает?

— Не твоё дело, — отрезала Вейма. — Не понимаю, что тебе не нравится. Ты хотел эти травы — ты их получишь.

— Подружкой своей не могла обойтись? — не успокаивался батрак.

— Ты представляешь, сколько трав она когда-либо заваривала? — пожалала плечами вампирша. — А ты ничего. Быстро очухался. Но не очень-то на это полагайся. Будь на моём месте хоть тот же Липп — ты бы так легко не вырвался.

— Твой приятель пытался, — со значением напомнил Виль. — Не вышло ничего, помнишь? Когда вы твою подружку «спасали».

— Он все силы бросил на морок, — хмыкнула Вейма. — Если бы он не меня прикрывал, а сам им укутался — был бы сильнее.

— То-то он, пока сыном кузнеца был, одних младенцев жрал да пьяных, — возразил

батрак.

— Это всё неважно, — нетерпеливо вмешался в перепалку оборотень, решивший, что жене покуда защита не требуется. — Паук, кроме трав, ещё чего-то попросишь?

— Да нет, — пожал плечами батрак. — Обойдусь. Пусть Маглеин их заварит, да разъяснит, как ими людей одурманить. А там — ждите поближе к замку, чтобы мне долго с девчонкой не расхаживать.

— Заварю, — кивнула бывшая ведьма, не став упоминать, что зашептать, как положено, она травы не сумеет. Может, если покрепче заварить, поможет... — Но ты смотри. Никого, кроме захватчиков, не убей. Это моё условие.

— А не то трав не дашь? — развеселился батрак. — Брось, Маглеин, для дела ведь нужно.

— А не то сделка отменяется, — ровно ответила бывшая ведьма. — С барона потом детей спрашивай.

— Ну и дура! — сплюнул батрак. — Всё-то тебе посложнее хочется.

— Неважно. Принимаешь с такими условиями?

— Совсем ума лишилась, — отмахнулся Виль.

— А кого ты там убивать собрался? — заинтересовался оборотень. — Колды самозванца тебе мало?

— А ты святошей сделался? — хмыкнул батрак. — Твоя-то какая печаль?

— Виль! — требовательно окликнула Магда.

— Не убью, если не попросят, — хмуро обещал батрак. — Довольна теперь? Если я всё дело завалю из-за твоей жалости — на себя пеняй.

— Попеняю, не бойся, — в тон ему ответила бывшая ведьма.

* * *

Наутро в лагерь баронов прибыл герольд. Многие ещё спали, но, разумеется, дозорные из ополчения бодрствовали и издалека заметили чужака. Он не стал подъезжать ближе, загарцевал на пегом коне в виду лагеря и протрубил тревожный сигнал.

— Слушайте, слушайте, слушайте! — прокричал герольд, с удовольствием любуясь заспанными людьми, которые выскочили из шатров в ночной одежде. — Непокорные бароны и простые люди! Мой господин, Алард Корбиниан, Дюк, верховный правитель Тафелона, зывает всех под свои знамена! Придите к нему — и он простит всё былое! Он вернулся, чтобы править страной как встарь! Через три дня он сыграет свадьбу с Норой, наследницей Фирмина, чтобы скрепить союз с баронами! В честь свадьбы будут помилованы все мятежники! Придите под руку законного господина!

Граф Вилтин, который, кстати, не спал, когда прибыл герольд, коротко отдал приказ и в следующее мгновение у ног коня вонзилась стрела.

— Вот тебе наш ответ, мошенник! — прокричал граф. — Передай своему разбойничьему господину, чтобы сдавался! Тогда ему сохранят жизнь! Три дня ему, чтобы освободить похищенную девушку и моего сына, попавшего в руки мятежников на границе моих владений! Если хоть один волос упадёт с их голов, все разбойники будут преданы позорной казни!

— Ты ошибаешься, старик! — возразил герольд, отъезжая подальше. — Юная Нора и

твой сын присоединились к нам по доброй воле!

— Верните их родителям, тогда будем разговаривать!

Граф снова отдал приказ и в землю вонзилась ещё одна стрела.

— Не слушайте его! — прокричал герольд, пуская коня вскачь. — Присоединяйтесь к славному Дюку!

* * *

— Не понимаю, — тихо проговорила бледная и усталая Магда, когда Вир, ушедший по делам сразу после того неприятного пробуждения, присоединился к ним за обедом. — Зачем им это? Ведь понятно, что бароны никогда не пойдут кланяться... кланяться... ну... вы поняли.

— Самозванцу, — вместо неё жёстко закончила вампирша. — Мятежнику.

Магда молча кивнула.

— Глупо! — поддержала подругу Вейма. — Он же угрожал барону, что обесчестит или убьёт его дочь. К чему тогда свадьба?

— Выходка детская, — кивнул Вир. — Я думаю, это послание барону. Угроза. После свадьбы с мятежником Нора не сможет наследовать отцу. Даже если у неё останется Фирмин, другие бароны никогда не подчинятся женщине, которая была женой мятежника.

— Тогда почему он не сказал, чего он хочет от барона? — не поняла Вейма.

— Может, он ничего не хочет, — пожалала плечами Магда. — Может, он как Виль. Лишь бы помучить. Чтобы отец его с ума сходил, представляя, что творится с его дочерью.

— Кстати, о дочерях, — вскинулась вампирша. До сих пор она не решалась трогать эту тему, слишком уж усталой и опустошённой была её подруга. Но тут... не удержалась. — Зачем?..

— Что? — не поднимая глаз, угрюмо отозвалась бывшая ведьма.

— Зачем ты согласилась? Виль — это же не человек, это чудовище. И ты вот так отдашь ему своего ребёнка...

— *Всей колдовской силой, которую сейчас в себе ощущаю,* — повторила Магда слова клятвы и криво усмехнулась. — Даже не думала, что так легко сойдёт. К тому же я детей рожать не собираюсь. Подумать противно, чтобы хоть к одному мужчине приблизиться.

— Но... если ты однажды...

— Нет, — отрубил бывшая ведьма. — Да и... колдовская сила детям не передаётся. Это не дар, это проклятие. Каждый своё проклятие получает сам. Или не получает. Сам, взрослым. Виль просчитался. Даже жалко его немного.

* * *

До Ордулы, замка барона, они добрались к середине ночи и втроём. Вир был категорически против того, чтобы брать с собой бывшую ведьму, которая всё равно не смогла бы ничем помочь. Магда и не настаивала — только угрюмо смотрела в пол и твердила, что боится остаться одна. Страхом от неё пахло так сильно, что Вейма, бросив суровый взгляд на мужа, заставила его согласиться. Вир не был этим доволен: волка в лесу

попробуй заметить, если сам не захочет, вампир спрячется от любого глаза. А вот Магда... К тому же кто-то должен её тащить, а он не настолько оправился от ран, чтобы служить ездовым животным. После недолгого спора ещё и об этом на него навьючили сумку с ведьминым добром — на всякий случай! — хотя Магда и уверяла, что не помнит, как этим пользоваться, а бывшей ведьме пришлось повторить неприятный полёт в когтях летучей мыши. Холод, свист ветра в ушах, незащитность, отсутствие опоры под ногами — всё это было таким мучительным, что Магда едва не пожалела, что отказалась дожидаться друзей в лагере, но... она боялась. Чужая всем. Чуждая. Не ведьма, но и не обычная девушка. Не помнящая уже, как общаются между собой другие люди. Не умеющая жить, если не ощущается поддержка колдовского дара, если нет внутренней уверенности в том, что всё, что она делает — *правильно*. Если ответы и решения не приходят сами собой. Страшно. Непривычно. И всё время казалось, что теперь-то её в любое мгновение могут схватить, разоблачить, избить, потащить на костёр...

Вир подготовил возвращение Нору, шепнув паре кнехтов Фирмина, которые прибыли вместе с ним в Барберг, мол, ему доверенный человек передал весточку от наследницы Фирмина. Никто в Барберге не поверил в грядущую свадьбу, вернее, в то, что Нора дала на него своё согласие, поэтому слова шателена Гондулы встретили большое ободрение.

И вот теперь оставалось только ждать.

Если всё пройдёт как надо — Нору вывезут её подданные. Немного лжи, немного недомолвок — и будет сплетена хорошая сказочка о том, как наследница Фирмина сама сбежала из коварного плена. Их, конечно, в этой сказке не будет. Ни к чему. Нора должна доказать своё право править людьми, показать себя человеком, не боящимся действовать. Таким человеком она не являлась, но, быть может, полученный урок что-то исправит.

Если всё пройдёт как надо.

Если пройдёт.

— Туда, — коротко бросил Вир, уловив в ночном воздухе долгожданный запах.

Виль не подвёл. Он спустился с холма, держа бесчувственную девушку на руках. Ни Виру, ни Вейме не надо было проверять. Не обманул. Живая и здоровая. Спит.

— Усыпил, — пояснил батрак. — Зелья на жаровню подсыпал. Уж больно криклива девчонка. Чуть что не по ней — крик, слёзы. Чем объяснять-то, думаю, пусть поспит. Сам там чуть не свалился.

— Тебе повезло, — хмуро ответила Магда. Зелье, которое не было зашептано при приготовлении — кто знает, как оно могло подействовать?

— Когда она проснётся? — спросил оборотень. Девушка должна сесть в седло сама, всё должно выглядеть так, будто спастись ей помогли именно её действия. Быть может, с чьей-либо помощью, разумеется, но...

Магда пожала плечами. Она уже не помнила.

— Я могу разбудить, — подала голос Вейма. — Я могу её заставить вспомнить всё, что нужно, если захочешь. Даже того, чего не было.

— Ты никогда так раньше не делала, — удивилась Магда.

Вейма дёрнула плечом.

— Если бы я так делала, она бы не сбежала. А я всё доверие берегла. Добереглась.

— Дура, — «поддержал» батрак, заслужив этим злой взгляд оборотня. — Если ты сильнее — так и будь сильнее. Ты же вампир.

— Я не хотела становиться вампиром! — резко ответила девушка.

— Ну и что?

Магда поспешила вмешаться в разговор, пока Вир не начал рычать.

— Лучше расскажи, что в замке творится.

— А, — отмахнулся батрак. — Что там может твориться? Как было. Святоша Дюка своего строит и склоняет к женитьбе на девке вашей.

Он криво усмехнулся.

— Дураки, что один, что второй. Другой бы сначала её в постель уложил, а потом папочке её письмишко бы прислал, мол, или благословляешь, помогаешь, да хоть не рыпаясь, или все узнают. Тут-то бы барон не подёргался. А эти... то святоша руки заламывает, о грехах говорит, то Дюк недоделанный про рыцарскую честь талдычит. Мол, против согласия бесчестно... он и жениться не хочет. Святоша его принуждает.

— Какая гадость, — откровенно высказалась Вейма.

— Такова жизнь, — пожал плечами батрак. — Ну, как, вы всем довольны? Пойду я обратно, пока не хватились.

— Зачем тебе туда возвращаться? — не понял Вир.

— Да дело одно есть, — лениво ответил батрак. — Надо будет Йагану малое посвящение дать. Высшее-то не успею, да и не мне давать.

— Не успеешь? — нахмурилась вампирша. — Что... что с ним случилось?

— Да схватили его. Всё про вино колдовское твердят.

— Они не имели права! — с отчаянием воскликнула Вейма. — Я же... я же предупреждала!

— Ага, — кивнул батрак. — Он так и спросил, когда за ним пришли, где, мол, свидетели, которые обвинят его в лицо. А на него самострел наставили и говорят — обойдётся.

— Его пытали? — тихо спросила бывшая ведьма.

— Не успели, — ухмыльнулся батрак. — Святоши-то с собой палачей не возят, на месте находят. А я пошарил где надо, что-то разломал, что-то припрятал, не найдут теперь. Палач-то баронский мелкие инструменты увёз, когда вместе с господином в Тамн уехал, а вот дыбу оставил. Пришлось постараться, чтобы не отыскали. Ну, этот во двор вышел и говорит — кто тут палач. Пара парней вылезла, мол, попробуют. А я ему — да чтоб я, да без инструментов, да где попало, да даже за десять золотых не возьмусь. Так он мне пятнадцать подкинул и говорит, мол, если что не так пойдёт — вместе гореть будем.

— И ты, что же, ты его пытал? — с усилием произнесла Вейма, даже не пытаясь скрыть отвращение в голосе.

— Да пока нет. Брат всё-таки в *прозрении*, в *Освобождение* верит. Я ему малое посвящение обещал, да подумал, не рановато ли? Вдруг без баронской дочки они раньше сдадутся? Глядишь, он ещё *хорошего* вина сделает. А пока весь день дыбу сколачивал. Дело долгое, трудное, выверенности требует.

Вейма сглотнула. Малое посвящение давалось перед смертью. Те из высших посвящённых, которые несли свою службу Освободителю проповедями, проводили короткий обряд. Если умирающий выздоравливал, ему отказывали в еде и питье: после малого посвящения дорога была одна — за границу брэнного мира, туда, откуда Создатель когда-то похитил свободные души. Так верили прозревшие. Но те высшие посвящённые, которые несли службу убийствами, не нуждались ни в обряде, ни в том, чтобы уморить новообращённого голодом. Они *освобождали* ударом ножа.

— Но ты же мог бы его спасти! — не выдержала Вейма.

— Да? — с наигранным весельем переспросил батрак. — Ой, в самом деле! Вот скоро встреча будет, так меня старший брат спросит: «Паук, а, Паук, как ты постарался ради Освобождения? Многих ли ты загубил? Не ленился ли?». А я ему: «Да так, двух девиц спас, вот, ещё односельчанин подвернулся, его тоже спас, хожу теперь, смотрю, кого бы ещё спасти, понравилось — страсть!». А он мне и скажет: «Паук, ты позоришь наше братство! Не тем ты занимаешься! Не людей спасать, но приближать Освобождение, отворачивать слепых от святош. А ты...» И чем я оправдаюсь? Каким-то жалким зарезанным графёнышем?

— Кем-кем? — насторожилась Магда.

— Да парнишка тут привязался. Мечом размахивал, шипел какие-то угрозы. Я его и прирезал. По-хорошему не унимался.

— Он... — у Магды перехватило дыхание. — Он назвал своё имя?

— Да назвал, да я не слушал.

— Виль! — топнула ногой бывшая ведьма.

— Арле, что ли... Или Арне. Твердил, что желает деву защитить от моих, понимаете, грязных лап. Станный какой-то. Тревоги так и не поднял. Подвигам захотелось?..

— Ты... его... убил?.. — очень медленно произнесла Магда. Перед глазами вставала давняя сцена, когда юный рыцарь, почти мальчишка, взялся биться в её честь с опытным наёмником.

— Да уж не по головке погладил. Лежит там, стонет теперь. К утру кончится.

— Ты его убил, — повторила Магда.

— Эй, Маглеин, ты чего? — насторожился батрак.

Бывшая ведьма не ответила. Бедный глупый Арне, вечно ему надо было за кого-нибудь вступить...

Магда словно видела его длинные светлые волосы, худощавую фигуру, светлые глаза... слышала срывающийся голос, которым он читал ей стихи... очень плохие, но он сам их сочинил, в её честь. Тогда ей это казалось... милым, наверное. Но и досадным. Теперь — надрывало сердце. Почему? Алард остался в прошлом, безликая тень с обманными знаками власти. А вот Арне вдруг всколыхнул душу. Почему?

Может, потому, что никогда ничего не просил. Кроме улыбки. Она так и не научилась улыбаться ему так, чтобы это не выглядело по-матерински.

Вейма принялась к подруге и тихонько оттащила всё ещё спящую Нору подальше, за спину Вира.

— Ты его убил, — снова повторила Магда. — Он не был захватчиком. Ты нарушил условие. Сделка отменяется и... убирайся отсюда!

— Эй, Маглеин! — запротестовал батрак. — Он мечом размахивал, а у меня с собой только нож был. Что мне было делать, а?!

— Мне плевать! — с нахлынувшей злобой ответила бывшая ведьма. В горле клокотало от горя. Сердце разрывалось. — Он был мой! Он клялся мне в верности! Он никому не причинил вреда! А ты его убил! Я говорила тебе — никого! Ты должен был помнить об этом! Ты... ты... убирайся! И не попадайся мне больше, слышишь?! Убирайся отсюда!

— Как девок спасать — так Виль, сюда, Виль, помоги, Виль, ты же можешь... — обиделся батрак. — А из-за какого-то глупого мальчишки...

— Ты его убил! — закричала Магда. — Он был мой, а ты его убил!

Оборотень напряжённо раздумывал.

— Говоришь, до утра протянет? — внезапно спросил он.

— Да протянет, наверное... — хмыкнул батрак. — Только всё равно не жилец. После таких ран разве что один из вас встанет.

— О том и речь. Магда!

Бывшая ведьма вздрогнула от резкого оклика и невидяще уставилась на оборотня. Было слишком темно, чтобы разглядеть выражение лица, но Магда вдруг почувствовала, что Вир улыбается.

— *Оборотень по обещанию*, — медленно проговорил Вир. — Что скажешь?

— Я... я не... — пробормотала бывшая ведьма. — Это...

— Решай! — жёстко потребовал оборотень.

— Я не смогу! — запротестовала Магда в отчаянии.

— Тогда он умрёт!

— Эй, вы о чём? — вмешался батрак.

— Я не... не... я не смогу... — медленно выговорила Магда и в отчаянии уставилась на свои руки. — Я не...

Что такое колдовская сила? Проклятие, которое получаешь, живя с мечтой, которая не сбудется, жгущим изнутри желанием, которому не суждено исполниться. Колдовская сила — это то, что даёт тебе мир в обмен на то, что ты вечно — вечно! — будешь несчастной. Однажды одной ведьме повезло. Её желание исполнилось. Но ничего не даётся даром, и проклятие было снято... оставив эту ведьму опустошённой, истерзанной... беззащитной.

Что такое колдовская сила? То, что чувствуешь, пытаясь совершить невозможное.

Магда неверяще уставилась на свои руки. С каждым мгновением они делались как будто больше, ярче... заметнее... казалось, они пылают и неясно было, почему никто не видит этого сияния.

Колдовская сила — это то, что даётся в обмен на неосуществимое желание. На неосуществимость желания.

Значит ли это, что, едва задуманное свершится, с силой придётся попрощаться?

Снова жить с пустотой... обречённостью... беззащитностью...

— Да будет так, — пробормотала Магда, прислушиваясь к нахлынувшим ощущениям.

Вир не видел сияния, оно осталось в воображении Магды, но очень хорошо знал, что она чувствует сейчас.

Вопреки мнению своей жены, он не родился оборотнем. Он им стал, стал в очень юном возрасте, и то, что привело его к этому шагу, вспоминать не хотелось даже ясным днём. Но в доме у дядьки ему случалось видеть и рождённых оборотней, своих названных братьев и сестёр. В младенчестве они меняют облик, и потому стая прячет детёнышей пуще любой другой тайны, но позже... до самого отрочества, дети остаются просто... детьми. И позже, когда меняются кости, голос, когда тело взрослеет, в это время, нельзя предсказать когда именно... вдруг ребёнок осознаёт себя... другим. Наполненным странной силой, от которой кружится голова. Это похоже на зарождающуюся в теле страсть. Это похоже на пронизывающую кости боль. Это не похоже ни на что. У этих детей именно такой взгляд. Именно такой вид.

Вир потянул жену за рукав. От оборотня после первого взрослого обращения можно ждать чего угодно. Как поведёт себя ведьма, ощутив вернувшуюся колдовскую силу?

— Бери Нору и отправляйся с ней на дорогу. Сделай так, чтобы она проснулась, когда

вам встретится наш отряд... и пусть она помнит, что сбежала сама. Сможешь?

— Но... а как же?.. — невнятно запротестовала его жена.

— Я обо всём позабочусь. Нет, послушай. Пусть помнит, что ей помогал Арне. Егс ранили, но он сказал, чтобы она бежала и спасалась. Если услышишь мой вой — пусть потребует, чтобы кто-то отправился ему навстречу. Если нет — он погиб, защищая её. Сможешь?

Лицо вампирши искривила улыбка.

— Так... просто...

— Сможешь? — настойчиво спросил оборотень.

— Если ты уверен...

— Да.

— Тогда дай мне посмотреть...

Оборотень послушно взглянул жене в глаза, зная, что сейчас она прочтёт его мысли. Поморщился — испытующий взгляд, казалось, жёг огнём.

— Виль! — окликнула вампирша. Батрак невольно оглянулся, а в следующее мгновение бесполезно оглашал ругательствами ночной воздух: Вейма уже исчезла, прихватив с собой бесчувственную Нору.

— Ей надо было увидеть, что творится в замке, — пояснил оборотень без особого сочувствия. — Чтобы вложить это в голову девчонке.

— А спросить нельзя было? Серый, если твоя жена ещё раз полезет мне в голову...

— Так быстрее, — хмыкнул Вир. — Я передам, не переживай.

— Кто переживает?! — разозлился батрак. — Да я ей...

Досказать он не успел. Магда подняла голову и повернулась к нему.

— Виль, — новым, жёстким и решительным голосом потребовала она. — Ты вернёшься в замок и принесёшь Арне в лес, к алтарю.

— Я? И не подумаю. Другого дурака ищи, Маглейн, а меня в это дело не впутывай.

Магда вздрогнула. Она не ждала отказа.

Чем сложнее выполнить желание, тем больше сил обретает ведьма.

— Хорошо, — холодно бросила она. — Тогда пойду я.

— За дурачка меня держишь, Маглейн, — недоверчиво рассмеялся батрак. — Иди, коли гореть охота, второй раз спасать не буду.

Девушка шагнула мимо него в сторону замка.

— Маглейн! — разозлился Виль. — Маглейн! Да стой ты, дура! Куда ты пойдёшь?! А парнишку как потащишь? За ноги? Он же у тебя по дороге околеет, когда ты им весь двор протрёшь. Стоило тебя от святош спасать, чтобы ты им обратно в лапы полезла!

— Что тебе за дело?! — зло ответила ведьма.

— Не кричи так, — вмешался оборотень. — Вейма ушла, некому нас прикрыть мороком.

— Слово моё крепкое, — настаивал батрак. — Ты туда не пойдёшь, Маглейн. Да и я тоже.

— Тогда — прощай, — холодно бросила ведьма. Она не успела сделать и шага, как батрак схватил её за руку. Нож, приставленный к её шее, она не увидела — почувствовала.

— Если ты так настаиваешь, — с ленцой проговорил Виль, — я дам тебе малое посвящение прямо сейчас. Стой где стоишь, Серый, ты быстрее меня, но всё равно не успеешь.

— Пусти! — со злостью потребовала Магда.

— Ишь как заговорила! Нет, Маглейн, последний раз тебе повторяю — ты туда не пойдёшь. Если не успокоишься — для тебя наступит *Освобождение*.

Ведьма выдохнула.

— Пусти, — уже спокойней попросила она. — Я войду в замок, чтобы защитить то, что принадлежит мне. Любая ведьма имеет на это право.

— А я имею право освободить твою душу, когда сочту нужным, — напомнил высший посвящённый. — Не сходи с ума, Маглейн, ты не выдержишь пытки, а попадёшься уж наверняка.

— Я не попадусь, — терпеливо объяснила ведьма.

— Ой ли! — издевательски присвистнул батрак.

— Глупый ты человек! — снова стала раздражаться Магда. — Говорю тебе, меня никто не сможет увидеть.

— Чепуху несёшь. В тот раз им и искать тебя не пришлось. И в этот не придётся.

— В этот раз всё будет иначе! — разозлилась ведьма.

— Маглейн, — устало вздохнул батрак. — Или ты поворачиваешь и уходишь отсюда или умрёшь. Прямо сейчас.

— Да говорят тебе, — рванулась из его хватки ведьма, — на этот раз всё будет иначе! Ко мне вернулась колдовская сила!

Виль разжал руку и девушка от неожиданности упала. Батрак с интересом наклонился над ней, не выпуская из руки нож.

— Вернулась, говоришь, — хмыкнул он. — А то не было... Ай-ай-ай, Маглейн. «Всей силой, которую ощущаю», так? Как нехорошо, Маглейн. Как некрасиво.

Девушка даже не пыталась отползти, глядя снизу вверх на убийцу и пытаясь в ночной мгле разобрать, насколько он разозлился.

— Оставь её в покое, Паук, — шагнул к ним оборотень.

— Стой где стоишь, Серый, — посоветовал батрак. — Значит, малышка Маглейн решила обмануть бедного глупого Виля? Выехать на его хребте, а потом — извини, мол, я тебе ничего не обещала.

— Детьми не торгуют, — напомнила ведьма.

— А обманывать своих можно?

Вир сделал стремительный шаг, схватил Магду за плечи и оттащил от разозлённого собрата по *прозрению*. Виль снова хмыкнул и убрал нож. Оборотень поддержал девушку, пока она не вернула себе равновесие.

— Будет тебе разлёживаться, — рыкнул Вир. — Он не собирался нападать.

— Беда с вами, — скривился батрак. — Всё-то вы знаете. Ладно, Маглейн, пошутили — и хватит. Как ты собралась мальчика спасать?

Ведьма впервые всерьёз задумалась. Тащить куда-то человека, раненного так серьёзно... никакое колдовство не переборет этой мучительной дороги.

— До алтаря он не дотянет, — признала она. — Значит, надо там лечить.

Виль присвистнул.

— Ты. Серый. Будете там колдовать. У всех на глазах. Маглейн, вот ты умишком своим подумай. Он того стоит?

— Стоит, — упрямо нахмурилась ведьма.

— Это не громче, чем умирающий, — вмешался Вир. — Если его ещё не отыскали, то

сам обряд внимания не привлечёт.

— Не отыскали, — отмахнулся батрак. — Я его обратно в его комнату затащил. Туда никто не сунется, даже если он в голос вопить будет — после того, как он одному святоше чуть башку скамейкой не раскроил, его навещать побаиваются.

Вир бросил да девушку испытующий взгляд. Магда вскинула подбородок:

— Я смогу! Пойдёшь со мной?

— Так-так-так, — почти пропел батрак, снова шагнув к девушке и доставая нож. — А куда ты собралась? Я же сказал, что не пушу.

— Виль! — запротестовала Магда.

— Как припекло, так сразу — Виль. Это дурацкая затея, Маглейн, ведьме ни к чему столько стараться ради *слепого*, да ещё и графского наследника.

— Он станет оборотнем, — напомнил Вир. — Одним из нас.

На этот раз он не пытался выдёргивать ведьму из-под удара. Убийца был так напряжён и зол, что успел бы ударить быстрее, чем двигается оборотень.

— Ой, порадовал! — зло засмеялся батрак. — Мне-то с этого какая радость?

Магда тяжело вздохнула.

— Чего ты хочешь?

— Ты знаешь. Давай, Маглейн. Для меня-то нет разницы, что баронская дочка, что графский сыночек. Не хотела платить за ту — заплатишь за этого.

У Магды пересохло в горле.

— Я не...

— Ну же, Маглейн, — подбодрил батрак. — Ты ведь не собиралась рожать детей, что тебе терять?

— А что ты приобретаешь? — зло спросила ведьма.

— А это уж моё дело. Ну, как?

— Будь ты проклят! — выплюнула Магда. Батрак засмеялся.

— Я давно проклят. Решайся, Маглейн, я устал.

Девушка прислушалась к дару. Дар молчал, оставляя решение на её усмотрение.

Так просто было отступить. Повернуться и уйти. Не думая о том, как где-то в грязной тесной комнате мальчик истекает кровью. Слишком глупый. Слишком честный. Слишком наивный.

— Будь по-твоему, — опустила голову ведьма. — Доволен?!

— А как же! — убрал нож батрак и ухмыльнулся. — На этот раз не клянись, Маглейн, не стоит трудиться, веры тебе всё равно нет. Ты спасёшь парня сегодня, а я получу обещанное, когда придёт время. По рукам?

— Что ж ты тогда спрашиваешь, если не веришь? — горько спросила девушка.

— Тебе — не верю. Я в судьбу верю, Маглейн. Если ты такое слово дашь, хочешь — не хочешь, держать придётся. Ну же?

— По рукам, — согласилась девушка. — Уговор. Жизнь за жизнь, человека за человека. И будь ты проклят, слышишь?! Всё? Я могу идти?

— Совсем девка сдурела, — засмеялся батрак. — Тебя там сожрут без соли, со всей твоей колдовской силой. Там бабы с детьми на ночь запираются да к дверям лавки придвигают. Всё боятся, что ломиться начнут. А ты пойдёшь по двору, насвистывая!

— Цену набиваешь, — зло бросила ведьма.

— Как есть говорю. Зря подружку-то отпустили твою. Она бы нас хоть мороком

прикрыла.

— *Нас?* — хмыкнула Магда.

— Есть одна мысль, — коротко пояснил батрак. — Вместе пойдём. Вдвоём. Серый пролезет сам, там встретимся.

Оборотень кивнул. Предложение было более чем разумное. Ему не составит труда перелезть через стену даже и без верёвки, а в ночном полумраке и шуме затеряться не составит труда — если лазутчик способен почуять приближение врагов, ещё скрытых за углом ближайшего сарая. Одному ему будет проще, не надо, чуть что, подавать знаки спутникам, чтобы стояли, шли или падали на землю, не задавая лишних вопросов.

Магда пожалела, что не может взглядеться в глаза своего страшного товарища, но спорить не стала.

— Часть обряда проведём здесь, — так же коротко сообщила она. — До алтаря дойти не успеем. Пойдём, когда закончу.

— Ночь уже на исходе, — напомнил батрак.

— Успеем. Я... я никогда не делала таких обрядов. Мне не провести его без помощи леса.

— Ну так проводи, — нетерпеливо потребовал Виль.

Магда глубоко вздохнула.

— Найди камень, — попросила она оборотня. — Хотя бы с ладонь.

— Мою? — хмыкнул Вир.

Магда топнула ногой. Оборотень отошёл в сторону.

— Что задумала, Маглейн? — заинтересовался батрак.

— Разведи костёр, — потребовала девушка. Виль вздохнул.

— Виль, туда, Виль, сюда... своими руками бы хоть раз в жизни что сделала.

— Своими руками я тебя отравила, — напомнила девушка.

— Не насмерть же, — презрительно хмыкнул батрак.

* * *

Костёр был маленький: много ли хвороста можно найти ночью в темноте, когда отчаянно спешишь? Камень зато Вир принёс здоровый, видно было — из крепостной стены.

— Полдюжины да ещё один — вот сколько нужно, чтобы лес поделился силой, — торжественно объявила Магда.

— А вроде ничего не пила, — пробормотал Виль.

— Помолчи, — зло бросила Магда. — Встань вот здесь. Так. Вир, ты — здесь.

Она порылась в прихваченной Веймой сумке и достала фигурки, которые вырезала для амулетов. Поставила их на землю у камня. Потом наклонилась и пошла веткой обводить вокруг алтаря, костра и товарищей. По земле. На уровне пояса. Над головой. Широкий круг, хотя пришлось захватить и деревья, лес у замка стоял густой, а искать поляну не было времени.

— Нас никто не увидит и не почует. Виль, дай мне нож.

— Не жирно ли тебе будет? — хмыкнул батрак.

— Козлёнка не смогла, тебя не смогла, — напомнила девушка. — Ну?

Продолжая ворчать, батрак протянул ей нож.

Магда скинула башмаки. Ощутила прикосновение к ногам травы, земли, сухой хвои. Распустила волосы и запрокинула голову. Запела без слов. Топнула ногой, другой. Раскинула руки и закружилась, не выпуская из руки ножа. Это не тот, тайный алтарь, к которому нельзя приходить с железом. Это временное место для обряда. Здесь — можно.

— Эй, Маглейн, гляди, куда ножом машешь! — запротестовал батрак.

— Не мешай ей, — посоветовал оборотень.

Ведьма остановилась. Посмотрела вверх, сквозь густую листву на ещё не начавшее светлеть небо. Клочки неба в обрамлении листьев.

— Солнце зашло, — торжественно произнесла девушка. — Луна умерла. Есть только тьма. Есть только я. Лес отдаст силу. Лес заберёт звуки. Лес укроет тенью. Мы останемся здесь. Мы уйдём отсюда.

Она уколола руку и, морщась от боли, сбросила несколько капель крови в догорающий огонь. Он зашипел и погас.

— Не двигайтесь, — предупредила Магда.

Она встала напротив мужчин, топнула ногой, потом присела на корточки и ножом вырезала в земле круг. Шагнула. Вырезала такие же круги вокруг своих товарищей. Потом — ещё четыре пустых круга, в центр каждой поставила по фигурке. Вытерла нож прямо о свою одежду.

— Вир, — коснулась она одной из них. — Виль. Магда. Арне.

О фигурку, названную Арне, она вытерла раненную руку.

— Именем своим ты мне клялся, — прошептала она. — Кровью своей я тебя связываю. Будь здесь, со мной, так же, как был со мной прежде. Жди здесь.

— Эй, Маглейн, — подал голос батрак. — А я думал, для этого не твоя кровь нужна, а того парнишки.

— Смотря для чего, — криво усмехнулась девушка. — Теперь идём. Когда вернёмся, завершим обряд.

— Нож верни, — напомнил батрак. — И голову поищи чем закутать, чтобы волосы не торчали.

— Тебе какая разница? — удивилась ведьма, но послушалась.

— Не мне, — ухмыльнулся батрак. — И смотри у меня. В замок будем входить, не рыпайся. Не спорь. Делай что я скажу. Если сорвёшь дело, тебе первый нож достанется, поняла?

— Что уж тут непонятного? — пробормотала девушка.

* * *

Когда они очутились под стенами, Магда поняла, почему Виль велел ей не спорить. Он не стал искать способов пробраться в замок окольным путём. Он потащил спутницу к самым воротам и постучал.

— Открывайте! — потребовал он, услышав изнутри оклик.

— Паук, ты, что ли? — послышалось из-за дверей. — Нагулялся? А девку куда дел?

— Да вот она. Пусти, говорю, нагулялись.

— Ишь ты! — загоготали изнутри, но ворота открыли. Магда поплотнее закуталась в тряпку, взятую вместо платка, и попыталась спрятаться за спину своего спутника, но он

втолкнул её внутрь. — Гляди-ка, стесняется! Понравилось, видать. Эй, милашка, как тебя зовут? Как ночка-то, хороша? А со мной завтра не прогуляешься?

— Свою милашку ищи, — в тон ему посоветовал батрак и сунул собеседнику тяжёлую золотую монету. — А эта со мной.

Он толкнул Магду в спину, понуждая её идти дальше, и пошёл следом за ней, не слушая уже шуточек охраны.

— Ты... — прошипела Магда, когда они отошли подальше.

— Не благодари, — засмеялся Виль. — Я им сказал, что девку напоил и прогуляться вывел. Мол, шумно в замке, да и святоши шастают.

— И они поверили?!

— За два золотых и не в то поверят. Думал, прикончить его, как назад пойду, чтобы не растрепал. Гляди-ка, Маглейн, ещё ничего не сделала, а уже чью-то жизнь спасла.

Магда не ответила. Её трясло. Батрак, по-хозяйски обняв за плечи, вёл её через двор замка, ни от кого не таясь и не скрываясь.

— Остановят — смотри в землю, — посоветовал он. — Глаза не поднимай, молчи, отвечай только если тебя спросят. И покороче.

Но их никто не остановил. Виль совершил почти невозможное — провёл недавно сбежавшую ведьму по полному людей двору осаждённого замка — и никто на них даже не обратил внимания. Батрак завёл ведьму за угол баронского дома, прижал её к стене, вынуждая спрятаться в тени. Сделал несколько шагов, что-то нашарил и поманил девушку к себе.

— Я лезу первым, — сообщил он. — Когда заберусь, обяжешься верёвкой, помогу забраться. И тихо. Поняла?

Магда молча кивнула. До сих пор ей не приходилось столько лазить, как в последние несколько дней, и она уже успела усвоить, что Виль, если ему не мешать, делает всё аккуратно и *правильно*. Но, когда батрак втолкнул её наверх, она всё-таки возмутилась.

— Нужник?! — выдохнула она, с отвращением морща нос.

— А ты много мест знаешь, под которыми никто гулять не будет? — хмыкнул Виль. — Пошли давай. Не заляпайся. И тихо. Тут недалеко.

Дом барона был выстроен из дерева, не из камня. Если на первом этаже был только большой зал, господская кухня и таблиний барона (с противоположной от кухни стороны), то второй и третий были разделены на множество мелких комнат. Второй — для барона, его семьи и гостей, третий — для многочисленной челяди. Обычно дом пустовал, но сейчас был наполнен голосами, криками, шагами... Здесь не поможет ни колдовство, ни хитрость: если им с Вилем кто-то повстречается, это верная смерть. Они забрались на второй этаж, прокрались до чёрной лестницы (Магде казалось, что её сердце колотится так, что его слышно даже снаружи замка), и по ней залезли на самый чердак, вернее, самый верхний этаж под крышей, где хранилась разная рухлядь.

— Его держали здесь, потому что на крышу отсюда не выбраться, а по коридорам — поди-ка пройди, — пояснил Виль. — Куда ни плюнь, в обход зала выхода нет.

— Ты же вылез, — напомнила ведьма.

— Так то я, — засмеялся батрак. — Ты вон как нос сморщила. Вон твой малец лежит.

Он зажёл висящий на стене тусклый светильник и Магда бросилась к лежащему на полу юноше. Он болезненно скорчился в луже крови и, казалось, уже не дышал.

— Он умер! — ахнула она, в гневе поворачиваясь к убийце.

— Не должен, поди, — засомневался батрак. — Небось сознание потерял, нежный слишком.

Магда осторожно ощупала раненого. Сердце билось.

— Ты... — прошипела девушка. — Ты за это ответишь.

— Гляди, как заговорила! — обиделся батрак. — То «Виль, помоги», а то ругаться!

— Ты убил его!

— Вперёд не будет под руку лезть, — ничуть не смутился Виль. — Тшш! Слышишь?

Магда ничего не слышала, но послушно замерла. Что-то зашуршало, и в бросаемых на стены бликах появился... появились...

— Кто это?! — ахнула девушка, уставившись в недоумении на незнакомого наёмника, которого тащил с собой оборотень. Руки его были связаны, ноги стреножены, как у лошади, рот закрыт кляпом, глаза выпучены от страха. — Зачем ты его привёл?!

— Он умирает, — кивнул оборотень на скрючившееся тело графского наследника. — Он не может разговаривать, а должен сделать выбор. Без его выбора ничего нельзя сделать.

— И что?!

— Когда я... умирал... — медленно проговорил оборотень, держа своего пленника за шиворот, — ведьма забрала мою боль. Ты сможешь это сделать?

— Да, смогу! — почти обиделась на это сомнение ведьма. — Но зачем тебе этот человек?

— Отдашь боль ему, — равнодушно пояснил оборотень.

— Что?!

— Тихо ты! — напомнил батрак. — Хорошо придумал, Серый. Давай, Маглейн. Или опять плясать надо?

Девушка попятилась.

— Я думала забрать боль сама, — тихо сказала она.

— Насмешила! — нетерпеливо отозвался батрак.

— Тогда ты не сможешь провести обряд, — пояснил оборотень. — Ты должна передать боль другому человеку.

— Но ему же будет больно! — не сдержалась ведьма, сама слыша, как по-детски это звучит.

— В том-то и смысл, — осклабился батрак.

Пленник бесполезно рванулся к выходу, но его удержала рука оборотня. Протестующе замычал, замотал головой.

— Он — враг, — жёстко произнёс оборотень. — Один из тех, кто резал моих людей. Даже тех, кто уже не мог держать оружие. Раненых, обессиленных! Он убил бы меня, не будь я так живуч! Поверь, той ночью я бы не колебался, отдавать ли ему свою боль.

Он разжал руку и пленник упал на колени. Магда перехватила его отчаянный взгляд и зажмурилась.

— Я не смогу! Это невозможно! Я не... Он живой человек! Я не могу! Это же злое колдовство!

— А ты кто? — картинно удивился батрак. — Ты у нас ведьма, вот и делай, что тебе положено.

Магда попятилась и затрясла головой.

— Ладно, — вдруг мирно сказал батрак. — Как скажешь, Маглейн. Пошли отсюда.

— Пошли?! А... А как же...

— А твой парнишка помрёт, — безмятежно заключил батрак.

— Нет, он не умрёт, я...

Девушка с мольбой посмотрела на оборотня.

— Поверь, я смогу! Тебе не надо...

— Не сможешь, — покачал головой оборотень.

— Маглейн, ты совсем рехнулась, — снова вмешался батрак. — У парня живот вспорот, с такой раной только лежать и скулить или вовсе в беспомощности валяться.

— Ты! — в озлоблении повернулась к нему девушка.

Это ты его так ранил, а теперь!..

— Ну, ранил, — пожал плечами батрак. — Какая теперь разница?

Оборотень шагнул к девушке, взял её за плечи и встряхнул.

— Выбирай, — предложил он. — Один из них сегодня умрёт. Кто? Твой рыцарь — или убийца без чести и совести?

— Умрёт?! — рванулась из его хватки ведьма.

— А ты думала, мы его оставим рассказывать, чем тут развлекались? — засмеялся батрак и оттащил отчаянно извивающегося пленника подальше от лестницы. — Решай, Маглейн. Он всё равно умрёт.

Пленник замотал головой, с надеждой глядя на девушку.

— Я не смогу, — запротестовала девушка.

— Сможешь, — жёстко ответил оборотень и толкнул её к безжизненному телу графского сына. — Смотри. Даже в забвении он страдает. И ты знаешь, что делать. Ты ведьма. Ну же!

Магда вздохнула. Это-то она знала прекрасно. Верена учила её и этому. Только никогда не предупредила, что это будет так... так... страшно? Так подло?..

Но, быть может, она всё-таки сможет... сможет...

Иногда выбор делается за тебя. Тебе придётся с этим жить дальше.

Она склонилась над бескровным лицом юноши. Ещё дышит. Ещё. Положила руки на виски, мягко надавила. Выровняла своё дыхание в такт с едва заметным дыханием умирающего.

— Ты клялся мне в верности, — напомнила она тихим шёпотом. — Твой меч, твоя рука, твоё сердце — мои. Ты мой. Приказываю тебе — отдай мне свою боль. Ты слаб. Ты ранен. Я сильнее. Я выдержу. Отдай... отдай... отдай...

Она наклонилась ниже и прижалась губами к губам. В этом поцелуе не было страсти. Только желание помочь. Ведьма пила боль, глоток за глотком, безбрежное море боли... остановилась тогда, когда поняла — больше не сможет. Больше не выдержит. Сглотнула.

И покатила по полу, зажимая руками живот, сдерживая крик — бесполезный, ненужный, опасный сейчас крик предсмертной муки. Это было больно. Это было нестерпимо. Невозможно.

Чьи-то руки — она не видела, не чувствовала, чьи, — подхватили её, толкнули дальше. К пленнику, чьего лица она так и не разглядела, чьего имени она не знала.

— Соберись, — приказал оборотень и прижал несчастного к полу, мешая тому увернуться.

Магда кое-как поднялась на четвереньки. Выше не получилось — мешала боль, то накачивающая так, что трудно было дышать, то мягко пульсирующая где-то внутри. Наклонилась над пленником.

Если бы она и не хотела бы этого — случилось. Тело отторгало боль, чужую, чуждую, ненастоящую, тело не хотело мучиться, тело не хотело страдать. Ведьма скорчилась над распростёртым на полу пленником — он уже не сопротивлялся, и почувствовала, как ей буквально тошнит, не едой, не желчью, не внутренностями, а чужой, не переваренной, не усвоенной болью. Мучительные спазмы сотрясали всё её существо, в глазах потемнело. Всё, что Магда могла сейчас сделать — не противиться, не сопротивляться, позволить случиться тому, что и так случилось...

Её стоны сменились приглушённым воем пленника. Оборотень шагнул, подхватывая её под мышки, и вздёрнул на ноги. Магда опёрлась на него, на мгновение забыв о том, кто он и что заставил её сделать. Тело ощущало такое же облегчение, которое бывает, когда тошнота и спазмы проходят. Разум был чист. Душа... душа содрогалась от ужаса. Перед ней был человек, который не причинил ей никакого зла. Ни в чём перед ней не повинный. Не вызвавший гнева. Он выл, отчаянно, надрывно, хоть и глухо из-за заткнувшего рот кляпа. Ему было больно. Эту боль вызвало её колдовство. Её злое колдовство. Этому учили в Бурой башне. Этому учила старая Верена. Но Магда всегда избегала таких поступков. Таких решений. И вот. Её руками. Её волей. Человек, который страдает потому, что она так захотела. Потому что никто не предупредил Виля об Арне. Только потому, что Магда согласилась просить за Нору. Только потому, что не хотела дать брату Флегонту победить барона Фирмина, своего отца. Только потому, что она убедила Аларда, что он приворожен. Только потому...

Грубый тычок в спину прервал её размышления.

— Займись делом, Маглейн, пока сюда никто не нагрязнул, — посоветовал батрак. — Парнишка твой никак не очухается.

Ведьма вздрогнула и послушно повернулась к раненому. Он лежал, немного расслабившись, но всё ещё недвижимый и безгласный. Сейчас не время было печалиться. Она сможет оплакать свою судьбу позже. Свои руки, на которых впервые появилась человеческая кровь.

— У тебя осталось моё зелье? — спросила девушка.

Батрак молча протянул ей флягу.

Магда села на пол возле своего рыцаря. Положила ладони на его виски.

— Арне! — тихонько позвала она. — Арне! Очнись, мой храбрый рыцарь!

За её спиной поперхнулся смехом батрак, но, к счастью, промолчал. Магда приподняла голову раненого и влила ему в рот несколько капель своего зелья.

— Очнись... — снова позвала она.

Арне открыл глаза, взгляделся в склонённое над ним лицо девушки, закрыл глаза и блаженно улыбнулся.

— Бертильда... — прошептал он.

— Арне! — снова позвала девушка и дала ему ещё глоток зелья. — Очнись!

Рыцарь открыл глаза, уже более осмысленные, чем прежде.

— Бертильда... Ты?.. здесь?.. Что?.. Как?..

Он попытался сесть, но девушка ему помешала. Рана никуда не делась и тревожить её не стоило. Ушла только боль и слабость, и то на время. Если пленник умрёт прежде, чем будет вылечен рыцарь, всё, что он сейчас чувствует, вернётся обратно.

И пройдёт через саму ведьму, причиняя ей невыносимые муки...

Взгляд юноши остановился на стоящих поодаль мужчинах.

— Вир? — удивился Арне. Потом увидел Виля и взгляд его загорелся гневом. — Ты! Я тебя помню!..

— И тебе не хворать, твоя графская светлость, — отвесил издевательский поклон батрак.

Арне повернулся к своей даме.

— Бертильда... Я не понимаю... Ты... говорили, что ты ведьма... что тебя должны сжечь... я не мог... а потом... почти выбрался... но встретил... этого... этого...

Вир шагнул вперёд.

— Арне, послушай меня! — решительно произнёс он. — Ты ранен. Смертельно. Нора в безопасности. Клянусь тебе. А ты умираешь.

— Умираю? — не понял юноша. — Но я ничего не чувствую...

— Бертильда — ведьма, — пояснил оборотень, — она узнала, что ты в опасности и пробралась сюда. Она забрала твою боль, чтобы ты мог...

— Подготовиться к смерти, — сглотнул юноша. — Что ж... я... я готов... священник...

— погоди. послушай. Когда-то давным-давно я был сыном шателена Гандулы. Ты знаешь это?

— Ну да, — кивнул юноша. — И ты унаследовал эту должность после смерти твоего отца.

— Да. Но в той битве погиб не только отец. В той битве был смертельно ранен и я. Отец устроил волчью охоту после того как звери разорвали старика лесничего и его семью. Тот преследовал браконьеров и хищников, но они его осилили. Все думали — будет простая охота. Но это оказался первый в моей жизни бой. Он едва не стал последним. Звери дрались вперемешку с людьми, и каждый из них был сильнее и опаснее, чем обычный человек.

— Оборотни, — прошептал Арне.

— Да, — кивнул Вир. — Многие погибли. Люди отца смогли меня вытащить... но не смогли спасти. Я умирал... и умер бы. Но до рассвета в наш дом постучалась рыжая ведьма, у ног которой стоял огромный волк. Матери предложили выбор. Она согласилась. Выбор предложили мне. И я согласился. Теперь пришла пора выбирать тебе.

— Ты... ты оборотень?! Бертильда... что... что он говорит?..

— Он говорит правду, — тихо произнесла девушка. — Арне, послушай. Я пробралась сюда, чтобы тебя спасти. Ты ранен. Ты умираешь. Но ты можешь сделать выбор. Ты можешь жить.

— Я?! Сын графа Вилтина?! Стать тварью?! Бертильда, как ты могла?! Я предпочту смерть такому позору!

У Магды опустились руки. Она беспомощно оглянулась на спутников. Оборотень покачал головой.

— Выбор он должен сделать сам. Ни ты, ни я не вправе даже уговаривать.

Батрак хрипло засмеялся.

— Вот так-то, Маглейн. Вот они, твои добрые дела. Пошли отсюда, пока ещё не рассвело. Этому твоему ничем уже не поможешь.

Девушка сглотнула. Потеряно уставилась на свои руки.

Она убила человека. Просто так. Потому что ей этого хотелось. Убила... и... всё напрасно?!

Батрак взял ведьму за локоть, принуждая встать, и потащил к лестнице. Она не сопротивлялась. Всё было кончено.

— Вы... — с трудом выговорил юноша, — вы бросаете меня?!

— А ты чего хотел, графёныш? — искренне удивился батрак. — Ты же не хочешь помощи от всяких там тварей. Хочешь умереть. Ну, так мы пойдём, а тыдохни себе сколько влезет.

— Бертильда! — взмолился Арне. В его глазах впервые появился страх. — Не... не так... не хочу... один... останься... пусть... пусть позовут... священника... не хочу уйти так... останься...

Магда опустила взгляд. От одной мысли о том, о чём её просил Арне, сердце сжимал холод. Одно дело — рисковать ради жизни. Другое дело... Арне просил её умереть после него. Она слишком хорошо понимала, что второй раз *этого* не вынесет. Только что она уже умирала. Нет. Если бы это кому-то помогло... тогда... может быть... но... не так. Не ради смерти!

А вот батрак искренне разозлился.

— Вот ты как заговорил, твоя графская светлость! — тихо и яростно прошипел он. — Значит, мы тут будем тебе святошу искать, чтобы ты напоследок ему всё разболтал, а Маглеин тебя за ручку держать, так?! А потом, кто знает, может, мы даже посмотрим, как она весело горит! Ну уж не дождёшься!

— Бертильда... — недоумевающе захлопал глазами рыцарь. Он был страшно слаб от потери крови и недавней боли и с трудом мог соображать. — Что... что этот человек говорит?

— Я говорю, — не дал ведьме ответить батрак, — что Маглеин полезла сюда ради тебя. Кричала, что ты её рыцарь и она тебя не бросит. Её тут ждут, уж будь уверен. Чтобы попытать и сжечь живьём. Но нет. Она полезла. Так вот — не для того, чтобы ты сдох, держа её за руку!

— Оставь его, — покачал головой оборотень, подходя ближе. — Арне, прости нас, но священника мы привести не сможем. Это слишком опасно. Бертильду здесь ждёт смерть, и...

— Это правда? — перебил графский наследник, в упор уставившись на девушку.

Та внезапно смутилась, но кивнула. В пересказе это всё выглядело... как-то слишком похоже на сказки и песни, которыми она заслушивалась в детстве. Только там всё было наоборот. Там спасали девушку, а потом просили её руки.

— Ты... — она сглотнула, подбирая слова. — Ты был ранен из-за моей ошибки. Я не могла этого так оставить.

...я не хочу, чтобы ты умирал.

...ты клялся мне в верности, ты принадлежишь мне.

...я слишком многое отдала ради твоей жизни, чтобы сейчас отпустить.

Батрак нетерпеливо потянул ведьму прочь.

— Бертильда... — наконец выговорил рыцарь. — Ты станешь моей женой?

— Что?!

— Если я буду жить, — терпеливо повторил Арне, — ты станешь моей женой?

Батрак паскудно рассмеялся. Оборотень покачал головой. Магда оглянулась на них и поняла, что помощи не дожждётся.

— Сначала выживи, — суховати ответила она. — И спроси меня через год. Согласен?

Арне просиял.

— Согласен, — поспешно ответил он.

— Не зря святоши ведьм жгут, — издевательски сообщил батрак. — Гляди-ка — ради своей жизни не захотел, гнусные вы твари, а ради девки — ой, пожалуйста!

Магда покачала головой. Она видела взгляд своего рыцаря. Арне отчаянно не хотел умирать, боялся... да, это было бы страшно — медленное истечение жизни на холодном полу в одиночестве... вспомнил ли он те же сказки и песни? Был ли впечатлён подвигом, который ради него был проделан? Какая разница? Он будет жить. Всё будет не напрасно.

А за год многое может случиться...

— Помолчи, — потребовала она.

Батрак пожал плечами.

— Дальше уж вы сами, — заявил он. — Я в ваши обряды не лезу.

Магда кивнула — не то батраку, не то самой себе и шагнула к умирающему рыцарю. Встала над его головой, мягко опустилась на колени. Махнула рукой, приглашая оборотня занять своё место в ногах умирающего. Закрыла глаза, сосредотачиваясь.

Лес... обряд проводится в лесу... обряд скреплен кровью ведьмы. Обряд скреплен кровью.

Магда запрокинула голову и запела без слов, связывая место начала колдовства — там, в лесу, — с чердаком, где находилась сейчас. Пришло спокойствие.

Ведьма — посредник, — учили в Бурой башне. — Ведьма — граница. Ведьма стоит между людьми и вещным миром, в котором заперты их души. Там, где не помогает грубая сила, где не справляется разрушительная магия чёрных волшебников, ведьмы действуют хитростью, мягкостью, вкрадчиво проникая внутрь. Крепости берут изнутри. Ведьма проникает внутрь вещей, мира, законов природы — и открывает их.

Так учили в Бурой башне.

— Забудь то, чему тебя учили, — кашляла старая Верена. — Ты — ведьма, значит, тебе быть послом от людей к лесу, к реке, к полям, к лугам. Помни — ведьма хранит границу. Ведьма всегда спокойна. Поклоняйся луне. Поклоняйся звёздам. Кланяйся светлячкам и ночным огням. Проси лес впустить тебя. Проси лес раскрыть тебе тайны. Забудь любовь, ненависть, вражду и дружбу. Откинь жалость и злорадство. Перекрёсток принадлежит всем дорогам, но никуда не ведёт. Ось никогда не возвращается. Впусти в себя то, что должна. Откройся миру — и он поможет тебе. Забудь всё. Забудь. Забудь....

Магда запоздало поняла, что не смогла бы удержать в себе чужую боль: ведьмы так не делают. Ведьма — посредник, промежуточное звено. Взять — и тут же отдать. Точно так же ведьма не может быть счастлива или несчастна, но может принести и то, и другое.

Сейчас это не имело значения.

Магда протянула руку в сторону.

— Нож, — коротко бросила она.

Батрак что-то проворчал, но она не стала слушать и ждала, пока рука не ощутила знакомую тяжесть.

— Хороший нож... проводил... многих... многое... видел... — похвалила ведьма, едва ли слыша сама себя. То, что с ней творилось, не принадлежало этому миру.

Она ковырнула только-только начавшую заживать ранку, смочила виски умирающего собственной кровью.

— Бертильда, что ты дела?.. — начал было Арне, но она закрыла его рот вымазанными в крови пальцами.

— Ш-ш-ш... — ласково прошептала она. — Доверься мне.

Что он отвечал и отвечал ли — она уже не могла уловить. В ушах шумел ночной лес. Перед глазами было темно. Пахло листвой, травой, землёй, сталью и кровью.

Ведьма метнула нож ожидающему оборотню — метнула вслепую, не глядя и не раздумывая, как он будет его ловить. Оборотень опустился на колени напротив неё, освободил рану юноши от одежды.

— Во имя умершей луны, — нараспев заговорила девушка. — При луне юной, и при луне зрелой. И при старой, и при мёртвой — да свершится то, что свершается. Да откроются глаза, да изменится тело. Да свершится обмен, да будет подарен дар. Да будет он принят. Ты выбираешь жизнь. Жизнь выбирает тебя. Во имя умершей луны — в ожидании её рождения.

Оборотень полоснул себя ножом по руке, перехватил оружие, полоснул по другой. Глубоко, страшно, не давая ранам немедленно затянуться, как того требовала его природа. Ведьма, снова заведя песню без слов, сделала приглашающее движение — и кровь не хлынула, а потекла дугой, сперва поднимаясь, а потом медленно, под речитатив оборотня опускаясь в рану.

— Будь мне братом, — почти пел оборотень. — Будь мне сыном. Будь моим родичем. Кровью своей, жизнью своей, силой своей я делюсь. Во имя полной луны — и луны умершей, во имя молодой луны — и луны старой. Будь моей опорой, будь моей защитой, будь моим щитом, прикрой мне спину. Кровью своей, жизнью своей, силой своей я делюсь. Прими же мой дар. Смешай мою кровь со своей, мою силу, мою жизнь. Прими мой дар. Стань сильнее. Стань таким же, как я. Встань рядом со мной. Как готовится родиться луна — так и волк в тебе будет ждать своего часа. Как выходит она на небо — так и волк вырвется на свободу. Кровью своей, жизнью своей, силой своей я делюсь. Буду отцом тебе, буду братом, буду родичем. Буду твоим голосом в стае. Моя рука — над тобой, твоя спина прикрыта мной. В бою и в миру, всегда — наши следы лягут рядом. Принимаю тебя в стаю, мой младший брат. Живи. Живи. Живи!

Под его песню кровь пролилась в открытую рану. Пленник, про которого все почти забыли, завыл пуще прежнего: он принял на себя всю боль умирающего, всю муку превращения. Арне выгнулся на полу и бессильно упал. Вир завыл — громко, торжествующе, неспособный в это мгновение сдержаться — и откуда-то из леса раздался его же вой, колдовством пойманный и запертый на месте обряда.

Магда перестала петь, но ещё не открыла глаза. Её воля, связав два места проведения обряда, удерживала весь шум, все звуки там, в лесу. Отчаянно и безнадёжно, глухо сквозь кляп, выл пленник.

— Добейте его, — раздался холодный женский голос. Её голос. Голос ведьмы. — Он нам больше не нужен.

Мужчины переглянулись.

— Давно бы так, — обрадовался батрак и поспешил исполнить приказание, пока ведьма не одумается. Магда глубоко вздохнула, открыла глаза и осознала, что она только что сказала.

— Нет, нет, подожди, нельзя же!.. — запротестовала она, но было уже поздно. Девушка смертельно побледнела и отвернулась.

— Давно бы так, — поучительно повторил батрак. — Ну же, Маглеин, он с самого

начала был обречён. Пора уходить. Мы слишком шумим.

— Мы шумим в лесу, — безжизненным голосом пояснила ведьма.

— А этот? — кивнул батрак на тело пленника, которое он сноровисто освободил от верёвок и кляпа.

Магда сглотнула. Её мутило. Ведьма не знает жалости. Во власти своего колдовства она настолько... забылась? Потеряла себя? Что она?..

Только что всё было... правильно. И прекрасно. Перед её глазами сияли огни. Было только дело, которое надо сделать. То, для чего она запросила силы у леса. Человек, его жизнь и страдание... не значили ничего.

Только что.

Но не сейчас.

— Он... это был не его крик... он страдал вместо Арне, а Арне тоже «остался в лесу».

— И прекрасно. Хорошо поколдовала, Маглейн. Теперь — что?

Магда наклонилась. Светильник догорал, но сейчас, после обряда, она не нуждалась в его огне. Рана на животе Арне затянулась. Девушка поправила одежду и ласково потерла плечо юношу за плечо.

— Арне, — позвала она. — Очнись, мой верный рыцарь!

Юноша открыл глаза. Увидел Магду и расплылся в улыбке.

— Бертильда, — счастливо позвал он. — Я... я не умру?.. Я чувствую себя... как будто...

— Будто заново родился, — досказал за него оборотень и протянул руку. — Добро пожаловать в мир живых, младший брат.

Арне принял руку и старший оборотень рывком поднял его на ноги.

— Я... ты... как мне тебя теперь называть?

— Старший брат, — усмехнулся Вир, осматривая свои руки. Едва обряд закончился, страшные раны закрылись: на оборотнях всё заживает быстро. — Приведённый в стаю может звать того, кто подарил ему новую жизнь, отцом, дядькой или старшим братом. Я предпочитаю — старший брат. Я приведу тебя в стаю... позже. А сейчас нам пора. Паук?..

— Выведу я Маглейн, выведу, — проворчал батрак. — Сами не попадитесь.

— Нам всем надо появиться в лесу на месте обряда, — подала голос ведьма. Голос дрожал и с трудом слушался, подгибались ноги, но есть вещи, которые нельзя откладывать. — Закончить его и убрать следы.

— А я-то отдохнуть собирался, — картинно вздохнул батрак. — Мы всё ещё «шумим в лесу»?

— Да, но утром это закончится.

Она попыталась отстраниться от убийцы, но тот снова схватил её за локоть.

— Мы уходим сейчас, — коротко бросил он. — Вы — позже и своей дорогой.

Арне завороченно оглядывался по чердаку. Ноздри его раздувались.

— Почему тут так пахнет? — рассеянно спросил он.

— Как? — не поняла ведьма.

— Вкусно...

Магду замутило ещё сильнее.

— Потом объясню, — посулил старший оборотень.

— Уходим, — приказал батрак и потащил Магду к лестнице. — А то твой рыцарь нами позавтракает.

...В лесу догорал костёр... Магда смотрела в его тускнеющее пламя. Ещё ничего не закончилось. Ещё надо было спастись... выбираться... небо уже начало светлеть... скоро подоспеет посланная за Арне подмога... согласятся ли его нести лошади?.. как уйти подальше от замка ей самой?.. С другой стороны, теперь всё иначе... сила никуда не делась... хотя обряд и прошёл так, как надо.

Магда смотрела в тускнеющее пламя и старалась думать о простых вопросах. О том, что надо жить. Спасаться. Уходить. Прятаться. Выбираться. Что-то врать. Потом ещё и ещё.

В огне корчились ветки.

В огне корчилась её совесть.

Ничего не вернётся.

Ничего не станет как раньше.

Арне, стоящий рядом, поднял голову и принялся.

— Ха, — проговорил Вир, поведя головой в ту же сторону. — Сюда скачет большой отряд.

— Что? — непонимающе отозвалась Магда.

— Нора доскакала до Барберга, — предположил старший оборотень. — Теперь можно начинать осаду.

— Они легко возьмут замок, — отозвался батрак. — Там, как святоша ни ярился, порядка так и не завелось. Не буду, пожалуй, туда возвращаться. Эх! А я думал, успею ещё пограбить... именем молодого Дюка... всё-то ты, Маглейн, норовишь испортить.

Арне покосился на него с отвращением.

Магда не ответила. Она смотрела в костёр, где истлевала её совесть.

Она убила человека. Её руки в крови. Это не смыть, не загладить и не исправить.

Ничего никогда не станет как прежде.

Ведьма. Проклятая. Во веки веков — проклятая и не будет прощения.

История последняя, заключительная

Встреча проклятых

Вейма боязливо жалась к мужу. Она не хотела сюда приходить. Никогда. И особенно — сегодня. Летнее солнцестояние. Самая короткая ночь в году. *Встреча* — впервые за несколько лет — *встреча проклятых*. Та самая, на которой решается, кому жить, а кому умереть. Та самая, которой она так долго избегала. И где! В развалинах Гандулы, замка старого Дюка, где так долго сидела — пила, ела, грабила, веселилась — армия самозванца.

Вейма многое начала понимать, узнав, где проходит *встреча*, где проходили все встречи проклятых с того самого дня, когда, давным-давно, бароны казнили Ублюдка и разрушили замок, который для них символизировал единую власть в стране. В этом было что-то... издевательское.

Дома, в Фирмине, всё только-только наладилось. Как и предсказывал Виль-батрак, как и надеялись верные барону люди, без заложницы они быстро захватили Ордулу, а кое-как собранные самозванцем банды не смогли им ничего противопоставить. Всё закончилось... просто. Но ни самозванца, ни брата Флегонта захватить не удалось. Все братья-заступники ушли, исчезли, едва гарнизон объявил о сдаче. Теперь в орден написано гневное письмо с перечислениями всех вин старшего баронского сына и по всей стране ездили отряды, надеясь поймать несчастного олуха, самозваного Дюка Корбиниана. Удастся ли им это? Вейма не знала. Да и не хотела думать.

Всё кончилось и кончилось благополучно. К Магде вернулась колдовская сила, виноградарь Йаган вернулся к себе. Люди Флегонта спалили его хижину, но не догадались тронуть виноградник, так что этот человек остался счастлив.

Нора...

Вейма просила барона отпустить её с должности наставницы, советницы и придворной дамы его дочери. Она не смогла её защитить, не смогла воспитать и — не могла доверять. Больше. Если вы один раз получили удар в спину, вы не повернётесь больше к тому, кто его нанёс. Но барон отказал. Он приставил к дочери охрану, способную защитить или удержать строптивую девчонку, и настаивал, что обучение Норы ещё не закончено.

Все говорили о храбрости баронской дочери, сумевшей выбраться из вражеского плена. Никто не говорил о её глупости. Арне, мелькавший в воспоминаниях девушки где-то рядом, с мечом и криками о чести и защите дамы, отводил взгляд. Ему не стали менять память. Вейма хотела бы знать, чего он больше стыдился — того, что на самом деле не пытался помочь сестре по несчастью или того, что она приписывает себе чужие заслуги. Но смотреть ему в глаза, чтобы найти ответ, она не стала.

Одно время поговаривали о том, что между Норой и Арне будет заключена помолвка. Но этого так и не случилось. Немногие знали — почему.

Сейчас Арне шёл с ними, вернее — с Виром, своим *старшим братом* в стае оборотней. Шёл, чтобы быть представленным и принятым. Он рассеянно вертел головой по сторонам, прислушиваясь и приносясь к происходящему. Вир начал учить его быть и человеком, и волком в обоих телах, но новые ощущения пока сбивали юношу с толку.

— Я не хочу идти, — пробормотала девушка, когда они начали подниматься на холм.

Вир поймал её за руку и нежно пожал.

— Я могу защитить тебя от чего угодно, — обещал он.

— Я не хочу идти, — повторила Вейма.

* * *

Встреча проходила с размахом. Не только вершина холма, где стояли развалины, но и склоны были заняты всё прибывающими проклятыми. Звенели струны лютней, арф, виуэл, дудели рога, трубы, заливались дудки, стучали тимпаны. Пели — без слов и со словами, красивые песни про колдовство и похабные про кого угодно. Половина проклятых обнажилась — до пояса, ниже пояса или целиком, кто-то ходил верх ногами, на руках, кто-то скакал козлом, а кто-то передвигался ползком, почему-то радостно повизгивая. Гвалт, шум, гам, вой раздавались на всю округу.

— Сегодня это безопасно, — пояснил Вир. — Тут пусто, нас никто не услышит. Люди ближайшей деревни привыкли, что раз в году здесь становится... шумно... Но даже и они ещё не вернулись в покинутые дома.

Арне не ответил. Его ноздри трепетали, впитывая тревожные ночные запахи. Вейма прижала руки к вискам. *Музыка проклятых*. Чудовищная какофония звуков складывалась в свою, нечеловеческую, чуждую разуму гармонию хаоса и звучала, казалось, в самой земле. В камнях, в деревьях. В костях. Она завораживала. Лишала воли и разума.

К ним кто-то подскочил — в чёрном плаще поверх обнажённого тела, лицо закрыто низко надвинутым капюшоном.

— Глашатай, — пояснил Вир обомлевшему при виде такого Арне.

— Тебя ждали, Серый из Гандулы! — проскрипел глашатай, подскакивая на месте. — Пришла пора держать ответ. Тебе и твоей спутнице. Этого, второго я не знаю.

— Я вернул Гандулу прозревшим, — спокойно ответил Вир. — Я помог опозорить братьев-заступников. Со мной брат, которого я представлю стае и только стая решит его судьбу. И — моя жена. Она под моей защитой, оскорбление, которое наносится ей, наносится мне, вред, причинённый ей, причиняется мне, угрозы, обращённые к ней...

— Не трудись! — перебил его глашатай, подпрыгнул и сделал кульбит. — Ты говоришь — жена, но прозревшие не заключают браки. И она принадлежит *клану*, а не стае.

— Я буду говорить за неё, — твёрдо ответил Вир.

— Тогда иди за мной, — велел глашатай, сделав ещё один кульбит. — Сейчас *клан* решает судьбу отступников. Её ждут среди них.

Он боком запрыгал по склону, странно подбрасывая зад на каждом прыжке. Отдалившись от них, он оглянулся и издал досадливое блеяние.

— Идём, — сказал Вир и почти силой потащил жену за глашатаем.

* * *

Глашатай привёл их к западному пролому в стене. От Гандулы мало что сохранилось. Богатый дом Старого Дюка, как и донжон, были каменными лишь снизу, сверху выстроены из дерева. Что могло гореть — давно сгорело. Что не могло... Местность была ровная, даже холм, на котором стоял замок, был когда-то давно насыпан далёким предком Старого Дюка (вернее, согнанными его людьми пленниками), и бросить просто так прорву хорошего камня

жители окрестных деревень никак не могли. Теперь любой, навестивший старые развалины, мог убедиться, что люди куда разрушительнее пожара. Потихоньку начали разбирать и стену, но почему-то каждый раз опускались руки. И старая кузня, в отличие от других строений, тоже каменная, избежала общей участи. Вир не знал, зачем кузня понадобилась прозревшим, ну, а стены-то точно были зачарованы от разрушения жадными человеческими руками. Проводить *встречи* на открытом ветру никому не хотелось.

Возле западного пролома был огорожен полукруг — натянули брошенную самозванцем ткань от шатров. Установили там даже скамьи для судей — одну для представителей *клана*, другую — для гостей из общины, третью — для кого-то из стаи и четвёртую — для *общих старших братьев*, тех, кто не только принял высшее посвящение, но и далеко ушёл по пути *прозрения*. Тех, кто определял, что может послужить делу *Освобождения*. Чёрных волшебников сюда не позвали, они вообще не нуждались ни в какой организации, ибо, в отличие от оборотней, вампиров и ведьм с колдунами, не нуждались каждый в обособленных от собратьев владениях. Если же между ними и возникали ссоры, то решались они через суждение *общих старших братьев*.

Вейма хотела упереться, но драться прилюдно с мужем не хотела, да и... всё было закончено. Судьбу отступников решали или смертью или *особым посвящением*, которое превращало вампиров в бездушных чудовищ, полностью подчиняющихся своему учителю.

— Просто верь мне, — шепнул Вир, твёрдой рукой подводя жену к месту, указанному глашатаем. Тот сделал на прощание ещё один кульбит и упрыгал вниз по склону. Перед скамейками судей (три представителя клана. Остальных по двое) стоял старый Ватар, учитель Веймы. Возле него, понурившись, ковырял башмаком землю Липп.

— Итак, вы пришли, — встал один из *общих старших братьев*. Были они в серых балахонах, закрывающих лица и пахло от них — усталым равнодушием. — Начнём. Приблизим *Освобождение*, братья и сёстры! Вампиры Вейма и Липп! По воле Освободителя своим учителем вы предназначены были на то, чтобы, пройдя высшее посвящение кровью, пить кровь *слепых*, лишая их надежды на помощь Надзирателя, которого они зовут Заступником, и постепенно, отрекаясь от соблазнов этого мира, готовились к тому, чтобы нести *слепым* малое посвящение. Вы же отреклись от своей пищи, вмешивались в дела *слепых*, порождали в них надежду и позорили свой *клан*. Вы виновны и должны оставить этот мир, чтобы, родившись снова, исправить свои ошибки.

Это означало — смерть. Липп сглотнул. Вейма смотрела в пол.

Она всегда знала, что появление на *встречи* означает смерть.

— Я отрекаюсь от таких учеников, — поспешно сказал старый Ватар. — Я возлагал на них много надежд, но они предали меня.

— Итак — смерть, — торжественно заключил *общий старший брат*.

— Эй! — завопил Липп, который, кажется, решил, что терять ему больше нечего. — Так нечестно! Вы даже не стали меня слушать!

— Твои слова не имеют значения, — холодно возразил судья. — Ты не имеешь права голоса, а твой учитель не выступит твоим поручителем. Итак...

— Я хочу выступить обвинителем, — вмешался Вир, который до того стоял поодаль. Арне так и остался топтаться за пределами полукруга, не решаясь ни уйти, ни войти внутрь.

— Обоих? — деловито уточнил судья.

— Нет. Её, — кивнул оборотень на жену. Она отвернулась. Прочитать мужа ей удавалось не всякий раз.

Просто верь...

— Ты называл её своей женой... — медленно произнёс судья.

— Да, — кивнул оборотень, выходя на середину. — И я обвиняю вампира Вейму в том, что, будучи моей женой, она покинула мой дом и так и не вернулась, хотя я давал ей и время одуматься, и возможность признать свою ошибку.

— Что?! — завопила, не сдержавшись, возмущённая обвинением вампирша. Ватар её толкнул, и она упала на землю, разъярённо шипя от напрасной злости.

— И я обвиняю её же, что, ещё до того, как стать моей женой, она охотилась в моих владениях, не спросив моего разрешения и нарушая обещания, которые давались мне *кланом*. Я требую возмещения!

Повисло озадаченное молчание.

— Она умрёт, — произнесла одетое в чёрное платье худошавая представительница *клана*. — Чего ты ещё хочешь?

— Я шателен Гандулы, — напомнил Вир. — Я храню это место в развалинах для наших *встреч*. Я обладаю влиянием на баронов, мешая им объединиться против нас. Я участвовал в осаде Ордулы, что привело к крушению планов братьев-заступников объединить страну и ввести единый закон против нас.

— Мы знаем твои заслуги, — нетерпеливо перебил стоящий перед всеми судья. — О чём ты просишь?

— Её, — просто ответил Вир. — Она принадлежит мне, такое возмещение я назначил за её преступление. Она сбежала. Я требую вернуть её мне, а не отдать смерти.

Вейма оскалилась. Её... *муж*... что-то задумал, но, к чему бы он ни вёл, *сейчас* он требовал её унижения.

— Дочери *клана* не продаются! — разозлилась, вскакивая на ноги, представительница *клана*. Её товарищ потянул её за руку, пытаясь усадить, но она вырвалась и оскалила зубы. Вампиры всегда с трудом терпели друг друга. Могла случиться драка, но за вторую руку её ухватила другая вампирша, пухленькая, в мужской крестьянской одежде. — Она виновна! Убейте её! Но нельзя отдавать вампиров в рабство этим... этим... этим псам!

— Это не рабство, — скрестил руки на груди оборотень. — Я установил наказание, она приняла его. Мне не нужна служанка, мне нужна жена.

— Женятся, чтобы иметь детей, — напомнил крепкий седой оборотень, с интересом приноживающийся к топтавшемуся у входа Арне. — Вампиры же бесплодны.

Вир пожал плечами.

— Я привёл в стаю нового сына. У него будут дети.

— Я не спрашиваю о твоих заслугах перед *стаей*, — с обманчивой мягкостью возразил седой. — Я говорю, что вампиры не годятся в жёны.

— Не годятся?! — разъярилась одетая в чёрное вампирша. — Это ваши псы недостойны наших дочерей!

Кто-то тихо рассмеялся. Вейма, скорчившаяся у ног своего учителя, продолжала злобно шипеть. Липп топтался с ноги на ногу. Бежать ему было некуда, но очень хотелось.

Остальные переглянулись. Почти одинаковыми движениями пожали плечами.

— Твоя просьба нелепа, — решил судья, — и ты слишком предан миру, раз просишь о жене.

— В самом деле, — нагло ответил молодой оборотень, — слишком предан... Что же... я вернусь в *стаю*, сменю облик, покину Корбиниан, сложу с себя заботу о Гандуле...

— Ты что же, нам угрожаешь?! — вскипел судья, впервые проявивший хоть какие-то чувства.

— Эта женщина — моя, — вместо ответа заявил оборотень. — И в тех делах, которыми я занимаюсь, никто не может меня принудить, ибо они включают в себя службу баронам и выполнение их заданий и прихотей, они опасны и за иное я чуть не поплатился жизнью.

Судьи снова переглянулись. Снова пожали плечами.

— Твоя просьба нелепа, но в ней нет ничего дурного, — решил стоящий перед всеми судья. — Но ты должен дать клятву, что после тебя шателеном станет один из нас, из прозревших. Твой родич по крови или по духу, и он будет блюсти это место для нас, как делаешь это ты.

— Я позабочусь об этом, — пообещал Вир. — Клянусь.

— Что ж, — решил судья. Одетая в чёрное вампирша прошипела какое-то ругательство, но товарищи её заставили промолчать. — Забирай эту женщину. Учитель отрёкся от неё, значит, она не принадлежит более *клану*, и теперь она будет только твоей.

Он кивнул. Старый Ватар наклонился, взял свою бывшую ученицу за шиворот, как котёнка, и бросил к ногам оборотня. Вир тоже кивнул.

— Я принимаю её, — произнёс он и поднял жену, всё ещё дрожащую от злости и запоздалого ужаса, с земли.

— Эй, так нечестно! — закричал Липп, который завистливыми глазами провожал отделившуюся от суда сестру по несчастью. — Я тоже помогал! Ему помогал! И ей! Затем, чтобы с осадой помочь! И против братьев-заступников! Так нечестно! Я не виноват, что меня поймала белая волшебница! Это не я подстроил!!!

Снова повисла тишина. На этот раз — выжидательная. Вейма не выдержала, бросила на собрата по несчастью злой и укоризненный взгляд. Вир положил ей руки на плечи, пытаясь успокоить, помешать вмешиваться, но было поздно. Липп только больше разошёлся.

— Да! — завопил он. — Белая волшебница! Её привела ведьма Магда! Она напала на меня, чтобы помешать мне пить кровь *слепых*! Чтобы я не мог следовать своему долгу! Она жена чёрного волшебника! Они нарочно! Сговорились! Волшебники и колдуны всегда были против нас! Это заговор! Я точно знаю!

— Заткнись, — негромко произнёс старый Ватар и Липп вынужденно умолк.

— О чём он говорит? — спросил один из сидящих на скамейке *общих старших братьев*. — Что же белая волшебница, жена чёрного?

— Среди учеников Чёрной башни есть только один, кто решился на такой позорящий шаг, юный Лонгин, — ответил ему второй. Судя по всему, он был не только высшим посвящённым, но и чёрным волшебником, что встречается очень редко.

— Так его надо позвать сюда, — предложил представитель *клана*. — Пусть ответит за свою жену.

— Не надо меня звать, — с благодушной улыбкой произнёс Лонгин, откидывая матерчатую стену и подходя к судилищу. — О чём у вас речь? Моя жена ведёт себя как положено белой волшебнице? Да-да-да, это прискорбно. Я прекрасно помню тот день. Представляете, просыпаюсь утром — жена сбежала, еды в доме нет, свежей одежды нет... сел было корпеть над своими вычислениями — так ведь чёрная магия на голодный желудок не идёт! Пришлось бегать, искать, возвращать... И всё из-за какого-то мелкого кровососа!

— Ты смеёшься над нами? — раздражённо спросил стоящий судья. — Твои мирские хлопоты нас не касаются! Ты женился на белой волшебнице, что позорит всех нас, так

призови её к ответу властью мужа или уничтожь, пока это не сделали наши братья!

— Да, — покивал волшебник, скрипнув зубами. — Вы правы. Такая жена ужасно мешает работе. Представьте только, именно в тот день я придумал, как разложить пространство по семи планетам... и мне пришлось отвлечься от моих вычислений! А ведь на следующий день звёздное небо уже изменилось!

И снова тишина. На сей раз какая-то... испуганная.

— А если разложить... пространство... — осторожно, с трудом подбирая слова, произнёс седой оборотень, — то что?..

— Ну... — беспечно протянул волшебник. — Я над этим особо не работал... больше интересовало воплощение, к тому же здесь встаёт вопрос возможности дугообразного преломления магической силы под воздействием высвобождающейся искры *материи*... я думаю, можно с уверенностью утверждать...

— Ты хочешь разрушить мир? — потрясённо перебил его Липп, который хотя бы понимал произносимые волшебником слова.

— Мир? — удивился Лонгин? — Ах, это... Да, полагаю, при высвобождении искры *материи* вещественная оболочка предметов придёт в негодность... Но я практически доказал, что *идеи* предметов останутся на своих местах, в своём очищенном от всего *материального* виде. Осталось провести натурный эксперимент... Вот только жена почему-то против... она утверждает (я пока не могу её опровергнуть), что души не вернутся в эфир, а будут парить всё там же, рядом с *идеями* предметов, которыми пользовались при жизни... Так что вы говорили на тему уничтожить жену? Я полагаю, что тогда мог бы приступить к натурным изысканиям... Мы приблизим *Освобождение* не на словах, а на деле!

Судьи переглянулись. Одета в чёрное вампирша даже привстала, чтобы проверить, чем пахнет от молодого наглеца, но от него доносился только запах интереса и уверенности. Она покачала головой и все снова переглянулись, на этот раз с откровенным страхом. Одно дело — говорить об *Освобождении*, зная, что оно невозможно, не сейчас, не при их жизни. А другое — разрешить мальчишке уничтожить мир как надоевшую игрушку.

...и их души будут вечно висеть в пустоте, привязанные к обломкам мира...

— В этом нет необходимости, — отозвался стоящий судья. — Пока ты не проработаешь все... эээ... случайности.

— Я так и думал, — кивнул волшебник и исчез во вспышке чего-то, похожего на свет, но только чёрного цвета.

— Эй! — подал голос Липп. — Так я говорю, я не виноват! А теперь я снял с себя её чары и снова готов к выполнению долга!

— Снял он, — еле слышно фыркнула Вейма.

— Я мог бы взять его снова, — подумав, предложил старый Ватар. — Если мой ученик выдержал белую магию... это кое-что меняет...

— Ведьма Магда, ты говоришь? — нахмурился молодой колдун, который присутствовал на суде от ведьминской общины.

Это было даже забавно: в Бурой башне учатся всё больше девушки, но общину на *встречах* представляют всё больше мужчины. Магда когда-то говорила, что ведьмам это просто... неинтересно. Они крепче, чем мужчины, сродняются со своей землёй и потом просто не интересуются общиной — лишь бы к ним не лезли.

— Она не ходила на последнюю *встречу*, — припомнил его товарищ — худощавый мужчина неопределённого возраста, у которого на голове вместо волос рос бледноватый

мох.

Вейма протестующе рванулась, но Вир её удержал, развернул к себе лицом, прижал, утыкая лицом в плечо.

Молодой колдун опасливо подошёл к вампирам, они обменялись несколькими тихими словами. С такого расстояния Вейма могла бы расслышать, но всё заглушал размеренный стук сердца любимого мужчины.

— Принеси её сюда, — велела худая вампирша. — И когда она ответит на суде за свои дела и подтвердит, что её происками ты попался белой волшебнице, ты будешь прощён и возвращён наставнику.

* * *

Раздавлив темную каплю, чтобы поэффектней обставить своё исчезновение, Лонгин вовсе не отправился домой и даже не думал присоединиться к общему веселью. Он опрометью бросился вокруг вершины холма, мимо веселящихся прозревших, которые пили *хорошее* вино огромными кружками и вот-вот собирались перейти к удовольствиям плоти, которая, как известно, только посредник для единения духа. Мимо оборотней, катающихся по падали, словно обычные деревенские шавки. Мимо кучки вампиров, вместе выпивающих до дна пойманную где-то перепуганную девчонку. Мимо колдунов, спорящих о том, можно ли превратить человека в дерево и если можно, то надо ли поливать корни кровью, а если надо, то какой. Мимо, мимо, мимо...

— Паук! — закричал он, найдя, наконец, невзрачного крестьянина в залатанной одежде. — Ты-то мне и нужен.

— А! — окинул его взглядом батрак и приложился к булькающей фляге. — Я тебя знаю, ты у нас жену свою искал. Нашёл, небось?

— Нашёл, неважно. Слушай. Сейчас судят отступников. С западной стороны. Иди туда.

— Мне-то зачем? — не понял убийца. — Я ж не отступник.

— Проклятие! У меня нет времени! Слушай. Иди туда. Тебя спросят про ведьму Магду.

— А, Маглеин! — слегка оживился батрак. — Знаю её. Тебе-то что? Ты ж вроде на другой женат. Вспомнил я жену твою. Ох, и навредила она мне, ох, и навредила...

Лонгин понял, что убийца пьян.

— Послушай, — нетерпеливо потребовал он. — Тебя спросят про Магду. Говори что хочешь, но тyani время. Слышишь?

— Слышу, — лениво отозвался батрак. — А мне-то с того что будет?

Лонгин снова выругался, порылся за пазухой и кинул батраку кошель, тяжело звякнувший в руках.

— Потом ещё получишь, — посулил он. — Только сделай как я сказал, слышишь?!

Батрак взвесил кошель.

— Тебе-то что за дело?

— Жена предсказала, — помедлив, признался волшебник.

Батрак похабно заухмылялся.

— Тебе смешно, а мне хоть домой не возвращайся, — разозлился волшебник. — Словом, тyani время как можешь дольше, слышишь?

— Да уж как не слышать-то, а, не глухой, чай, — хмыкнул батрак и побрёл в сторону

судилища.

Лонгин же помчался дальше — туда, где у подножья холма он оставил своего бешеного коня. Ему надо было спешить.

* * *

Магда на *встречу* не собиралась. Не такой уж она была дурой, и говорить за неё было некому. Она сидела у себя дома. Люди Флегонта не стали его жечь — они установили здесь засаду, надеясь, что ведьма вернётся сюда за своим добром. То, что здесь тайком побывала вампирша, они не поняли.

Прибраться в доме требовало труда, но как раз к ночи накануне солнцестояния всё было закончено. Спать ведьма не ложилась. Она окружила свой дом самыми сильными заклинаниями, которые только знала, окурила волшебными травами, зашептала углы, окна, крышу... Магда знала: в эту ночь, единственную ночь в году — она в опасности. Магда знала — община не простит ей потери силы. Община не простит ей ничего. У проклятых это не принято — прощать.

Ночь ещё не перевалила за середину, когда в ставню постучали. Магда покачала головой и зашептала новое заклинание. Кто бы ни хотел её видеть, этой ночью она не выглянет ни в окно, ни за дверь.

— Магда, — проникновенно позвал знакомый голос.

— Поди прочь, — процедила сквозь зубы ведьма, узнав вампира. — Я расплатилась с тобой сполна. Поди прочь.

— Открой мне, — снова позвал Липп. — Приблизим *Освобождение*, сестра.

Ведьма не собиралась двигаться с места. Не собиралась подходить к двери. Так от чего же она шагнула к ней и откинула щеколду?

— Приблизим *Освобождение*, брат, — неуверенно согласилась она.

Вампир шагнул через порог и огляделся.

— Уютно тут у тебя, — хмыкнул он, оглядывая кухню изучающим взглядом и шурясь на зажжённые свечи. Огня в очаге этой ночью ведьма не разводила. — Не то что в Гандуле... ты знала, что там *встречи* проводятся? Вир, оказывается, хитрец... хитрил, мудрил, но всё-таки Вейму выкупил. Там сейчас шумно...

Липп присел на скамью, потянулся и лениво зевнул.

— Хорошо тут у тебя, — подытожил он.

— А ты прямиком со встречи? — уточнила Магда.

— Ну да. Нас там с Веймой судили... тебя тоже, к слову.

— Судили?! — насторожилась Магда.

— Ну да. Нас к смерти приговорили, про тебя думают пока...

Он перехватил испуганный взгляд Магды и снисходительно объяснил:

— Говорю тебе, Вейму муж выкупил. А за меня вот заступиться было некому...

— Что же ты тут тогда делаешь? — усмехнулась Магда. — Как отоврался?

— Да так... — неопределённо бросил вампир и поднялся на ноги.

Магда перехватила его взгляд и собралась было попятиться, но передумала. Был Липп на удивление расслаблен, спокоен и как-то даже едва ли не счастлив.

— Тебе Вейма рассказывала когда-нибудь историю про скорпиона, который просил

лошадь перевезти его через реку? — как бы невзначай спросил Липп и сделал шаг вперёд.

— Что-то говорила, — удивилась вопросу ведьма. — Он, вроде бы обещал не кусаться, но не сдержал слова.

— И сказал: сожалею, но такова моя природа, — подхватил вампир.

— Глупая история, — хмыкнула ведьма.

— Не скажи, — покачал головой Липп. Он поднял руку — и все свечи погасли. Сделал манящий жест — и ведьма без колебаний шагнула вперёд, прямо в его объятия.

— Сожалею, — холодно усмехнулся вампир. — Но такова моя природа.

* * *

...когда с чёрного коня спрыгнул запыхавшийся всадник, свечи ещё были тёплыми, но ни вампира, ни ведьмы в доме уже не было...

* * *

...потом, ещё много лет спустя, весь Латгавальд шептался, мол, знахарь-то у них по всей стране известен, у него даже чёрные волшебники зубы лечат — ибо помнили, как в одну неласковую ночь носился на бешеном чёрном коне разозлённый маг и угрожал отправить всю деревню в преисподнюю, если ему сейчас же не покажут дом знахаря, и к ведьме ехать наотрез отказывался. Повстречав же знахаря, норв поумерил, соскочил с коня и шепнул знахарю несколько слов, после чего уже без крика последовал за мрачным Исваром в его хижину. Что там у них было — знахарь не рассказывал, но только с тех пор нет-нет, а поставит на стол в кабаке не тавлею, а такую причудливую доску, что непонятно, как и смотреть на неё, не то что играть на ней.

* * *

Магда не помнила пути до Гандулы, за что она могла бы быть благодарна Липпу... если бы он не принёс её умирать.

За то время, которое ему потребовалось на дорогу, судилище изменилось. Ушли оборотни, забрав с собой Вира, Вейму и Арне, ушли вампирши, отправившись отведать припасённое для них учениками блюдо, зато скамью, где прежде сидели представители стаи, заняли, сдвинув ближе к товарищам, два пожилых колдуна и старая совсем ветхая старуха — одна из главных наставниц в Бурой башне.

Липп отпустил Магду и велел ей проснуться. Старый Ватар переглянулся с оставшимся судьёй-вампиром. Тот кивнул. Они оба вопросительно посмотрели на старуху.

— Что-то они без нас решили, сестричка, — еле слышно шепнул на ухо Магде Липп.

— *Книгу!* — коротко потребовала наставница. Магда знала её, но никогда у ней не училась, та принимала только избранных, выбирая по непонятным никому правилам. От этого простого приказа всё внутри у девушки похолодело, хотя, казалось бы, какая теперь разница...

Книга — та самая тетрадь в красном переплёте, в которую Магда плескала провидческим зельем тогда, незадолго до полнолуния.

...целую жизнь назад...

Любой брат-заступник был бы счастлив поймать ведьму с *книгой*, ведь в ней сами собой появляются записи обо всех сотворённых ведьмой чарах, обо всех её делах и поступках, обо всех клятвах, которые она дала — и обо всех, которые преступила. По таким книгам старые ведьмы учат молодых. И ещё в Башне, из поколения в поколение учениц и учеников передаётся самое главное тайное знание: как заставить книгу записывать только то, что не стыдно будет потом показать на *встрече*. Дурные дела, вред, причинённый *слепым*, обман, сотворённый с именем Заступника — Надзирателя — на устах... Всё, что может отвернуть души людей от Создателя и повернуть к единственному, к последнему другу всех, на горе рождённых в мире, — к Освободителю. Всё, за что на *встрече* похвалят. Не те мгновения слабости, которые случаются даже с лучшими из прозревших. И Магда частенько обновляла эти чары, да вот беда — едва она лишилась силы, *книга* исчезла. А когда силы вернулись...

Под строгим взглядом наставницы Магда запустила руку за пазуху. *Книга* — не совсем *материальный* предмет, она создана колдовством и чарами и она не может не быть под рукой... Пальцы девушки нащупали крошечную тетрадку, которая выросла в руках, едва была извлечена наружу.

Когда силы вернулись, *книга* заново создалась, и это означало верную смерть, потому что новую книгу Магда не зачаровывала. Даже не знала, что могло там оказаться: вся её жизнь или только то, что произошло после возвращения сил.

Старая ведьма — её звали Ульберга, вспомнила девушка, — нетерпеливо щёлкнула пальцами. Молодой колдун — его Магда не знала, — подскочил, отнял *книгу* и протянул наставнице с низким поклоном.

— Он её боится, — тихонько хмыкнул Липп. — Даже стоять рядом боится.

Магда не ответила. Чары вампира больше не сковывали её, но и без них бежать было некуда. Её привели на встречу, она отступница. Она умрёт. Оставалось только принять смерть с достоинством, как подобает дочери рыцаря.

Наставница открыла книгу, перевернула несколько страниц и всмотрелась в неровные строчки. Пролистнула ещё несколько страниц. Перевела взгляд на стоящую перед ней девушку, потом на вампира за её спиной. Хмыкнула. Снова смерила их строгим взглядом.

— В самом деле... — медленно произнесла Ульберга, — этот милый мальчик и не думал отступать с нашего пути... Как интересно... Ватар, забирай его себе и научи никогда не переходить дорогу ведьмам. Он достаточно наказан.

Вампиры поспешно поклонились старухе, остальные прозревшие и не думали прекословить. Судья крутанулся на месте и улетел летучей мышью, Ватар по-человечески подошёл к ученику и, положив руку на плечо, повёл к выходу с места судилища. Магда поняла: они тоже боялись. Хотя и говорили, что ведьмы не способны причинить вред вампирам своим колдовством, за долгие годы Ульберга, видимо, научилась и не такому. Липп только успел повернуться и подмигнуть девушке, прежде чем его вытолкали вон. Магда нашла это подмигивание совершенно непристойным жестом — если учесть, что он выкупил свою жизнь, отдав её умирать.

...на этот раз никто не поможет...

— Ты, — ткнула пальцем перед собой Ульберга, — безмозглая девчонка! Ты осквернила обряд в честь Освободителя, ты привела на него служительницу белой магии!

Магда заставила себя прямо встретить взгляд старой ведьмы.

— Ты поставила нужды *слепых* выше прозревших! — продолжала та. — От твоих игр с белой магией пострадал не только вампир, нарушивший границы твоих владений, но и наш брат, Медный Паук, который...

— И-та я! — раздался пьяный голос и Виль ввалился в судилище, как будто стоял снаружи и устал ждать, пока его позовут. — Я! Я пострадал.

— Приблизим *Освобождение*, брат, — обратилась к нему Ульберга.

Виль вперил взгляд перед собой, отшатнулся, икнул, но ответил как положено:

— Жду *Освобождения*, сестра. Жду-не дождусь, давно уже...

— Раз ты здесь, — предложила старая ведьма, — расскажи нам, что случилось в это полнолуние, когда отступница привела на обряд белую волшебницу.

— О! — расплылся в улыбке батрак. — Белая волшебница... Та девка, которую Маглейн из лесу выкликала?.. Вот это женщина! Она... она...

Виль принялся рассказывать о том впечатлении, которое на него произвела Вириная, в подробностях останавливаясь на каждой привлекавшей его внимание части тела, и Магда невольно поразила его отваге. Говорить... думать *такое* о жене чёрного мага... Да Лонгин его разложит по семи планетам, двенадцати созвездиям и сотрёт в порошок!

А Виль болтал, как ни в чём ни бывало, нанизывая одно пьяное откровение на другое и ничуть не смущаясь вытягивающимися лицами собравшихся.

Ульберга топнула ногой и земля под ней содрогнулась.

— Пьяный дурак! Кого волнуют ей прелести! Тебя вызвали, чтобы ты рассказывал о Магде!

— А, Маглейн! — ещё больше обрадовался батрак и перевёл взгляд на девушку. — Так вот же она!

— Рассказывай! — нетерпеливо потребовала старуха.

Виль вгляделся в её лицо, словно пытаясь понять тайный смысл приказа.

— Маглейн, — повторил он имя молодой ведьмы и взмахом руки предложил все посмотреть самим. — Она тоже ничего. Такая... такая... ух!

Пьяный язык убийцы продолжил болтать, описывая уже саму Магду и те желания, которые она будто бы вызывала.

«Я превращу тебя в жабу! — с бессильной злостью думала девушка, краснея от тех подробностей, которые Виль вдохновенно приводил. Ей странным образом расхотелось умирать. Жить было необходимо — дожидаясь того часа, когда удастся загнать всё, сказанное сегодня, Вилю обратно в его поганую глотку.

— И вот тогда я бы её... — вещал батрак.

...в ужа! В тритона! В червяка! В мелкую ползучую тварь!..

— А потом, стало быть...

...в червяка и раздавлю каблуком. Или, нет, в наука и перетру в ступке!

— Замолчи! — закричала Ульберга. — Рассказывай, какая магия творилась на том обряде.

Виль икнул и почесал в затылке.

— Дык, я ведь магии-то не обучен, — сообщил он.

— Что они сделали с тобой, Медный Паук? — с трудом сдерживаясь, чтобы не скрежетать зубами, уточнила вопрос старая ведьма.

Виль отвязал от пояса флягу, поболтал в воздухе возле уха и надолго к ней приложился.

— Ничего, — грустно ответил он. — Такая ночь была... эх! И ничего!

К старой ведьме подошёл один из *общих старших братьев* и заглянул в книгу. Она гневно ткнула пальцем в нужные строчки.

— Значит, ты отрицаешь, — уточнил высший посвящённый, — что происками белой волшебницы был лишён дара, данного тебе при посвящении?

Виль постоял, слегка покачиваясь и прислушиваясь к своим ощущениям.

— Н-н-не помню, — признался он. — Не почувствовал.

Общий старший брат перелистнул несколько страниц.

— Но подаренная тебе незаметность пропала, ведь тебе пришлось обращаться к ведьме Магде, чтобы уйти от погони баронов?

— К Магде? — переспросил батрак. — А, да! Хорошо мы тогда с Маглейн погуляли... ночка была...

Нет, превращу в лягушку, и сварю в масле... нет, в молоке, нет, лучше...

— Капризная попалась! — продолжал соловьём разливаться убийца, — то ей воду натаškai, то ей хворост собери, то ей костёр разведи... и тут, вы представляете, я уснул!

Ульберга скрипнула зубами.

— Тебя опоила ведьма Магда и помешала выполнить задание, данное тебе твоим старшим братом, — напомнила она.

Виль почесал в затылке, сдвинул шапку на лоб и почесал ещё.

— Вот ведь как, — сообщил он с неподдельной печалью в голосе. — А я-то думал, перебрал... то-то, смотрю, девка такая рядом, а меня спать разобрало!..

...в клопа. В мелкого вонючего клопа.

— Ты можешь выдвинуть обвинение против ведьмы Магды за причинённый тебе вред, — ненатурально ласковым голосом предложил молодой колдун.

— Да... — покивал батрак. — Сколько вреда... Вот ведь девка вредная! Я к ней и так, и сяк...

— Да замолчишь ты или нет?! — разъярилась Ульберга. — Нас не интересуют желания плоти! Говори о том, как пострадал от её колдовства!

Виль наклонился, пристально осмотрел свои ноги. Потом повернулся, пытаясь рассмотреть собственную спину. Для верности ещё ощупал себя руками.

— Так ить не пострадал я! Вот он я, целый стою!

— Чего с пьяным дураком разговаривать, — прошипела Ульберга.

— Высший посвящённый младший брат Медный Паук, — торжественно произнёс один из *общих старших братьев*, — на этом суде, здесь, в присутствии глав колдовской общины, отказываешься ли ты от любых обвинений, которые чары или иные умения ведьмы Магды, равно как и её отступничество могло тебе причинить?

Виль снова глотнул из фляги. Подумал. Посмотрел на *общего старшего брата*.

— Так я ж и не обвиняю, — растерялся он. — Чего такую девку обвинять? Только время тратить. А надо сначала её...

На этот раз развить тему батраку не дали.

— Вон с глаз моих!!! — потребовала Ульберга, вскакивая на ноги. В безоблачном небе глухо заворчал гром.

Виль догадливо скрылся за матерчатой стеной. С трудом успокоившись, Ульберга села обратно и принялась листать *книгу* дальше. С каждой новой страницей её брови поднимались всё выше, а лицо принимало всё более удивлённое выражение.

Нетерпеливым жестом старая ведьма позвала собратьев и ткнула пальцем в заинтересовавшие её строки.

До Магды донёлся тихий шёпот:

— Одновременно в двух местах... без подготовки... такая сила... отступничество... достойно смерти... нужды слепых... талант... жалко... пропадёт... нельзя спускать... приблизим *Освобождение!*..

— Приблизим *Освобождение*, — хором отозвались колдуны.

Девушка ждала приговора. Сохранять достоинство перед лицом близкой смерти было сложнее — после той грязи, которую вылил на неё Виль.

— Ведьма Магда, — торжественно начала Ульберга. — Ты наделена колдовским даром в мере, превосходящей многих твоих сестёр и братьев. Такой талант достоин поощрения и награды. Но ты отступница, ты предана миру, высоко ставишь нужды слепых, и тем заслуживаешь смерти. Ради кровных уз ты презрела свой дар и вернула его ради привязанности к слепому. Сложнейший обряд ты провела из душевной слабости, подверженности привязанности к тому, кто ещё не был твоим братом.

Магда закусил губу. Да, всё, совершённое ею, недостойно ученицы Бурой башни. Она следовала зову сердца и не считала себя виноватой. Но община не допускает таких капризов.

— Мы избавим тебя от слабостей! — объявила общее решение Ульрика, и Магда похолодела. — За свои таланты и во укрепление твоей решимости ты будешь удостоена высшего посвящения.

Некоторые говорят, что душа при этом не освобождается, а подавляется и остаётся запертой в теле, которое творит то, на что человек никогда не осмелится бы сам.

— Лучше убейте меня, — выдохнула девушка.

— Ты слаба, — с сожалением покачала головой Ульберга. — Мы избавим тебя от слабости и твой дар будет служить *Освобождению*.

— Кого убить? — ввалился в судилище Виль. — Маглеин? Неее, Маглеин не буду, она... она...

— Уймите кто-нибудь этого олуха! — жёстко потребовала Ульберга.

— Не надо её убивать, — обратился к убийце молодой колдун, — она будет удостоена высшего посвящения. Иди, Медный Паук, присоединяйся к празднующим.

— Кто — удостоена? — не понял батрак. — Маглеин, что ли?

Он уставился на девушку, потом перевёл взгляд на старую ведьму. Задумался.

— Высшее посвящение, — тупо повторил Виль. — Это когда ведьма праавильная делается. Ик! Не согласен! Она мне ребёнка родить обещала!

Стало тихо. Над головой порядком разозлённой Ульберги сгустились тучи.

— Высший посвящённый Медный Паук, — холодно произнесла она. — Ты непристойно предан радости плоти. Давала ли тебе наша младшая сестра обещание или нет — мы его отменяем, у высших посвящённых не может быть детей.

— Так нечестно! — запротестовал батрак. — Обмануть хотите, да? Пускай рожает, тогда...

— Поди прочь! — топнула ногой старая ведьма. Из тучи над её головой вырвалась молния и унеслась в тёмное небо.

Виль сплюнул и направился к выходу, бурча себе под нос:

— Всегда так! Только девку себе нашёл — и на тебе!

— Стойте! — раздался юношеский голос и в судилище ворвался запыхавшийся Арне.

Вбегая, он сорвал часть матерчатой стены и остатки затрепетали на ветру. Виль еле успел увернуться от несущегося на него оборотня. — Вы не можете... не можете так... с Бертильдой... Магдой... Она... она обещала стать моей женой.

— Оборотень, — услужливо подсказал молодой колдун. — Они очень преданы плоти.

— Шавка, — зло бросила Ульберга, но, всмотревшись в юношу, поманила его рукой. — Подойди сюда, щенок.

Арне остался стоять и гордо расправил плечи.

— Ну же, иди.

Юноша и не хотел, но послушно шагнул. Ульберга встала. Она была высокого роста, сухого и крепкого телосложения, и доставала рыцарю до плеча. Когда молодой оборотень приблизился, она положила руки ему на плечи, легонько толкнула, вынуждая сесть на место, с которого только что поднялась. Арне покорно сел, не понимая, чего от него хотят, но не смея ослушаться. Старуха наклонилась над молодым оборотнем, заглянула ему в глаза — сначала в левый, потом в правый. Ощупала голову, коснулась ушей, наклонилась и послушала, как стучит сердце. Арне хотел отшатнуться, но старушечья хватка оказалась жёсткой и крепкой. Ведьма удовлетворённо кивнула самой себе, отступила на шаг. Арне хотел подняться, но она жестом велела ему продолжать сидеть. Она хлопнула в ладоши, потом развела руки — между ними повис серебристый шарик, покрытый неровными пятнами. Арне отпрянул, у него дёрнулось горло. Ульберга хмуро усмехнулась, повела пальцами — шарик повис чуть выше.

Луна, догадалась Магда. Полная луна. В Бурой башне не говорили, что ведьма может призвать полную луну по своему желанию, для такого колдовства надо прожить сотню лет...

Арне не выдержал. Он запрокинул голову и завыл — протяжно и жутко. Со всех сторон донёсся ответный вой. Старая ведьма удовлетворённо кивнула.

— Отличный оборотень, — похвалила она молодую. — Прекрасная работа.

Магда моргнула от неожиданности. Похвала неожиданно показалась... приятной.

— Что же, щенок, тебе надо преподать урок, и урок ты получишь. Прозревшие не заключают браки. Что бы Магда ни обещала, посвящение снимает все долги. Но... Найди её до исхода ночи — и можешь забирать себе. Если она согласится, конечно.

Старая ведьма зло улыбнулась и опять между её ладонями появилась луна. Арне снова завыл, вой перешёл в стон боли, а после юноша выгнулся, упал со скамьи и покатился по земле, содрогаясь в мучительных спазмах превращения.

Вскоре перед судьями стоял крупный светлый волк с растерянными глазами.

— Прочь! — приказала старая ведьма, указывая на волка пальцем. Волк споткнулся, взвизгнул от боли, упал и кубарем покатился — сперва за границы судилища, а потом дальше, вниз по склону холма.

Когда обиженный скулёж, смешанный с воем, стих, Ульберга с довольным видом повернулась к собравшимся.

— Посвящение произведём сейчас, — объявила она.

— Наставница, — робко произнёс молодой колдун, — до рассвета осталось немного... не лучше ли перенести обряд?

Ульберга гневно повернулась к сомневающемуся товарищу и тот сник.

Магда внезапно поняла, что, хотя два пожилых колдуна, сидящих рядом с Ульбергой, старше молодого, он превосходит их силой, уступая, кроме Ульберги, только худощавому, с

мхом на голове.

— Посвящение проведём сейчас, — с нажимом повторила старая ведьма. — Я не намерена год сторожить эту дурочку в Бурой башне или отыскивать её перед следующей встречей.

Она неприятно усмехнулась.

— Хотя я уверена, что тогда её книга пополнилась бы многими интересными страницами.

Она скрипуче рассмеялась, потом строго посмотрела на колдунов.

— Что вы стоите? — неприятно удивилась она. — Нам нужен помост, чтобы посвящаемая не касалась земли. Принимайтесь за дело.

— Но, Ульберга, — осторожно начал представитель общины с мхом на голове, — мы колдуны, а не вампиры, чтобы выстроить всё за одну ночь...

— Так позовите вампиров, — не поняла затруднения старая ведьма.

— Вампиров?! — подавился до того молчащий пожилой колдун, тот, который пришёл со старой ведьмой. — Но клан никогда не согласится...

— Позовите, — потребовала ведьма. — Они никуда не денутся.

* * *

Происходящее стало напоминать сон — тягостный, муторный и запутанный. Судьи заспорили между собой, но в конце концов согласились с требованием старой ведьмы. Молодой колдун убежал с выражением обречённости на лице, а вместо него явились полдюжины молодых вампиров. Сытых, раскрасневшихся от свежей крови и наглых, как и положено сыновьям клана. Выслушав, что от них требуется, они глумливо расхохотались.

— Плотников поищи в другом месте, старая карга, — посоветовал старший из них, невысокий плотный светловолосый юноша. — Мы — вампиры, ночные хищники, мы не пачкаем руки низменным трудом, мы...

— Будете делать то, что я велю, — строго заявила Ульберга тоном, явно отработанным на многих поколениях молодых ведьм и колдунов.

Вампиры расхохотались ещё громче, один из них — худой черноволосый юноша в рваных обносках — шагнул к старухе, картинно растягивая движения. Это было ошибкой: ведьма проворно шагнула назад, сунула руку за пазуху и достала маленький серебристый кружок на длинной ручке. Быстро повела им, ловя лучик света от костра, разведённого за пределами судилища — и направила в глаза ближайшему вампиру. Тот зашипел от боли и упал на колени, закрывая лицо.

Это почти магия, растерянно подумала Магда. Не природное колдовство, а искажение законов естества, то, что делают волшебники в своей Чёрной башне. Вампиры боялись серебра, но как заставить ранить серебряные отблески?

Ведьма обвела зеркальцем круг — и тот засветился в воздухе и стал расширяться. Вампиры шарахнулись от его границ.

Так просто... А говорили, что ни колдуны, ни чёрные волшебники не могут навредить вампирам... Сколько лет надо прожить, чтобы научиться такому? Сколько чужих книг перечесть?

— Помост для высшего посвящения, — в наступившей тишине приказала Ульберга. —

Живо!

Больше вампиры не стали спорить. Магда запоздало поняла, что им, тонко чувствующим все детали человеческих переживаний, старая Ульберга казалась ещё страшнее, чем остальным. Её могущество и воля, готовность принимать решения и воплощать их в жизнь, то, насколько легко она прибегала к колдовству — словно это было для неё так же просто, как дыхание... вампиры не могли напасть на неё — эта кровь не пошла бы им впрок. Не могли и отмахнуться от женщины, не один десяток лет направляющей свою волю на слом молодых строптивых характеров в Бурой башне. Казалось, она всем и всему даёт оценку, обо всём выносит суждение — и никогда его не меняет.

Вампиры порскнули в разные стороны и вскоре вернулись, таща кто что. Доски, брёвнышки, верёвки... Магда не успела и глазом моргнуть, как были вкопаны четыре столба и сколочена грубая платформа с крепким шестом посередине. К углам платформы вампиры споро привязали верёвки, которые затем продели в кольца на верхушках столбов.

— Встань здесь, — указала на платформу старая ведьма. Магда попятилась и замотала головой. — Встань, девочка, и приготовься открыть душу высшему посвящению.

— Я отказываюсь от высшего посвящения, — невесть зачем объявила девушка.

Ульберга зло улыбнулась.

— Твоя община решила иначе. Желания преходящи, они принадлежат оковам мира. Ты получишь высшее посвящение и будешь готова к *Освобождению*. Займи своё место, девочка.

Магда покачала головой. От ужаса ей хотелось визжать или кататься по земле как давеча бедолага Арне.

— А... она ломается? — раздался уже надоевший пьяный голос. — Девки — они такие... всегда... всегда... ломаются.

— Медный Паук, — заскрежетала Ульберга. — Найди другое дело для своего отдыха!

— Так я... это... ежели Маглеин ломается, так давайте привяжем девку-то, а? Я хоть пощупаю напоследок...

— Лучше убейте меня! — не выдержала Магда. Ульберга взглядела в лицо девушки странно-пристальным взглядом.

— Что ж... всем нужен свой урок... Девочка, ты откроешься посвящению, чтобы забыть о горестях, которые несёт плоть. Давай, привяжи её, Паук. Да покрепче.

Виль просиял.

— Давно бы так, — пробурчал он, шагая к ведьме и разматывая на ходу крепкую пеньковую верёвку. — Ну, милашка, повеселимся?

— Я превращу тебя в червяка, — со злостью пообещала Магда, когда батрак, больно ухватив за руку — не вырваться, — поволок её к платформе. — Живьём разрежу на мелкие кусочки и сварю зелье от запора. Я сделаю из тебя припарку от почечуя, чтоб ты сдох, гнусное отродье! Я превращу твои слова в клопов и скормлю их тебе по одному. В мелких вонючих клопов, таких же пакостных, как ты. Я превращу твою кровь в мочу и ты сдохнешь в муках. У тебя на голове вырастут пиявки. Я сделаю из твоих пальцев ужей.

— Хорошо держишься, Маглеин, — усмехнулся батрак, туго привязывая девушку к шесту.

— Твоя душа привязана к лесу, — напомнила девушка, — ты не увидишь *Освобождения*. Слышишь? Ты всегда будешь блуждать по этому лесу. Ты будешь мучиться *вечно*.

Виль только усмехнулся, потянулся, чтобы ущипнуть её за щеку, потерял равновесие и

упал на девушку, обнимая её и шест. Магда вдруг почувствовала, как между ней и шестом протискивается какая-то тонкая палка.

— Кричи громче, Маглейн, — вдруг произнёс Виль — неожиданно трезвым голосом. — Твой дружок чёрный велел передать. Говорит, у нашего знахаря выменял. Говорит, ты сообразишь, что делать.

Он уцепился крепче, поднимая себя на подогнувшиеся ноги, и Магда ощутила прикосновение к пальцам холодного лезвия ножа. Виль просунул его между заведёнными назад руками и верёвкой.

— А это тебе от меня, — продолжил он. — Вернёшь потом, поняла?

Магда оторопело кивнула.

— Эх, милашка, — громче, прежним пьяным голосом произнёс батрак. — Хорошо с тобой, уходить не хочется!

— Оставь её, — строго велела Ульберга. — Ты получил достаточно.

Виль сошёл с платформы и, не оглядываясь, пошёл прочь. Ульберга махнула рукой и вампиры взялись за продетые в кольца верёвки. Четыре столба были соединены проведёнными в земле линиями, вокруг квадрата был начертан пятиугольник, вписанный в шестиугольник, а вокруг того прочерчена окружность.

Это тоже — магия. Ведьмы не нуждаются в таких вещах.

Высшее посвящение — это магия. Высшее волшебство, враждебное законам мира.

Ведьма может проскользнуть между нитями волшебства.

Железо может противостоять магии.

Лонгин передал ей железный прут, побывавший у алтаря в лесу. В её лесу.

Это как рука помощи, протянутая из дома.

Виль принёс ей помощь.

Сможет ли она воспользоваться подсказкой?

Вампиры потянули за верёвки и платформа начала медленно подниматься. Где-то в стороне запели женские голоса.

— Я превращу тебя в жабу, Виль! — прокричала Магда, когда со своей высоты нашла глазами бредущего по склону батрака. Тот послал девушке воздушный поцелуй.

Согласитесь, по сравнению с червяком это очень благожелательное обещание...

Под мелодичное пение судьи покидали место судилища. За пределами матерчатой стенки невидимые Магде пели ведьмы. Вампиры натянули верёвки, заставив платформу повиснуть на одной высоте с верхушками столбов, закрепили и разлетелись в разные стороны.

Магда осталась одна.

Борьба с высшим посвящением.

* * *

Арне кубарем катился к подножью холма. Кто-то разбежался, по кому-то волк прокатился, кто-то посылал вслед ругательства и проклятья. Молодой оборотень едва всё это улавливал. От чар старой ведьмы помутилось в голове и он падал, падал и падал, пока не скатился к подножью. Там он лежал, задыхаясь, тяжело поводя тощими боками и с трудом приходя в себя.

Прийти в себя — такое привычное выражение, но недавно обращённому оборотню было непонятно — куда ему приходиться? Разум словно пытался нащупать руки, пальцы, ладони... и как будто спотыкался, натываясь на волчьи лапы. Арне тихонько скулил, совершенно сбитый с толку. Ему хотелось, чтобы пришёл *старший брат* и всё снова стало понятно. Ему хотелось, чтобы пришла Магда и прикосновением своей мягкой руки сняла боль и путаницу. Ему хотелось выть.

— Арне! — раздался резкий мужской голос. Пахло человеком, тканью, мехом, металлом и незнакомыми снадобьями. Пахло невыносимо. Но этот человек звал его по имени. По настоящему имени. Волк насторожил уши. — Арне! Да очнись ты, щенок! Арне Вилтин!

Оборотень заскулил, но голос был неумолим.

— Да чтоб тебя! Очнись! Я хочу с тобой поговорить! Будь человеком ты, шавка несчастная!

Что-то шевельнулось в душе. Волк с трудом поднялся на ноги. Было больно. Пригнул голову к земле — мужчина рассмеялся — и неуклюже кувыркнулся через голову. Этот фокус пока ещё давался молодому оборотню с большим трудом, Виру приходилось всякий раз подталкивать его носом. На земле растянулся, тяжело дыша, худощавый юноша, одетый в одни только кожаные штаны — то немногое, что он успел сшить перед этой *встречей*. Вся остальная одежда разлетелась в клочья, ещё когда он сменил облик первый раз за ночь. Только те вещи, которые своими руками сшиты из кожи убитого самим же оборотнем животного, могли выдержать превращение в зверя и обратно.

Арне остался лежать, обессиленный, на примятой траве. Мужчина — его запах меньше бил по обострённому обонянию, но всё же казался неприятным, слишком уж... *неправильным* из-за незнакомых снадобий, — подошёл и ткнул носком сапога в бок.

— Встань, щенок, — потребовал мужчина. Арне, наконец, узнал его. Это был тот чёрный маг, который вдруг ворвался на сборище стаи и, ухватив молодого рыцаря за локоть, тихо и внятно прошипел ему в ухо: «Там твою даму приговаривают к смерти». Тогда Арне забыл обо всём, помчался на судилище и только краем глаза заметил, как Вир схватил рванувшуюся туда же Вейму и крепко обнял, не давая совершить смертельную глупость. Арне остановить было некому.

— Что вам нужно? — пробормотал рыцарь, стыдясь своей наготы и невольно опасаясь, что злой взгляд мага оставит на обнажённой коже какие-то отметины или даже раны.

Маг закатил глаза. Был он молод, чуть полноват и одет с головы до ног в чёрное. Выражение лица у него было почти безразличное.

— Я мог бы сидеть дома, доказывать разложимость пространства по дюжине созвездий, — невесть кому пожаловался он, — а вместо этого бегая, помогаю подруге жены, друзьям подруги жены и один Враг знает кому ещё! В чём я так провинился перед владыкой нашим Освободителем?

Арне неловко топтался на месте. Что-то в позе, в голосе, в запахе волшебника подсказывало, что его нужно выслушать. Жёсткая трава колола босые ноги.

— Слушай внимательно, щенок, — холодно произнёс маг. — Ты, небось, захочешь отыскать Магду... как её... Бертильду. Спасти её от высшего посвящения.

Под неодобрительным взглядом Арне выпрямился.

— Мой долг — спасти её! — взволнованно произнёс он. Лонгин скривился.

— Да-да, конечно. Так вот, слушай внимательно, я расскажу тебе как дожить до утра.

Арне хотел было возразить, что не нуждается ни в чьих советах, но промолчал,

неожиданно для себя самого. Волшебник был взволнован, устал и зол и это странным образом убеждало его послушаться.

— Во-первых, ты оборотень, — начал инструктаж маг. — Помни — всё, что странно пахнет, странно звучит и странно движется — это обман. Не поддавайся на него. Что бы ни видели твои глаза — не верь. Если у чего-то нет запаха или оно пахнет не тем — не верь глазам. Этой ночью не верь глазам. Ульберга сказала, что преподаст тебе урок, а учитель она жестокий. Понял?

Арне оторопело кивнул.

— Хороший пёсик, — с кривой улыбкой похвалил маг. — Дальше. Магда тебя не любит.

— Да как вы...

— Не спорь, щенок. Не любит. Поэтому, если она упадёт тебе в объятия, не верь. Это морок. Если бросится на шею, примется целовать или о чём ты ещё мечтал, когда думал о ней — не верь. Это морок. Ты можешь тешить себя надеждами когда угодно, но если хочешь отыскать Магду — не верь. Понял?

Арне снова кивнул.

— И третьё. Когда ты найдёшь Магду — она скажет что-то очень простое. Понимаешь меня, щенок? Не возвышенное, не то, о чём ты мечтал. Простое. Может быть, будет ругаться. Ты всё ещё готов её искать?

— Я готов на всё, — угрюмо ответил Арне. Под хмурым взглядом волшебника восторженность куда-то делась, а вот решимость осталась.

— Тогда иди, — неожиданно ободряюще улыбнулся маг и начертил в воздухе непонятный знак. Тот вспыхнул алым пламенем, почернел, как будто обуглился, и пеплом осыпался на молодого оборотня. — Не знаю, кто, но кто-то важный — пусть хранит тебя на твоём пути.

* * *

Магда беспомощно висела на связывающих её верёвках и ругалась сквозь зубы. Рядом женские голоса выводили литанию высшего посвящения и звук их пения проникал в самое существо девушки.

— Мир жесток. Мир безжалостен. Не своей волей мы рождаемся. Не по своей воле живём. Не по своей воле умираем. Мы — игрушки в руках Надзирателя. Мы — пленники Создателя. Поверь в спасение. Приблизь Освобождение. Откажись от оков. Откажись от оков. Откажись. Откажись. Откажись.

Голоса сплетались между собой в натянутые струны, струны проникали в разум, струны оплетали душу. Пение обещало спокойствие. Долгожданное спокойствие после всех бурь и битв.

— Не дождётесь, — прошипела Магда и рванулась сильнее. Виль хорошо её привязал. Дал надежду и тут же забрал её. — В червяка... ублюдок... проклятый... в клопа...

Кое-как удалось перехватить пальцами нож. За это пришлось заплатить несколькими царапинами и Магда чувствовала, как по пальцам течёт кровь. Её кровь. Кровь ведьмы. Колдуньи, недавно сумевшей провести один обряд в двух местах. За это похвалила даже Ульберга. Магду никогда раньше не хвалили наставники.

— Кто полюбит ведьму? — выводил женский хор. — Кто даст ей приют? Кому она

нужна?

Перед глазами встала Рамона — какой она была когда-то давно, когда Магда встретила её у колодца с двумя коромыслами на плечах.

...ты осунулась. Ела сегодня? У меня с утра каша осталась, ещё не остыла.

...Магда... а почему?.. Ты молодая, красивая, работающая... любой бы в жёны взял. А людям помогать и так можно. Зачем?

...Сердцу своему верь. Если ищешь, если любишь — обязательно найдётся.

— А если не любишь? — пробормотала Магда, направляя лезвие на верёвку. Пальцам было горячо и больно.

— Что толку любить? — пели ведьмы. — Любовь — трепыхание в сетях мира. Любовь открывает дорогу предательству и боли... Тело дано нам для страданий. Уродливая вызовет страх и ненависть, красивая — пробудит вожделение и похоть. Что толку от жизни? Откажись. Откажись. Откажись.

— Вот ещё, — выдохнула Магда. Она сумела перерезать верёвки, связывающие запястья и теперь дело было за малым. — Пожалуйста... отказываюсь! Режу ваши верёвки. Режу ваши чары! Будьте вы прокляты... без меня...

Чары разрезать было сложнее, чем верёвки. Магда осторожно высвободилась, стараясь не уронить прут, и села на качающуюся платформу. Прислонилась к шесту. Высшее посвящение продолжалось. Борьба — это трепыхание, не более. Неодарённых посвящают иначе. Несколько слов, возможно, *хорошее* вино, смешанное с кровью. Ведьмы же росли в ткань мира. Его любимые дочери. Чтобы разорвать эту связь, нужно не колдовство — нужна магия. Магия посвящения. Ведьмы вплетали свои голоса в начерченные на земле линии. Ведьмы сплетали песню в верёвку. Верёвка оплетала Магду. Бесполезно бороться. *Освобождение* близко.

— Не дождётесь, — устало выдохнула девушка и положила на колени железный прут.

Вилли-кузнец, она знала точно, покупал руду в Тамне. Но кое-что находил и в Фирмине. И всё, что делал из этого железа, продавал очень редко. Прут, который Лонгин выменял у знахаря, был как раз из такого железа. Магда ощупала его пальцами, пачкая кровью. Её кровь. Кровь ведьмы, колдуньи. Её железо. Железо её леса. Послание из дома. Из единственного настоящего дома.

— Железом и кровью, — прошептала ведьма. — Лесом, что принял меня. Алтарём, что пил мои жертвы.

Вокруг неё словно свивался кокон. Волшебная сила. Связь с лесом. *Железом и кровью.*

* * *

Арне, тяжело ступая, шёл по склону холма.

...тебе надо преподать урок и урок ты получишь...

...найди её до исхода ночи...

Казалось — чего проще. Вершина холма, у самого пролома крепостной стены, с западной стороны. Запах девушки был почти осязаемым. Зачем искать? Она здесь, она рядом. Надо только подняться. Мускулы, измученные несколькими превращениями подряд

(ему пришлось оборачиваться перед стаей), протестуя ными. Холм казался невозможно крутым и высоким. Но это не имело значения.

...найди её до исхода ночи...

Арне словно споткнулся. Запах пропал. Исчез, как будто его и не было. Он остановился. Принюхался.

...всё, что странно пахнет, странно звучит и странно движется — это обман...

А если не пахнет?

Юноша устало потёр лоб. Он не был дураком. Восторженным, наивным, импульсивным, но не дураком. В стане самозванца он остался, решив узнать о враге побольше... и чего греха таить, дожидаться возвращения своей дамы. Его слова позже очень помогли союзу баронов, потому что юноша мог изобличить многие тайные планы и самозванца, и его «наставника в вере». Всё пошло не так, когда наёмники напали на Вира, а кинувшегося на помощь шателену рыцаря брат Флегонт приказал скрутить, чтобы не рисковать ценным заложником. После этого за ним непрерывно следили, пока не бросили на чердаке Ордулы, куда, к слову, не всякий раз приносили еду. Там он и познакомился с Норой. Девушка не пришлась ему по нраву — заносчивая, гордая и вспыльчивая, она разительно отличалась от Бертильды. Сейчас баронской дочери прочат в мужья Клоса, одного из младших братьев Арне, нескладного прыщавого подростка, моложе её двумя годами. Он не имеет прав на Вилтин, слишком много сыновей родилось у их отца между Клосом и Арне, но достаточно знатного происхождения. Мнения девушки Арне не знал, после спасения они не встречались. Зато он точно знал, что мальчика познакомят с невестой не раньше, чем тот возмужает, чтобы она не сбежала, если юный жених ей не угодит так же, как и старый.

Запах Бертильды исчез. Но даже если бы она вдруг умерла, была унесена вампирами, вознеслась на небеса или провалилась сквозь землю, остался бы след её присутствия. Значит, это морок. Обман.

Арне упрямо поднимался по западному склону холма, пока прямо перед ним не запахло соблазнительно и призывно. Он поднял взгляд и увидел девушку в тонкой, просвечивающей сорочкой. Она улыбалась ему. Она его вождедела. Она была живым соблазном. Юноша только моргнул.

...найди её до исхода ночи...

У оборотней очень сильно животное начало. Запахи, источаемые незнакомкой, требовали немедленно ответить на призыв. Девушка протянула руки — очень белые, мягкие, полные и необыкновенно красивые, — и заключила рыцаря в объятья. Её аромат ударил оборотню в голову и лишил воли.

...найди её до исхода ночи...

Всё стало неважно. Незнакомка ласкала его, усиливая охватившую юношу страсть, и оборотень сам не заметил, как его руки сорвали с неё сорочку. Он впился губами ей в губы — мягкие, зовущие, и вдруг в нос ударил новый запах.

Запах торжества.

Торжества хищника, настигшего добычу.

Объятье вдруг показалось Арне капканом. Он отшатнулся — не думая ни о чём, не помня даже о даме своего сердца, о том, зачем он здесь, не приводя ни одного резона, только вдруг почуяв волчьим чутьём ловушку и стремясь как можно быстрее вырваться на волю. Девушка держала его с неожиданной силой и уже не мягко увлекала на траву, а пыталась повалить. Арне рванулся сильнее, а потом, отчаявшись, ударил, отшвыривая от себя опасного

врага.

И замер, почуяв её боль и ещё больше — досаду и ненависть. Он стоял над опрокинутой навзничь девушкой, голый по пояс, с распущенными завязками штанов и, не веря себе, смотрел на дело своих рук. На женщину, которую он ударил. Он, рыцарь, поднял руку на женщину. На слабое существо, которое клялся защищать именем Заступника. Её плечо было разбито в кровь. Лицо искажено злобой. Арне перехватил её взгляд, смутился и, попятившись, затянул завязки штанов. Он, оборотень, защитил себя от опасного врага. Девушка не казалась беспомощной, она зажимала руку и изрыгала чёрные ругательства. Вождеделение исчезло.

Не слушая, он осторожно обошёл незнакомку и продолжил подниматься. Вслед ему неслись проклятия.

...найди её до исхода ночи...

Он ударил женщину. Он недостоин звания рыцаря.

...найди её до исхода ночи...

* * *

Хор пел и в такт этой песне покачивалась платформа. Магда чувствовала дурноту. У неё были свободны руки, но что толку?.. Она стояла слишком высоко от земли, не спрыгнуть. Сколько бы братья-заступники не твердили о ночных полётах ведьм, воздух — чуждая им стихия. Силу женщина получает от земли, земля — мать всех живущих. Можно призывать луну, но стоять надо ногами на земле, впитывая её поддержку босыми ногами. В воздухе была песня. И песня сковывала душу, отрезая от земли. Отрезая от мира.

— Забудь обо всём. Отринь горести. Освободитель примет тебя. Он ждёт твою душу, он проводит её — свободную — в настоящий дом. Там никто не причинит тебе вреда. Там будет покой. Покой. Покой. Только покой — и ничего больше. Забудь обо всём. Отринь узы плоти. Забудь. Забудь. Забудь.

На мгновение Магда поверила. Душа её жаждала покоя. Покоя жаждало тело. Она устала, бесконечно устала. Шепотки в деревне. Сальные взгляды. Липп, вывернувший самые тайные воспоминания. Предательство любимого человека. Угроза костра. Спасение, бегство, снова беда... покой... как хочется покоя... просто — забыть обо всём. В ушах ещё звучали откровенные до отворачивания слова Виля, как он расписывал, как бы развлёкся с ней. С её телом. Как будто она и не человек вовсе.

...я превращу тебя в червяка...

...хорошо держишься, Маглейн...

...а это тебе от меня... вернёшь потом...

...потом... потом... потом...

Магда потрясла головой.

Нож.

У неё был нож. Нож, которым приносили жертвы на алтаре в её лесу. На её алтаре.

...железом и кровью...

Она коснулась изрезанных пальцев. Кровь. Её кровь. Прижала к ним нож — плашмя — и зашептала его. Расплела косу. Поднялась на ноги.

— Во имя умершей луны — ради луны рождающейся, — нетвёрдым голосом произнесла

девушка, выдёргивая два волоса. Длинные, светлые, они словно слегка светились в предутреннем полумраке. Сплела их вместе, пачкая кровью.

— То, что было вместе, да останется связанным, — продолжила ведьма, расплетая волосы. Один повязала на запястье, второй привязала к рукояти ножа. — Сёстры мои дали силу — силу я беру. Сёстры мои применили власть — власть я забираю. Железом и кровью. Лесом, что принял меня. Алтарём, что пил мои жертвы. Дай моим рукам меткость. Дай мне обрезать пути. Верни мне то, что было мне дано. Силой моей. Властью моей. Волей ведьмы.

Зажмурившись, она бросила нож в сторону одного из столбов. И, выждав время, дёрнула рукой, к которой был привязан второй волос. Нож перерубил верёвку, на которой качалась платформа, у самого кольца, а после вернулся в руки ведьмы, как будто привязанный к нему волос был связан с волосом на её запястье. Как будто они могли выдержать его вес. Нехитрое колдовство, но на него способны немногие. Ведьма могла бы совершить его у себя дома. На алтаре. Или — на *встрече* проклятых, где волшебство разлито в воздухе. Где его слишком много. Платформа накренилась. Магда ухватилась за шест и, присев, осмотрела верёвку. Слишком короткая. Она вздохнула. Кое-как распоясалась и привязала себя за пояс к шесту.

— Железом и кровью, — снова произнесла она и снова послала нож в полёт. На этот раз ей не удалось его удержать. Он упал на землю у столба, оставив Магду отвязывать одну из верёвок от платформы голыми руками. Пальцы болели, кровь мешала хвататься. Девушка снова и снова старалась развязать узел, но пальцы соскальзывали с верёвки.

— Кровью моей, — выдохнула девушка. — Во имя умершей луны. Ради нового дня.

Наконец, верёвка поддалась. Магда кое-как привязала её к концу той, которую оставила прикрепленной к углу платформы. Та качалась, вызывая у девушки тошноту и воспоминания о том, как Липп уносил её подальше от Фирмина, захваченного братьями-заступниками. Уносил, спасал, чтобы через небольшое время предать.

...такова моя природа...

Спустила верёвку вниз. Она немного не доходила до земли. Сойдёт. Вытащила и обвязала вокруг пояса.

— Лесом, что принял меня. Землёй, что кормила меня. Волей ведьмы.

И спрыгнула, зажмурившись и с трудом удерживаясь от визга. Она слишком хорошо помнила, что без помощи Виля не смогла бы спуститься по верёвке. Не смогла бы даже удержаться на ней. Полёт был недолгим и вскоре её больно дёрнуло поперёк туловища. Рядом упал забытый наверху железный прут. Теперь надо было развязаться.

* * *

Арне легко добрался до вершины холма, до западного пролома в старой крепостной стене... и попятился. Перед ним, неприятно улыбаясь, стояли вампиры. Не такие, как Вейма — нервные, чуткие, вспыльчивые, но слабые, — нет. Он загравком ощутил исходящую от них силу. *Вампиры — самые проклятые из всех.* От них так и веяло смертью.

Слова были не нужны. Ни ему, ясно ощущавшему, что они кинутся, как только он шагнёт к пролomu. Ни им, с самодовольными улыбками ожидавшими, когда он подставится настолько, чтобы на него можно было напасть. Их было четверо и — Арне не знал, — это были те самые вампиры, которые поднимали Магду в воздух. Ульберга обещала им кровь оборотня, если он попробует войти в западный пролом, нарушив святость творимого за ним

тайнства. Ульберга обещала, что сама ответит стае. Они ждали.

Арне попятился. Вампиры переглянулись и зло, обидно захохотали. Юноша был достаточно знаком с Веймой, чтобы понимать, что они чувствуют малейшее движение его души. И наслаждаются сомнениями, неуверенностью, страхом...

Страхом.

Рыцарь не ведает страха.

Но даже рыцарь может отступить, если противник сильнее, если врагов больше.

Но может ли рыцарь бросить свою даму в беде?

...может ли рыцарь ударить женщину?..

Мысль пронзила сердце — острая, болезненная. Арне почувствовал — не его, наведённая, чужая, но отзывающаяся его собственным. Он ударил не женщину — врага. Он чувствовал её злобу.

...но она оставалась женщиной...

Бертильда тоже женщина, и ей грозит беда.

...так шагни. Не бойся. Один только шаг... вперёд или назад?

Арне попятился ещё дальше. Его хлестнула чужая злоба. Он остутился и покатился по склону холма. Вслед несся издевательский смех.

* * *

Магда висела в собственноручно завязанной петле. Та больно впивалась в живот. Магда ругалась такими словами, что, услышь её сейчас Арне, покраснел бы как маков цвет, едва ли поверив своим ушам. Больше ничего делать не оставалось. Больные, распухшие от ран и напряжения пальцы даже не цеплялись за узел, а он всё больше затягивался под весом девушки. Вывернуться, вылезти нечего было и думать. До земли она едва ли доставала носками башмаков. Что теперь?

Ведьма представила, как её находят утром. Потерявшую память и душу. Безвольно ожидающую приказов. Что с ней сделают тогда?

Во всяком случае, вряд ли будут наказывать...

Это было ещё хуже, чем там, наверху. Там ещё был нож. Там ещё не так болели пальцы.

Там был нож...

Но волос ещё привязан к её запястью.

Магда потянулась, сбрасывая башмаки и упираясь в землю кончиками пальцев.

Земля — мать всего живого. Земля даёт силу. Земля помогает.

— Данное мне пусть ко мне вернётся, — попросила девушка. — Силой моей. Волей моей. Во имя ночи, ради рассвета.

Нож влетел к ней в руку, привязанный чарами прочнее, чем верёвкой. Влетел лезвием вперёд, больно ранив. Ведьма вздохнула. Кое-как сжала рукоять, обрезала верёвку — и тяжело упала на колени. Больно. Трудно.

Девушка поднесла нож к губам.

— Лесом, что принял меня. Алтарём, что пил мои жертвы. Водой и ветром. Рекой и вихрем. Волей ведьмы. Ты пил мою кровь — довольно с тебя. Ты ранил моё тело — перестань. Я поила тебя. Я давала тебе власть. Ты помогал мне творить колдовство. Довольно ранить меня. Подчинись. Подчинись. Подчинись!

Осторожно, стараясь не пораниться, провела языком по лезвию, не столько слизывая

собственную кровь, сколько размазывая её по железу.

Заговор.

Всего лишь заговор, чтобы нож не резал её каждый раз, как понадобится его призвать.

Ответа не последовало, но Магда откуда-то знала: она услышана, её слова приняты и будут исполнены.

Пошатываясь, девушка встала на ноги.

За матерчатой стеной тем временем перестали петь. Магду это не слишком обнадеживало. То, что происходило до этого мгновения, было не более чем подготовкой.

Смягчением её воли, сглаживанием решимости.

Из милосердия.

Так... проще.

Всем.

Но это — только начало посвящения. А дальше...

Снова послышалось пение. На этот раз — мужское.

— Владыка наш Освободитель, — пели мужские голоса. — К тебе обращаемся. Узри свою непокорную дочь. Из всех твоих детей её душа горит ярче всех. Из всех твоих детей — её душа тяжелее изнывает под гнётом. Создатель поймал её душу. Надзиратель держит её в цепях. Узри же её! Дай ей свой свет! Нездешний, желанный, принеси ей, открой для её души! Владыка наш Освободитель! Узри! Узри! Узри!

Магде стало не по себе.

Как будто чей-то взгляд — холодный, равнодушный и неодобрительный — шарит по холму, отыскивая непокорную ведьму.

* * *

Арне, спотыкаясь, брёл вокруг холма, держась примерно середины склона. Он потерял чувство направления и не знал теперь, куда ему следует выйти. Надо было найти пролом в стене — не западный — войти в развалины и попробовать оттуда вернуться к судилищу.

Надо было.

Достанет ли у него сил?

Тело едва слушалось, мускулы были как каменные, ноги с трудом сгибались. Нельзя несколько раз оборачиваться в одну ночь. Особенно если ты молод, если ты недавно стал оборотнем, если...

Разгорячённое тело неприятно охлаждал ночной воздух.

Но он брёл. Пролома всё не было видно.

— Взгляните, сёстры, — раздался сбоку восхищённый шепоток. Арне устало повернул голову. Народу на встрече было так много, что он уже не обращал внимания, если чуял кого-то рядом с собой. Большинство учуянных просто отдыхали и развлекались в своё удовольствие — некоторые таким омерзительным образом, что Арне старался не поднимать глаз и лишней раз не принимать.

— Какой хорошенький, — подхватил второй голос. Чуть в стороне от пути рыцаря стояли четверо девушек. Совершенно обнажённых. Они улыбались, протягивали к нему руки...

Арне потряс головой.

От них ничем не пахло.

Вовсе ничем.

Морок.

Обман.

Он обошёл их стороной, а странная компания со вкусом обсуждала его мужские стати. У оборотней очень острый слух, поэтому бедный юноша ещё долго оставался ярко-красного цвета.

* * *

Вокруг Магды сплетались нити. Колдовство. Магия. Волшебство. Неважно. Нити холодные, белые, раскалённые, мерцающие для того, кто умеет смотреть. Паутина. Паутина, в которой можно трепыхаться, но не вырваться. Хор за стеной пел и пел, взывая к Освободителю, убеждая его принять душу ведьмы. Дать ей освобождение. Взывал к Врагу, убеждая его сделать из Магды бездушное орудие. Колдовской силы как будто даже прибавлялось — орудию, которое будет создано, нужно быть способным на многое. Воля уходила, исчезала, словно вода впитывалась в землю. В отчаянии Магда схватила прут и рубанула по туго натянутым нитям, которые проходили сквозь само её существо — и обнимали её. И связывали. Они были повсюду. Голоса пели. Магда развернулась и ударила снова. Ещё и ещё. Нити пели. Нити тянулись. Муха может трепыхаться в паутине, может оборвать одну-две нити, но паук всё равно дождётся добычи.

— Освободитель! Ты царишь вне нашего мира! Ты — свободен, неподвластен Создателю. К тебе взываем мы. Верим в *Освобождение!* Ждём *Освобождения!* Приблизим *Освобождение!* Воля твоя ведёт нас. Ты дал нам силу. Дал власть порвать оковы. С именем твоим мы живём. Чая встречи с тобой, мы умираем. Прими же свою дочь. Дай ей силы порвать оковы! Дай ей волю отвернуться от соблазнов! Прими же её! Прими же её! Прими же её!

Магда долго металась по судилищу, но силы оставляли её.

...мухе не вырваться из паутины...

...паук всё равно дождётся добычи...

Она уставала.

...невозможно противостоять высшему посвящению...

...их слишком много...

— Она мечется. Она прячется. Она поймана оковами мира. Она скована путами. Освободи же её! Дай её глазам своё зрение! Дай её разуму своё понимание! Дай ей увидеть ловушку, в которую схватил её Создатель. Помоги ей! Помоги ей! Помоги ей!

Устало спотыкаясь, Магда вернулась под платформу.

У неё не было больше сил бороться.

* * *

Арне кружил вокруг крепостной стены, высматривая, вынюхивая, как бы ему пробраться внутрь. Как бы ему обмануть сторожей. Не сразу ему улыбнулась удача. Он

потерял направление уже давно, забыл, где восток, где запад. В развалинах Гандулы было тихо. Как будто разбитые стены отрезали всё праздничное веселье. То тут, то там стояли шатры, где-то были натянуты матерчатые стены, призванные разделить пространство замка для уже непонятно чьих нужд. Стены эти превращали развалины в настоящий лабиринт, а волчье чутьё только мешало поискам, ощущая все запахи сквозь ткань и не объясняя, куда идти.

Но вдруг — запах. Знакомый, любимый, дорогой запах. Смесь трав, которая всегда слышалась от Бертильды, даже когда она была невестой Дюка. Арне рванулся в ту сторону и — увидел. В порванном платье, босая, простоволосая Бертильда казалась ещё краше, чем прежде.

— Ты нашёл меня, — всхлипнула девушка и рванулась к Арне. От неё не пахло вожделением как от той, *другой*, только недавно пережитым страхом.

Юный рыцарь забыл обо всём и — шагнул, заключая любимую женщину в объятия.

Он нашёл.

Он справился. Он...

...если у чего-то нет запаха или оно пахнет не тем — не верь глазам. Этой ночью не верь глазам...

От Бертильды пахло травами. Её травами, которыми она умывалась. Которыми она лечила. Которые она носила с собой. Но чего-то не хватало.

Запаха.

Запаха её тела.

Того, который отличен у каждой женщины.

Того, который отличен у каждого человека.

...если она упадёт тебе в объятия, не верь...

Бертильда не любит его. Не ждёт от него защиты и помощи. Бертильда сама хочет оберегать его.

...она скажет что-то очень простое...

...может быть, будет ругаться..

Оборотня вдруг охватил страх. Страх смертельной ловушки. Он рванулся из объятий и девушка от неожиданности не успела сомкнуть руки. Лицо её исказилось, нижняя челюсть странно отвисла, из верхней выросли длинные клыки.

Вампир. Они умеют отводить глаза. Они умеют казаться тем, кого ты хочешь увидеть. Они знают, чего ты ждёшь.

Незнакомая вампирша зло сверкала глазами. От неё вовсе не пахло травами, пахло кровью и злобой. Арне чувствовал — она сейчас бросится. Она хотела его, хотела его кровь, она почти получила её. Она сильнее. Быстрее. Опаснее. Она не бросается только потому, что хочет насладиться страхом своей жертвы.

Арне облизнул губы. Он был оборотень. Он не хотел с этим смириться, но он был оборотень. Проклятый. Прозревший. И он пришёл *навстречу* прозревших, туда, где все проклятые заключают между собой перемирие.

Освобождение. Он должен сказать что-то про Освобождение.

— Жду... — нет, не так. — Верю...

Вампирша подобралась, собираясь прыгнуть. Но это была игра, так кошка играет с мышью. Хотела бы — он бы даже не заметил её движения.

— Приблизим *Освобождение*, сестра, — вспомнил юноша нужные слова.

Незнакомая вампирша зло скривилась, однако лицо её стало почти человеческим. Клыки исчезли.

— Приблизим его, брат, — кисло ответила она.

Завизжала — тонко, нестерпимо. Арне завыл, не в силах выдержать пронзительный визг вампира. А девушка закрутилась вокруг своей оси. Мгновение — и с холма сорвалась огромная летучая мышь. Отклонилась от высоко натянутой матерчатой стены и исчезла в ночной темноте. Арне перевёл дыхание. Ноги подгибались, спина была совершенно мокрая.

* * *

Магда устало вытянулась на земле. Голоса пели, обещая долгожданный покой. Тело жаждало его. Его жаждала душа. Сдаться. Так просто. Стоит закрыть глаза, расслабить напряжённые мускулы... и всё закончится. То, что будет с ней, её уже не коснётся.

Магда представила лицо подруги, искажившееся от потрясения, ужаса и горя.

Переживёт.

Арне. Надежда, смешанная со страхом... медленно сменится отчаянием.

Он молод, он справится.

Сестра. Так стремилась помочь... защитить...

Ей даже не скажут.

Виль.

...хорошо держишься, Маглейн...

...ух, я бы её...

...в червяка... в клопа... ненавижу...

...хорошо держишься, Маглейн...

...хорошо держишься...

...хорошо...

Уже не держусь.

Нет.

Не воля и даже не злость, Магда сама не знала, что именно, выдернуло её из окутывающего забытия.

— Будьте вы прокляты... без меня... — с трудом шевеля губами, выговорила девушка.

Она поднялась — не на ноги, на четвереньки. Кое-как нащупала нож и, не вставая с колен, обвела на земле круг.

— Лесом, что принял меня, — шептала она через силу, — алтарём, что пил мои жертвы. Железом и кровью... защиты прошу. Подмоги...

Когда круг замкнулся, стало чуть легче. Голоса будто бились о невидимую преграду. Магда подняла прут и помахала им в воздухе, разбивая оставшиеся в кругу нити враждебной магии.

Ведьма не борется. Не сражается. Не разрушает. Ведьма проникает мягко между законами мира. Ведьма договаривается. Всегда договаривается. Силы ведьмы — не для борьбы. Не для сражения.

Магда воткнула нож в землю, напротив него — прут. Легла между ними. Места едва хватало, пришлось согнуть колени. Привстала. С наслаждением вдохнула ночной воздух. Сняла изодранное крестьянское платье — по лету под ним ничего не носила, даже

натальной сорочки, улеглась обратно и, подумав, укрылась от ночной прохлады. Развернула руки ладонями к земле. Ощутила её пальцами. Ощутила её всем телом.

Этот холм насыпан людьми. До живой земли ещё далеко.

В холме гулко отдавалась так раздражавшая Вейму музыка проклятых — шум от песен, игр, плясок, всего, что творилось на холме Гандулы. Это мешало сосредоточиться.

Девушка направила свою мысль вглубь, внутрь холма, туда, где под его гнётом изнывала живая земля.

— В землю прорасту, — нараспев начала ведьма, — с травой вырасту, росой выпаду, испарюсь с рассветом, с дождём выпаду, уйду в землю.

— Мир — оковы, мир — печаль и горе. Отрекись от своего тела, непокорная. Владыка, освободи её от суеты и страданий!

— Соком дерево питаю, с листом упаду на землю. Криком ночной птицы встревожу сердце. Глотком воды после долгой дороги сниму усталость.

— Только боль. Только ненависть и злоба. Владыка, помоги же заблудшей!

— Огнём свечи загорюсь, пеплом истлею. Песней жаворонка буду, красотой цветка. Зацвету весной, отцвету осенью. На зиму в земле спрячусь.

— Прими свет нездешний, благотворный, откажись от хлопот и страстей. Владыка, озари её душу, чтобы вернулась в истинный дом.

— Камешком в башмаке, снегом за воротником, искрой от очага, ветром в лицо.

— Нет другой истины, кроме *Освобождения*, нет другого друга, кроме Освободителя. Прими дары его. Владыка, прими свою дочь!

— Долгой дорогой буду. Ночью накрою землю. Первым лучом рассвета. Ароматом свежего сена. Криком младенца и стоном страсти. Воплем боли. Предсмертным хрипом. Прими меня, мать земля. Прими мою душу. Прими моё тело. Прими меня, родная. Дай мне свою силу. Дай мне свою подмогу. Дай мне свою твёрдость. Железом и кровью молю. Лес, что принял меня, заступись! Алтарь, что принял мои жертвы, поддержи!

Магда слишком поздно сообразила, что заговаривает не на то, чтобы выжить, а на то, чтобы принадлежать душой и телом своей земле. После смерти она не родится снова, она не обретёт *Освобождение*, нет, она станет бесплотным духом гулять по лесу, защищая его. Оберегая людей, что там живут. Она растворится в лесу. В земле. В мире. Она станет его частью.

Посвящению можно противопоставить только нечто прямо противоположное.

Магда дарила себя миру, открываясь перед ним. Назад пути уже не было.

...я всё равно умру...

Что-то в ней вдруг воспротивилось смерти — ярко, отчаянно, словно пламя вспыхнул протест.

— Земля, ты мать всего живого. Прими же меня. Дай мне свою силу и возьми мою.

Пламя протеста опадало, истлевало, гасло.

— Железом и кровью...

* * *

Арне ощутил что-то странное. Будто запахло Бертильдой, но приглушённо, словно девушку закопали в землю. Он взвыл и бросился туда, но дорогу преграждала стена, и он

кинулся искать дорогу в этом безумном матерчатом лабиринте. Свернул в первый же проход... надо искать поворот направо... теперь прямо... но пришлось повернуть влево... а теперь вовсе надо развернуться. Оборотень метался, не догадываясь сорвать мешающие тряпки... и вдруг выбежал на открытое место. Там, ласково улыбаясь, стояла Ульберга.

— Молодец, — сказала она с искренним одобрением. — Ты достойно выдержал все испытания.

Арне недоверчиво уставился на ведьму.

— Не ожидал услышать это от меня, мой мальчик? — ласково засмеялась Ульбарга. — Ты получил урок, но ты с ним и справился. Стая будет гордиться тобой. Идём. Я проведу тебя к Магде. Она уже ждёт тебя. Пойдём.

Ульберга сказала, что преподаст тебе урок, а учитель она жестокий.

...найди её до исхода ночи...

От старой ведьмы пахло как-то неправильно. Она не была ему рада. Ей не хотелось улыбаться.

— Идём же! — позвала она его и попыталась ухватить юношу за плечо. Оборотень отпрыгнул. Она звала не в ту сторону. Приглушённый, засыпанный запах Бертильды доносился не оттуда.

Он доносился из-за её спины. Старая ведьма хотела увести его подальше.

...учитель она жестокий...

...найди её до исхода ночи...

— Не вздумай меня рассердить, — предостерегла Ульберга. — Не мешкай, скоро рассветёт и ты проиграешь. Потеряешь всё. Ну же, пойдём.

Арне растерялся. Ему надо было пройти всего несколько шагов, но — мимо Ульберги. Это было страшно, как сунуть лапу в капкан. От колдовской силы старой ведьмы волосы вставали дыбом. Встала бы шерсть на загривке, будь он в правильном облике.

В правильном.

— *Не знаешь как поступить — смени облик, — как-то раз посоветовала Вейма, наблюдая, как муж учит своего нового младшего брата.*

— Идём! — снова позвала Ульберга и решительно шагнула к оборотню.

Это решило дело. Он отпрыгнул назад, едва не упал, но — вспомнил — подпрыгнул как учил Вир и умудрился перекувырнуться в воздухе. На землю упал тощий волк со светлой шерстью. Раньше у него никогда не получался этот трюк — тело слишком хорошо помнило, что этого не умеет. Тело не понимало, что вторая природа дала силу и гибкость мускулам. Напряжение и страх не дали усомниться.

Арне бы порадовался своему достижению, но было некогда. Старая ведьма нагнулась, пытаясь ухватить оборотня за загривок, тот рванулся в сторону, а после побежал прямо на неё. Сшиб плечом и бросился дальше, прямо на загораживающую дорогу ткань.

* * *

В место недавнего судилища он вкатился, путаясь в противно шуршащей материи. Кое-как сумел вырваться из неожиданного плена, рыча и поскуливая от злости и страха перед новой ловушкой. Бертильда лежала посреди площадки, под накренившейся и противно скрипящей платформой. Волк поднял голову и сердито зарычал, но деревяшка, разумеется,

не отзывалась.

Мысли путались, ускользали. Он слишком часто менял облик за эту ночь, чтобы суметь теперь вернуться. Но это пока не имело значения.

Встряхнувшись, он потрусил к распростёртому на земле телу девушки. Она пахло правильно. Так, как он помнил. Толкнул девушку носом. Она не отзывалась и была пугающе холодной. Волк коротко взвыл, но ему никто не ответил. Небо светлело на востоке. Где-то далеко, как будто в другой стране запел петух. Арне наклонился к самому лицу девушки. Она дышала — медленно и спокойно. Очень медленно и очень спокойно. Он снова толкнул её носом, лизнул в щеку, в глаза. Девушка не отзывалась. Он заскулил, заметался вокруг. Потом сел рядом и пристально посмотрел на спящую ведьму. Что-то шевельнулось в остатках разума. А, может, это волчья природа предложила решение. Арне осторожно стянул с бесчувственной девушки платье, лёг прямо на неё, чтобы согреть своим живым теплом и принялся вылизывать ей лицо.

* * *

Магда проснулась, чувствуя себя придавленной тяжёлым и невозможно тёплым одеялом. Припекало солнце и жара сделалась нестерпимой. Не открывая глаза, девушка удивилась чуду. Она жива. Она в собственном теле! Она чувствует себя — собой! Потом открыла. Оттолкнула волчью морду и засмеялась.

— Нашёл всё-таки, дурачок ты эдакий.

Арне вскочил на ноги и издал восторженное щенячье тьяканье. Магда увидела платье, валяющееся на земле, и сердито оттолкнула волка.

— Ах ты, бесстыдник! — возмутилась девушка. — Глаза хоть закрой!

...она скажет что-то очень простое...

...может быть, будет ругаться...

Волк послушно зажмурился, не понимая, что так разозлило ведьму, но радуясь сбывшемуся предсказанию. Магда с ворчанием принялась одеваться.

* * *

Она едва успела расправить платье и с сожалением оглянуться на платформу, где остался её пояс, как волк насторожил уши и оскалился.

— Открывай глаза, чего уж там, — пробормотала Магда, запоздало сообразив, что в животном облике Арне едва ли заметил её наготу, вернее, вряд ли придавал ей значение. Волк принялся и зарычал громче, злее. В западный пролом, от которого девушку теперь не отделяла ткань, вошёл, сонно потягиваясь, Виль.

— А, Маглеин, — слегка оживился батрак. — Справилась. А я уж думал, конец тебе пришёл.

— Ты... — зло прошипела девушка. — Ты...

— Да ты что же, сердисься? — искренне удивился Виль. — Шуток не понимаешь? Твой дружок чёрный сказал время потянуть — я и постарался. Небось, он за прутом бегал. Кстати, ножик верни.

Остолбенев от такой наглости, Магда молча кивнула туда, где нож был воткнут в землю, завершая колдовской круг. Виль выдернул его и обтёр о штаны.

Вокруг было тихо, словно в мире никого, кроме них не осталось. Батрак сунул нож за пояс.

— А где все? — запоздало удивилась ведьма, предостерегающе кладя руку на загривок рычащего оборотня. Под её пальцами вздыбленная шерсть постепенно опускалась.

— *Встреча* закончилась, — напомнил батрак, — все разошлись. Серый с кровосоской своей ещё остались, а дружок твой чёрный ушёл ещё ночью. Говорит, пространство будет раскладываться. Я ему посоветовал жену разложить, так он в меня молнией запустил, еле увернулся.

Магда хмыкнула. Если бы Лонгин хотел, Виль бы не увернулся. Вернее, маг попал бы в него если не второй, то пятой молнией точно, а кинуть он мог и десять, не запыхавшись.

— Зато денежки отдал, — похвастался батрак. — Два кошелья. Золотом.

— Сколько-сколько? — поразила девушка.

— Да ты, что, Маглеин, себя дешевле ценишь? — засмеялся батрак.

— Лонгин — небогатый человек, — пояснила ведьма. — Почти бедный. Он целыми днями придумывает новые заклинания, но не использует, чтобы не огорчать жену, а белые волшебницы денег за помощь не берут. А ещё он очень жаден и скуп. Он никогда бы не отдал тебе два кошелья золотом. И никогда не заплатил бы за то, что можно получить даром.

Батрак пожал плечами.

— Меня так просто не обманешь.

— Проверь, — предложила девушка.

Батрак достал из-за пазухи один кошель, потом второй... и отбросил их с яростными ругательствами. Оба были набиты черепками.

На звук ругательств в проём заглянули Вир и Вейма. Увидев, что всё в порядке, зашли внутрь, но вмешиваться в разговор не стали. Вампирша нетерпеливо ждала, пока Виль уйдёт, чтобы можно было обнять подругу, затормозить, засыпать расспросами, да и просто сказать — хорошо, что ты жива. Хорошо, что ты — это ты.

— Тебе повезло, — глубокомысленно заметила Магда, когда поток брани иссяк. — Немногие рискуют брать деньги у чёрных волшебников, эти деньги прокляты.

— Маглеин, мы все — проклятые!

— Да, но деньги чёрных волшебников приносят беду.

— Попадись он мне, — недобро посулил батрак и махнул рукой. — Все вы... норовите у папаши Виля на хребте проехаться. Хоть ты жива, должок сможешь выплатить. Должок-то за тобой, а, Маглеин?

— За мной, — медленно проговорила ведьма.

Сейчас, стоя на земле босыми ногами, она чувствовала, что растёт из земли. Что сквозь неё проходит ось, на которой вращается этот мир. Где бы она ни была. Мир вращается вокруг неё. Она стоит в центре. Так было. И так будет всегда. Она знала — так себя чувствуешь после хорошо проведённого обряда. Потом это ощущение ослабнет, уйдёт в глубины памяти.

Но никогда не исчезнет.

Но было что-то ещё. Не то чтобы неправильное, но...

— Слушай меня, — с неожиданной для всех злостью произнесла Магда. — Ты спас мне жизнь — и я свой долг помню. Но никогда больше, слышишь — никогда! — не вставай у

меня на пути. Чего бы ты ни хотел, о чём бы ни просил — забудь и не вспоминай. В следующий раз мы с тобой не разойдёмся. Слышишь?! Не разойдёмся!

— Будет тебе кричать, — неприятно рассмеялся батрак. — Волчонка своего пугай. Щенята меня тоже устроят, знаешь ли.

Арне снова зарычал.

— Убирайся прочь! — выплюнула Магда. — Вон с глаз моих!

Холм как будто покачнулся. Вроде бы — показалось, не было этого, однако Виль пожал плечами и надвинул на лоб шапку.

— Через семь годочков встретимся, Маглейн, — обещал он. — Посмотрим, как ты тогда заговоришь.

И ушёл, насвистывая какую-то похабную песенку.

— Чего это ты? — осторожно спросила Вейма, когда Магда немного успокоилась.

Вир, со своей стороны, обратил внимание на подопечного.

— Назад не можешь, так? — укоризненно спросил он.

Арне трогательно протянул лапу старшему брату и заскулил.

— Ночь настанет — перекинемся, — пообещал Вир. — А пока — терпи, брат.

— Пусть идёт, — ответила подруге Магда. Она подумала о ноже. О том, как тот был удобен в руке. И о том, что наговоренные ножи не теряются и не ломаются по нелепым случайностям. Через семь-восемь лет у Виля будет тот же самый нож. Наговоренный не причинять ведьме вреда. Магда зло улыбнулась.

Приходи. Приходи — и мы посмотрим, кто кого переборет.

Ведьмы никогда не отдают того, что считают своим.

Детьми не торгуют.

Никогда.

Что бы ни случилось.

Вейма, не дождавшись внятного объяснения, привычно вгляделась в подругу и неожиданно ощутила в ней то, чего уж никак не могла ожидать. И — понимание. Магда знает. Магда узнала только сейчас. Почувствовала, когда ощутила себя живой.

— Чей? — коротко спросила вампирша, кивая на пока ещё плоский живот подруги.

— А ты как думаешь?! — больше прежнего разозлилась ведьма. — Можно подумать, я каждый день любовников водила, что ты спрашиваешь?!

Арне, не понимая причин её гнева, отбежал в сторону, но Магде было не до него. Только сейчас она понимала, что спасло ей жизнь, что помешало, прервав высшее посвящение, целиком отдаться земле и смешаться с миром.

Земля — мать всего живого.

В ней зрела новая жизнь. Эта жизнь не была отдана миру. Этой жизни ещё только предстояло родиться.

...для печалей и горя мы приходим в этот мир...

— Самозванца? — понял наконец разговор женщин Вир.

Магда покачала головой.

— Нет, — твёрдо ответила она. — Дюка.

— Самозванца, — мягко поправил старший оборотень.

— Когда он был со мной, он был Дюком, — настаивала Магда. — Неважно, что случилось потом. Он был моим женихом. Дюка, Аларда Корбиниана, больше нет. Ребёнок останется.

Вир не выдержал, засмеялся. Встретил негодующие взгляды жены и её подруги.

— Хорошо-хорошо, — согласился он. — Дюка. Может, зря ты Виля прогнала? Глядишь, лет через шестнадцать у нас будет всё-таки новый правитель.

Вейма зло толкнула мужа под рёбра, Магда устало опустилась на землю. Арне подбежал, устроился у неё в ногах, подставляя пушистые бока под хозяйскую ласку.

— Думаешь, Виль будет возвращать этому ребёнку трон, как пытался Флегонт? — не удержалась Вейма. — Разве он захочет?

— А куда он денется? Будет ворчать, оскорблять всех, ругаться, а потом, как водится, опять ничего не получит. Судьба у него такая.

— Не смешно! — возмутилась ведьма. — Сам подумай: чему Виль может научить моего ребёнка?!

Старший оборотень перестал смеяться и серьёзно посмотрел на ведьму.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Школяр — то же, что и студент, учащийся университета.

Свободные искусства — круг учебных дисциплин, освоение которого предшествует освоению наук — медицины, богословия, юриспруденции. В число свободных искусств входит тривиум — грамматика, логика, риторика и квадравиум — арифметика, геометрия, музыка, астрономия.

Барон — здесь обобщённое название феодала, у которого в вассалитете есть другие феодалы, то есть в союз баронов входят как дворяне, носящие баронский (самый низший) титул, так и графы, и марграфы.

Шателен — управляющий замком феодала в его отсутствие. Чаще всего принадлежал к низшим ступеням благородного сословия

Дюк — то же самое, что и герцог. Здесь: верховный правитель.

Барон — здесь — феодал, носящий низший титул среди титулованных феодалов. Бароны могут быть сюзеренами как простых крестьян, так и рыцарей и даже целых городов, владеют обширными землями.

Подпасок — мальчик, помогающий пастуху.

Белые — здесь — представители белого духовенства, имеющего семью и детей.

Чёрные — здесь — представители чёрного, монашествующего духовенства. Отец Гайдин, принадлежа ордену братьев-заступников, был рукоположен в священники.

Фенрих — то же, что и знаменщик или прапорщик, только в войске барона. Самый низший командный чин в бою.

Донжон — центральная башня замка, предназначенная не для жизни владельцев, а для последней линии обороны. В донжоне как правило хранились склады продовольствия, оружейная, дозорная, в донжон отступали, когда внешние стены замка были взяты врагами.

Семь искусств — то же, что и свободные искусства.

Хлебный горшок с густым супом — старинное блюдо, при котором из хлеба вынута почти вся мякоть и в образовавшуюся полость налит суп.

Тавлея — расчерченная доска для игры. Креб и Риг играют в игру, родственную нардам, где от броска костей зависит, на сколько ходов игрок может передвинуть фишки. Игра требует как логики и расчёта, так и слепой удачи.

Почечуй — неприличная болезнь, поражающая как мужчин, так и женщин, возникает по разным причинам, как от безделья, так и от тяжёлой работы.

Рыцарская рубашка — рубашка без рукавов, надеваемая поверх обычной. Отличительной особенностью рыцарской рубашки было то, что она шилась из ткани гербовых цветов носившего её рыцаря или его сюзерена

Тaufелон — название страны, в которой живёт Магда и другие

Таблиний — в древности часть дома, отгороженная от садика с одной стороны и общей залы с другой занавесками, в которой хозяин дома занимался делами и хранил документы на досках-таблицах. Здесь — кабинет

Аспидная доска — то же, что и грифельная. Пластина из чёрного сланца — аспид.

Виуэла — струнный инструмент, родственник виоле. На виуэле играли с помощью плектора или перебирая струны пальцами

Кнехт (здесь) — простой боец феодальной армии, самый низший, некомандный чин.

Алгеймайны (здесь) — отряды, собранные баронами со всей страны, подчиняющиеся непосредственно совету баронов, а не какому-то одному феодалу.

Рыцарское платье — узкое платье без рукавов, стягиваемое по бокам шнуровкой и надеваемое поверх нижнего платья. Как и рыцарская рубашка, была гербовых цветов своей хозяйки или её сюзерена.

Силлогизм — логический вывод

Эпитет — определение при слове, влияющее на выразительность описываемого.

Анафора, эпифора, киклос и хиазм — названия риторических фигур, применяемых для украшения речи. Анафора — риторическая фигура, заключающаяся в повторе начальных частей смежных предложений..

Эпифора — риторическая фигура, заключающаяся в повторе концевых частей смежных предложений.

Киклос — риторическая фигура, заключающаяся в повторе начала и конечности предложения.

Хиазм — риторическая фигура, заключающаяся в «крестообразном» сочетании элементов предложения

Мантихор — чудовище с телом льва и человеческой головой, питается человеческим мясом. Онагр — здесь — чудовище, похожее на осла, но крупнее, агрессивнее и с бычьими рогами. Кинопея — извергающая пламя лошадь с собачьей головой

Бестиарий — здесь — сочинение о зверях и чудовищах.

Огнедышащая пантера: на гербах пантер изображают с огнём, вырывающимся из пасти и ушей.

Чёрная кухня — кухня для прислуги.

Цена чести — здесь — возмещение, выплачиваемое девушке соблазнителем, отказавшимся на ней жениться.

Фельсина, Пелье и Лютария — города, известные своими университетами.